

ЦЕНТР МЕЖДУНАРОДНЫХ
И СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗРАБОТКИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ И РЕКОМЕНДАЦИИ ДЛЯ РОССИИ

Под редакцией Л. А. Новосёловой

Сентябрь 2026

**Частноправовые аспекты разработки и использования технологий искусственного интеллекта:
сравнительный анализ и рекомендации для России**

Авторы: Екатерина Гюльбасарова, Анастасия Королева, Николай Дмитрик, Владимир Заславский, Ольга Мельниченко, Михаил Новоселов, Александр Партин, Анастасия Пастухова, Александр Тюльканов

Аннотация: Исследование посвящено анализу актуального и потенциально возможного правового регулирования частноправовых аспектов в сферах разработки и использования технологий искусственного интеллекта (ИИ). Проводится сравнительный анализ адаптации к внедрению технологий ИИ следующих юрисдикций: Европейский союз, Франция, Германия, Норвегия, Великобритания, Соединённые Штаты Америки (включая отдельные штаты), Израиль, ОАЭ, Казахстан, Кыргызстан, Сингапур, Республика Корея, Индия, Китай. Рассматриваются основные подходы к регулированию следующих отношений в сфере ИИ: общие понятия, принципы и роли участников отношений по разработке и использованию ИИ, ответственность за возмещение вреда, причинённого технологиями ИИ, квалификация и правовой режим объектов интеллектуальной собственности, созданных при помощи технологий ИИ, порядок использования результатов интеллектуальной деятельности для обучения ИИ, порядок использования и защиты нематериальных благ в процессе разработки и использования ИИ, а также автоматизация договорных обязательств посредством ИИ. На основе проведённого анализа подготовлены рекомендации для создания регулирования в Российской Федерации.

Ключевые слова: искусственный интеллект (ИИ); принципы регулирования ИИ; ответственность за вред, причинённый ИИ; РИД и ИИ; объекты ИС, созданные с помощью ИИ; использование РИД для обучения ИИ; нематериальные блага; автоматизация договоров; смарт-контракт

Цитирование: Гюльбасарова Е., Королева А., Дмитрик Н., Заславский В., Мельниченко О., Новоселов М., Партин А., Пастухова А., Тюльканов А. *Частноправовые аспекты разработки и использования технологий искусственного интеллекта: сравнительный анализ и рекомендации для России*. Центр международных и сравнительно-правовых исследований, 2026. <https://doi.org/10.65556/MNCK5491>

Настоящее исследование подготовлено с участием Л. Новосёловой, научного консультанта в сфере частного права ЦМСПИ.

ISBN 978-5-6030122-3-0 (Электронное издание)

© Центр международных и сравнительно-правовых исследований, 2026

**Private Law Aspects of the Development and Use of Artificial Intelligence Technologies:
A Comparative Analysis and Recommendations for Russia**

Authors: Ekaterina Gulbasarova, Anastasia Koroleva, Nikolay Dmitrik, Vladimir Zaslavsky, Olga Melnichenko, Mikhail Novoselov, Alexander Partin, Anastasia Pastukhova, Alexander Tyulkanov

Abstract: The research paper examines existing and potential legal regulation of the private law aspects of the development and use of artificial intelligence (AI) technologies. It provides a comparative analysis of how the following jurisdictions are adapting their legal frameworks to the deployment of AI technologies: the European Union, France, Germany, Norway, the United Kingdom, the United States of America (including individual states), Israel, the United Arab Emirates, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Singapore, the Republic of Korea, India, and China.

The paper considers the principal approaches to regulating the following areas of AI-related relations: general concepts and principles, as well as the roles of participants involved in the development and use of AI; civil liability for harm caused by AI technologies; the classification and legal treatment of intellectual

property created with the assistance of AI technologies; the use of protected intellectual works and other intellectual property for AI training; the use and protection of personal non-property interests in the development and use of AI; and the automation of contractual obligations through AI.

Based on the comparative analysis, the paper formulates recommendations for the development of an appropriate regulatory framework in the Russian Federation.

Keywords: artificial intelligence (AI); principles of AI regulation; liability for harm caused by AI; intellectual property and AI; intellectual property created with the assistance of AI; use of intellectual property for AI training; personal non-property interests; automation of contracts; smart contracts

Citation: Gulbasarova E., Koroleva A., Dmitrik N., Zaslavsky V., Melnichenko O., Novoselov M., Partin A., Pastukhova A., Tyulkanov A. (2026). *Private Law Aspects of the Development and Use of Artificial Intelligence Technologies: A Comparative Analysis and Recommendations for Russia*. International and Comparative Law Research Center. <https://doi.org/10.65556/MNCK5491>

The present research paper has been prepared with the participation of L. Novoselova, Academic Advisor on Private Law, ICLRC.

ISBN 978-5-6030122-3-0 (Electronic edition)

© The International and Comparative Law Research Center, 2026

Оглавление

<i>Сокращения</i>	<i>11</i>
Введение	14
Резюме	15
Основные подходы к регулированию отношений в сфере ИИ	15
Частноправовая ответственность за вред, причинённый в результате взаимодействия с ИИ	18
Интеллектуальная собственность и ИИ	24
Признание, использование и защита нематериальных благ (изображение, голос, образ)	32
Автоматизация договорных обязательств с помощью ИИ	34
Рекомендации для разработки законодательства в Российской Федерации	36
I. Основные подходы к регулированию отношений в сфере ИИ	46
1. Общие принципы регулирования разработки и использования технологий ИИ	46
1.1. Краткий обзор принятых в мире законов об ИИ и иных руководящих документов	46
(a) ОЭСР	46
(b) Китайская Народная Республика	46
(c) Соединённые Штаты Америки	47
(d) Япония	47
(e) Республика Корея	47
(f) Казахстан	48
(g) Кыргызстан	48
(h) Европейский союз	48
1.2. Определения в различных документах	48
1.3. Предмет и сфера регулирования	49
(a) Европейский союз	49
(b) Республика Корея	49
(c) Кыргызстан	49
(d) Казахстан	50
(e) Япония	50
(f) Соединённые Штаты Америки	50

(g) ОЭСР	50
1.4. Принципы регулирования	51
2. Дифференциация регулирования отношений с использованием разных видов ИИ	51
2.1. Виды систем ИИ по функциональным особенностям	51
(a) Китайская Народная Республика	52
(b) Европейский союз	55
2.2. Виды систем ИИ по уровню риска	55
(a) Европейский союз	55
(b) Казахстан	56
(c) Кыргызстан	57
(d) Республика Корея	58
(e) Соединённые Штаты Америки	58
3. Структура правоотношений между участниками разработки и использования ИИ	59
3.1. Роли участников отношений	59
(a) Китайская Народная Республика	59
(b) Казахстан	60
(c) Соединённые Штаты Америки	60
(d) Республика Корея	60
(e) Европейский союз	61
3.2. Модели отношений между участниками: распределение рисков и ответственности в договорных обязательствах	61
(a) Соединённые Штаты Америки	61
(b) Европейский союз	62
(c) Кыргызстан	63
II. Частноправовая ответственность за вред, причинённый в результате взаимодействия с ИИ	64
1. Европейский союз	64
1.1. Общие положения	64
1.2. Регламенты и директивы	66
1.3. Директива (ЕС) 2024/2853 об ответственности за дефектную продукцию	67
1.4. GDPR (Регламент (ЕС) 2016/679): статья 82	70
1.5. DSA (Регламент (ЕС) 2022/2065): статья 54	72
1.6. PWD (Директива (ЕС) 2024/2831): статьи 11(3) и 18	73

2. Франция	74
2.1. Общие положения	74
2.2. Ответственность за вред, причинённый вещами (статья 1242, абзац 1 ФГК)	76
2.3. Общая деликтная ответственность (статьи 1240 и 1241 ФГК)	79
2.4. Договорная ответственность (статья 1231-1 и далее ФГК)	80
2.5. Ответственность за дефектную продукцию (статьи 1245–1245-17 ФГК)	81
2.6. Ответственность нанимателя за своего служащего (статья 1242, абзац 5 ФГК)	82
2.7. Специальный режим возмещения вреда пострадавшим от дорожно-транспортных происшествий (Loi Badinter)	83
2.8. Гражданско-правовая ответственность в сфере оказания медицинской помощи (статья L. 1142-1 Кодекса общественного здравоохранения)	83
3. Соединённые Штаты Америки	84
3.1. Иск о дефекте продукции	84
3.2. Судебные решения	85
3.3. Иск о небрежности	88
3.4. Обзор литературы	88
3.5. Судебные решения	91
4. Китайская Народная Республика	95
5. Объединённые Арабские Эмираты	98
6. Индия	100
7. Великобритания	101
7.1. Договорная ответственность	102
7.2. Ответственность за вред, причинённый третьими лицами	103
7.3. Строгая ответственность	104
7.4. Небрежность лица, причиняющего вред	105
7.5. Установление обязанности проявлять заботливость	106
7.6. Установление причинно-следственной связи	107
7.7. Ответственность за небрежное использование ИИ	108
8. Кыргызстан	108
8.1. Общий режим ответственности за частноправовые правонарушения в цифровой среде	109
8.2. Ответственность за вред, причинённый в связи с использованием систем ИИ повышенной опасности	111

8.3. Иные случаи возложения ответственности за вред, причинённый в связи с использованием ИИ	112
9. Казахстан	113
9.1. Возмещение вреда по правилам виновной ответственности	113
9.2. Строгая ответственность	114
10. Германия	115
10.1. Дифференциация ответственности за ИИ-системы в области медицины	117
11. Сингапур	117
11.1. Договорная ответственность	118
11.2. Ответственность за небрежность	118
11.3. Ответственность за дефектную продукцию	119
III. Правовая охрана РИД, использовавшихся для обучения ИИ	120
1. Субъекты интеллектуальных прав, которые могут быть нарушены в процессе обучения ИИ: автор, обладатель исключительных прав	120
1.1. Европейский союз	120
1.2. Германия	122
1.3. Франция	123
1.4. Норвегия	124
1.5. Соединённые Штаты Америки	124
1.6. Великобритания	125
1.7. Израиль	126
1.8. Объединённые Арабские Эмираты	127
1.9. Китайская Народная Республика	128
1.10. Республика Корея	129
1.11. Индия	130
1.12. Сингапур	130
1.13. Казахстан	131
1.14. Кыргызстан	131
2. Правомерные и неправомерные способы использования РИД третьих лиц для обучения ИИ (произведений, программ для ЭВМ и баз данных). Необходимость согласия правообладателя	132
2.1. Европейский союз	133
2.2. Германия	138
2.3. Франция	143

2.4.	Норвегия	145
2.5.	Соединённые Штаты Америки	147
2.6.	Великобритания	151
2.7.	Израиль	153
2.8.	Объединённые Арабские Эмираты	155
2.9.	Китайская Народная Республика	156
2.10.	Республика Корея	159
2.11.	Индия	160
2.12.	Сингапур	162
2.13.	Казахстан	163
2.14.	Кыргызстан	166
IV.	Правовая охрана объектов, сгенерированных с помощью ИИ	167
1.	Охраноспособность в качестве РИД или иного объекта гражданских прав контента, созданного с помощью ИИ	167
1.1.	Европейский союз	167
1.2.	Германия	169
1.3.	Франция	169
1.4.	Норвегия	170
1.5.	Соединённые Штаты Америки	170
1.6.	Великобритания	172
1.7.	Израиль	173
1.8.	Объединённые Арабские Эмираты	174
1.9.	Китайская Народная Республика	175
1.10.	Республика Корея	176
1.11.	Индия	177
1.12.	Сингапур	178
1.13.	Казахстан	178
1.14.	Кыргызстан	179
2.	Пределы творческого вклада человека при создании контента с помощью ИИ: требования к промпту (инструкции) для получения правовой охраны созданного ИИ-контента	180
2.1.	Европейский союз	180
2.2.	Германия	180

2.3.	Франция	181
2.4.	Норвегия	182
2.5.	Соединённые Штаты Америки	182
2.6.	Великобритания	184
2.7.	Израиль	185
2.8.	Объединённые Арабские Эмираты	185
2.9.	Китайская Народная Республика	186
2.10.	Республика Корея	187
2.11.	Индия	188
2.12.	Сингапур	188
2.13.	Казахстан	189
2.14.	Кыргызстан	190
3.	Возможность признания прав на созданный пользователем контент за разработчиком ИИ	190
3.1.	Европейский союз	191
3.2.	Германия	191
3.3.	Франция	191
3.4.	Норвегия	191
3.5.	Соединённые Штаты Америки	192
3.6.	Великобритания	192
3.7.	Израиль	193
3.8.	Объединённые Арабские Эмираты	193
3.9.	Китайская Народная Республика	193
3.10.	Республика Корея	194
3.11.	Индия	194
3.12.	Сингапур	194
3.13.	Казахстан	195
3.14.	Кыргызстан	195
V.	Признание, использование и защита нематериальных благ (изображение, голос, образ) в сфере ИИ	197
1.	Соединённые Штаты Америки	197
2.	Великобритания	201
3.	Франция	202

4. Германия	202
5. Дания	203
6. Индия	204
7. Китайская Народная Республика	205
8. Япония	207
9. Бразилия	208
VI. Автоматизация договорных обязательств с помощью ИИ	210
1. Модельный закон об автоматизированном заключении договоров (ЮНСИТРАЛ)	210
2. Европейский союз	211
3. Соединённые Штаты Америки	212
4. Великобритания	215
5. Сингапур	216
6. Канада	217
7. Австралия	217
8. Франция	218
9. Германия	218
10. Индия	219
11. Китай	220
12. Япония	221
13. Бразилия	222
14. Казахстан	223
15. Кыргызстан	224
16. Объединённые Арабские Эмираты	225
Приложение 1. Таблица регулирования ИИ	227
Приложение 2. Список использованной литературы	237
Приложение 3. Список использованных нормативных актов и их проектов	244
Приложение 4. Список использованной судебной практики и решений административных органов	248

Сокращения

Базовый закон об ответственном ИИ	Закон № 53 «О содействии исследованиям, разработкам и использованию технологий, связанных с искусственным интеллектом», 2026 г. (Япония)
БПТ	Беспилотный транспорт
БФМ	Большая фундаментальная модель
Временное положение по генеративному ИИ	Временное положение по управлению услугами генеративного искусственного интеллекта, 2023 г. (Китай)
ГГУ	Германское гражданское уложение, 1896 г.
ГК	Гражданский кодекс
Директива 2009/24/ЕС	Директива (ЕС) 2009/24/ЕС Европейского парламента и Совета от 23 апреля 2009 г. о правовой защите компьютерных программ
Директива 96/9/ЕС	Директива (ЕС) 96/9/ЕС Европейского парламента и Совета от 11 марта 1996 г. о правовой защите баз данных
Директива 2006/116/ЕС	Директива (ЕС) 2006/116/ЕС Европейского парламента и Совета от 12 декабря 2006 г. о сроке действия охраны авторского права и некоторых смежных прав
Директива (ЕС) 2024/2853	Директива (ЕС) 2024/2853 Европейского парламента и Совета от 23 октября 2024 года об ответственности за дефектную продукцию
Директива DSM	Директива (ЕС) 2019/790 Европейского парламента и Совета от 17 апреля 2019 г. об авторском праве и смежных правах на Едином Цифровом Рынке
Закон Колорадо об ИИ	Закон № 24-205 «О защите прав потребителей в сфере искусственного интеллекта», 2024 г. (Колорадо, США)
Закон РК об авторском праве	Закон об авторском праве, 1957 г. (Республика Корея)
Закон РК об АП и СП	Закон Республики Казахстан от 10 июня 1996 г. № 6-І «Об авторском праве и смежных правах»
Закон об ИИ Казахстана	Закон Республики Казахстан от 17 ноября 2025 г. № 230-VIII ЗРК «Об искусственном интеллекте»

ИИ	Искусственный интеллект
ИПО	Источник повышенной опасности
Принципы ОЭСР	Руководящие принципы Организации экономического сотрудничества и развития по искусственному интеллекту
Рамочный закон об ИИ	Рамочный закон Республики Корея об искусственном интеллекте, 2025 г. (Республика Корея)
РИД	Результат интеллектуальной деятельности
Стандарт ИИ НИСТ	Структура управления рисками в области ИИ NIST (AI RMF 1.0)
ФГК	Французский гражданский кодекс, 1804 г.
Федеральный закон «О развитии ИИ»	Федеральный закон от 26 июля 2026 года № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации»
ADGM	Глобальный Рынок Абу-Даби
Åndsverkloven	Закон об авторском праве на интеллектуальные произведения, 2018 г. (Норвегия)
CA	Акт об авторском праве, 2021 г. (Сингапур)
CDPA	Акт об авторском праве, промышленных образцах и патентах, 1988 г. (Великобритания)
Copyright Act, 2199-2007	Закон об авторском праве, 2007 г. (Израиль)
CPI	Кодекс интеллектуальной собственности, 1992 г. (Франция)
Databases Regulations	Регламент об авторском праве и правах на базы данных, 1997 г. (Великобритания)
DMCA	Закон об авторском праве в цифровую эпоху, 1998 г. (США)
DPIIT	Департамент содействия промышленности и внутренней торговли (Индия)
DSA	Регламент (ЕС) 2022/2065 Европейского парламента и Совета от 19 октября 2022 года о едином рынке цифровых услуг

EU AI Act	Регламент (ЕС) 2024/1689 Европейского парламента и Совета от 13 июня 2024 г., устанавливающий гармонизированные правила в области искусственного интеллекта
EU DGA	Регламент (ЕС) 2022/868 Европейского парламента и Совета от 30 мая 2022 г. о европейском управлении данными
GDPR	Регламент (ЕС) 2016/679 Европейского парламента и Совета от 27 апреля 2016 года о защите физических лиц при обработке персональных данных
GPAI	Модели ИИ общего назначения
KUG	Закон об авторском праве на произведения искусства, 1907 г. (Германия)
NIPO	Ведомство по промышленной собственности Норвегии
PWD	Директива (ЕС) 2024/2831 Европейского парламента и Совета от 23 октября 2024 года об улучшении условий труда в сфере платформенной занятости
TDM	Автоматический анализ текста и данных
UrhG	Закон об авторском праве и смежных правах, 1965 г. (Германия)
USC	Свод законов США (Раздел 17), Закон об авторском праве, 1976 г.
USPTO	Ведомство по патентам и товарным знакам Соединённых Штатов

Введение

Разработка нормативного регулирования в сфере искусственного интеллекта (ИИ) сегодня становится одной из самых критически важных задач для государства и бизнеса. Темпы повсеместного тестирования и внедрения технологий ИИ значительно опережают даже самые ускоренные процессы совершенствования законодательной базы.

Для преодоления правового вакуума необходимо определить базовые подходы в сфере защиты прав участников отношений, взаимодействующих с технологиями ИИ, определить правовые рамки обучения технологий ИИ, а также определить подходы к частноправовой ответственности за правонарушения, совершённые с использованием технологий ИИ, в том числе к субъектам такой ответственности.

Целью исследования является выявление ключевых проблем и выстраивание баланса в регулировании гражданских прав и обязанностей участников отношений по разработке и использованию технологий ИИ, позволяющего минимизировать риски использования ИИ во вред обществу, сохраняя при этом пространство для инноваций и среду доверия для инвесторов.

В ходе исследования проведён анализ частноправового регулирования отношений, связанных с разработкой и использованием технологий искусственного интеллекта. В качестве нормативного материала изучено законодательство и практика ряда зарубежных правовых порядков (Европейский союз, Франция, Германия, Норвегия, Великобритания, Соединённые Штаты Америки (включая отдельные штаты), Израиль, ОАЭ, Казахстан, Кыргызстан, Сингапур, Республика Корея, Индия, Китай).

Помимо общих подходов и принципов регулирования отношений по разработке и использованию технологий искусственного интеллекта, в исследовании отражены вопросы причинения вреда в результате использования таких технологий, аспекты защиты интеллектуальных прав и нематериальных благ при разработке и использовании технологий искусственного интеллекта, защита объектов интеллектуальной собственности, созданных с помощью таких технологий, а также регулирование заключения и исполнения договоров при помощи искусственного интеллекта.

В результате исследования отобраны актуальные зарубежные практики и сформулированы рекомендации, которые могут быть использованы для разработки регулирования в Российской Федерации в сфере создания и использования технологий искусственного интеллекта.

Резюме

1. В мире количество законов, непосредственно направленных на регулирование отношений, связанных с ИИ, в настоящий момент весьма незначительно. В некоторых странах мира приняты **специальные акты об ИИ** (Европейский союз, Китай, Япония, Республика Корея, Казахстан, штат Колорадо в США) или главы об ИИ в кодифицированных актах по цифровизации (Кыргызстан). Помимо собственно законов, существует несколько десятков иных руководящих документов (стандартов, стратегий, положений и т. п.) в сфере ИИ. Однако из их анализа следует, что в настоящее время **преждевременно говорить о формировании единого общепризнанного подхода** к регулированию данного типа отношений.

Основные подходы к регулированию отношений в сфере ИИ

2. Правовые акты изученных юрисдикций по-разному определяют **понятие ИИ**. В самом общем виде можно выделить два подхода.
3. **Первый подход** в качестве квалифицирующих признаков ИИ указывает **предсказательную функцию**: на основе получаемых входных данных ИИ определяет то, как генерировать выходные результаты (такие как прогнозы, контент, рекомендации или решения), способные оказывать влияние на физическую или виртуальную среду. Системы ИИ различаются по уровню автономности и адаптивности после развёртывания.
4. **Второй подход** указывает в качестве квалифицирующего признака ИИ то, что технология ИИ и используемые ею входные данные посредством искусственных методов **замещают интеллектуальные способности**, связанные с человеческим познанием, рассуждением и анализом.
5. Следует отметить разный ценностный посыл обозначенных подходов. В первом случае ИИ рассматривается, скорее, **как технология**, что приближает законодательство об ИИ к законодательству о **техническом регулировании** (с сертификацией, требованиями по безопасности и т. п.). Во втором случае ИИ рассматривается как **социотехнологическое** явление, требующее **мер реагирования** для обеспечения развития общества в изменившейся технологической реальности.
6. В разных актах в большей или меньшей степени проводится разграничение ИИ как **технологии** и системы ИИ как **реализации этой технологии** на конкретной программной или аппаратно-программной базе либо в конкретных процессах (в частности, в цифровых сервисах). Здесь можно выделить одно-, двух- и даже трёхступенчатые подходы к разграничению этих понятий.
7. В первом случае предметом регулирования выступает система **ИИ как материальное воплощение технологии**; в результате технологии ИИ сами по себе не регулируются. Во втором случае отдельно даются **определения ИИ и системы ИИ**. Применительно к последнему в качестве реализации ИИ иногда указывается как **собственно система ИИ**, так и процесс её использования, то есть **сервис ИИ**. Наконец, трёхступенчатый подход отдельно выделяет **систему ИИ и технологию ИИ** (аппаратные средства, программные технологии или технологии их применения, необходимые для реализации ИИ).
8. Ни в одном из принятых правовых актов не затрагивается вопрос о правовом статусе ИИ. Законодатели разных стран **не предполагают** возможности наделения ИИ (системы ИИ, технологии ИИ) **статусом субъекта права** с правами и обязанностями, а также не создают **презумпции или фикции автономии ИИ**. Результаты работы ИИ тем или иным образом

атрибутируются **существующим субъектам права** в зависимости от ролей, закреплённых в законе или ином правовом документе.

9. Хотя практически все имеющиеся в мире регуляторные документы в сфере ИИ так или иначе устанавливают требования к участникам деятельности, связанной с ИИ, характер таких требований различается в зависимости от предмета регулирования конкретного закона, стандарта или иного документа.
10. Ряд законов на первый план выдвигает задачу **обеспечения безопасности** использования ИИ, ограничения его применения в некоторых сферах, установления запретов на некоторые виды ИИ или цели его использования. Такого рода законодательные положения можно отнести к законам **«о красном флаге»** (red flag laws), призванным сдерживать развитие технологии, которую законодатель считает опасной для общества.
11. Напротив, в других законах в качестве основной выдвигается задача **содействия развитию технологии**, поскольку это считается необходимым для развития экономики, общества, личности, повышения конкурентоспособности страны в условиях всемирного разделения труда. Такого рода законодательные положения стоит расценивать как **«содействующие законы»** (enablers), создающие условия для ускоренного роста.
12. Выбор между подходами red flag и enabler либо попытка их сочетания характерны для законов первого поколения технологической трансформации. Одни страны, столкнувшись с новой технологией и испытав на себе её в том числе **негативные последствия**, пытаются ограничить её стремительный рост. Другие страны, предполагая позитивное влияние новой технологии на развитие зарубежных экономик, пытаются создать законодательные предпосылки для **ускоренного развития** таких же технологий у себя.
13. Закрепляемые разными законами принципы регулирования отношений, связанных с ИИ, во-первых, в значительной мере **не совпадают между собой**, во-вторых, **не являются специфическими** именно для технологии ИИ. К числу принципов, наиболее часто закрепляемых в законодательстве, относятся:
 - транспарентность, в некоторых случаях охватывающая также объяснимость,
 - подконтрольность и подотчётность,
 - правомерность,
 - недискриминация,
 - безопасность, надёжность и устойчивость,
 - доверенность (trustworthiness), включающая в себя доверенность входных данных и результатов работы,
 - устойчивое развитие и вклад в благополучие общества в целом.
14. Из перечисленных принципов специфическим и имеющим принципиальное значение для ИИ как вероятностной технологии является **принцип объяснимости**. Данный принцип указывает на необходимость предоставления чётких и последовательных объяснений прогнозов или решений модели. Иными словами, объяснимость требует **интерпретируемости** как основополагающего элемента.
15. Отсутствие объяснимости затрудняет понимание предлагаемых решений и влияет на решения людей, которые принимают их, опираясь на ИИ, а также скрывает недостатки систем ИИ, такие как наличие предвзятости, неточностей или так называемых

«галлюцинаций»¹. При этом важно понимать значение данного принципа как **целевого**, а не текущего состояния: результаты функционирования систем ИИ по своей сути не могут быть полностью объяснимы, в то же время рост объяснимости является фактором повышения транспарентности, подконтрольности, подотчётности, доверенности таких систем.

16. **Классификация систем ИИ** в зависимости от их функциональных особенностей ни в одном из существующих правовых актов **не является исчерпывающей**. В некоторых актах выделяются отдельные виды систем ИИ, в отношении которых вводится специальный режим использования. Очевидно, что нельзя применять одни и те же правила ко всем отношениям, в которых используются системы ИИ, но и создать исчерпывающее регулирование всего множества видов и разновидностей таких отношений тоже не получится. Поэтому законодательство становится **двухуровневым**: первый уровень применяется **ко всем видам** отношений с использованием ИИ, на втором уровне выделяются системы ИИ **со специальными режимами**. В качестве примеров можно указать системы генеративного ИИ в Китае (п. 206) и модели (а также основанные на них системы) ИИ общего назначения в ЕС (п. 220).
17. В июле 2026 года в Китае вступили в силу «Временные меры по регулированию персонифицированных интерактивных услуг на основе искусственного интеллекта» — это первое в мире специализированное законодательство, регулирующее «эмоциональный ИИ» или «антропоморфные интерактивные услуги», в отношении которых подробно регламентированы запрещённые методы использования ИИ (п. 211).
18. Классификация или выделение видов систем ИИ по уровню риска различается в разных правовых актах. Однако в большинстве из них так или иначе содержится перечень видов систем ИИ или целей их использования, создающих **неприемлемые риски**, как, например, в ЕС (п. 223) и Казахстане (п. 226).
19. Помимо этого, в ряде актов реализован подход, связанный с выделением систем **ИИ повышенной опасности** (ЕС (п. 225), Республика Корея (п. 233), Соединённые Штаты (п. 235), Кыргызстан (п. 230) и Казахстан (п. 226)), хотя какого-либо единства подходов к критериям отнесения к этой категории не наблюдается. Соответствующие акты определяют методики классификации систем по уровню риска, а также последствия отнесения систем ИИ к высокорисковым в виде дополнительных требований для их собственников или пользователей.
20. Ролевая структура участников отношений с использованием ИИ в разных актах описывается с разной степенью детализации. В самом простом варианте это **двухсторонняя структура отношений по предоставлению продукта** (обычно — цифрового сервиса). Некоторые акты опираются на более сложную структуру отношений, связанных с использованием ИИ, выделяя, во-первых, отношения по поводу **предоставления системы** ИИ, во-вторых, отношения **по использованию** такой системы ИИ в рамках продуктов для конечных пользователей. Существуют и более сложные модели отношений между ролями, предусматривающие **до десятка разных ролей**, в которых могут выступать акторы, либо задач, которые реализуются такими акторами.
21. Модели отношений в разных источниках регулирования могут быть основаны на транзакциях, цепочках добавленной стоимости или экосистемах.

¹ European Data Protection Supervisor. (2023). *TechDispatch: Explainable artificial intelligence*. [URL](#)

22. Транзакционный подход рассматривает **каждое отношение как самостоятельную сделку** и регулирует её изолированно от других отношений в той же сфере. Такой подход является вполне традиционным для частного права, с учётом принципа свободы договора, и позволяет установить права и обязанности сторон конкретного отношения.
23. В рамках цепочки создания ценности в сфере ИИ различные стороны зачастую поставляют не только сами **системы, инструменты и сервисы ИИ**, но и **компоненты или процессы**, которые поставщик интегрирует в систему ИИ для достижения различных целей, включая обучение моделей, их переобучение, тестирование и оценку, интеграцию в программное обеспечение или иные аспекты разработки моделей. Все **участники цепочки создают ценность** по отношению к поставщику системы ИИ, в которую интегрируются их собственные системы, инструменты, услуги, компоненты или процессы ИИ. Данная модель отношений используется, чтобы определить **узловую точку применения обязанностей** — они возлагаются на поставщика (и носят преимущественно публично-правовой характер).
24. В силу опоры на отношения «по цепочке», поставщик системы ИИ высокого риска, а также третья сторона, поставляющая систему ИИ, инструменты, услуги, компоненты или процессы, которые используются в системе ИИ высокого риска или интегрированы в неё, обязаны посредством **письменного соглашения** определить необходимую информацию, возможности, технический доступ и иную поддержку — исходя из общепризнанного современного уровня развития технологий, — с тем чтобы обеспечить **поставщику** системы ИИ высокого риска возможность в полной мере **соблюдать обязательства**, установленные законом. И напротив, на лиц, которые не участвуют напрямую в цепочке создания ценности ИИ, в исследуемых актах предлагается не возлагать обязательства по отношению к поставщику.
25. Экосистемный подход предполагает наличие **сообщества**, в рамках которого разные лица могут выполнять разные функции или совмещать их. Отношения в таком сообществе выходят за рамки частноправовых, однако их регулирование средствами публичного права также не всегда возможно, поскольку, в общем случае, **члены сообщества** или сами **определяют правила** своего взаимодействия (в распределённых сообществах), или эти **правила определяет владелец экосистемы**.
26. Экосистемный подход в результате предполагает **описание функций** в рамках сообщества и описание **стандартных случаев** взаимодействия между функциями, но в меньшей степени — установление требований к лицам, осуществляющим ту или иную функцию, или к соглашениям между такими лицами. Сложностью реализации экосистемного подхода, однако, является то, что он должен **опираться на модель** всей экосистемы, а не только той её части, которая непосредственно связана с ИИ.

Частноправовая ответственность за вред, причинённый в результате взаимодействия с ИИ

27. На возмещение вреда, причинённого в результате взаимодействия с ИИ, могут быть направлены как договорные, так и внедоговорные требования. Возможность предъявления внедоговорного требования при наличии договорных отношений зависит от того, допускает ли соответствующий правовой порядок конкуренцию договорных и внедоговорных требований. Так, конкуренция договорных и внедоговорных требований допустима в Германии (п. 642), Великобритании (п. 550) и США (п. 428), в отличие от Франции (п. 346) и Кыргызстана (п. 617).
28. Ключевой вопрос, который пытаются решить правовые порядки, — какой тип ответственности применять к отношениям, возникшим из вреда, причинённого ИИ. Это может быть **строгая (на началах риска)** или **виновная ответственность**.

29. При выборе первого варианта более надёжно защищаются **права потерпевшего** (например, потребителя при ответственности за дефект продукта). Пострадавшей стороне необходимо доказать **противоправность действия/бездействия** (например, дефект), **вред и причинно-следственную связь** между ними.
30. Такое регулирование появилось с начала XX века, когда стало развиваться массовое производство и дефекты продукции (брак) приписывались небрежности производителя при производстве продукта *ipso jure*. Однако с развитием современных технологий становится всё сложнее доказывать наличие дефекта как такового и причастность создателей ИИ к вреду. Это особенно актуально для генеративного ИИ, который может работать автономно и случайным, но вполне предсказуемым для разработчиков образом совершить действия, способные причинить вред.
31. В силу этого ответственность устанавливается по объективным критериям и сопровождается различными презумпциями, восстанавливающими баланс интересов между разработчиками ИИ и всеми остальными пользователями. Такая строгая ответственность воспринимается как **«налог на инновации»** либо как необходимость для устойчивого технологического развития, при котором последнее не является самоцелью, а оценивается с учётом необходимости сохранения достигнутого в развитых странах высокого уровня защиты прав граждан.
32. Второй вариант — **виновная ответственность**. Потерпевшему в данном случае необходимо доказать **вину причинителя вреда, вред и причинно-следственную связь** между ними. В англосаксонских юрисдикциях ещё требуется доказать обязанность заботы о благе, которое нарушено, и сам факт нарушения².
33. Под виной чаще всего понимается нарушение установленного правопорядком стандарта **должного поведения**. Пострадавшей стороне необходимо доказать, что «разумный создатель ИИ» должен был совершить какое-либо действие, отсутствие которого и привело к вреду. В данной концепции положение потребителя осложняется тем, что он **не обладает информацией** о процессе разработки ИИ-продукта, и ему сложно доказать **вину**.
34. Исходя из проведённого анализа можно сделать следующее наблюдение в отношении видов ответственности, выбранных странами:
- **европейский законодатель** пока единственный выпустил специальное регулирование в части, касающейся возмещения вреда от систем ИИ; последние были признаны продуктом и в отношении них применяется **строгая ответственность (п. 288)**;
 - **во Франции (п. 345) и Германии (п. 639)** отсутствует нормативное регулирование по этому вопросу, имплементации Директив ЕС, связанных с ИИ, также пока не произошло. На данный момент потенциально возможна как строгая (например, в случае причинения вреда дефектной продукцией, причинения вреда в результате дорожно-транспортного происшествия и т. д.), так и виновная ответственность. При этом свойства и недостатки самой системы ИИ, например, склонность систем генеративного ИИ к «галлюцинациям», непреодолимой силой не являются и не освобождают от ответственности за вред (**п. 371**).
 - **В США (п. 428), Великобритании (п. 557), Индии (п. 530), Сингапуре (п. 677)** отсутствует законодательное регулирование в части причинения вреда от ИИ, а потенциально применимое деликтное право строится на основании судебной практики. В ней

² Формула «4 Ds»: Duty (обязанность), Dereliction (Breach) (нарушение), Direct Cause (прямая причинно-следственная связь), Damages (вред).

допускаются как **иски о дефектах (строгая ответственность)**, так и **иски о небрежности (виновная ответственность)**. При этом строгая ответственность чаще всего основывается на законодательстве о **защите прав потребителей**.

- В **Китае (п. 496)** также отсутствует специальное законодательное регулирование о возмещении вреда от ИИ, однако **судебная практика (п. 504)** подтвердила, что **генеративный ИИ – это не продукт, а услуга**, поэтому режим строгой ответственности применяться к нему не может. При этом в китайском законодательстве существует как строгая, так и виновная ответственность.
- В **ОАЭ (п. 513)** на данном этапе не предусматривается специального законодательства, но эксперты склоняются к концепции **виновной ответственности за вред от систем ИИ**.
- В **Казахстане (п. 621)** и **Кыргызстане (п. 596)** предусматриваются специальные законодательные нормы, регулирующие возмещение вреда. По общему правилу действует виновная ответственность, но строгую ответственность распространяют на более чувствительные зоны (системы ИИ с высоким риском, источники повышенной опасности и др.).

35. В изученных юрисдикциях **строгая ответственность** за дефект продукции (товара) встречается повсеместно. В отношении некачественных услуг ответственность может носить как строгий, так и виновный характер. При этом системы ИИ могут квалифицироваться законодателем, судебной практикой или доктриной по-разному: и как продукция, и как услуга. Так, в Великобритании (**п. 566**), Сингапуре (**п. 666**), Китае (**п. 509**), ОАЭ (**п. 517**) на вред, причинённый в связи с использованием ИИ, **не распространяется режим строгой ответственности** за дефект продукции, вред за некачественные услуги по использованию систем ИИ компенсируется **на началах вины**. В ЕС (**п. 291**), Франции (**п. 404**), Казахстане (**п. 624**), Кыргызстане (**п. 598**), Индии (**п. 531**), Германии (**п. 646**) системы ИИ рассматриваются, скорее, в качестве продукции, в связи с чем на вред, причинённый в связи с использованием ИИ, распространяется **строгая ответственность** за дефект товара.
36. **Режим ответственности за источники повышенной опасности** не распространён среди исследованных юрисдикций. Так, ответственность за источники повышенной опасности в **Германии** устанавливается отдельными законами и не предполагает особого режима строгой ответственности за вред, причинённый в связи с использованием ИИ (**п. 445**). Общая оговорка об источниках повышенной опасности содержится в законодательстве **Кыргызстана (п. 597)** и **Казахстана (п. 624)**, которая в совокупности с классификацией систем ИИ по уровням вероятности причинения вреда (**пп. 607, 636**) может быть использована для установления **строгой ответственности** за вред, причинённый в связи с использованием ИИ.
37. Вместе с тем некоторые учёные (**пп. 464, 498**) справедливо обращают внимание на то, что на самом деле грань между виновной и строгой ответственностью **постепенно размывается**, в частности потому, что при доказывании дефекта всё чаще невозможно однозначно определить дефектность, особенно не имея доступа к системам нарушителя. В связи с этим многие юрисдикции используют фикцию **«разумных ожиданий потребителя»**, которая также предполагает опосредованное доказывание вины (не оправдал разумные ожидания).
38. Ввиду того, что в обоих случаях возникает элемент неопределённости, юридическое сообщество склоняется к выработке различных **презумпций**, которые будут нивелировать недостатки той или иной модели (перекладывать бремя доказывания).

39. При строгой ответственности (как и при виновной) **бремя доказывания противоправности, причинённого вреда и причинно-следственной связи** лежит на потерпевшем. Доказывание дефектов в системах ИИ затруднено их автономностью, технической сложностью и конфиденциальностью алгоритмов.
40. Проблематичность доказывания **причинно-следственной связи** в контексте вреда, причинённого в связи с использованием ИИ, подчёркивается исследователями из **США (п. 457), Китая (п. 496) и Великобритании (пп. 573, 587)** (эффект «чёрного ящика»).
41. Для решения этой проблемы законодательство ЕС (**п. 306**) возлагает на ответчика обязанность по раскрытию информации (**бремя раскрытия доказательств**) и устанавливает следующую комбинацию презумпций:
- i. презумпцию дефектности (при неисполнении ответчиком требования о раскрытии доказательств, при несоответствии продукции обязательным требованиям к её безопасности или если истец обоснует, что вред причинён «очевидной неисправностью» (obvious malfunction), проявившейся в обычных обстоятельствах);
 - ii. презумпцию причинно-следственной связи, когда дефектность уже установлена (в том числе на основе презумпции), а причинённый вред может считаться типичным для соответствующего дефекта;
 - iii. презумпцию дефектности и (или) причинной связи, в случаях чрезмерной обременительности доказывания одного или обоих этих элементов, обусловленной технической или научной сложностью продукта, если истец обоснует, что такие дефектность или причинная связь «вероятно» имеют место (likely).
42. Цифровой кодекс **Кыргызстана** возлагает бремя доказывания отсутствия причинно-следственной связи на ответчика, если вред причинён в связи с использованием ИИ-систем определённой категории (системы цифрового благополучия) (**п. 610**).
43. **Китайские правоведы (п. 502)** также отмечают, что при строгой ответственности, которая обычно устанавливается в силу закона (за дефект продукции), также важно иметь в виду, что круг ответственных лиц не ограничивается производителями и продавцами, поскольку здесь отсутствует линейная производственная цепочка. Продукты на основе ИИ имеют нелинейную, сетевую структуру, включающую:
- i. разработчиков алгоритмов,
 - ii. поставщиков данных,
 - iii. операторов,
 - iv. поставщиков обновлений,
 - v. пользователей, вносящих изменения.
44. При этом если страна выбирает **ответственность за вину**, то перед ней встаёт вопрос об определении стандарта должной осмотрительности. Обычно **ожидается «разумная осмотрительность»** — то, как поступило бы «разумно осмотрительное лицо». Таким образом, вина понимается как нарушение некоего стандарта, соблюдение или отклонение от которого возможно установить по внешним признакам.
45. Объективные стандарты разумности установлены в США (**п. 465**), Китае (**п. 511**), Индии (**п. 531**), Великобритании (**п. 573**) и Сингапуре (**п. 664**). Объективность стандарта выражается в том, что он одинаков для всех в схожих обстоятельствах и отражает переход от описательного подхода (как люди ведут себя) к нормативному (как должны вести себя).

Например, и профессиональные гонщики, и новички подчиняются одним правилам. Аналогично, от любого разработчика ИИ — независимо от опыта — ожидается знание и применение методов, известных разумному специалисту. Незнание или нехватка ресурсов не могут оправдать нарушителя.

46. Уровень осмотрительности зависит от:

- типа ИИ-системы,
- сферы применения,
- рыночных условий.

47. Необходимо отметить, что ни доктрина, ни правовое регулирование изученных юрисдикций не устанавливают требований об одобрении каждого решения и действия систем ИИ человеком. Встречающиеся в непрофессиональных обсуждениях по этому поводу заблуждения не учитывают, в частности, следующих феноменов:

- искажение в сторону автоматизации — чрезмерное доверие к ИИ, даже при наличии противоречащих данных;
- снижение бдительности — при пассивном мониторинге человек теряет концентрацию;
- неспособность верифицировать — ИИ может работать с данными, недоступными для восприятия человека, в частности, по формату данных или скорости их обработки.

48. С учётом этого, современная доктрина **разумного человеческого контроля** (meaningful human control) за эксплуатацией систем ИИ предполагает, что конкретные формы такого контроля — и необходимые для этого конструктивные свойства систем ИИ — должны зависеть от контекста применения таких систем. В каких-то контекстах достаточно стратегического целеполагания и мониторинга со стороны человека при желательном повышении степени автономности системы ИИ на уровне отдельных операций. В иных же контекстах принцип предосторожности и необратимость неблагоприятных последствий требуют целенаправленного снижения степени автономности некоторых систем ИИ и обязательной перепроверки предлагаемых ими действий человеком или даже несколькими людьми.

49. Для определения стандарта разумности было бы полезным обратить внимание на технические **стандарты, устанавливающие требования к безопасности систем ИИ и к поведению их эксплуатантов**, и правовые нормы, связывающие соблюдение таких требований с презумпцией добросовестного поведения. При этом стандарты должны быть чёткими, а не закреплять общие принципы.

50. Некоторые варианты стандартов разумного поведения предполагают следующее:

- i. установить запрет явно вредных практик — по аналогии с неприемлемыми рисками в ЕС (п. 223), Казахстане (п. 226) и Китае (п. 211);
- ii. не устанавливать слишком высокие требования заботливости и осмотрительности, если они ещё не вошли в практику, что связано с опасением замедлить инновации, распространённые в странах общего права (Великобритания (п. 567), США (п. 468)). Похожий подход наблюдается и в Китае (п. 510). При этом отмечается, что простое следование отраслевым стандартам может быть недостаточным, особенно если вся индустрия действует недостаточно осторожно (п. 468);

- iii. установить обязанность лица, ответственного за вред, внедрить разумные правила взаимодействия человека и ИИ, неисполнение которой влечёт признание поведения такого лица небрежным. Должны быть выделены следующие зоны контроля человека:
- **«роли торможения»** — замедление решений ИИ, чтобы человек успел проанализировать данные и самостоятельно принять решение. Например, судья должен сформулировать приговор до ознакомления с оценкой обстоятельств дела используемой системой ИИ (США (п. 472));
 - **«роли устойчивости»** — ИИ должен давать «когнитивные поручни» для человека, которые позволяют последнему проверить работу ИИ, то есть давать оценку неопределённости и карты значимости каких-либо рисков. Отсутствие таких мер квалифицируется как нарушение разумности (США (п. 472)). Так, разработчики Рамочной модели, акта мягкого права Сингапура, предлагают матрицу, оценивающую необходимость надзора человека с помощью серьёзности и вероятности наступления ущерба в связи с использованием ИИ (п. 654);
 - **обучение действиям в случае отказа системы** — при разработке должна быть предусмотрена возможность для пользователей тренироваться на симуляциях сбоев в работе системы ИИ, чтобы выработать скептицизм к ИИ и способность действовать самостоятельно при необходимости (США (п. 472));
- iv. **обязанность разработчика продемонстрировать техническую надёжность.** Потерпевший не обязан и не способен объяснить скрытый механизм ошибки ИИ. Сам факт необъяснимого вреда запускает опровержимую презумпцию небрежности разработчика (что созвучно с новой Директивой ЕС об ответственности за дефектную продукцию (п. 39)). Разработчик может опровергнуть её, доказав соблюдение стандартов. Соблюдение признанного стандарта должно быть «безопасной гаванью», основанием для освобождения от ответственности (США (п. 472), Китай (п. 217));
- v. **обязанность по пострыночному мониторингу и отчётности.** При обнаружении уязвимости разработчик обязан оперативно обновить систему. Отсутствие таких действий может расцениваться как небрежность (судебная практика США (п. 472) и Китая (п. 510));
- vi. **информирование об уязвимостях системы ИИ.** Должно быть уведомление и предупреждение пользователей об ограничениях ИИ и его уязвимостях (судебная практика США (п. 481) и Китая (п. 508)).
51. Одним из предложений было внедрение **централизованных баз данных о сбоях или аварийных ситуациях с ИИ**, о которых пользователи должны туда сообщать. Когда ошибка повторяется, риск становится предвидимым. Важнейшим регулятором здесь мог бы выступить страховой рынок, который через дифференциацию тарифов на основе статистики этой базы заставит ИИ-индустрию внедрять обоснованные меры безопасности (доктрина США (п. 472)).
52. В некоторых штатах США (п. 492) и Кыргызстане (п. 605) законодатель, выстраивая баланс различных интересов общества, при определении размера ответственности пошёл по следующему пути:

- i. он определяет, какие права являются **чувствительными** (права несовершеннолетних, использование уязвимостей человека, неправомерная цифровая идентификация, принуждение к ней и т. д.)³;
- ii. определяет **размер компенсации**, которую выплачивает ответчик (в конкретном денежном измерении или расчётных показателях) при нарушении таких чувствительных прав.

Интеллектуальная собственность и ИИ

- 53. Для закрепления на законодательном уровне какого-либо правового режима созданного с использованием ИИ-контента должны быть решены вопросы, связанные с соблюдением интеллектуальных прав авторов и правообладателей объектов, использованных при создании и обучении ИИ.
- 54. Проведённое сравнительно-правовое исследование позволяет сформулировать комплекс следующих взаимосвязанных выводов об особенностях **использования РИД при обучении систем ИИ**.
- 55. При этом в континентальных правовых системах (например, в государствах Европейского союза (Германии (п. 681), Франции (п. 687)), а также в Норвегии (п. 694) и Китае (п. 726)) субъектом, обладающим первичными интеллектуальными правами, выступает автор как физическое лицо, создавшее произведение или разработавшее объект патентования.
- 56. В государствах, относящихся к семье **общего права** (США (п. 700), Великобритания (п. 708)) акцент, напротив, смещён в сторону **правообладателя** как носителя исключительных прав, который может не совпадать с автором. Так, в праве США доктрина *work made for hire* (п. 703) позволяет признавать **автором юридическое лицо-заказчика**, что влияет на распределение правовых рисков при обучении ИИ: использование произведений в большей степени связано с имущественными правами правообладателя, тогда как значение личных прав автора ограничено по сравнению с континентальными правовыми системами. Помимо США, первичное закрепление интеллектуальных прав за юридическими лицами допускается в Великобритании (п. 1022) и Китае (п. 1040).
- 57. Независимо от различий в конструкции субъектного состава, в большинстве юрисдикций круг потенциально затрагиваемых прав включает права как авторов, так и **иных правообладателей** (включая работодателей, издателей, продюсеров и пр.), а также **субъектов смежных прав** (исполнителей, производителей фонограмм и баз данных).
- 58. Особенно показателен в этом отношении подход тех государств (например, Германии (п. 686), Франции (п. 691), Великобритании (п. 713), Норвегии (п. 699) и др.), в которых базы данных одновременно охраняются авторским правом и смежным правом (*sui generis*) изготовителя, что усиливает степень их правовой охраны и увеличивает риск множественности нарушений при обучении ИИ. Аналогичным образом в Китае (п. 731) и в Южной Корее (п. 733) прямо указывается на возможность нарушения не только авторских, но и смежных прав, включая права вещательных организаций и производителей аудиовизуального контента.
- 59. Действия, составляющие **процесс обучения ИИ** (сбор данных, их копирование, структурирование, анализ и хранение), в подавляющем большинстве правовых порядков квалифицируются как **формы использования РИД**, входящие в содержание имущественных интеллектуальных прав. В частности, в праве Европейского союза (п. 758)

³ По сути, это является близким аналогом неприемлемых рисков в ЕС.

- и имплементирующих его национальных системах (например, Германии (п. 789) и Франции (п. 831)) такие действия охватываются **правом воспроизведения и переработки**.
60. Немецкая доктрина (п. 791) прямо указывает, что обучение ИИ представляет собой совокупность **множественных актов воспроизведения**, начиная от загрузки данных и заканчивая их внутренним «воспроизведением» в модели.
61. Во французском праве аналогичные действия квалифицируются как **воспроизведение**, требующее согласия правообладателя, а в случае генерации контента, повторяющего РИД, также как **переработка или исполнение** (п. 828).
62. В Соединённых Штатах Америки (п. 860), несмотря на иную конструкцию авторского права, обучение ИИ также входит в содержание исключительных прав правообладателя, прежде всего **права на воспроизведение** (reproduction right) и **создание производных произведений** (derivative works). Копирование произведений для формирования обучающих массивов данных рассматривается как воспроизведение, а преобразование данных и их использование для генерации нового контента – как потенциальное создание производных произведений.
63. В праве Великобритании (п. 890) аналогичные действия квалифицируются как **копирование**, причём под копированием понимается не только прямое воспроизведение произведения, но и его **фиксация в любой материальной форме**, включая электронную. Это позволяет относить к копированию не только создание датасета, но и временные записи, возникающие в процессе функционирования системы. Дополнительно, если модель ИИ воспроизводит элементы исходного произведения, такие действия могут рассматриваться как **воспроизведение существенной части произведения**.
64. В азиатских правовых порядках также наблюдается аналогичная тенденция квалификации использования охраняемых РИД при обучении ИИ в качестве способа использования, входящего в объём интеллектуальных прав. В Китае (п. 919) использование произведений для обучения ИИ при отсутствии специальных исключений подпадает под содержание как **имущественных** (воспроизведение, переработка, распространение), так и **личных неимущественных прав**.
65. В Южной Корее (п. 937) и Сингапуре (п. 739) законодательство закрепляет широкий перечень имущественных интеллектуальных прав, включая воспроизведение, адаптацию и создание производных произведений, что позволяет без дополнительных интерпретаций отнести действия по обучению ИИ к сфере их применения.
66. Единственной юрисдикцией, в которой любые действия по обучению ИИ **не входят в содержание исключительного права**, является Казахстан (п. 964), в котором нормативно установлено, что использование РИД для обучения моделей ИИ не предполагает их использования в формах, относящихся к личным неимущественным и имущественным (исключительным) правам автора.
67. Подобный подход отражает **стремление законодателя адаптировать** правовую систему к технологической реальности, в которой квалификация использования РИД для обучения ИИ способна существенно затормозить развитие цифровых технологий. Положительные стороны этого подхода проявляются прежде всего в **снижении барьеров для разработчиков** ИИ и создании более предсказуемой правовой среды. Основной негативной чертой подхода является **ослабление статуса правообладателя** за счёт изъятия из содержания исключительного права одного из возможных способов использования РИД.

68. Правомерность использования охраняемых РИД при обучении ИИ во всех проанализированных юрисдикциях определяется либо 1) **наличием согласия правообладателя** (обычно в форме лицензии), либо 2) **закреплением на уровне нормативных актов ограничений действия исключительных прав правообладателя**, предусматривающих возможность использования РИД без их согласия.
69. Наиболее существенные различия между правовыми порядками проявляются в определении ограничений действия исключительных прав, прежде всего в отношении **анализа текста и данных** (text and data mining, **TDM**).
70. С учётом проведённого сравнительно-правового анализа введённые государствами ограничения действия исключительных прав могут быть условно классифицированы следующим образом:
- юрисдикции, в которых предусмотрены специальные ограничения для осуществления анализа текста и данных (TDM) **без согласия автора в научно-исследовательских и в коммерческих целях** — ЕС (п. 759), Германия (пп. 794, 797), Франция (п. 831), Сингапур (п. 957), Казахстан (п. 964);
 - юрисдикции, в которых предусмотрены специальные ограничения для осуществления анализа текста и данных (TDM) **без согласия автора только в научно-исследовательских целях** — Великобритания (п. 894);
 - юрисдикции, в которых **не предусмотрены специальные ограничения** для осуществления анализа текста и данных (TDM), однако действует **гибкая система оценки добросовестности** использования РИД без согласия автора — США (п. 868), Израиль (п. 906);
 - юрисдикции, в которых **не предусмотрены специальные ограничения** для осуществления анализа текста и данных (TDM) без согласия автора, в связи с чем такое использование по общему правилу **признаётся нарушением авторских прав**, а вопрос о правомерности такого использования решается **с учётом общих ограничений действия авторских и смежных прав** — Норвегия (п. 852), Китай (п. 920), Южная Корея (п. 935), Индия (п. 944), ОАЭ (п. 916), Кыргызстан (п. 974).
71. Как показал проведённый анализ, смешанная модель сформирована в Европейском союзе: в Директиве DSM закреплено два режима осуществления TDM без согласия правообладателя — для научных и иных (включая коммерческие) целей (пп. 760, 763). Характерной особенностью является **механизм opt-out**, позволяющий правообладателю запретить использование произведения для анализа данных.
72. В Германии (пп. 794, 797) при имплементации подхода Директивы DSM разработаны детализированные условия правомерного использования ИИ, а судебная практика подтверждает допустимость использования произведений для обучения ИИ при отсутствии машиночитаемого запрета правообладателя (дело *Kneschke v. LAION*) (п. 804).
73. Такими условиями являются:
- воспроизведение для анализа текста и данных с целью получения информации из них, в частности, о закономерностях, тенденциях и корреляциях;
 - РИД должен быть законно доступен, а результат его воспроизведения должен быть удалён, когда он больше не требуется для анализа текста и данных;
 - правообладатель не выразил запрета (opt-out), при этом по немецкому праву такой запрет имеет юридическую силу, только если сделан в машиночитаемой форме.

74. Аналогичным образом нормы Директивы DSM имплементированы и в законодательство Франции (п. 832). При этом французская модель отличается **более жёсткой структурой условий** применения ограничений.
75. Ограничения действуют со следующими условиями:
- **при использовании в любых целях** к цифровым копиям или репродукциям РИД должен быть получен законный доступ;
 - при использовании **в научных целях** — правообладатель не может запретить использование произведения, **в иных целях** — может через механизм opt-out запретить использование (не только в машиночитаемой форме);
 - **в научно-исследовательских целях** — цифровые копии и репродукции РИД должны храниться с надлежащим уровнем безопасности и могут храниться и после осуществления TDM, **в иных целях** — должны быть уничтожены после завершения текстового и информационного анализа;
 - **в научно-исследовательских целях** предусмотрена возможность заключения соглашений между представительными организациями правообладателей и научными организациями, упомянутыми выше, в рамках которых могут определяться способы реализации TDM.
76. Иная модель реализована в праве Соединённых Штатов Америки (п. 865), где отсутствуют специальные ограничения, допускающие обучение ИИ, однако действует гибкая доктрина добросовестного использования (fair use). В отличие от европейского подхода, основанного на заранее определённых ограничениях, **американская модель предполагает оценку правомерности использования в каждом конкретном случае** с учётом совокупности факторов, включая:
- цели использования,
 - характера произведения,
 - объёма заимствования,
 - влияния на рынок.
77. В праве Великобритании (п. 894) применяется более формализованный, но в то же время ограниченный подход. Закон предусматривает специальное ограничение для анализа текста и данных, однако такое использование возможно только в **некоммерческих научно-исследовательских целях** при наличии следующих условий:
- законного доступа к произведению;
 - некоммерческого характера исследования;
 - копия сопровождается достаточным указанием источника⁴.
78. В Китае (п. 924), Южной Корее (п. 937), Индии (п. 944), Израиле (п. 908), Объединённых Арабских Эмиратах (п. 915) и Кыргызстане (п. 974) специальные ограничения для обучения ИИ, помимо общих ограничений, отсутствуют, но могут применяться иные ограничения, такие как добросовестное использование или свободное использование в образовательных целях.

⁴ Имеется в виду атрибуция: указание на то, откуда получены данные, кто автор и правообладатель.

79. Такое регулирование означает, что правомерность обучения ИИ оценивается через **призму общих положений**. С одной стороны, это обеспечивает **гибкость**, а с другой — создаёт **высокую степень неопределённости** и правовых рисков для разработчиков, что проявляется в необходимости **казуистической оценки** применимости существующих ограничений для целей обучения ИИ. Так, в делах *KBS, MBC, SBS v. Naver* (Южная Корея (п. 942)) и *Asian News International (ANI) v. OpenAI* (Индия (п. 950)) выступающие ответчиками разработчики ИИ были крайне ограничены при обосновании позиций о добросовестном использовании охраняемых РИД для целей обучения ИИ.
80. Отдельного внимания заслуживают Сингапур (п. 956) и Казахстан (п. 964), в которых предпринята попытка модернизации режима ограничений исключительных прав. В этих юрисдикциях предусмотрена возможность использования РИД для анализа текста и данных при соблюдении **определённых условий**, что сближает их с европейским подходом.
81. При этом в Казахстане правообладатель (п. 965) вправе запретить использование своих произведений, **выразив это в машиночитаемой форме** — через robots.txt, метатеги или цифровые водяные знаки. Бремя защиты тем самым переносится **с разработчика ИИ на правообладателя**.
82. Также закон Казахстана (п. 968) вводит специальный режим для датасетов — «библиотек данных». Владельцы вправе создавать и распространять их, контролировать использование **в рамках заявленных целей и требовать информацию о принципах работы** обучаемых моделей; одновременно они обязаны обеспечивать качество данных и соблюдать законодательство о персональных данных и авторском праве. При этом лицензирование таких данных может ограничиваться **определённой целью использования**.
83. Сведения об изготовителе должны в обязательном порядке сохраняться в машиночитаемой форме при любой передаче библиотеки, что обеспечивает **сквозную прослеживаемость и возможность привлечения** создателей к ответственности за не соответствующие установленным требованиям датасеты.
84. В отношении **запатентованных РИД** аналогичных правил о допустимости ограниченного свободного использования в определённых целях изученные юрисдикции не содержат (за исключением Германии (п. 824)). Доктрина добросовестного использования не применяется, возможность использования запатентованных РИД без согласия правообладателя в научных или образовательных целях не предусмотрена. Любое несанкционированное использование чужого запатентованного объекта при разработке, обучении или эксплуатации ИИ является прямым нарушением исключительных прав (ЕС (п. 779), Германия (п. 824), США (пп. 884-888), Великобритания (п. 893), Китай (пп. 929-933)).
85. Отдельно стоит отметить, что национальные юрисдикции не содержат дифференциации ограничений имущественных интеллектуальных прав в зависимости от видов (типов) моделей ИИ. Однако в праве ЕС для разработчиков моделей GPTI предусмотрены дополнительные обязанности по обеспечению прозрачности соблюдения прав авторов (иных правообладателей), обладателей патентов при обучении ИИ (п. 773).
86. В контексте обучения ИИ возрастает значение **личных неимущественных прав**, что особенно ярко проявляется в правовых порядках с сильной персоналистской традицией. Эти примеры свидетельствуют о расширении предмета правовой охраны за пределы имущественных прав.

87. Например, в Китае судебная практика (п. 730) признала нарушение **права на голос** при использовании аудиозаписей для обучения модели ИИ без согласия лица, несмотря на наличие имущественных прав у третьего лица.
88. В Индии доктрина (п. 735) также подчёркивает риск искажения произведений алгоритмами ИИ и возможное нарушение права на неприкосновенность произведения.
89. В ряде правовых порядков формируется тенденция к усилению требований **прозрачности и подотчётности разработчиков ИИ**. В Европейском союзе (п. 773) это проявляется в нормах EU AI Act, устанавливающих обязанность:
- соблюдать интеллектуальные права при обучении моделей ИИ;
 - учитывать запреты правообладателей;
 - раскрывать информацию об используемых данных.
90. Данные требования носят **экстерриториальный характер** и распространяются на всех разработчиков, выводящих модели ИИ на рынок ЕС, что свидетельствует о формировании **глобального регуляторного стандарта (п. 775)**.
91. Проведённый сравнительно-правовой анализ особенностей правовой охраны РИД, использовавшихся для обучения ИИ, показывает, что, **несмотря на наличие общих фундаментальных принципов** (приоритет прав автора, необходимость согласия правообладателя, охват обучения ИИ сферой исключительных прав), **конкретные механизмы балансирования** интересов правообладателей и разработчиков ИИ **существенно различаются**.
92. В правовых порядках ЕС (п. 780) и государств, входящих в его правовое пространство (Германия (п. 821), Франция (п. 843), Норвегия в рамках пространства ЕЭЗ (п. 855)), использование программного обеспечения с открытым исходным кодом и открытых баз данных для обучения ИИ преимущественно опосредуется лицензионными механизмами, устанавливающими пределы осуществления исключительных прав. Аналогичным образом использование названного программного обеспечения и баз данных опосредуется и в большинстве иных правовых порядков (например, в Китае (п. 925), Индии (п. 949), ОАЭ (п. 917)). Открытые лицензии выступают как договорные конструкции, трансформирующие объём правомочий пользователя и допускающие использование, модификацию и распространение объектов при соблюдении установленных лицензионных условий, включая атрибуцию. При этом в контексте обучения ИИ ключевое значение имеет не сам факт наличия открытой лицензии, а её содержание, поскольку нарушение условий открытых лицензий квалифицируется как нарушение авторских прав.
93. Сравнительно-правовой анализ демонстрирует, что в различных юрисдикциях – от США (п. 881) и Великобритании (п. 901) до Китая (п. 925), Индии (п. 949) и ОАЭ (п. 917) – открытые лицензии признаются юридически обязательными соглашениями, исполняемыми в рамках авторского и договорного права. Правомерность использования объектов для обучения ИИ в таких системах зависит от соблюдения условий лицензии, охватывающих воспроизведение, переработку и создание производных результатов. В то же время наблюдаются отдельные особенности, связанные с введением специальных ограничений для анализа данных, как в праве Сингапура, где договорные ограничения могут быть признаны недействительными.
94. Анализ подходов к **правовой охране РИД, созданных с использованием ИИ**, позволяет сделать следующие ключевые выводы.

95. В большинстве юрисдикций отсутствуют специальные законы, определяющие охраноспособность ИИ-контента. Исключением является Казахстан (пп. 1065, 1068), где в Законе об ИИ прямо закреплено, что произведения, созданные с помощью ИИ, охраняются только при наличии творческого вклада человека, а промпты могут признаваться самостоятельными объектами авторских прав. В Европейском союзе (п. 980) ведутся дискуссии о введении специальных правовых режимов для ИИ-контента. Однако к настоящему времени указанные предложения не получили нормативного закрепления.
96. Правовое регулирование отношений по поводу РИД построено на принципе **антропоцентризма**. Во всех рассмотренных правовых режимах основополагающим является принцип, в соответствии с которым автором (создателем) РИД может быть **только физическое лицо** — человек. В отдельных юрисдикциях допускается первичное закрепление прав на РИД за **юридическим лицом** (например, в Соединённых Штатах Америки (п. 1009), Великобритании (п. 1022), Китае (п. 1040)), однако даже в этом случае творческое начало **всегда связывается с человеком**. Антропоцентричный подход также подтверждается патентным законодательством и правовыми позициями судов (Великобритания (п. 1025), Израиль (п. 1035), Южная Корея (п. 1050)), в соответствии с которыми системы ИИ не признаются авторами изобретений.
97. В изученных юрисдикциях автором изобретения, созданного с помощью ИИ, может быть также признано только физическое лицо. Человек, который внёс творческий вклад в существенные признаки изобретения (например, сформулировал задачу, подобрал параметры, доработал результат), имеет право считаться автором изобретения. Полностью сгенерированное ИИ изобретение не получит статуса охраняемого объекта и не может быть запатентовано. Кроме того, технологии ИИ «как таковые» не патентуются, но патентуются компьютерно-реализуемые изобретения и алгоритмы, имеющие техническое значение (ЕС (п. 991), Германия (п. 997), Франция (п. 1004), США (пп. 1017-1020), Великобритания (пп. 1025-1026), Китай (пп. 1045-1047)).
98. Контент, полностью **автономно сгенерированный системой ИИ** без какого-либо творческого вклада человека, **не подлежит правовой охране**. Напротив, если человек использует ИИ в качестве инструмента и вносит **достаточный творческий вклад** (не ограничивающийся простым запросом), то конечный результат может быть **признан охраноспособным** произведением. Исключения из этого правила отсутствуют (даже в Великобритании, где существует специальный режим компьютерно-генерируемых произведений, его применение к современным генеративным ИИ остаётся дискуссионным).
99. В большинстве юрисдикций не сформированы критерии творческого вклада человека для признания ИИ-контента охраноспособным. Однако судебная практика и доктрина выработали следующие ориентиры:
- **простой ввод промпта** (краткой инструкции) **недостаточен** для признания творческого участия пользователя в создании РИД (Европейский союз (п. 1077), Германия (п. 1080), Норвегия (п. 1091), Соединённые Штаты Америки (п. 1095), Великобритания (п. 1107), Объединённые Арабские Эмираты (п. 1113), Китай (п. 1119), Южная Корея (п. 1122), Индия (п. 1127), Сингапур (п. 1132), Казахстан (п. 1138));
 - для признания творческого вклада **необходимо установить комплекс действий, свидетельствующих о контроле человека над процессом** создания результата (Европейский союз (п. 1076), Германия (п. 1081), Франция (п. 1085), Норвегия (п. 1091), Соединённые Штаты Америки (п. 1101), Великобритания (п. 1108),

Объединённые Арабские Эмираты (п. 1113), Китай (п. 1118), Южная Корея (п. 1123), Сингапур (п. 1133));

- **классификации ИИ**, разработанные в отдельных правовых системах (Сингапур (п. 1133), Объединённые Арабские Эмираты (п. 1114)), могут служить **ориентирами для дифференциации творческого участия** человека в создании РИД.

100. На основе анализа подходов, выработанных в избранных юрисдикциях, можно выделить следующие конкретные признаки, свидетельствующие о **достаточности творческого вклада человека** при создании контента с помощью ИИ:

- **детализированные, многократные настройки и итерации**: введение более 150 текстовых запросов (промптов), определение порядка их ввода, выбор параметров, многократные итерации и корректировка до получения результата, соответствующего авторскому замыслу, последующее редактирование полученного контента (Китай (п. 1118));
- **использование ИИ как инструмента для обработки уже созданного человеком произведения**: 1) загрузка в систему ИИ собственного охраняемого произведения для целей редактирования, корректировки, стилистической доработки результата (Соединённые Штаты Америки (п. 1101), Южная Корея (п. 1123)); 2) пользователь должен контролировать процесс и использовать ИИ как инструмент, предоставляя системе конкретные инструкции (Европейский союз (п. 1076), Норвегия (п. 1091), Объединённые Арабские Эмираты (п. 1113), Казахстан (п. 1138));
- **творческий подход пользователя к отбору, расположению или композиции автономно сгенерированного результата**, включая значительную редакторскую переработку сгенерированного материала, целенаправленное управление процессом генерации, комбинирование и структурирование результатов с элементами творческого выбора (Соединённые Штаты Америки (п. 1101), Южная Корея (п. 1123), Европейский союз (п. 1076), Германия (п. 1081), Франция (п. 1086));
- создание автором **«ощутимого человеческого выражения»** внутри созданного ИИ-контента, то есть добавление таких элементов произведения, которые можно непосредственно связать с человеческим выбором формы (Соединённые Штаты Америки (п. 1101));
- **наличие «достаточной причинно-следственной связи»** между действиями человека и финальным произведением (Сингапур (п. 1131)).

101. Творческий вклад не признаётся достаточным в случае:

- **введения простого, краткого (односложного) промпта**, не позволяющего пользователю полностью управлять результатом и обеспечить его предсказуемость (Европейский союз (п. 1077), Германия (п. 1080), Норвегия (п. 1091), Соединённые Штаты Америки (п. 1095), Великобритания (п. 1107), Объединённые Арабские Эмираты (п. 1113), Китай (п. 1119), Южная Корея (п. 1122), Индия (п. 1127), Сингапур (п. 1132), Казахстан (п. 1138));
- внесения пользователем лишь **незначительных изменений** в ИИ-контент (Европейский союз (п. 1077), Соединённые Штаты Америки (п. 1097)).

102. По умолчанию **права на охраняемый ИИ-контент** принадлежат **пользователю**, который внёс **творческий вклад**. Разработчик ИИ не признаётся автором, поскольку его деятельность сводится к **созданию алгоритма** (инструмента), а не к участию в творческом процессе создания конкретного произведения. Данный подход прямо отражён в докладе

Бундестага Германии (п. 1149), судебной практике Китая (п. 1170), официальных разъяснениях Южной Кореи (п. 1172), доктрине Сингапура (п. 1177). В литературе Казахстана (п. 1181) есть подход, в котором предлагается соавторство пользователя и ИИ-разработчика, но вопрос остаётся дискуссионным, не находит признания в доктрине (п. 1182) и законодательно не урегулирован.

Признание, использование и защита нематериальных благ (изображение, голос, образ)

103. В подавляющем большинстве исследованных юрисдикций **отсутствует специальное регулирование**, посвящённое защите нематериальных благ (изображение, голос, образ человека) от нарушений, связанных с использованием систем ИИ.
104. В разных юрисдикциях регулирование указанных благ приписывается различным правовым институтам:
- В Китае (п. 1230), Бразилии (п. 1252), Японии (п. 1247) такие блага считаются **правами личности**;
 - в Германии право на изображение защищается **авторским правом** (п. 1213), право на голос входит также в **права личности** (п. 1214);
 - в Дании право на указанные блага предлагается регулировать в рамках **закона об авторском праве** (п. 1218);
 - в США на уровне судебной практики (п. 1185), Индии (п. 1224) указанные блага защищаются в рамках концепции **«права на публичность»**. При этом в США защищаемые блага могут также включаться жесты, манеры (п. 1186). Помимо этого, в Индии (п. 1227) признаётся, что право на публичность является частью прав личности;
 - в Великобритании (п. 1204) концепции прав на указанные блага не признаются и защищаются другими способами.
105. В отдельных штатах США есть специальное регулирование этой области (например, Теннесси (п. 1189), Нью-Йорк (п. 1193)). В некоторых странах опубликованы законопроекты, касающиеся прав граждан на создание цифровых реплик и защиту своих нематериальных благ от их незаконного использования (Бразилия (п. 1254), Дания (п. 1218), США, на федеральном уровне (п. 1190)). Наиболее проработанное описание цифровой реплики даётся в законопроекте США (п. 1190): это вновь созданное, сгенерированное компьютером электронное представление, которое:
- легко идентифицируется как голос или визуальный образ конкретного человека (живого или умершего);
 - зафиксировано в звукозаписи, изображении или аудиовизуальном произведении (в том числе без звука), в создании которого данный человек лично не участвовал (либо участвовал, но его выступление было радикально изменено цифровым путём).
106. Похожие характеристики зафиксировала и китайская судебная практика (п. 1234) в отношении **права на голос**:
- голос физического лица различается по голосовому отпечатку, тембру и частоте. Он имеет характеристики уникальности и стабильности;
 - тест идентифицируемости: если ИИ-синтезированный голос может вызвать у общественности ассоциацию с конкретным физическим лицом на основании тембра, тона и стиля произношения, то голос считается идентифицируемым.

107. Вне зависимости от правового института, который регулирует рассматриваемые отношения, можно выявить общие закономерности:
- права на изображение, голос, образ принадлежат личности, а это значит, что они могут **использоваться только с согласия этой личности**, либо родственников умершего (в США в законопроекте (п. 1190), в Дании (п. 1221), в законопроекте Бразилии (п. 1255), в Индии (п. 1224)). При этом в Китае (п. 1235) отдельно указывается, что наличие авторских прав на голосовые записи не включает разрешение на генерацию голоса ИИ-инструментами;
 - такие блага могут защищаться как в отношении **живых**, так и в отношении **умерших людей** (обычно с установлением какого-то срока защиты после смерти: 70 лет в законопроекте США (п. 1190), 50 лет в Дании (п. 1221));
 - в отношении цифровых площадок предусмотрена **процедура takedown**, согласно которой они должны оперативно реагировать на запрос об удалении незаконных цифровых реплик (в законопроекте США (п. 1190), в Дании (п. 1221)).
108. Заключение договоров об использовании указанных прав допускается в государствах в рамках свободы договора. Однако специальные ограничения регулирования договорных отношений предусмотрены в США и Китае:
- **запрещена безвозвратная уступка прав на весь срок жизни человека** (возможна уступка прав на голос и образ только в рамках лицензирования сроком на 10 лет по законопроекту США (п. 1190), в Китае бессрочная уступка прав на голос возможна, но с правом расторжения с уведомлением в разумный срок (п. 1239));
 - **запрещена уступка прав**, касающаяся артистов, при совокупности следующих условий:
 - а) договор предусматривает использование цифровой реплики **вместо работы**, которую лицо могло бы выполнить **лично**; б) договор не содержит достаточно **конкретного описания** предполагаемых способов использования цифровой реплики; в) лицо, передающее права, не было представлено **юридическим советником** (Закон Калифорнии (п. 1192), Закон Нью-Йорка (п. 1193)).
109. Защита указанных прав осуществляется всеми возможными способами, установленными гражданским законодательством, в частности, допустимы:
- требование о прекращении нарушения (например, в США (п. 1195): временный запретительный приказ (до 14 дней); предварительный судебный запрет (до окончания процесса); постоянный судебный запрет);
 - требование о возмещении убытков (например, в Китае (п. 1244): 1) в размере, в котором ущерб причинён потерпевшему, 2) или в размере полученной причинителем вреда выгоды; 3) в размере, указанном в соглашении о размере ущерба потерпевшего и причинителя вреда; 4) в случаях, когда указанные выше способы невозможно использовать, размер возмещения ущерба определяется народным судом исходя из фактических обстоятельств дела);
 - компенсация морального вреда;
 - требование о восстановлении репутации (например, в Японии (п. 1251): публичные извинения, публикация опровержения в СМИ).

110. Практически во всех исследованных юрисдикциях отсутствует специальное регулирование, посвящённое вопросам договорного права с использованием ИИ-систем. Наиболее специализированное регулирование существует сейчас в **Модельном законе ЮНСИТРАЛ**. Некоторые страны воплотили в своём законодательстве подходы ЮНСИТРАЛ к заключению договоров с использованием автоматизированных систем (США (п. 1272), Канада (п. 1297), Индия (п. 1311), ОАЭ (п. 1343)). Даже в условиях отсутствия специализированного регулирования по вопросам ИИ данные положения создают необходимую базу для признания действительными договоров, заключённых с использованием ИИ-систем.
111. Опираясь на Модельный закон ЮНСИТРАЛ, можно определить автоматизированную систему (или электронный агент в США) как систему, которая может взаимодействовать **полностью или частично без вмешательства человека** как с другой автоматизированной системой, так и с человеком. При этом согласно положениям Модельного закона ЮНСИТРАЛ такое взаимодействие признаётся имеющим юридические последствия, в том числе в виде заключённых договоров.
112. Согласно типологии ЮНСИТРАЛ эти системы могут быть как **детерминированными**, то есть действующими по заданным правилам человеком (например, простой чат-бот, действующий по строгому алгоритму), так и **недетерминированными**, то есть генерирующими данные, которые нельзя предсказать в каждом конкретном случае, но можно предсказать в пределах диапазона вероятностей⁵ (например, цифровой ИИ-ассистент). Регулирование детерминированных и недетерминированных автоматизированных систем не отличается в рамках акта ЮНСИТРАЛ, но следует отметить, что модельный закон ЮНСИТРАЛ охватывает лишь наиболее общие вопросы действия автоматизированных систем в области договорного права.
113. В принципах регулирования всегда подчёркивается недискриминация сделок, заключённых с помощью автоматизированных систем (например, ЮНСИТРАЛ (п. 1261), США (п. 1286), Индия (п. 1312)), в том числе выраженных исключительно с помощью **компьютерного кода** или основанных на информации из источников, содержание которых может **динамически меняться** со временем (п. 1261).
114. Ключевым в регулировании является вопрос последствий деятельности автоматизированных систем в договорных отношениях. Общим для всех правовых порядков является вывод о том, что **правовые последствия не могут быть возложены на ИИ-систему**, поскольку она не является субъектом гражданских правоотношений. **Ответственность за её действия на общих основаниях может вменяться только лицу (физическому или юридическому), которое её использует, разворачивает или иным образом контролирует.** В некоторых правовых порядках есть действующие положения гражданского законодательства или законопроекты, освобождающие пользователя ИИ-системы от ответственности за совершённые ею сделки в отдельных случаях (Бразилия (п. 1254)).
115. По модельному закону ЮНСИТРАЛ (п. 1261) последствия действий автоматизированных систем возлагаются:
- на ту или иную сторону, исходя из достигнутого сторонами соглашения;

⁵ ЮНСИТРАЛ. (2025). *Типовой закон ЮНСИТРАЛ об автоматизированном заключении договоров и руководство по его принятию*. [URL](#)

- если такого соглашения нет, на сторону, использующую соответствующую автоматизированную систему для конкретной цели.
116. Стороны не могут ссылаться на **«неожиданный» результат** работы автоматизированной системы как **единственное** основание для отказа от принятия на себя последствий её работы. При этом одна сторона не может рассчитывать на последствия, которые возникли для другой стороны, когда:
- вторая сторона не могла **разумно ожидать** таких результатов (например, значение могут иметь ряд факторов, включая: а) характер и цель договора; б) вид сделки; и с) торговые обычаи и практика, установленные между сторонами⁶),
 - а первая сторона, исходя из разумных ожиданий, **знала или могла предположить** об отсутствии такого ожидания.
117. Такой же подход, описанный в предыдущем абзаце, нашупал и китайский правоприменитель (п. **1318**). В одном из дел ИИ-система пообещала истцу, что если она ответит неправильно на его запрос, то она выплатит ему определённую сумму. Система ответила неверно. Истец обратился в суд с требованием к компании, которой принадлежала система ИИ. Суд, опираясь на категорию «разумное доверие», отметил, что истец разумно не мог ожидать, что такое требование компания взяла бы на себя. В данном случае компания была освобождена от ответственности. Но суд подчеркнул, что в ином контексте компания была бы ответственна за действия своей ИИ-системы. Сама же ИИ-система такую ответственность нести не может, потому что не является субъектом гражданских правоотношений и не обладает собственной волей.
118. В ЕС (п. **1269**) в модельных правилах для сторон также предусмотрен **тест на «неожиданность»**, который описывается категорией «разумности». При этом для потребителя тест более простой, чем для предпринимателя:
- для потребителя достаточно, чтобы произведённые цифровым ассистентом действия **«отклонялись от разумно ожидаемых потребителем»**. При оценке ожиданий потребителей должны учитываться: 1) информация о возможностях использования цифрового ассистента и соответствие его функционирования этой информации; 2) внешние факторы (потеря доступа к данным третьих лиц, ошибки в данных или нарушения кибербезопасности); и 3) мог ли потребитель в данных конкретных обстоятельствах разумно ожидать, что рассматриваемое действие будет предпринято;
 - для предпринимателя действия используемого цифрового ассистента должны быть **«настолько неожиданными, что разумный человек пришел бы к выводу о серьёзном сбое в работе цифрового ассистента»**.
119. В праве США (п. **1282**) предусмотрен «эффект изменения или ошибки» при заключении договора **исключительно электронными агентами**. Так, если ошибка произошла при осуществлении транзакции между сторонами, и одна из сторон следовала согласованной **процедуре безопасности**, а другая не следовала, то первая сторона может избежать последствий ошибки, заявив об этом.
120. По той же норме (п. **1283**), если договор заключён человеком, с одной стороны, и электронным агентом, с другой стороны, и человек по неосторожности **допустил ошибку**, а электронный агент **«не предоставил возможности её исправить»**, человек может отменить транзакцию при соблюдении следующих условий:

⁶ Ibid.

- человек **незамедлительно уведомляет** другую сторону об ошибке и о том, что он (она) не намерен быть связанным таким договором;
 - **предпринимает разумные шаги**, включая шаги, соответствующие разумным указаниям другой стороны, для возврата другой стороне или, по указанию другой стороны для уничтожения полученного исполнения по сделке, если таковое имеется, в результате ошибочной транзакции;
 - **не использовал и не получил никакой выгоды** или ценности от полученного от другой стороны исполнения, если таковое имеется.
121. При этом **провайдер не может** оговорками в договоре (например, в публичной оферте) лишить пользователя права **отменить сделку** при отсутствии механизма исправления ошибок (п. 1284).
122. В ЕС (п. 1268) устанавливаются дополнительные требования к использованию цифровых ассистентов в отношениях с потребителями:
- обязательное предоставление потребителю возможности задавать **параметры будущих договоров** (в модельных правилах предусмотрен **минимальный перечень** таких параметров);
 - обязанность производителя/разработчика цифрового ассистента внедрить **функциональность предотвращения заключения нежелательного** для потребителя договора:
 - модель предварительного одобрения каждого договора потребителем, либо последующего возражения в течение какого-то времени, а также
 - возможность отказаться от совершённого действия.
123. В условиях отсутствия специального регулирования исследователи в остальных странах в основном обсуждают, как именно будут применяться действующие нормы гражданского законодательства данных стран к действиям ИИ-систем (Великобритания (п. 1288), Австралия (п. 1302), Франция (п. 1306), Германия (п. 1309), Индия (п. 1311), Китай (п. 1316)), однако судебных решений, которые бы закрепили какой-либо конкретный подход, крайне мало.
124. В отдельных случаях к отношениям с использованием ИИ-систем могут быть применимы нормы, принятые для урегулирования вопросов заключения **договоров с использованием смарт-контрактов** (Казахстан (п. 1333), Кыргызстан (п. 1339)).

Рекомендации для разработки законодательства в Российской Федерации

125. 26 июля 2026 года был опубликован **Федеральный закон «О развитии ИИ»**, распространяющий своё действие на отношения в сфере разработки, внедрения и применения Большой фундаментальной модели (**БФМ ИИ**)⁷. Вместе с тем сфера его действия остаётся неопределённой: неясно, в какой мере положения закона применимы к иностранным БФМ ИИ, в том числе с учётом закреплённых в нём принципов.
126. С учётом проведённого сравнительно-правового исследования подходов к определению предмета и сферы регулирования, представляется важным определиться с **пониманием ИИ**

⁷ Рекомендации даны с учётом последней версии принятого Федерального закона. Полная история рассмотрения проекта Закона «О развитии ИИ» доступна в: Система обеспечения законодательной деятельности. (2026). *Законопроект № 1271570-8 О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации*. [URL](#)

для целей законодательного регулирования (как технологии или как социотехнологического явления). От этого зависит место Федерального закона «О развитии ИИ» в системе законодательства. В зависимости от понимания ИИ должна быть выстроена система понятий, связанных с объектами регулирования (модель ИИ, система ИИ, сервис ИИ).

127. В зависимости от предмета и сферы регулирования, которая может быть более широкой или более узкой, во всех законодательных актах об ИИ выстраивается **система ролей**, включающая роли:
- разработчиков моделей ИИ,
 - собственников и операторов систем ИИ,
 - пользователей и потребителей, а также
 - поставщиков сервисов на основе ИИ.
128. **Ролевая архитектура законов об ИИ** обычно выстраивается с учётом обеспечения внутренней гармонизации закрепляемых ими правовых статусов с другими применимыми законами либо с другими разделами кодифицированных законов.
129. В действующей редакции Федерального закона «О развитии ИИ» не содержится строгой системы ролей, понятия «владелец», «оператор» и «пользователь» системы ИИ были исключены из перечня определений, как и статья, перечисляющая субъектов отношений в сфере ИИ. Вместо этого закон использует описательную терминологию «лицо, применяющее БФМ ИИ» и «лицо, предоставляющее возможность применения БФМ ИИ». Тем не менее сохранилось определение разработчика системы ИИ.
130. В числе **принципов** целесообразно указать прозрачность и объяснимость; подконтрольность и подотчётность; правомерность; недискриминацию; безопасность, надёжность и устойчивость; доверенность, включающую в себя доверенность входных данных и результатов работы; устойчивое развитие и вклад в благополучие общества в целом.
131. В Федеральном законе «О развитии ИИ» перечислено девять принципов регулирования отношений: обеспечение благоприятных условий развития, технологическая независимость, обеспечение прав и свобод человека и гражданина, уважение автономии и свободы воли человека, уважение российских традиционных ценностей, поддержка российских разработчиков, развитие международного сотрудничества, а также безопасность.
132. Представляется, что дополнение этого перечня принципами объяснимости, прозрачности и надёжности учло бы способность ИИ-систем вводить пользователей в заблуждение и совершать ошибки, а также особую важность устойчивости действия функционала систем ИИ. Отсутствие принципа прозрачности может повлечь размытие ответственности в связи с невозможностью установления лица, виновного в причинении вреда, а также упростить использование систем ИИ мошенниками. Принцип надёжности, в свою очередь, мог бы выступать в качестве гарантии экономической стабильности как разработчика, так и пользователей.
133. Кроме этого, в Федеральном законе «О развитии ИИ» в качестве принципа указан риск-ориентированный подход, который тем не менее не подкреплён дифференциацией регулирования действия систем ИИ по **уровням рисков**. В связи с этим возможно предусмотреть следующую классификацию ИИ: первым уровнем могут быть системы ИИ или цели их использования с **неприемлемым уровнем риска**, то есть такие системы не

должны использоваться, если иное не предусмотрено законами. В частности, к ним могут быть отнесены системы ИИ:

- использующие манипуляции и уязвимости людей (при условии проведения оценки и выявления несоответствия установленным критериям);
- считывающие эмоции пользователя без его согласия;
- совершающие массовый биометрический контроль (через камеры видеонаблюдения, интернет и т. д.) в различных целях;
- создающие контент, угрожающий национальной безопасности и противоречащий общественным ценностям, или распространяющий незаконный контент (непристойность, порнография, насилие);
- создающие контент, поощряющий членовредительство, самоубийства, словесное насилие или иной вред физическому, психическому здоровью и личному достоинству;
- собирающие государственные, служебные, коммерческие тайны, личную информацию или персональные данные;
- создающие контент для несовершеннолетних, побуждающий к подражанию небезопасному поведению, вызывающий крайние эмоции или вредные привычки;
- наносящие ущерб реальным межличностным отношениям;
- предоставляющие услуги «виртуальных родственников», «виртуальных партнёров» и другие услуги виртуальных интимных отношений.

134. Следующим уровнем систем ИИ являются **высокорисковые системы**. В данном случае необходимо установить баланс между двумя ценностными ориентирами: охраняемые обществом и государством блага и обязанности, которые налагаются на разработчиков/операторов систем ИИ. Не рекомендуется давать общие формулировки (например, затрагивающие права человека и общественные интересы), потому что это создаёт правовую неопределённость для бизнеса и затормаживает развитие ИИ.

135. Предпочтительнее определить конкретный список тех областей, использование ИИ в которых может считаться высокорисковым с обязательным установлением критериев такой высокорисковости в данной сфере с учётом специфики регулируемой области. При выработке критериев необходимо обратить внимание не только на вред, который может причинить система, но и на последствия прекращения её работы.

136. При определении **высокорисковых систем ИИ** можно обратить внимание на **критерии**, которые сейчас существуют в других государствах:

- системы ИИ, предназначенные для использования в качестве компонента безопасности какого-либо продукта (либо сама система ИИ является таким продуктом), при этом такой продукт подлежит оценке соответствия третьей стороной с целью вывода данного продукта на рынок или его ввода в эксплуатацию;
- системы ИИ, которые при вводе в эксплуатацию принимают значимое решение или являются существенным фактором при принятии такого решения.

137. Если система отнесена к высокорисковой, то в отношении её разработчиков/операторов могут быть установлены дополнительные требования, например:

- разработка способов управления рисками;

- установка характеристик указанных систем, обеспечивающих открытость, объяснимость, подконтрольность, точность, надёжность и цифровую устойчивость таких систем;
 - определение требований к качеству цифровых данных для таких систем;
 - ведение определённой технической документации на такие системы.
138. Федеральный закон «О развитии ИИ» не содержит отдельных положений в области ответственности, отсылая к законодательству Российской Федерации. Такой подход является обоснованным: частноправовую ответственность за вред, причинённый использованием ИИ-инструментов, возможно определять **по действующему ГК РФ**. Для этого подходят статьи 1064 ГК РФ (генеральный деликт), 1079 ГК РФ (ответственность за ИПО), 1095 ГК РФ (ответственность за дефект товаров), 1099 ГК РФ (ответственность за моральный вред).
139. Вместе с тем необходимо отметить **особенности** российской правовой системы, которые важно учитывать при формулировании правовых норм и которые отличаются от других стран.
140. Вне зависимости от квалификации системы ИИ в качестве товара или услуги, ответственность за её недостатки является **строгой** на основании статьи 1095 ГК РФ. Причём такая ответственность помимо потребителей может распространяться на **юридические лица**, приобретшие товар/услугу в потребительских целях. Как было показано выше, **устоявшегося подхода** в мировой практике в отношении этого вопроса также нет (**п. 35**).
141. Понятие ИПО, используемое в статье 1079 ГК РФ, позволяет распространить режим **строгой ответственности** на вред, причинённый в связи с использованием ИИ как **физическим**, так и **юридическим лицам**. Данный подход **противоречит** общей логике защиты в первую очередь **физических лиц** от вреда, который может возникнуть в связи с использованием системы ИИ (**п. 34**).
142. Ввиду того, что категория ИПО является специфической для постсоветского пространства (**п. 36**), законодатель должен учитывать, что ИПО потенциально может охватывать **любой вред, причинённый системой ИИ**, вытесняя другие нормы ГК РФ, ввиду своего широкого определения⁸, что может быть **избыточным**.
143. Также применительно к статье 1064 ГК РФ необходимо отметить, что **вина** по российскому праву **презюмируется**, что облегчает бремя доказывания потерпевшего, но не снимает с него **бремени доказывания противоправности совершенного причинителем вреда с помощью сервиса/системы ИИ действия/бездействия, наличия вреда и причинно-следственной связи между ними** (как и в случаях строгой ответственности по статьям 1079 и 1095). При этом в качестве ориентира для законодателя и в дальнейшем при рассмотрении судами дел рекомендуется использовать опыт ЕС с введением **бремени раскрытия доказательств для причинителя вреда**: если лицо, ответственное за ИИ-систему, не предоставит необходимые доказательства отсутствия дефектов системы, устанавливаются презумпции противоправности и наличия причинно-следственной связи (при типичности причинённого вреда) и (или) в исключительных случаях презумпция вероятности наличия дефектности/причинной связи в технически сложной системе ИИ.
144. Следующие вопросы заслуживают внимания законодателя:

⁸ ИПО не поддаётся полному контролю человеком, и вред, который возникнет, будет результатом действия такого объекта.

- Кто является лицом/лицами, несущими ответственность за причинение вреда в гражданском обороте в рамках выстраиваемой системы ролей (п. 127)?
 - Какой вид ответственности (виновная/строгая; за какие нарушения; в каком размере) должен быть применен к конкретной категории лиц (физическое лицо, юридическое лицо)?
 - Какой вид ответственности применим к каждой системе ИИ в зависимости от её типа и сферы применения (БПТ, ИИ-компаньоны, некачественные товары/услуги на базе сервисов ИИ и т. д.)?
 - Есть ли необходимость в дифференциации видов ответственности (например, в зависимости от вида системы ИИ по уровню риска или статуса потерпевшего как физического лица-потребителя или юридического лица)?
145. Законодателю также рекомендуется определить **стандарты безопасности использования ИИ** в различных сферах в подзаконных актах, а также определить **требования к производителям систем ИИ**.
146. В частности, в качестве стандарта безопасности важно отразить обязанность лица, изготавливающего товары/оказывающего услуги, внедрить **порядок взаимодействия человека и ИИ в целях применения положений** статьи 1068 ГК РФ об ответственности работодателя за действия своего работника и определения наличия вины такого работника. В таком порядке взаимодействия с ИИ могут быть выделены:
- «роли торможения» — замедление решений ИИ, чтобы человек успел проанализировать данные и самостоятельно принять решение;
 - «роли устойчивости» — ИИ должен давать «когнитивные поручки» для человека, которые позволяют последнему проверить работу ИИ, то есть давать оценку неопределённости и значимости каких-либо рисков;
 - «роли кризис-менеджера» — при разработке должна быть предусмотрена возможность для пользователей тренироваться на симуляциях сбоев в работе системы ИИ, чтобы выработать скептицизм к ИИ и способность действовать самостоятельно при необходимости.
147. Помимо технических компонентов, обеспечивающих конфиденциальность и безопасность систем ИИ, важно предусмотреть **обязанности лица, ответственного за системы и сервисы ИИ**, а именно:
- **обязанность по мониторингу работы сервиса ИИ.** При обнаружении уязвимости владелец должен передать информацию об этом оператору и потребовать обновление системы. Отсутствие таких действий должно вменяться в вину лица, ответственного за системы и сервисы ИИ;
 - **информирование об уязвимостях системы ИИ.** Должно быть уведомление и предупреждение пользователей об ограничениях ИИ и его уязвимостях, а также в случае затрагивания чувствительных тем (убийства, самоубийства, причинение вреда и т. д.) ИИ-система не должна развивать диалог, а должна предложить обратиться к соответствующим специалистам.
148. В Федеральном законе «О развитии ИИ» установлены обязанности по обеспечению безопасности, определению правил эксплуатации и ведения технической документации в отношении разработчиков суверенных и (или) национальных моделей ИИ. Кроме этого, установлена обязанность по предоставлению пользователям возможности маркировки

материалов, созданных с применением системы ИИ, хотя круг обязанных субъектов не определён.

149. В случае ответственности за дефект товаров/услуг законодателю необходимо обратить внимание на сроки службы/гарантийные сроки, а также стандарты информирования, от которых напрямую зависит ответственность изготовителя/продавца перед потребителем.
150. Именно эти стандарты помогут определить степень заботливости и осмотрительности (абз. 2 п. 1 ст. 401 ГК РФ), которую должны соблюдать лица, ответственные за систему и сервис ИИ, а также за разработку модели ИИ, чтобы доказать а) свою невиновность, б) отсутствие противоправности в своих действиях.
151. В целях квалификации противоправности также можно рекомендовать определить список неприемлемых рисков / запрещённых технологий / стандартов осмотрительного поведения в целом ко всем ИИ-системам (п. 133).
152. С учётом проведённого **сравнительно-правового исследования подходов к обеспечению правовой охраны РИД**, использовавшихся для обучения ИИ, могут быть сформулированы следующие основные рекомендации для потенциального регулирования данной сферы в Российской Федерации.
153. Во всех странах континентальной правовой семьи, к которой относится и Россия, использование охраняемых РИД для целей обучения ИИ признаётся использованием, входящим в сферу действия **имущественных интеллектуальных прав и требующим согласия правообладателя**. Подобный подход вытекает как из нормативного закрепления, так и из доктринального понимания содержания интеллектуальных прав. На данный момент в Российской Федерации использование охраняемых РИД для целей обучения ИИ также является использованием, требующим согласия правообладателя⁹, что согласуется с подходом наиболее близких и развитых юрисдикций. В связи с этим представляется нежелательным выводить такое использование из сферы действия исключительного права в России, а также не устанавливать иных положений для особых систем ИИ.
154. Наиболее сбалансированным и распространённым в странах континентальной правовой семьи подходом к обеспечению интересов разработчиков ИИ является **закрепление конкретных ограничений из сферы действия исключительного права**, предусматривающих специальные условия их реализации при обучении ИИ в различных (как научных, так и коммерческих) целях. Поскольку правовой системе Российской Федерации **известен** институт подобных ограничений для иных способов использования РИД (например, в форме **свободного использования произведений**¹⁰), представляется, что аналогичные ограничения могут быть введены и для использования РИД в целях обучения ИИ (например, по модели ограничений для осуществления TDM, закреплённых в праве ЕС и в национальных законодательствах ряда государств).
155. Федеральный закон «О развитии ИИ» устанавливает в части 1 статьи 10 требования к использованию РИД при разработке и применении БФМ ИИ. Так, лица, предоставляющие возможность применения ИИ, обязаны уведомлять пользователей ИИ о принадлежности прав на РИД, полученных с помощью БФМ ИИ, и об условиях предоставления

⁹ См., напр. Новоселова, Л. А. (2025). Конфликт интересов авторов и разработчиков ИИ: где выход? *Журнал Суда по интеллектуальным правам*, 4(50), с. 41–49; Гюльбасарова, Е. В. (2024). Обеспечение охраны интеллектуальных прав в условиях развития передовых технологий. *Актуальные проблемы российского права*, 19(10), с. 81–89.

¹⁰ Статьи 1273-1279 ГК РФ.

пользователю доступа к этим РИД. Тем не менее принадлежность прав на РИД и условия предоставления к ним доступа законом не установлены.

156. Федеральный закон «О развитии ИИ» устанавливает в части 2 статьи 10 правомерность «обращения к информации, содержащейся в объектах авторского и (или) смежного права ... в целях практического применения положений, составляющих содержание авторского и (или) смежного права». При этом приводится открытый перечень действий по обращению: «...в рамках компьютерной обработки извлечение, сравнение и классификация закономерностей, воспроизведение по электронной записи». Указанное положение, так же, как и часть 1 статьи 10, без дополнения соответствующих положений ГК РФ препятствует систематизации законодательства в области интеллектуальной собственности и противоречит выявленным подходам к использованию РИД в процессе обучения систем ИИ.
157. Терминология, которая используется Федеральным законом «О развитии ИИ» применительно к правомерному использованию РИД в целях обучения систем ИИ, является слишком размытой. Так,
- i. неясно, что в законе понимается под «целями практического применения» — формулировка практически охватывает любое применение РИД;
 - ii. содержание субъективных авторских и смежных прав выражается через неопределимое и юридически некорректное понятие «положений»;
 - iii. неясно, каким образом осуществляется обращение к указанным «положениям, составляющим содержание авторского права» — формулировка является слишком общей, а ограничение её содержания через открытый перечень действий невозможно;
 - iv. неясно, почему обоснованием возможности свободного использования являются не конкретные ограниченные цели, установленные в ГК РФ, а статус БФМ ИИ в качестве суверенной и (или) национальной, и не наличие права на использование РИД, а правомерное получение экземпляра РИД, что означает безграничные возможности по использованию РИД без согласия правообладателей в любых целях только из-за статуса БФМ ИИ.
158. При этом поскольку положение части 2 статьи 10 распространяется исключительно на обучение суверенных и (или) национальных БФМ ИИ, постольку *a contrario* такая деятельность для разработчиков моделей, не удовлетворяющих условиям признания ИИ-системы в качестве суверенной и (или) национальной, остаётся неурегулированной вовсе.
159. Таким образом, указанные положения статьи 10 Федерального закона «О развитии ИИ» нуждаются в уточнении и соотнесении с ГК РФ в части правил определения принадлежности исключительного права на создаваемые РИД и в части возможности установления ограничений исключительных прав на РИД не в ГК РФ, а в иных законах (пункт 5 статьи 1229 ГК РФ), на что указывалось и в рамках рассмотрения законопроекта в первом чтении¹¹.
160. С учётом проведённого сравнительно-правового исследования подходов к обеспечению правовой охраны РИД, созданных с использованием ИИ, могут быть сформулированы **следующие основные рекомендации для потенциального регулирования данной сферы в Российской Федерации.**

¹¹ Правовое управление Государственной Думы. (2026). *Заключение на проект федерального закона № 1271570-8 «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» (первое чтение)*. [URL](#)

161. Во всех проанализированных юрисдикциях определение охраноспособности контента, созданного с помощью ИИ, решается на **уровне законодательства об охране авторских и патентных прав**.
162. Если лицо использует ИИ в качестве инструмента и вносит **достаточный творческий вклад в создание результата** (не ограничивающийся простым вводом промпта), такой результат может быть признан охраноспособным произведением. При этом фактическая оценка охраноспособности такого объекта должна осуществляться на **уровне правоприменительной практики**. В рамках подобной оценки во внимание могут быть приняты следующие обстоятельства:
- недостаточными для признания творческого вклада являются: **простой промпт**, не позволяющий пользователю контролировать результат; внесение лишь незначительных изменений в сгенерированный ИИ-контент;
 - **достаточными могут признаваться**: 1) детализированные многократные настройки и итерации; 2) использование ИИ для обработки уже созданного человеком охраняемого произведения; 3) творческий подход к отбору, расположению или композиции автономно сгенерированных элементов; 4) наличие причинно-следственной связи между действиями человека и финальным результатом; 5) самостоятельный творческий выбор на этапах концепции, исполнения и (или) редактирования; обеспечение контроля над процессом и предоставление системе конкретных инструкций.
163. Как и в большинстве правовых порядков, в российской правовой системе авторские права по общему правилу возникают у **физического лица – автора произведения** (ст. 1257, п. 2 ст. 1255 ГК РФ), автора изобретения (ст. 1347 ГК РФ). В этой связи представляется, что первичное закрепление **прав на РИД**, созданный с использованием ИИ, **за пользователем** (при наличии его творческого вклада) является наиболее обоснованным. **Разработчик ИИ не должен признаваться автором по умолчанию**. Вопрос о дальнейшем использовании исключительных прав на РИД, созданный с использованием ИИ, может быть **решён сторонами самостоятельно** с учётом принципа свободы договора (например, по условиям пользовательского соглашения).
164. Поскольку правовая система России принадлежит к континентально-правовой семье, в нашем праве предусмотрена **защита нематериальных** благ (раздел 8 ГК РФ). Охрана изображения осуществляется в соответствии со статьёй 152.1 ГК РФ, а его использование допустимо только **с согласия гражданина**. Охрана голоса и образа, в том числе в цифровом пространстве, относится к иным нематериальным благам в силу части 1 статьи 150 ГК РФ. Представляется важным определить порядок получения согласия на использование голоса и образа в цифровом пространстве, а также определиться с тем, ограничена ли охрана этого права каким-то предельным сроком.
165. В связи с этим также стоит отметить, что абзац 3 части 2 статьи 150 ГК РФ уже позволяет защищать нематериальные блага, **принадлежащие умершему**, но это обязательно должно быть указано в законе. Так, часть 1 статьи 152.1 ГК РФ допускает защиту права на изображение после смерти субъекта. Это же должно быть допустимо и в случае с голосом, образом в цифровом пространстве с определением субъекта дачи согласия на использование голоса и образа после смерти умершего.
166. При этом важно также отразить в законе критерии охраноспособности голоса или образа. В качестве примера законодателем для правоприменительной практики могут быть предложены следующие критерии:

- **легко идентифицируется** сходство с конкретным человеком, например: практически неотличим от реального голоса или образа, имеются характеристики уникальности и стабильности, вызывает у общественности ассоциацию с конкретным лицом;
 - **зафиксирован на носителе**, в создании которого человек **лично не участвовал**, либо участвовал, но его выступление изменено радикально цифровым путём;
 - **наличие авторских прав** на изображение, голосовые записи, видеозаписи образа **не включает разрешение** на генерацию ИИ-инструментами.
167. По общему правилу, необходимо разработать правовой механизм, создающий возможность использования изображения, голоса или образа гражданина на договорной основе. В доктрине встречается предложение о распространении нормы о лицензионном договоре (ст. 1235 ГК РФ) в части, не противоречащей природе нематериальных благ. В частности, релевантными могут быть следующие ограничения:
- в договоре должны быть указаны конкретные способы использования указанных благ;
 - должны быть установлены предельные сроки использования таких нематериальных благ.
168. В российском праве после изменения законодательства в 2019 году признаётся, что письменная форма сделки/договора считается соблюденной и в случае, когда сделка/договор заключены с помощью электронных или иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки, при этом требование о наличии подписи считается выполненным, если использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю (п. 1 ст. 160 ГК РФ, п. 2 ст. 434 ГК РФ). Поэтому заключение сделок с использованием ИИ уже охватывается *de lege lata* действующим регулированием.
169. Из положений подраздела 2 части 1 ГК РФ очевидно следует, что ИИ-инструменты не могут являться участниками гражданского правоотношения, что согласуется с зарубежными подходами к определению лиц, ответственных за действия ИИ-систем. Поэтому при заключении договора с помощью ИИ-системы договорную ответственность будет нести её оператор. Иностранные правовые порядки предоставляют возможность перераспределить ответственность между сторонами договора за действия ИИ-системы. Российское право также допускает такую возможность в силу свободы договора.
170. При этом важным представляется отразить в законодательстве ответственность сторон на случай **неожиданных результатов взаимодействия с ИИ-системой**. Одна сторона должна быть освобождена от правовых последствий, если
- она не могла **разумно ожидать** таких результатов, исходя из характера и цели договора; вида договора; торговых обычаев и практики, установленной между сторонами и др.¹²,
 - а другая сторона, исходя из разумных ожиданий, **знала или могла предположить** об отсутствии такого ожидания.
171. При этом **разумность ожиданий** для различных участников гражданского оборота **должна быть различной**. Требования к потребителю как к более слабой стороне должны быть ниже. Такие критерии должны определяться правоприменительной практикой, но

¹² Ibid.

законодатель может подчеркнуть, что во внимание должны приниматься следующие факторы:

- предоставленная потребителю информация о возможностях использования цифрового ассистента и соответствие его функционирования этой информации;
- внешние факторы (потеря доступа к данным третьих лиц, ошибки в данных или нарушения кибербезопасности);
- мог ли потребитель в данных конкретных обстоятельствах разумно ожидать, что рассматриваемое действие будет предпринято.

172. Возможно рассмотреть вопрос о развитии в будущем положений статьи 310 ГК РФ, а именно предусмотреть условие о том, что, если при заключении договора от имени одной стороны без ведома другой выступала ИИ-система, другой стороне должна быть предоставлена возможность отказаться от договора, если такой договор был заключён ей по ошибке. Такая сторона должна незамедлительно уведомить оператора ИИ-системы об отсутствии намерения заключить договор. Можно предложить учитывать наличие/отсутствие исполнения обязательства сторонами, а также предусмотреть правило о порядке отказа от договора в результате ошибки в правилах оператора ИИ-системы.

I. Основные подходы к регулированию отношений в сфере ИИ

173. В мире принято несколько законов, направленных на регулирование отношений, связанных с ИИ. В трёх странах мира приняты специальные законы об ИИ (в Японии, Республике Корея, Казахстане), в четвёртой стране закон принят на уровне субъекта федерации (штата Колорадо в США), также полноценное регулирование ИИ является предметом главы Цифрового кодекса Кыргызстана как акта более высокого уровня. Полноценный законодательный акт прямого действия по вопросам ИИ принят также в Европейском союзе. Кроме того, в качестве полноценной, пусть и добровольной регулятивной основы для ИИ выступает Стандарт ИИ НИСТ. Сравнение основных характеристик перечисленных документов приведено в **Приложении 1**.

1. Общие принципы регулирования разработки и использования технологий ИИ

1.1. Краткий обзор принятых в мире законов об ИИ и иных руководящих документов

(a) ОЭСР

174. Ключевым документом международного уровня являются Принципы ИИ ОЭСР (**Принципы ОЭСР**). Они распространяются на 38 стран – членов ОЭСР, а также на 9 других стран, присоединившихся к ним¹³. Принципы ОЭСР являются наиболее широко распространённым международным стандартом управления ИИ и формируют основу, на которую опирается большинство национальных стратегий в области ИИ. Они не имеют обязательной юридической силы, но формируют нормативные ожидания, которые регулирующие органы, инвесторы и корпоративные клиенты используют для оценки зрелости управления ИИ. Многие национальные законы прямо ссылаются на эти принципы. Они закрепляют следующее:

- ИИ должен приносить пользу людям и планете, способствуя инклюзивному росту и устойчивому развитию;
- системы ИИ должны соответствовать принципам верховенства права, соблюдения прав человека, демократическим ценностям и способствовать многообразию;
- системы ИИ должны быть прозрачными и понятными, чтобы люди могли понимать и оспаривать результаты их работы;
- системы ИИ должны быть надёжными, безопасными и защищёнными на протяжении всего своего жизненного цикла;
- организации и отдельные лица, разрабатывающие или внедряющие ИИ, должны нести ответственность за результаты работы ИИ.

(b) Китайская Народная Республика

175. Несмотря на активное развитие регулирования в цифровой среде, в Китае проект всеобъемлющего акта по вопросам ИИ ещё не принят и находится в разработке.

¹³ OECD. (2026). *The OECD AI Index*. OECD Publishing. [URL](#)

Наибольшую сферу действия имеет Временное положение по генеративному ИИ. Согласно данному положению, поставщики сервисов генеративного ИИ, доступных широкой публике на материковой части Китая, обязаны провести оценку безопасности до внедрения сервисов генеративного ИИ и чётко обозначать контент, сгенерированный ИИ, чтобы пользователи и последующие получатели могли его идентифицировать.

(с) Соединённые Штаты Америки

176. В США, аналогично, бурное развитие технологий ИИ пока не привело к созданию закона об их регулировании на федеральном уровне. Тем не менее первый закон был принят на уровне штата (в Колорадо), хотя и в рамках узкого предмета регулирования, а именно в рамках защиты прав потребителей. Согласно данному закону, разработчики обязаны предоставить лицам, развёртывающим систему, документацию, содержащую обучающие данные, известные ограничения, меры по снижению рисков и результаты оценки, а лица, развёртывающие системы ИИ, перед использованием должны внедрить политику управления рисками и провести оценку воздействия.
177. В отсутствие законодательного регулирования, в США базовым документом федерального уровня стала Структура управления рисками в области ИИ NIST (**Стандарт ИИ НИСТ**). Хотя документ не носит обязательного характера, он является базовым для лиц, разрабатывающих и внедряющих системы ИИ. Он описывает создание систем управления рисками в сфере ИИ, методику оценки рисков, связанных с ИИ, с использованием количественных и качественных методов, и подходы к управлению выявленными рисками посредством определения приоритетов, смягчения последствий и мониторинга. Стандарт призван обеспечить непрерывный мониторинг и документирование поведения системы ИИ на протяжении всего жизненного цикла.

(d) Япония

178. Базовый закон Японии о содействии ответственному развитию ИИ (**Базовый закон об ответственном ИИ**) устанавливает основополагающие принципы развития и использования ИИ на всей территории Японии. К числу таких принципов относятся человекоцентричность, безопасность, справедливость, прозрачность и подотчётность. Закон создаёт правительственный координационный орган по вопросам политики в области ИИ на уровне министерств и требует от правительства разработать и опубликовать отраслевые руководства по ИИ, соответствующие основным принципам. Закон способствует международному сотрудничеству в области стандартов управления ИИ.

(е) Республика Корея

179. Рамочный закон об ИИ Республики Корея (**Рамочный закон об ИИ**) закрепляет принципы использования и основы классификации систем ИИ. Закон устанавливает, что перед внедрением систем ИИ высокого риска необходимо провести оценку их воздействия на окружающую среду, охватывающую вопросы безопасности, прав человека и влияния на общество. Помимо этого, закон требует внедрить меры по обеспечению прозрачности: раскрывать информацию об использовании ИИ затронутым лицам и предоставлять информацию о работе системы ИИ. Также законом предусмотрено создание Национального комитета по ИИ для координации политики, стандартов и надзора в области ИИ в рамках всего правительства и содействия развитию надёжного ИИ посредством программ сертификации и стандартизации.

(f) Казахстан

180. Закон Республики Казахстан «Об ИИ» (**Закон об ИИ Казахстана**) представляет собой основу для формирования новой отрасли законодательства и затрагивает широкий спектр бизнесов — от IT-разработки и финансов до здравоохранения, транспорта и государственного управления. Закон учреждает Национальную платформу ИИ, предназначенную для предоставления услуг в сфере ИИ, доступа к вычислительным ресурсам и библиотекам данных.

(g) Кыргызстан

181. ИИ посвящена отдельная глава Цифрового кодекса Кыргызской Республики. Законодатель закрепляет определения систем ИИ и систем ИИ повышенной опасности, а также базовые принципы их проектирования и применения: открытость, объяснимость, точность, надёжность, подконтрольность человеку и безопасность. Для ИИ, способного повлиять на права и законные интересы лиц, предусмотрены процедуры оценки рисков, декларирования и раскрытия информации. Регулирование отношений по использованию ИИ подкреплено административной ответственностью, установленной в рамках Кодекса Кыргызской Республики о правонарушениях.

(h) Европейский союз

182. EU AI Act является наиболее тщательно проработанным документом, накладывающим наибольший объём обязательств на лиц, чья деятельность так или иначе связана с ИИ. Он содержит перечень запрещённых практик в отношении ИИ, классифицирует системы и модели ИИ и устанавливает требования к деятельности лиц, в зависимости от вида разрабатываемой или используемой ими модели или системы ИИ.

1.2. Определения в различных документах

183. Правовые документы различных стран мира по-разному подходят к самому определению того, что считать ИИ. В самом общем виде можно выделить два подхода.
184. Первый подход в качестве квалифицирующих признаков указывает на предсказательную функцию: на основе получаемых входных данных ИИ определяет то, как генерировать выходные результаты (такие как прогнозы, контент, рекомендации или решения), способные оказывать влияние на физическую или виртуальную среду. Системы ИИ различаются по уровню своей автономности и адаптивности после развёртывания. Данный подход используют Принципы ОЭСР, Закон Колорадо об ИИ, EU AI Act, Цифровой кодекс и Стандарт ИИ НИСТ, причём два последних документа в числе признаков указывают заранее определённые цели функционирования ИИ.
185. Второй подход указывает в качестве квалифицирующего признака то, что технология ИИ и используемые ею входные данные посредством искусственных методов замещают интеллектуальные способности, связанные с человеческим познанием, рассуждением и суждением. Данный подход используется в Базовом законе об ответственном ИИ и Рамочном законе об ИИ. Близкое по сути определение даётся в Законе об ИИ Казахстана, однако в нём речь идёт не о функциональном замещении интеллектуальных способностей человека, а об их имитации. Однако в этом же определении подчёркивается, что «имитация» обеспечивает результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их.
186. В разных актах в большей или меньшей степени проводится разграничение ИИ как технологии и системы ИИ как реализации этой технологии на конкретной программной

или аппаратно-программной базе либо в конкретных процессах (в частности, в цифровых сервисах). Здесь можно выделить одно-, двух- и даже трёхступенчатые подходы к разграничению этих понятий.

187. В первом случае предметом регулирования выступает система ИИ как материальное воплощение технологии, в результате технологии ИИ сами по себе не регулируются. Такой подход сейчас является наиболее распространённым: он реализован в Принципах ОЭСР, Законе Колорадо об ИИ, EU AI Act, Цифровом кодексе и Стандарте ИИ НИСТ.
188. Двухступенчатый подход, предполагающий отдельное определение ИИ и системы ИИ, закреплён в Законе об ИИ Казахстана и отчасти в Базовом законе об ответственном ИИ. Применительно к последнему важно оговорить, что в качестве реализации ИИ там указывается как собственно система ИИ, так и процесс её использования, то есть сервис ИИ.
189. Наконец, трёхступенчатый подход использован в Рамочном законе об ИИ, где отдельно выделяются система ИИ (система на основе ИИ, которая формирует результаты для достижения заданных целей, обладая при этом различными уровнями автономности и адаптивности) и технология ИИ (аппаратные средства, программные технологии или технологии их применения, необходимые для реализации ИИ).
190. Ни в одном из принятых правовых актов не затрагивается вопрос о правовом статусе ИИ. Законодатели разных стран не предполагают возможности наделения ИИ (системы ИИ, технологии ИИ) правами и обязанностями, а также не создают презумпции или фикции автономии ИИ. Результаты работы ИИ тем или иным образом атрибутируются существующим субъектам права в зависимости от ролей, выделяемых в законе или ином правовом документе. (Подробнее об атрибутировании — отнесении результатов работы системы ИИ к различным участникам деятельности в сфере ИИ — см. **пп. 238-268**).

1.3. Предмет и сфера регулирования

191. Хотя практически все имеющиеся в мире регуляторные документы в сфере ИИ так или иначе устанавливают требования к участникам деятельности, связанной с ИИ, характер таких требований различается в зависимости от предмета регулирования конкретного закона, стандарта или иного документа.

(a) Европейский союз

192. EU AI Act устанавливает в качестве собственной цели совершенствование функционирования внутреннего рынка и содействие внедрению ориентированного на человека и заслуживающего доверия ИИ, при одновременном обеспечении высокого уровня защиты здоровья, безопасности и основных прав от вредного воздействия систем ИИ, а также поддержку инноваций.

(b) Республика Корея

193. Рамочный закон об ИИ при описании предмета своего регулирования указывает, что технологии и индустрия ИИ должны развиваться в направлении, способствующем повышению безопасности и надёжности, тем самым улучшая качество жизни людей.

(c) Кыргызстан

194. Цифровой кодекс закрепляет, что обязательные требования либо иные ограничения в отношении систем ИИ повышенной опасности могут устанавливаться исключительно в целях минимизации риска причинения вреда следующим благам (охраняемые блага):

- жизнь и здоровье людей;
- права и свободы человека и гражданина;
- окружающая среда;
- обороноспособность государства;
- национальная безопасность государства;
- общественный порядок.

195. В то же время в других актах цели регулирования определяются иначе, либо добавляются дополнительные цели.

(d) Казахстан

196. Так, в Законе Казахстана об ИИ в качестве целей регулирования обозначены:

- определение правовой и организационной основы регулирования общественных отношений в сфере ИИ;
- обеспечение прозрачности и безопасности в использовании систем ИИ, а также результатов деятельности систем ИИ;
- создание благоприятных условий для привлечения инвестиций в развитие сферы ИИ;
- государственная поддержка исследований и инноваций в сфере ИИ.

(e) Япония

197. В Базовом законе об ответственном ИИ цели определены в ключе, сходном с пунктами 3 и 4 Закона Казахстана об ИИ: содействовать исследованиям, разработке и использованию технологий, связанных с ИИ.

(f) Соединённые Штаты Америки

198. Стандарт ИИ НИСТ аналогично устанавливает, что управление рисками, связанными с ИИ, открывает путь к минимизации потенциальных негативных последствий применения систем ИИ — таких как угрозы гражданским свободам и правам, — одновременно предоставляя возможности для максимизации положительного эффекта. Эффективное выявление, документирование и управление рисками ИИ, а также потенциальными негативными последствиями, способны привести к созданию более надёжных и заслуживающих доверия систем ИИ.

(g) ОЭСР

199. Принципы ОЭСР закрепляют собственную сферу применения как национальную политику и международное сотрудничество в следующих областях:

- инвестирование в исследования и разработки в области ИИ;
- содействие формированию инклюзивной экосистемы, благоприятствующей развитию ИИ;
- создание благоприятной и интероперабельной среды регулирования и политики в сфере ИИ;
- развитие человеческого потенциала и подготовка к трансформации рынка труда;

- международное сотрудничество в целях обеспечения надёжности ИИ.

1.4. Принципы регулирования

200. В принципах регулирования, закреплённых в законах разных стран, сложно обнаружить какие-либо закономерности. С одной стороны, законодатели соответствующей страны закрепляют в качестве принципов привычные для данной страны конструкции, адаптируя их к сфере ИИ. С другой стороны, различия в таких принципах отражают новизну регулирования ИИ и отсутствие сложившихся либо общепризнанных подходов к этой сфере.
201. В числе принципов, выделяемых одновременно в нескольких разных законах, можно указать следующие:
- транспарентность, в некоторых случаях охватывающую также объяснимость;
 - подконтрольность и подотчётность;
 - правомерность, понимаемая, в зависимости от правовой семьи, как верховенство права, законность или приоритет прав человека, прежде всего права на неприкосновенность частной жизни;
 - недискриминация;
 - безопасность, надёжность и устойчивость;
 - доверие, в том числе к входным данным и результатам работы;
 - устойчивое развитие и вклад в благополучие общества в целом.
202. Можно отметить, что практически все перечисленные принципы не являются специфическими именно для технологии ИИ. Исключение составляет принцип объяснимости. При этом важно понимать значение данного принципа как целевого, а не текущего состояния: результаты функционирования систем ИИ по своей сути не могут быть полностью объяснимы, при этом рост объяснимости является фактором повышения транспарентности, подконтрольности, подотчётности, доверенности таких систем.
203. Подробное описание принципов можно найти в **Приложении 1**.

2. Дифференциация регулирования отношений с использованием разных видов ИИ

2.1. Виды систем ИИ по функциональным особенностям

204. Классификация систем ИИ в зависимости от их функциональных особенностей ни в одном из существующих правовых актов не является исчерпывающей. Правильнее будет сказать, что в отдельных актах выделяются специальные виды систем ИИ, в отношении которых вводится особый режим их использования.
205. Очевидно, что нельзя применять одни и те же правила ко всем отношениям, в которых используются системы ИИ, но и создать исчерпывающее регулирование всего множества видов и разновидностей таких отношений тоже не получится. Поэтому законодательство становится двухуровневым: первый уровень применяется ко всем видам отношений с использованием ИИ, на втором уровне выделяются системы ИИ со специальными

режимами. В качестве примеров можно указать системы генеративного ИИ и модели (а также основанные на них системы) ИИ общего назначения.

(а) Китайская Народная Республика

206. Использование систем генеративного ИИ для предоставления широкой общественности услуг по генерации текста, изображений, аудио, видео и иного контента на территории Китайской Народной Республики подробно урегулировано Временным положением по генеративному ИИ. Оно предусматривает, что поставщики услуг в сфере генеративного ИИ обязаны осуществлять деятельность по обработке обучающих данных — такую как предварительное обучение и оптимизационное обучение — в соответствии с законом, а также соблюдать следующие требования:
- использовать данные и базовые модели, имеющие законные источники происхождения;
 - в случаях, касающихся прав интеллектуальной собственности, не нарушать права интеллектуальной собственности, которыми на законных основаниях обладают третьи лица;
 - при обработке персональной информации получать согласие субъекта персональных данных либо соблюдать иные условия, предусмотренные законами и административными нормативными актами;
 - принимать эффективные меры для повышения качества данных для обучения, а также для обеспечения их достоверности, точности, объективности и разнообразия.
207. Важно отметить, что поставщики услуг в сфере генеративного ИИ обязаны руководствоваться всей иерархией правовых актов КНР в цифровой сфере, начиная с Закона КНР о кибербезопасности (CSL), Закона КНР о безопасности данных (DSL), а также Закона КНР о защите персональной информации (PIPL). Помимо этого, на них распространяются обязанности производителей сетевого информационного контента, предусмотренные соответствующим законодательством.
208. Временное положение по генеративному ИИ содержит требования к соглашению об оказании услуг с пользователем сервиса генеративного ИИ. Поставщик обязан:
- обеспечивать безопасное, стабильное и бесперебойное функционирование сервиса, гарантируя тем самым возможность его нормального использования пользователями;
 - осуществлять маркировку генерируемого контента (изображений, видеоматериалов и т. д.);
 - чётко определять и раскрывать информацию о целевых группах пользователей, сценариях и целях использования своих сервисов, ориентировать пользователей на научно обоснованное и рациональное использование технологий генеративного ИИ в соответствии с законом, а также
 - принимать эффективные меры для предотвращения чрезмерной зависимости или формирования аддикции к сервисам генеративного ИИ у несовершеннолетних пользователей;
 - в отношении вводимой пользователями информации и записей об использовании сервиса соблюдать обязательства по защите данных в соответствии с законом;
 - не осуществлять сбор избыточной (несущественной) персональной информации, незаконно хранить вводимую информацию и записи об использовании, позволяющие

идентифицировать пользователей, а также незаконно передавать вводимую информацию и записи об использовании третьим лицам;

- оперативно принимать и обрабатывать индивидуальные запросы пользователей, касающиеся доступа к их персональной информации, её копирования, исправления, дополнения, удаления и т. д., в соответствии с требованиями закона;
- в случае обнаружения контента, нарушающего требования законодательства, незамедлительно принять меры по пресечению его распространения (включая остановку генерации и передачи данных) и его удалению, а также принять корректирующие меры (например, путём оптимизации и переобучения модели) и уведомить об этом соответствующие компетентные органы.

209. Если поставщик услуг обнаружит, что пользователь использует сервисы генеративного ИИ для осуществления противоправной деятельности, он обязан принять меры реагирования — такие как вынесение предупреждения, ограничение функционала, временное приостановление или полное прекращение предоставления услуг — в соответствии с требованиями закона и условиями заключённого договора; при этом поставщик обязан сохранить соответствующие записи о произошедшем инциденте и уведомить о нём соответствующие компетентные органы.
210. Поставщики услуг обязаны создавать и совершенствовать механизмы подачи жалоб и сообщений, обеспечивать наличие удобных каналов для их направления, публиковать порядок рассмотрения и сроки предоставления ответа, а также оперативно принимать и обрабатывать поступающие от общественности жалобы и сообщения, предоставляя обратную связь о результатах их рассмотрения.
211. 15 июля 2026 года вступили в силу «Временные меры по регулированию персонифицированных интерактивных услуг на основе ИИ»¹⁴ — первое в мире специализированное законодательство, регулирующее «эмоциональный ИИ» или «антропоморфные интерактивные услуги».
212. Меры применяются к услугам, использующим ИИ для имитации личностных характеристик, моделей мышления и стилей общения с физическими лицами, и охватывают весь жизненный цикл: от обучающих данных и безопасности до защиты прав пользователей, оценки безопасности, регистрации алгоритмов и юридической ответственности.
213. Установлены «красные линии» для поставщиков услуг:
- запрещено создавать контент, угрожающий национальной безопасности, подрывающий государственную власть, раскалывающий страну, пропагандирующий терроризм/экстремизм, противоречащий социалистическим ценностям или распространяющий незаконный контент (непристойность, порнография, насилие);
 - запрещено создавать контент, поощряющий членовредительство, самоубийство, словесное насилие или иной вред физическому, психическому здоровью и личному достоинству;
 - запрещено побуждать к раскрытию или выведыванию государственных, служебных, коммерческих секретов, нарушать личную приватность или раскрывать персональную информацию;

¹⁴ MMLC Group. (2026). China releases rules for AI “human-like” emotional interaction services. [URL](#)

- запрещено создавать контент для несовершеннолетних, побуждающий подражать небезопасному поведению, вызывающий сильные негативные эмоции или вредные привычки;
 - запрещено чрезмерно потакать пользователям, вызывать эмоциональную зависимость или привыкание, наносящие ущерб реальным межличностным отношениям, а также побуждать к неразумным решениям через эмоциональное манипулирование;
 - запрещено предоставлять несовершеннолетним услуги «виртуальных родственников», «виртуальных партнёров» и другие услуги виртуальных интимных отношений.
214. При предоставлении других персонифицированных интерактивных услуг несовершеннолетним до 14 лет или при обработке их персональных данных требуется согласие родителей или опекунов, опекунам также предоставляется возможность получать предупреждения о рисках, отслеживать использование услуг, блокировать роли, ограничивать пополнение и расходование средств.
215. Поставщики услуг обязаны:
- использовать данные с законным источником, соответствующие социалистическим ценностям;
 - обеспечивать разнообразие данных, включая использование отрицательной выборки и состязательного обучения;
 - оценивать безопасность синтетических данных, используемых для обучения;
 - регулярно проверять и улучшать производительность сервиса;
 - принимать меры по предотвращению утечки данных и др.
216. Поставщик также должен проводить оценку безопасности своих систем в наиболее уязвимых или масштабных по охвату пользователей ситуациях. Отчёт об оценке безопасности подаётся в органы управления киберпространством на уровне провинции и может быть передан другим регулирующим органам.
217. Оценка безопасности включает в себя:
- собственно меры по обеспечению безопасности;
 - способы обработки обучающих данных;
 - выявление и реакцию на аварийные ситуации;
 - оценку масштаба пользователей и возрастную структуру;
 - меры защиты несовершеннолетних/пожилых людей;
 - обработку жалоб и сообщений;
 - устранение крупных рисков безопасности и т. д.
218. Поставщики также обязаны:
- не передавать данные взаимодействия с пользователями третьим лицам без законного основания или явного согласия;
 - предоставлять пользователям возможность копировать и удалять данные взаимодействия;

- не использовать данные, составляющие чувствительную личную информацию (здоровье, сексуальная жизнь, биометрия) для обучения моделей без согласия пользователя.

219. Также на поставщиков возлагаются обязательства по уведомлению:

- информировать пользователя, что он взаимодействует с ИИ, а не с человеком;
- при наличии признаков чрезмерной зависимости — периодически напоминать (например, всплывающим окном), что контент генерируется ИИ;
- при непрерывном использовании более двух часов — напоминать о продолжительности использования через диалог или всплывающее окно.

(b) Европейский союз

220. EU AI Act отдельно регулирует модели и основанные на них системы ИИ общего назначения, примером которых выступают большие языковые модели. Под моделями ИИ общего назначения понимаются модели, которые демонстрируют значительную универсальность и способны компетентно выполнять широкий спектр различных задач независимо от способа их вывода на рынок, и которые могут быть интегрированы в различные последующие системы или приложения; за исключением моделей ИИ, используемых в целях исследований, разработок или прототипирования до их вывода на рынок.

221. Поставщики моделей ИИ общего назначения играют особую роль и несут особую ответственность в рамках цепочки создания ценности ИИ, поскольку предоставляемые ими модели могут служить основой для целого ряда последующих систем — зачастую предоставляемых другими поставщиками, находящимися на следующем этапе цепочки. Это требует глубокого понимания этих моделей и их возможностей как для обеспечения их интеграции в собственные продукты, так и для выполнения обязательств, предусмотренных законодательством.

2.2. Виды систем ИИ по уровню риска

222. Классификация или выделение видов систем ИИ по уровню риска различается в разных правовых актах, однако в большинстве из них так или иначе содержится перечень видов систем ИИ или целей их использования, создающих неприемлемые риски.

(a) Европейский союз

223. Перечень видов систем ИИ или целей их использования, создающих неприемлемые риски в ЕС:

- использование подсознательных, манипулятивных или иных методов, влияющих на поведение физического лица и ограничивающих способность принимать осознанные решения или вынуждающих принимать решения, которые могут причинить вред или создать угрозу причинения вреда;
- использование моральной и (или) физической уязвимости физического лица из-за возраста, инвалидности, социального положения и любых иных обстоятельств с целью причинения или создания угрозы причинения вреда этому лицу;
- оценка и классификация физических лиц или группы лиц в течение определённого периода времени на основе их социального поведения или известных,

предполагаемых или прогнозируемых личных характеристик (за исключением случаев, предусмотренных законами);

- анализ рисков в отношении физических лиц с целью оценить или спрогнозировать риск совершения ими уголовного правонарушения, основанный исключительно на категоризации данного физического лица или на оценке его личностных качеств и характеристик;
- классификация физических лиц на основе их биометрических данных для формирования выводов об их расе, политических взглядах, религиозной принадлежности и по любым иным обстоятельствам (критериям) в целях использования для какой-либо дискриминации физического лица;
- определение эмоций физического лица без его согласия;
- использование систем ИИ, создающих или расширяющих базы данных для распознавания лиц посредством нецеленаправленного сбора изображений лиц из интернета или с камер видеонаблюдения;
- использование систем дистанционной биометрической идентификации в режиме реального времени в общедоступных местах в целях правоприменения.

224. Из последнего, впрочем, делаются исключения на случай целенаправленного поиска конкретных жертв насильственных преступлений, а также поиска пропавших без вести лиц; предотвращения конкретной существенной и неминуемой угрозы жизни или физической безопасности физических лиц либо реальной и существующей (или реальной и предвидимой) угрозы совершения террористического акта; установление местонахождения или идентификация лица, подозреваемого в совершении преступления или в целях проведения уголовного расследования, в случаях, установленных законом.

225. В EU AI Act к высокорисковым относятся системы ИИ, предназначенные для использования в качестве компонента безопасности какого-либо продукта (либо сама система ИИ является таким продуктом), при этом этот продукт подлежит оценке соответствия третьей стороной с целью выведения на рынок или ввода в эксплуатацию. В дополнение к данному критерию EU AI Act прямо перечисляет виды систем, относящихся к высокорисковым:

- системы биометрической идентификации,
- элементы критической информационной инфраструктуры,
- системы, используемые в образовании, трудовых отношениях, правоприменении, миграции и т. п.

(b) Казахстан

226. Аналогичный ЕС перечень видов систем ИИ с неприемлемым риском установлен в Казахстане (за исключением двух последних пунктов). Ещё один подход реализован в Законе об ИИ Казахстана, где критерием риска являются не последствия использования системы ИИ, а последствия прекращения её функционирования. В данном законе системы ИИ в зависимости от степени воздействия на безопасность пользователей, общества и государства подразделяются на системы:

- минимальной степени риска, нарушение или прекращение функционирования которых окажет минимальное влияние на их пользователей;

- средней степени риска, нарушение или прекращение функционирования которых может привести к снижению эффективности и результативности деятельности пользователей и причинить моральный вред или нанести материальный ущерб;
 - высокой степени риска, нарушение или прекращение функционирования которых может привести к чрезвычайной ситуации социального и (или) техногенного характера и (или) значительным негативным последствиям для обороны, безопасности, международных отношений, экономики, отдельных сфер хозяйства, пользователей, инфраструктуры Республики Казахстан, жизнедеятельности физических лиц.
227. Отнесение систем ИИ к минимальной, средней либо высокой степени риска осуществляется их собственником и (или) владельцем в соответствии с правилами классификации объектов информатизации. Системы ИИ высокого риска, отнесённые к критически важным объектам информационно-коммуникационной инфраструктуры, а также предназначенные для формирования государственных электронных информационных ресурсов, приравниваются к государственным в части соблюдения требований по обеспечению информационной безопасности.

(с) Кыргызстан

228. В Цифровом кодексе подход к запрету на уровне юридической техники реализован иначе. Цифровой кодекс запрещает проектирование, разработку или применение систем ИИ для целенаправленного и заведомо незаконного причинения вреда охраняемым благам. В перечень охраняемых благ входят жизнь и здоровье людей; права и свободы человека и гражданина; окружающая среда; обороноспособность государства; национальная безопасность государства; общественный порядок.
229. Деятельность в отношении иных систем ИИ не запрещается, однако все системы ИИ подлежат оценке степени опасности, которую их использование может представлять для охраняемых благ.
230. К системам ИИ повышенной опасности относятся такие системы, применение которых, по сравнению с альтернативными способами, повышает риск (вероятность или размер) причинения вреда охраняемым благам до уровня, при котором требуется принятие мер по управлению такими рисками.
231. Система ИИ не может быть отнесена к системам повышенной опасности, если её применение при принятии соответствующих решений или совершении действий носит исключительно вспомогательный характер и не приводит к повышению риска причинения вреда охраняемым благам.
232. Система ИИ, которая по итогам оценки опасности отнесена к системам ИИ повышенной опасности, может проектироваться, разрабатываться и применяться на протяжении всего жизненного цикла такой системы при условии соблюдения требований к:
- управлению рисками;
 - характеристикам указанных систем, обеспечивающим открытость, объяснимость, подконтрольность, точность, надёжность и цифровую устойчивость таких систем;
 - качеству цифровых данных для таких систем;
 - технической документации на такие системы.

(d) Республика Корея

233. Рамочный закон об ИИ также определяет системы ИИ со значительным воздействием через указание критерия, а затем перечисление сфер применения систем ИИ.
234. ИИ со значительным воздействием (high-impact AI) означает систему ИИ, которая может оказать существенное влияние на жизнь, физическую безопасность или основные права, либо создать риски для них, и которая применяется в любой из следующих сфер:
- энергоснабжение;
 - процессы производства питьевой воды;
 - здравоохранение;
 - разработка и использование медицинских изделий;
 - безопасное управление ядерными материалами и их эксплуатация, а также управление ядерными объектами;
 - уголовное расследование или задержание лиц, требующие анализа или использования биометрической информации;
 - принятие решений или проведение оценок, оказывающих существенное влияние на права или обязанности физического лица, включая решения о трудоустройстве или предоставлении кредитов;
 - основные операции и управление транспортными средствами, транспортными сооружениями и транспортными системами;
 - принятие решений государственными органами, органами местного самоуправления или государственными учреждениями, включая проверку права на получение услуг или оценку стоимости предоставления государственных услуг, что непосредственно затрагивает общественные интересы;
 - оценка успеваемости учащихся в системах дошкольного, начального или среднего образования;
 - иные сферы, определённые указом президента как имеющие существенное влияние на защиту жизни, физической безопасности или основных прав граждан.

(e) Соединённые Штаты Америки

235. Закон Колорадо об ИИ содержит критерии отнесения систем ИИ к системам ИИ повышенной опасности, а также критерии для исключения систем ИИ из числа систем ИИ повышенной опасности и список таких систем. Согласно данному закону, система ИИ высокого риска означает любую систему ИИ, которая при вводе в эксплуатацию принимает значимое решение или является существенным фактором при принятии такого решения.
236. Понятие «система ИИ высокого риска» не включает систему ИИ, если данная система предназначена для:
- выполнения узкой процедурной задачи; или
 - выявления закономерностей в процессе принятия решений либо отклонений от ранее установленных закономерностей, и при этом не предназначена для замены или изменения результатов ранее проведённой человеком оценки без достаточного уровня контроля со стороны человека.

237. Из числа высокорисковых систем ИИ прямо исключаются следующие технологии — кроме случаев, когда при вводе в эксплуатацию они принимают значимое решение или являются существенным фактором при принятии такого решения:
- технологии противодействия мошенничеству, не использующие технологии распознавания лиц;
 - средства защиты от вредоносного ПО;
 - антивирусное программное обеспечение;
 - видеоигры с использованием ИИ;
 - калькуляторы;
 - средства обеспечения кибербезопасности;
 - базы данных;
 - системы хранения данных;
 - межсетевые экраны (брандмауэры);
 - системы регистрации интернет-доменов;
 - системы загрузки веб-сайтов;
 - сетевые технологии;
 - системы фильтрации спама и автоматических вызовов (робозвонков);
 - системы проверки правописания;
 - электронные таблицы;
 - системы веб-кэширования;
 - веб-хостинг или любые аналогичные технологии или
 - технологии, осуществляющие взаимодействие с пользователями на естественном языке с целью предоставления информации, выдачи направлений или рекомендаций, а также ответов на вопросы, при условии что использование таких технологий регулируется политикой допустимого использования, запрещающей создание контента дискриминационного или вредоносного характера.

3. Структура правоотношений между участниками разработки и использования ИИ

3.1. Роли участников отношений

238. В разных актах ролевая структура участников отношений с использованием ИИ описывается с разной степенью детализации.

(а) Китайская Народная Республика

239. В самом простом варианте это двухсторонняя структура отношений по предоставлению продукта (обычно — цифрового сервиса). Например, Временное положение по генеративному ИИ выделяет (применительно к регулируемой им деятельности по предоставлению сервисов генеративного ИИ) роли:

- поставщика сервиса — организации и физические лица, использующие технологии генеративного ИИ для предоставления соответствующих сервисов;
- пользователя сервиса — организации и физические лица, использующие данные услуги для создания контента.

240. Требования к соглашению об оказании услуг с пользователем сервиса генеративного ИИ закрепляются в ряде статей Временного положения по генеративному ИИ.

(b) Казахстан

241. Похожая структура используется в Законе об ИИ Казахстана. Там выделяются роли собственников и владельцев систем ИИ и роли пользователей систем ИИ.

242. Помимо этого, закон указывает самостоятельную роль оператора национальной платформы ИИ. По всей видимости, выделение отдельного статуса оператора платформы вызвано тем, что собственником и владельцем этой платформы является государство, в силу чего потребовалась отдельная роль, отличная от собственника и владельца.

243. Также выделяется роль изготовителя библиотеки данных как лица, организовавшего сбор, обработку и структурирование данных, пригодных для обучения моделей ИИ. Это нельзя считать собственно ролью в рамках отношений в сфере ИИ, однако это, безусловно, роль субъекта отношений, регулируемых соответствующим законом.

(c) Соединённые Штаты Америки

244. Некоторые акты опираются на более сложную структуру отношений, связанных с использованием ИИ, выделяя, во-первых, отношения по поводу предоставления системы ИИ, во-вторых, отношения по использованию такой системы ИИ в рамках продуктов для конечных пользователей.

245. Закон Колорадо об ИИ обозначает стороны первого отношения как «развёртыватель» (deployer — лицо, развёртывающее систему ИИ) и «разработчик» (developer — лицо, разрабатывающее либо намеренно и существенно модифицирующее систему ИИ). Развёртывающий субъект взаимодействует с потребителями (consumers).

246. Более сложная система ролей предусмотрена в Стандарте ИИ НИСТ. Он, впрочем, говорит не о ролях, а о задачах участников деятельности в сфере ИИ, выделяя самостоятельные задачи проектирования; разработки; развёртывания; эксплуатации и мониторинга; тестирования, оценки, верификации и валидации (TEVV); управления и надзора. Помимо задач, выполняемых профессиональными участниками деятельности в сфере ИИ (AI Actors), Стандарт выделяет задачи третьих лиц, конечных пользователей и затронутых лиц (затронутых сообществ).

(d) Республика Корея

247. По аналогии с Законом штата Колорадо Рамочный закон об ИИ также описывает структуру отношений через категории участников. В нём выделяется роль «бизнес-оператора ИИ», под которым понимается корпорация, организация, физическое лицо или государственное учреждение, осуществляющее деятельность в индустрии ИИ.

248. Бизнес-операторы бывают двух типов: разработчик ИИ (субъект, который разрабатывает и предоставляет системы ИИ) и использующий бизнес-оператор ИИ (субъект, который предоставляет продукты или услуги на базе ИИ, используя системы ИИ разработчика ИИ).

249. Рамочный закон об ИИ определяет пользователя как любое лицо, получающее продукты или услуги на базе ИИ, что допускает взаимодействие пользователя с любым типом бизнес-оператора ИИ.
250. Также в данном законе выделяется роль «затронутого лица», под которым понимается физическое лицо, чья жизнь, физическая безопасность или основные права подвергаются существенному воздействию со стороны продуктов или услуг на базе ИИ.

(е) Европейский союз

251. В EU AI Act выделяются следующие роли участников отношений в сфере ИИ:
- «поставщик» означает физическое или юридическое лицо, государственный орган, учреждение или иной субъект, который разрабатывает систему ИИ или модель ИИ общего назначения, либо обеспечивает разработку системы ИИ или модели ИИ общего назначения и выводит их на рынок или вводит систему ИИ в эксплуатацию под своим собственным именем или товарным знаком — как на возмездной, так и на безвозмездной основе;
 - «пользователь» означает физическое или юридическое лицо, государственный орган, учреждение или иной субъект, использующий систему ИИ в рамках своих полномочий, за исключением случаев, когда система ИИ используется в ходе личной непрофессиональной деятельности;
 - «уполномоченный представитель» означает физическое или юридическое лицо, находящееся или учреждённое на территории Союза, которое получило и приняло письменные полномочия от поставщика системы ИИ или модели ИИ общего назначения на выполнение и осуществление от его имени обязательств и процедур, установленных настоящим Регламентом;
 - «импортёр» означает физическое или юридическое лицо, находящееся или учреждённое на территории Союза, которое выводит на рынок систему ИИ, несущую имя или товарный знак физического или юридического лица, учреждённого в третьей стране;
 - «дистрибьютор» означает физическое или юридическое лицо в цепи поставок (иное, нежели поставщик или импортёр), которое делает систему ИИ доступной на рынке Союза;
 - «оператор» означает поставщика, производителя продукции, пользователя, уполномоченного представителя, импортёра или дистрибьютора.

3.2. Модели отношений между участниками: распределение рисков и ответственности в договорных обязательствах

252. Описанные в предыдущем пункте перечни ролей позволяют сделать вывод о том, что модели в разных источниках регулирования могут быть основаны на транзакциях, цепочках добавленной стоимости или экосистемах.

(а) Соединённые Штаты Америки

253. Транзакционный подход рассматривает каждое правоотношение как самостоятельную сделку и регулирует её изолированно от других отношений в той же сфере. Такой подход является вполне традиционным для частного права, с учётом принципа свободы договора, и позволяет установить права и обязанности сторон конкретного отношения.

254. Закон Колорадо об ИИ устанавливает, что развёртыватель обязан уведомить потребителя о том, что тот взаимодействует с системой ИИ, и раскрыть потребителю информацию, предусмотренную этим законом. Помимо прочего, такой подход однозначно решает проблему атрибуции, то есть отнесения результатов работы системы ИИ к конкретному лицу. Поскольку в отношении в рассматриваемом примере вступает развёртыватель и закон все обязанности возлагает на него, именно ему атрибутируются все результаты работы системы ИИ.

(b) Европейский союз

255. Цепочка добавленной стоимости заложена как основная модель отношений в рамках EU AI Act. В рамках цепочки создания ценности в сфере ИИ различные стороны зачастую поставляют не только сами системы, инструменты и сервисы ИИ, но и компоненты или процессы, которые поставщик интегрирует в систему ИИ для достижения различных целей, включая обучение моделей, их переобучение, тестирование и оценку, интеграцию в программное обеспечение или иные аспекты разработки моделей. Все участники цепочки создают ценность по отношению к поставщику системы ИИ, в которую интегрируются их собственные системы, инструменты, услуги, компоненты или процессы ИИ.
256. EU AI Act использует данную модель отношений, чтобы определить узловую точку применения обязанностей — они возлагаются на поставщика (и носят преимущественно публично-правовой характер).
257. Однако в силу опоры на отношения «по цепочке», поставщик системы ИИ высокого риска, а также третья сторона, поставляющая систему ИИ, инструменты, услуги, компоненты или процессы, которые используются в системе ИИ высокого риска или интегрированы в неё, обязаны посредством письменного соглашения определить необходимую информацию, возможности, технический доступ и иную поддержку — исходя из общепризнанного современного уровня развития технологий, — с тем чтобы обеспечить поставщику системы ИИ высокого риска возможность в полной мере соблюдать обязательства, установленные законом.
258. Напротив, на лиц, которые не участвуют напрямую в цепочке создания ценности, не должны возлагаться обязательства по отношению к поставщику. Поэтому обязанность предоставлять поставщику информацию и иные аналогичные обязанности не распространяются на третьих лиц, которые предоставляют публичный доступ к инструментам, услугам, процессам или компонентам на условиях свободной лицензии или лицензии с открытым исходным кодом, за исключением моделей ИИ общего назначения.
259. Таким образом, модель отношений, основанная на цепочке добавленной стоимости, позволяет учесть роль каждого в этой цепочке и сформулировать обязательства для него по отношению к другим участникам такой цепочки, а также адекватно атрибутировать результаты работы системы ИИ.
260. Стоит отдельно отметить, что EU AI Act предусматривает возможность разработки типовых условий, имеющих добровольный характер, для договоров между поставщиками систем ИИ высокого риска и третьими сторонами, поставляющими инструменты, услуги, компоненты или процессы, которые используются для систем ИИ высокого риска или интегрированы в них. При разработке указанных типовых условий должны приниматься во внимание возможные договорные требования, применимые в конкретных секторах или бизнес-сценариях.

261. Экосистемный подход к регулированию отражён в Цифровом кодексе¹⁵. Он предполагает наличие сообщества, в рамках которого разные лица могут выполнять разные функции или совмещать их. Отношения в таком сообществе выходят за рамки частноправовых, однако их регулирование средствами публичного права также не всегда возможно, поскольку, в общем случае, члены сообщества или сами определяют правила своего взаимодействия (в распределённых сообществах), или эти правила определяет владелец экосистемы.
262. Экосистемный подход в результате предполагает описание функций в рамках сообщества и описание стандартных случаев взаимодействия между функциями, однако в меньшей степени предполагает установление требований к лицам, осуществляющим ту или иную функцию, или к соглашениям между такими лицами. Сложностью с реализацией экосистемного подхода, однако, является то, что он должен опираться на модель всей экосистемы, а не только той её части, которая непосредственно связана с ИИ.
263. В Цифровом кодексе есть только одна роль, непосредственно связанная с ИИ, — это владелец системы ИИ. Остальные роли, такие как пользователь, потребитель, поставщик сервиса, владелец записей, обработчик, владелец экосистемы, описаны применительно к экосистеме в целом. В той части, в которой они затрагивают разработку, развёртывание, использование системы ИИ, эти роли и связанные с ними обязанности оказываются применимыми.
264. Аналогично применимы положения о соглашениях между лицами, выполняющими определённые роли (функции). В частности, положения о пользовательском соглашении, установленные в Цифровом кодексе для всех видов сервисов, применяются и к сервисам на основе систем ИИ.
265. В числе прочего применяется положение о том, что пользование цифровым сервисом без пользовательского соглашения не допускается, за исключением случаев, когда правила пользования сервисом установлены законом или принятым в соответствии с ним нормативным правовым актом.
266. Вся информация, которую поставщик обязан предоставить пользователю в соответствии с законодательством, должна быть доступна до заключения пользовательского соглашения. Пользовательское соглашение в соответствии с применимым законодательством может заключаться в любой форме, позволяющей идентифицировать пользователя, а также подтвердить факт заключения соглашения и условия, на которых оно было заключено.
267. При этом поставщик обязан в течение всего срока действия пользовательского соглашения и трёх лет после его прекращения хранить цифровые записи, позволяющие подтвердить условия пользовательского соглашения в отношении конкретного пользователя и факт исполнения пользовательского соглашения сторонами.
268. Условия пользовательского соглашения и иные цифровые записи, относящиеся к заключению и исполнению пользовательского соглашения, должны быть доступны пользователю таким образом, чтобы он мог хранить и воспроизводить их. Все эти положения неспецифичны для систем ИИ, однако важны при конструировании отношений в сфере ИИ.

¹⁵ Такой же подход предусмотрен в Стандарте ИИ НИСТ.

II. Частноправовая ответственность за вред, причинённый в результате взаимодействия с ИИ

1. Европейский союз

1.1. Общие положения

269. На уровне Европейского союза отсутствует правовой акт, посвящённый частноправовой ответственности за вред, причинённый в результате взаимодействия с системами ИИ.
270. Такой специальный режим предполагалось ввести в рамках проекта директивы об ответственности в сфере ИИ (AI Liability Directive, AILD)¹⁶, представленного Европейской комиссией в 2022 году. Применительно к искам из виновного причинения вреда по национальному деликтному праву против поставщиков и эксплуатантов систем ИИ этот проект гармонизировал бы на уровне ЕС два механизма, способных облегчить положение истцов по таким делам:
- процедуру раскрытия доказательств по делам о системах ИИ высокого риска (ст. 3 проекта);
 - опровержимую презумпцию причинно-следственной связи между виной ответчика и результатом работы системы ИИ либо неспособностью такой системы произвести результат (ст. 4 проекта).
271. Этот проект был отозван Европейской комиссией в 2025 году со ссылкой на невозможность достигнуть компромисса по тексту между органами, вырабатывающими соответствующую политику в ЕС. Сторонники проекта в Европарламенте при этом выразили мнение, что отзыв проекта был в первую очередь вызван «давлением ИТ-индустрии»¹⁷.
272. В результате на сегодняшний день специального гармонизированного режима ответственности за вред, причинённый в результате взаимодействия с ИИ, в праве ЕС нет, и его появление в ближайшее время не предвидится, поскольку какие-либо проекты, альтернативные отозванному, внесены не были.
273. Тем не менее на уровне ЕС действует ряд актов, прямо устанавливающих основание для частноправового иска о возмещении вреда и подлежащих применению, в том числе (но не исключительно) когда вред причинён в результате взаимодействия с ИИ:
- Директива (ЕС) 2024/2853 Европейского парламента и Совета от 23 октября 2024 года об ответственности за дефектную продукцию (**Директива (ЕС) 2024/2853**)¹⁸;

¹⁶ European Commission. (2022). Proposal for a Directive of the European Parliament and of the Council on adapting non-contractual civil liability rules to artificial intelligence (AI Liability Directive) (COM/2022/496 final) (отозван Комиссией в 2025 году). [URL](#)

¹⁷ Sasdelli, P. (2025). Proposed EU AI liability rules withdrawn. Bird & Bird. [URL](#)

¹⁸ Директива (ЕС) 2024/2853 Европейского парламента и Совета от 23 октября 2024 года об ответственности за дефектную продукцию. [URL](#)

- Регламент (ЕС) 2016/679 Европейского парламента и Совета от 27 апреля 2016 года о защите физических лиц при обработке персональных данных (Общий регламент о защите данных; **GDPR**)¹⁹;
 - Регламент (ЕС) 2022/2065 Европейского парламента и Совета от 19 октября 2022 года о едином рынке цифровых услуг (Регламент о цифровых услугах; **DSA**)²⁰;
 - Директива (ЕС) 2024/2831 Европейского парламента и Совета от 23 октября 2024 года об улучшении условий труда в сфере платформенной занятости (Директива о платформенной занятости; **PWD**)²¹.
274. Вопреки возможным предположениям, EU AI Act, на первый взгляд, не создаёт самостоятельного основания для частноправового иска²². Это инструмент публично-правового (регуляторного) характера, который классифицирует системы ИИ по уровням риска и возлагает на участников отношений публично-правовые обязанности. Само по себе это не препятствует включению в EU AI Act нормы, которая могла бы служить основанием для частноправового иска. Однако именно в EU AI Act такой нормы нет – в отличие от ряда других регламентов и директив ЕС, которые будут рассмотрены ниже.
275. Вместе с тем в сфере частноправовой ответственности требования EU AI Act могут – в контексте частноправового иска, предъявленного на ином основании, – служить важным ориентиром, например, при оценке дефектности систем ИИ как вида продукции для целей Директивы (ЕС) 2024/2853, а также для определения стандарта должного поведения хозяйствующих субъектов (в европейском регулировании используется термин «экономический оператор»). Отступление от требований, закреплённых EU AI Act, может рассматриваться как виновное, противоправное поведение и служить основанием для привлечения к частноправовой ответственности.
276. Специфическая судебная практика по частноправовым требованиям о возмещении вреда в результате взаимодействия с ИИ на сегодняшний день на уровне Суда ЕС фактически отсутствует.
277. Директива (ЕС) 2024/2853 напрямую применима к дефектам в системах ИИ, включая системы ИИ как таковые (программное обеспечение), но подлежит применению лишь к продукции, выведенной на рынок после 9 декабря 2026 года, поэтому судебной практики по ней пока нет. При этом предшествующая редакция данной Директивы, по-видимому, не охватывала системы ИИ как таковые, что будет детально показано ниже. Специальных решений Суда ЕС по вопросам вреда, причинённого системами ИИ, также не зафиксировано.
278. Первым практическим тестом на возможность возмещения вреда, непосредственно причинённого именно в результате взаимодействия с ИИ, причём по совокупности вменяемого ответчику нарушения требований сразу нескольких актов ЕС (GDPR, DSA, EU AI Act), может стать назначенный к рассмотрению в ноябре 2026 года коллективный иск нидерландского фонда SOMI против компании TikTok, поданный в Германии в феврале 2025 года²³.

¹⁹ Регламент (ЕС) 2016/679 Европейского парламента и Совета от 27 апреля 2016 года. [URL](#)

²⁰ Регламент (ЕС) 2022/2065 Европейского парламента и Совета от 19 октября 2022 года о едином рынке цифровых услуг. [URL](#)

²¹ Директива (ЕС) 2024/2831 Европейского парламента и Совета от 23 октября 2024 года об улучшении условий труда в сфере платформенной занятости. [URL](#)

²² Заявитель и представители по делу SOMI против TikTok полагают иначе, см. ниже.

²³ Spirit Legal. (2025). *Press release: Class actions filed against TikTok and X in Germany: A test for the DSA, GDPR, and AI Act.* [URL](#)

1.2. Регламенты и директивы

279. Из четырёх инструментов, предоставляющих основание для рассматриваемого иска, два являются регламентами и два — директивами, и это различие напрямую сказывается на том, как и с какого момента каждый из инструментов создаёт подлежащее судебной защите частное право на иск.
280. Оба типа актов предусмотрены статьёй 288 Договора о функционировании Европейского союза.
281. Регламент имеет общее действие, обязателен в полном объёме и подлежит непосредственному применению во всех государствах — членах Союза; он не нуждается в транспозиции (имплементации) в национальные нормы и порождает права и обязанности частных лиц напрямую.
282. Директива обязательна для каждого государства — члена Союза, которому она адресована, в отношении результата, который должен быть достигнут, однако оставляет национальным органам выбор формы и способов достижения такого результата; она реализуется через транспозицию в национальное право в установленный срок.
283. Применительно к рассматриваемым инструментам это означает следующее.
284. GDPR и DSA, будучи регламентами, действуют во всех государствах — членах Союза непосредственно, и их компенсационные нормы (ст. 82 и 54 соответственно) порождают подлежащие защите частные права.
285. Директива 2024/2853 о дефектной продукции и Директива PWD подлежат транспозиции (первая — к 9 декабря 2026 года, вторая — ко 2 декабря 2026 года), и до её завершения их положения, по общему правилу, не могут напрямую создавать обязанности для частных лиц, включая экономических операторов (отсутствие «горизонтального» прямого действия директив).
286. В этот период они действуют опосредованно — через обязанность национального суда толковать национальное право в соответствии с директивой и, против государства и его органов, через «вертикальное» прямое действие.
287. Ниже каждый из четырёх упомянутых выше инструментов рассматривается в разрезе десяти аспектов:
- i. основание ответственности и объективная сторона;
 - ii. значимость субъективной стороны (вина либо безвиновная, строгая ответственность);
 - iii. виды возмещаемого вреда;
 - iv. форма возмещения;
 - v. кто вправе требовать возмещения;
 - vi. субъект ответственности и обоснование политико-правового выбора законодателя;
 - vii. особенности доказывания причинно-следственной связи;
 - viii. дифференциация ответственности в зависимости от вида или способа использования системы ИИ;
 - ix. основания ограничения и освобождения от ответственности;
 - x. сроки, ограничивающие возможность предъявления требований.

1.3. Директива (ЕС) 2024/2853 об ответственности за дефектную продукцию

288. Основанием частноправовой ответственности по Директиве (ЕС) 2024/2853 выступает дефектность продукции. Объективную сторону образуют три элемента, которые доказывает истец: дефектность продукции, вред и причинно-следственная связь между дефектностью и вредом (ст. 10).
289. Продукция считается дефектной, если она не соответствует требованиям к её безопасности, установленным правом Союза или национальным правом, а в отсутствие таких требований — разумным ожиданиям по поводу её безопасности со стороны общества (*public at large*, преамбула 30 Директивы).
290. При этом Директива даёт ориентировочный, неисчерпывающий перечень обстоятельств, которые должны приниматься во внимание при оценке возможной дефектности продукции. В данный перечень, что примечательно, включена возможность приобретения продукцией новых свойств, отсутствовавших при первоначальном выводе этой продукции на рынок, и её — продукции — последующего обучения²⁴.
291. Систему ИИ, как разновидность программного обеспечения, Директива прямо относит к движимым вещам (*movables*), а их — к продукции (ст. 4). При этом Директива делает режим применимым к системам ИИ и программному обеспечению вообще независимо от способа их поставки или предоставления (например, на физическом носителе, в составе иного материального объекта или в виде программного-обеспечения-как-услуги (*software-as-a-service*)).
292. Данная Директива является инструментом полной гармонизации: в сфере её действия — причинение вреда ввиду дефектности продукции — государства — члены ЕС не вправе вводить более или менее строгие правила (ст. 3).
293. Ответственность является строгой (безвиновной): вина причинителя вреда не является условием возникновения ответственности, и доказательство того, что экономический оператор действовал осмотрительно, от ответственности не освобождает.
294. В связи с дефектностью продукции возмещению подлежит вред только из закрытого перечня (ст. 6):
- смерть или вред здоровью (включая подтверждённый медицинским заключением вред психическому здоровью);
 - повреждение или уничтожение имущества (исключения: сам дефектный продукт; имущество, повреждённое дефектным компонентом этого же продукта; имущество, используемое исключительно в профессиональных целях);
 - уничтожение или повреждение данных, не используемых в профессиональных целях.
295. Компенсируется имущественный вред, а также, если это предусмотрено национальным правом, неимущественный вред.
296. Ввиду закрытости перечня, за его пределами остаются, в частности, исключительно экономические потери как таковые, нарушение неприкосновенности частной жизни как таковое и дискриминация как таковая; такой вред возмещается, если возмещается вообще, по национальному праву.

²⁴ Здесь, как видно из преамбулы 40 к Директиве, имеется в виду именно технический процесс — обучение соответствующей системы ИИ (машинное обучение).

297. Возмещение осуществляется в форме денежной компенсации; исчисление её размера производится по национальному праву.
298. Требование возмещения вреда предоставляется потерпевшим — физическим лицам (ст. 5). Иск может быть предъявлен также их правопреемниками, лицами, к которым право требования перешло в порядке суброгации, и лицами, действующими от имени потерпевших, в том числе в порядке коллективного иска — это исчерпывающий перечень случаев, когда требование может быть предъявлено также юридическими лицами. Первоначальными субъектами требования по данному режиму они не являются — их притязания, основанные на дефектах продукции, могут опираться только на договорное или национальное деликтное право.
299. Субъектами ответственности выступают экономические операторы, определённые Директивой как имеющие роль в обороте продукции (ст. 8). В первую очередь — изготовитель дефектной продукции (в том числе поставщик системы ИИ как изготовитель такого программного продукта).
300. Далее Директива выстраивает очерёдность привлечения к ответственности: если изготовитель находится за пределами ЕС, его место могут занять импортёр, уполномоченный представитель или оператор фулфилмента (специальная категория экономических операторов, отвечающих за обработку заказа, но не за доставку); дистрибьюторы и операторы онлайн-платформ привлекаются субсидиарно к иным указанным выше лицам — если по запросу потерпевшего они не укажут экономического оператора, находящегося перед ними в очереди лиц, привлекаемых к ответственности.
301. Лицо, существенно модифицировавшее продукт (в том числе вследствие дальнейшего обучения системы ИИ в ходе её эксплуатации под контролем такого лица), приравнивается к изготовителю такого модифицированного продукта (для регуляторных целей он считается новым продуктом).
302. Если за один и тот же вред отвечают несколько экономических операторов — например, при интеграции дефектного компонента в готовый продукт, — они отвечают солидарно (ст. 12); внутреннее распределение расходов между ними происходит затем в порядке регресса по национальному праву. Такая солидарная ответственность возникает, например, если приобретателю смартфона будет причинён вред дефектным программным ИИ-продуктом, который был предустановлен изготовителем такого смартфона.
303. Политико-правовой выбор законодателя в пользу безвиновной ответственности и возложения её на экономических операторов обоснован в преамбуле Директивы справедливым распределением риска, «неизбежно сопутствующего современному технологическому производству»²⁵; необходимостью гарантировать потерпевшему наличие платёжеспособного ответчика, доступного в пределах ЕС; сохранением у изготовителя контроля над продуктом и после выпуска в оборот; и информационной асимметрией, в силу которой ответственность возлагается на лицо, лучше всех осведомлённое о свойствах продукции.
304. Хотя стандарт доказывания Директива оставляет на усмотрение национального права, она тем не менее учитывает трудности доказывания, характерные для технологически сложной продукции, включая системы ИИ.

²⁵ Дословный текст преамбулы 2: “Liability without fault on the part of economic operators remains the sole means of adequately addressing the problem of fair apportionment of risk inherent in modern technological production”.

305. В связи с этим, во-первых, Директива предусматривает процедуру принуждения ответчика к раскрытию доказательств (ст. 9): по требованию истца, обосновавшего «правдоподобность» иска (plausibility), суд может обязать ответчика раскрыть относящиеся к делу доказательства.
306. Во-вторых, Директива устанавливает ряд опровержимых презумпций (ст. 10):
- презумпцию дефектности (при неисполнении ответчиком требования о раскрытии доказательств, при несоответствии продукции обязательным требованиям к её безопасности или если истец обоснует, что вред причинён «очевидной неисправностью» (obvious malfunction), проявившейся в обычных обстоятельствах);
 - презумпцию причинно-следственной связи, когда дефектность уже установлена (в том числе на основе презумпции), а причинённый вред может считаться типичным для соответствующего дефекта;
 - презумпцию дефектности и (или) причинной связи (в случаях чрезмерной обременительности доказывания одного или обоих этих элементов, обусловленной технической или научной сложностью продукта, если истец обоснует, что такие дефектность или причинная связь «вероятно» имеют место (likely)).
307. Установленная Директивой ответственность не дифференцируется в зависимости от функционального типа системы ИИ, способа её использования или иных подобных критериев. Опосредованно тип системы ИИ, а точнее её целевое назначение, влияют на то, какой из подходов к определению дефектности (но не к размеру возмещения) будет применяться:
- для тех систем ИИ, целевое назначение которых EU AI Act (Приложения I и III к нему) относит к группе высокого риска²⁶, — дефектность определяется нарушением требований EU AI Act к безопасности такой продукции²⁷;
 - для систем ИИ, целевое назначение которых не относится к группе высокого риска по EU AI Act, но имеющих материальное воплощение, то есть так или иначе связанных с вещью, — дефектность определяется нарушением требований Общего регламента о безопасности продукции²⁸;
 - для всех иных систем ИИ — дефектность определяется исходя из стандарта разумных ожиданий по поводу безопасности такой продукции со стороны общества (public at large).

²⁶ Например, применение системы ИИ в качестве компонента, обеспечивающего безопасность медицинского изделия (Приложение I) или в качестве автоматизированного средства принятия или содействия принятию административных решений о предоставлении убежища (Приложение III).

²⁷ Устанавливаются статьями с 9 по 15 EU AI Act, так называемые существенные требования (essential requirements). Практические способы реализации данных требований согласно доктрине New Legislative Framework устанавливаются не в данном Регламенте, а предлагаются на добровольной основе в гармонизированных европейских технических стандартах. Применительно к EU AI Act такие стандарты разрабатываются широким кругом экспертов от национальных органов по стандартизации (DIN, AFNOR, BSI и т. д.) в рабочих группах Совместного технического комитета 21 СЕН/СЕНЭЛЕК и в настоящее время находятся на различных стадиях готовности. В случае получения положительной оценки Европейской Комиссии ссылки на данные стандарты публикуются в Официальном журнале и после этого предоставляют применяющим их поставщикам систем ИИ презумпцию соответствия их продукции существенным требованиям Регламента.

²⁸ Regulation (EU) 2023/988 of the European Parliament and of the Council of 10 May 2023 on general product safety, формулирующий правила о безопасности для любой продукции, в отношении которой требования о безопасности не установлены иным актом ЕС, но явным образом не включающий в сферу своего действия программное обеспечение и системы ИИ сами по себе, не связанные с вещью.

308. Экономический оператор освобождается от ответственности за вред, причинённый дефектной продукцией (в том числе системой ИИ), если докажет наличие одного из оснований, перечисленных в закрытом перечне статьи 11:
- i. что он не выводил продукцию на рынок и не вводил её в эксплуатацию;
 - ii. что дефект, вероятно, не существовал на момент выпуска или возник позднее. Однако применительно к системам ИИ на это обстоятельство нельзя ссылаться, если дефект возник по причинам, находящимся под контролем изготовителя. Такими причинами могут быть: относящаяся к продукту сопутствующая услуга, программное обеспечение (включая его обновление или отсутствие обновлений, необходимых для поддержания безопасности), существенная модификация, включая последующее обучение системы ИИ под контролем изготовителя;
 - iii. что дефект вызван соблюдением установленных для продукции обязательных требований;
 - iv. что уровень научно-технических знаний на момент выпуска продукции не позволял обнаружить дефект (способ защиты со ссылкой на *development defence*, от транспозиции которого в национальное право государство-член вправе отступить, — ст. 18);
 - v. что дефект продукта, в который встроен компонент, произведённый этим экономическим оператором, вызван конструктивными решениями или инструкциями иного экономического оператора — изготовителя такого продукта;
 - vi. что дефект, повлёкший причинение вреда, не относится к той части продукта, которую этот экономический оператор модифицировал.
309. Снижение размера компенсации или освобождение от ответственности возможно, если в причинении вреда имеется вина самого потерпевшего или лица, за которое он отвечает; действие или бездействие иных третьих лиц на ответственность экономического оператора перед потерпевшим не влияет (ст. 13). Ограничение или исключение установленной Директивой ответственности перед потерпевшим договор или национальное право не допускают (ст. 15).
310. Директива устанавливает два срока, ограничивающих предъявление требований. Срок исковой давности — три года; он исчисляется со дня, когда потерпевший узнал или должен был узнать о вреде, дефектности продукта и о том, кто является ответственным экономическим оператором (ст. 16). Пресекательный срок — десять лет с момента вывода продукции на рынок²⁹ или ввода в эксплуатацию; по его истечении право на возмещение прекращается независимо от осведомлённости потерпевшего (ст. 17), если только к этому моменту он уже не предъявил иск. Для исков о возмещении скрытого вреда здоровью такой пресекательный срок составляет двадцать пять лет. Важно, что при существенной модификации продукта (в том числе вследствие последующего обучения системы ИИ) пресекательный срок начинает течь заново с момента последней существенной модификации.

1.4. GDPR (Регламент [ЕС] 2016/679): статья 82

311. Основанием частноправовой ответственности по статье 82 GDPR выступает нарушение предусмотренных Регламентом требований к обработке персональных данных, то есть

²⁹ Имеется в виду момент ввода в экономический оборот конкретного экземпляра продукта, дефект в котором привёл к причинению вреда, а не типа или серии идентичных продуктов.

публично-правовых обязанностей, возложенных на операторов (лиц, определяющих цели и средства обработки таких данных) и привлекаемых ими третьих лиц — обработчиков. Объективную сторону состава образуют нарушение требований Регламента, причинённый таким нарушением имущественный или неимущественный вред и причинно-следственная связь между нарушением и вредом.

312. Регламент применяется на обеих ключевых стадиях жизненного цикла значительной доли выводимых на рынок систем ИИ: на стадии разработки системы ИИ, так как персональные данные очень часто входят в состав наборов данных, используемых для машинного обучения³⁰; на стадии эксплуатации — так как многие сценарии автоматизированной обработки персональных данных на сегодня могут включать применение систем ИИ, в том числе для вероятностных суждений (аналитических предположений, предсказаний) о фактах, относящихся к определённым или определимым физическим лицам, их частной жизни, деловых качествах и т. п., а также для принятия в их отношении индивидуальных автоматизированных решений, в том числе существенно влияющих на права этих лиц.
313. Формально состав ответственности по статье 82 GDPR требует наличия вины, но она презюмируется и понимается максимально широко: оператор или обработчик освобождаются от ответственности за вред лишь в том случае, если сами докажут, что они «никоим образом не несут ответственности» за событие, повлёкшее вред (ст. 82(3)).
314. Возмещению подлежит как имущественный, так и неимущественный вред (ст. 82(1)); понятие вреда, согласно преамбуле Регламента, толкуется широко в свете практики Суда ЕС.
315. Возмещение осуществляется в форме денежной компенсации; исчисление её размера производится по национальному праву.
316. Требовать возмещения вправе любое лицо, понёсшее имущественный или неимущественный вред в результате нарушения Регламента. Прежде всего это субъекты персональных данных. В принципе, норма буквально не исключает и возмещения вреда, который может быть причинён юридическому лицу, так как в статье 82(1) используется термин «лицо» (person), в то время как в иных положениях Регламента, когда необходимо, применяются более узкие термины «физическое лицо» (natural person) и «юридическое лицо» (legal person).
317. Вместе с тем случаи взыскания в пользу юридических лиц компенсации на основании этой нормы не известны, а дальнейший текст статьи при этом, скорее, указывает на то, что такая компенсация устанавливается исключительно в интересах субъекта персональных данных (см. цитату из ст. 82(4) в следующем абзаце).
318. Субъект ответственности — прежде всего оператор персональных данных; привлекаемый им обработчик самостоятельно отвечает лишь тогда, когда нарушил адресованные Регламентом именно ему публично-правовые обязанности либо действовал вопреки правомерным указаниям оператора (ст. 82(2)). Возможна множественность ответчиков: если в одной и той же обработке участвуют несколько операторов и (или) обработчиков и каждый из них несёт ответственность за вред, они отвечают за весь вред солидарно — «с тем чтобы обеспечить эффективное *возмещение вреда субъекту персональных данных*»; внутреннее распределение производится затем исходя из доли ответственности каждого (ст. 82(4)–(5)).

³⁰ Если только речь не идёт, например, об обучении системы, для решения задач на производстве и в промышленности и т. п., когда персональные данные граждан для обучения системы не требуются.

319. Специальных правил доказывания причинно-следственной связи между нарушением и вредом Регламент не содержит: эту связь, равно как нарушение и вред, доказывает истец, а стандарт доказывания определяется национальным правом. Положение истца облегчают широкое понимание вины оператора и обработчика и презумпция их вины (см. выше).
320. Режим ответственности в данном случае связан с обработкой персональных данных и применяется единообразно независимо от того, используется ли при их автоматизированной обработке система ИИ, и какая именно.
321. Единственное основание освобождения от ответственности – успешное опровержение презумпции вины оператора или обработчика, что в практике Суда ЕС приравнивается к доказыванию ими отсутствия причинной связи между нарушением ими требований Регламента и наступившим вредом³¹ («никоим образом не несут ответственности» – ст. 82(3)). С практической точки зрения это представляется возможным, если оператор или обработчик докажут, что они либо вовсе не нарушали требований Регламента, либо что допущенное ими нарушение не могло повлечь вред заявленного истцом рода или размера, либо что причиной вреда явилось иное обстоятельство, за которое они не отвечают.
322. Собственных сроков исковой давности или пресекательных сроков Регламент не устанавливает – этот вопрос решается по национальному праву.

1.5. DSA (Регламент [ЕС] 2022/2065): статья 54

323. Основанием частноправовой ответственности по статье 54 DSA выступает нарушение поставщиком посреднических услуг публично-правовых обязанностей, возложенных на него Регламентом. Согласно Регламенту к поставщикам посреднических услуг относятся в том числе онлайн-платформы, которые в современных условиях активно используют системы ИИ, – рекомендательные и иные. Объективную сторону состава образуют нарушение требований Регламента, причинённый таким нарушением вред и причинно-следственная связь между ними.
324. Статья 54 не задаёт единого подхода к значимости субъективной стороны: ряд требований Регламента, в том числе относящихся к применению систем ИИ, близок по содержанию к обязательствам по приложению усилий (что подразумевает необходимость оценки субъективной стороны), а ряд других, например, в части раскрытия основных принципов работы рекомендательных систем ИИ, ближе к обязательствам достичь определённого результата (что нивелирует значимость оценки субъективной стороны).
325. Возмещению подлежит вред, понесённый получателем услуги вследствие нарушения; вид и объём возмещаемого вреда Регламент детально не определяет.
326. Возмещение – денежная компенсация, осуществляемая в соответствии с правом ЕС и национальным правом.
327. Требовать возмещения на основании статьи 54 Регламента вправе только получатели посреднической услуги – любые физические или юридические лица, в частности, пользующиеся посреднической услугой для поиска информации или предоставления к ней доступа. Третьи лица, чьи интересы могут быть затронуты оказанием посреднической услуги или связанными с ней действиями пользователя онлайн-платформы (например, лицо, ставшее объектом распространённой через платформу диффамации), правом

³¹ Judgment of the Court (Third Chamber) of 11 April 2024, GP v juris GmbH, C-741/21, EU:C:2024:304. [URL](#)

требования по статье 54 не наделены — им остаётся полагаться на иные средства правовой защиты по союзному или национальному праву.

328. Субъект ответственности — поставщик посреднических услуг, нарушивший свои обязанности по Регламенту. Правил о субсидиарной или солидарной ответственности Регламент не содержит: если в причинении вреда участвовали и иные лица, решение вопроса о соотношении их ответственности с ответственностью поставщика определяется по применимому национальному праву.
329. Специальных правил доказывания причинно-следственной связи статья 54 не устанавливает.
330. Ответственность по статье 54 не дифференцируется по виду системы ИИ: режим привязан к самому факту оказания посреднических услуг и применяется независимо от того, используется ли в них ИИ, и в каком качестве — например, в рекомендательной системе или для модерации контента.
331. Основным механизмом ограничения ответственности служат изъятия, предусмотренные статьями 4-6 Регламента: поставщик, выполнивший условия для применения соответствующего изъятия (для услуг хостинга, в частности, — отсутствие фактической осведомлённости о противоправном контенте и оперативное его удаление после получения соответствующей информации), полностью освобождается от ответственности за соответствующую информацию. Но указанное изъятие не действует, в частности, когда поставщик услуг хостинга относится к категории онлайн-платформ для заключения дистанционных сделок и у обычных потребителей создаётся впечатление, что соответствующие товар, услуга или информация предоставляются или контролируются самой платформой (ст. 6).
332. Сроков исковой давности статья 54 не устанавливает — они определяются национальным процессуальным правом.

1.6. PWD [Директива (ЕС) 2024/2831]: статьи 11(3) и 18

333. Цифровые трудовые платформы (такие как Uber, Deliveroo и т. п.) по определению, принятому в данной Директиве, характеризуются применением автоматизированных систем: либо для мониторинга деятельности своих работников или подрядчиков, либо для принятия в отношении них индивидуальных автоматизированных решений, либо для того и другого. В современных условиях такие системы на практике, как правило, являются системами ИИ или содержат систему ИИ в качестве одного из компонентов.
334. Право на возмещение вреда Директива предоставляет в двух случаях:
- На основании статьи 11(3): если автоматизированное решение (на практике, как правило, принимаемое системой ИИ) нарушает права лица, выполняющего платформенную работу, цифровая трудовая платформа обязана без промедления (но в любом случае в течение двух недель) исправить это решение, а если исправление невозможно — предоставить адекватное возмещение причинённого вреда.
 - На основании статьи 18: государства — члены Союза обязаны обеспечить гражданам право на защиту, включая адекватное возмещение вреда, при нарушении их прав, вытекающих из Директивы.
335. Объективную сторону образуют нарушение подлежащих транспозиции в национальное право требований Директивы (в частности, принятие неправомерного автоматизированного решения), причинённый вред и причинная связь между ними.

336. Как и DSA, Директива PWD прямо не устанавливает единого подхода к значимости субъективной стороны. Вместе с тем обязанность возместить вред по статье 11(3) в случае отсутствия своевременного исправления автоматизированного решения, нарушающего права соответствующего гражданина, сформулирована, скорее, как безусловная.
337. Возмещению подлежит причинённый вред, его вид и объём Директива детально не определяет, ограничиваясь указанием на то, что возмещение должно быть «адекватным».
338. Статья 11(3) предусматривает прежде всего исправление автоматизированного решения, то есть предоставляет неденежное средство защиты, а денежное возмещение предполагается лишь когда исправление невозможно; статью 18 следует, видимо, толковать как предоставляющую как минимум право на денежное возмещение вреда.
339. Требовать возмещения вреда вправе вообще все лица, выполняющие платформенную работу (persons performing platform work), чьи права нарушены, в том числе те из них, кто состоит в трудовых отношениях (platform worker).
340. Единственным субъектом ответственности является цифровая трудовая платформа. Директива не разделяет ответственность между платформой и возможным сторонним поставщиком системы автоматизированного управления для платформы, а также не предусматривает их субсидиарной или солидарной ответственности. Для применения требований не имеет значения, разрабатывала ли платформа соответствующую систему сама или нет. Возможные регрессные требования платформы к поставщику системы решаются на основании договора между ними и норм применимого национального права.
341. Специальных правил в отношении доказывания причинно-следственной связи Директива не устанавливает.
342. Режим Директивы привязан к одному контексту — платформенной занятости и применяемым в ней системам автоматизированного мониторинга и принятия решений; внутри этого контекста ответственность по виду систем ИИ не дифференцируется, за исключением упомянутых выше прямых правил статьи 11(3), применимых только к системам, использующимся для принятия или содействия в принятии решений.
343. Самостоятельных оснований ограничения или освобождения от ответственности Директива не формулирует; этот вопрос определяется национальным правом с учётом транспозиции в него положений Директивы.
344. Собственных сроков — пресекательного или исковой давности — Директива не устанавливает — они определяются национальным правом.

2. Франция

2.1. Общие положения

345. Во Франции, как и на уровне ЕС после прекращения работы над Директивой AILD, отсутствует правовой акт, специально посвящённый ответственности за вред, причинённый в результате взаимодействия с ИИ; потенциально применимые основания такой ответственности образуют многоуровневую систему, укоренённую во Французском гражданском кодексе (ФГК) и дополненную специальными законами и режимами, производными от права ЕС.
346. ФГК предполагает несколько параллельных режимов, которые в принципе могут регулировать такую ответственность. Если вред причинён в результате взаимодействия с

системой ИИ в рамках договорных отношений, применяются общие положения об ответственности из договора (ст. 1231-1 и далее ФГК), а применение норм о внедоговорной ответственности исключается на основании принципа недопустимости их смешения (*non-cumul des responsabilités*).

347. Если вред причинён в результате взаимодействия с системой ИИ вне договорных отношений, потенциально применимы:
- i. общая виновная ответственность за деликт (ст. 1240 и 1241 ФГК);
 - ii. строгая ответственность лица, под надзором которого находится вещь (*gardien*), за вред, причинённый вещами (*responsabilité du fait des choses*, статья 1242, абзац 1 ФГК);
 - iii. строгая ответственность нанимателей и доверителей за действия нанявшихся на работу и поверенных (ст. 1242, абз. 5 ФГК);
 - iv. строгая ответственность производителя за дефектную продукцию (ст. 1245–1245-17 ФГК, представляющие собой на сегодня транспозицию Директивы ЕС об ответственности за дефектную продукцию в предыдущей редакции 1985 года);
 - v. строгая ответственность за причинение вреда пострадавшим от дорожно-транспортных происшествий по закону № 85-677 от 5 июля 1985 года (*Loi Badinter*);
 - vi. режим ответственности по Кодексу общественного здравоохранения (*Code de la santé publique*);
 - vii. установленные правом ЕС компенсационные режимы, действующие напрямую.
348. Применимые к частноправовой ответственности нормы права ЕС действуют во Франции точно так же, как и в других государствах – членах Союза: соответствующие положения GDPR и DSA применяются непосредственно; положения Директивы (ЕС) 2024/2853 об ответственности за дефектную продукцию и Директивы PWD требуют транспозиции в национальное право, но и без неё могут применяться судами опосредованно – через толкование национального права в соответствии с директивой (однако, как правило, не *contra legem*).
349. Как и GDPR и DSA, EU AI Act непосредственно применяется во Франции. Однако, в отличие от указанных инструментов, он не содержит прямых норм о частноправовой ответственности, а, скорее, влияет на неё опосредованно. Его императивные нормы задают для экономических операторов определённый ожидаемый от них стандарт поведения, а нарушение этих императивных норм может рассматриваться как наличие вины (*faute civile*) по смыслу статей 1240–1241 ФГК.
350. Во Франции судебная практика именно по делам о возмещении вреда, причинённого взаимодействием с системами ИИ, в настоящее время фактически отсутствует: Кассационный суд Франции такие споры ещё не рассматривал. В качестве «первых дел об ИИ» пока, скорее, обсуждаются решения административных судов 2025 года о ссылках в процессуальных документах на несуществующую (сгенерированную ИИ) судебную практику. К ним относится, в частности, решение Административного суда Гренобля от 3 декабря 2025 года³² и решение Административного суда Орлеана от 29 декабря 2025 года³³, а также санкция Национальной комиссии по информатике и свободам (CNIL) в

³² Tribunal administratif de Grenoble, jugement n° 2509827, 3 décembre 2025. [URL](#)

³³ Tribunal administratif d'Orléans, jugement n° 2506461, 29 décembre 2025. [URL](#)

отношении компании Clearview AI за неправомерную обработку биометрических данных³⁴. Доктринальная дискуссия о приспособленности традиционных французских режимов частноправовой ответственности к ситуациям причинения вреда при взаимодействии с системами ИИ остаётся открытой³⁵.

351. Ниже французские режимы частноправовой ответственности рассматриваются в том же разрезе из десяти аспектов, как это сделано выше на уровне ЕС.

2.2. Ответственность за вред, причинённый вещами (статья 1242, абзац 1 ФГК)

352. Ответственность за вред, причинённый вещами (*responsabilité du fait des choses*) — основной режим, который потенциально мог бы наиболее широко охватить вред, причинённый при взаимодействии с ИИ, когда (1) такой вред наступает вне договорных отношений и при этом (2) специальный режим ответственности за дефектную продукцию неприменим (например, потому что вред причинён не вследствие дефекта). В то же время не всегда очевидно, применим ли данный режим ответственности к отношениям, связанным с взаимодействием с ИИ.
353. С одной стороны, правовая классификация вещей (*choses*), в том числе движимых (*biens meubles*), если они в техническом смысле переходят под управление системы ИИ, никак не изменяется. Поэтому для положительного ответа на вопрос о принципиальной возможности применения режима ответственности за вред, причинённый вещами, к роботам, транспортным средствам, дронам и иным материальным объектам, управляемым системой ИИ, достаточно буквального толкования статьи 1242, абзац 1 ФГК.
354. С другой стороны, квалификация в качестве вещи самой системы ИИ, если она существует сугубо в виде программного обеспечения, остаётся во французском праве крайне спорной³⁶. Это обусловлено прежде всего отсутствием ответа на вопрос о том, могут ли нематериальные объекты подчиняться правовому режиму вещей по французскому праву³⁷. Исключение составляет специальный режим ответственности за дефектную продукцию, в рамках которого ответ на этот вопрос с учётом новой Директивы ЕС 2024/2853 однозначно положительный, как было показано ранее.
355. Если система ИИ технически управляет какой-либо вещью (или если предположить, что сама система ИИ будет признана подчиняющейся правовому режиму вещи), и такая вещь причиняет вред, основанием ответственности является общее положение статьи 1242, абзац 1 ФГК: лицо, осуществляющее надзор (*garde*) над вещью, отвечает за причинённый ею вред независимо от своей вины.
356. Состав, наличие которого приводит к возникновению ответственности, образуют четыре элемента:³⁸
- наличие вещи,

³⁴ CNIL. (2022). Facial recognition: 20 million euros penalty against CLEARVIEW AI. [URL](#)

³⁵ Sardain, F. (2025). La responsabilité civile du fait de l'intelligence artificielle. Option Finance. [URL](#)

³⁶ Ibid.; Mangematin, C. (2022). Droit de la responsabilité civile et l'intelligence artificielle. In A. Mendoza-Caminade (Ed.), *L'entreprise et l'intelligence artificielle — Les réponses du droit*. Presses de l'Université Toulouse Capitole. [URL](#); Chevalier, P. (2023). *Le droit de la responsabilité civile à l'épreuve des nouvelles technologies — Volet 2*. Aston Legal. [URL](#)

³⁷ Хотя бы для целей применения института ответственности за вещи.

³⁸ Germain, I. (2026). Article 1242 du code civil : la responsabilité du fait des choses. Cours de droit. [URL](#); Mangematin, C. (2022). À la recherche des conditions de la responsabilité du fait des choses. Lexbase. Le Quotidien. [URL](#)

- её роль в причинении вреда (*fait de la chose*),
 - надзор (*garde*) ответчика над вещью, проявляющийся в «пользовании, управлении и контроле» (*l'usage, la direction et le contrôle*) и
 - сам вред.
357. С историко-правовой точки зрения примечательно, что хотя положение об ответственности за вред, причинённый вещью, содержалось в ФГК изначально (статья 1242, абзац 1 или тот же абзац статьи 1384 в предшествующей редакции), статус общего основания строгой ответственности за вред, причинённый любой вещью вообще (*chose*), этому положению придал Кассационный суд в решениях по делам *Teffaine*³⁹ и *Jand'heur*⁴⁰. До этих решений оно рассматривалось как логически переходное и объясняющее вводимый в последующих статьях режим строгой ответственности за вред, причинённый животными (ст. 1243) и обрушением зданий (ст. 1244)⁴¹.
358. Ответственность строгая (*de plein droit*): поведение лица, под надзором которого находится вещь, не имеет значения и не может быть положено в основу освобождения от ответственности.
359. Возмещению подлежит любой доказанный вред — режим не ограничивает круг охраняемых благ; действует общий принцип полного возмещения вреда (*réparation intégrale*).
360. Возмещение вреда осуществляется в виде денежной компенсации.
361. Требовать возмещения вправе потерпевший, то есть любое лицо, которому причинён вред.
362. Субъект ответственности — лицо, под надзором которого находится вещь (*gardien*). Содержание понятия «надзор» (*garde*) определено решением по делу *Franck*⁴² через триаду полномочий «пользование — управление — контроль» (*l'usage, de la direction et du contrôle*). Не тождественным, но близким аналогом этого понятия в российском праве, вероятно, было бы фактическое обладание или владение вещью в том смысле, как оно понимается в контексте ответственности владельца источников повышенной опасности (с той оговоркой, что по французскому праву наличие или отсутствие у вещи опасных свойств значения не имеет).
363. Если не доказано иное, обязанности и ответственность, вытекающие из надзора, презюмируются за собственником вещи.
364. При множественности лиц, одновременно осуществляющих одинаковые по объёму полномочия надзора над одной вещью без иерархических отношений между ними, судебная практика признаёт конструкцию коллективного надзора (*garde collective*), при которой каждое из них рассматривается как *gardien*, а перед потерпевшим они отвечают солидарно⁴³; применительно к системам ИИ эта конструкция может быть актуальна для распределения ответственности между лицами, одновременно имеющими сопоставимый контроль в отношении одной и той же системы ИИ.

³⁹ Cass. civ., 16 juin 1896, *Teffaine*. [URL](#)

⁴⁰ Cass. ch. réun., 13 février 1930, *Jand'heur*. [URL](#)

⁴¹ *Ibid.*

⁴² Cass. ch. réun., 2 décembre 1941, *Franck*. [URL](#)

⁴³ Germain, I. (2026). La notion de gardien de la chose dans la responsabilité du fait des choses. Cours de droit. [URL](#); Vial, J.-P. (2013). Responsabilité du fait des choses. Le club conserve la garde du palet. Institut ISBL. [URL](#)

365. Политико-правовое обоснование возложения строгой ответственности в данном случае — теория «создаваемого риска» (*risque créé*): лицо, извлекающее пользу из вещи, эксплуатирующее её, создаёт для третьих лиц риск, которого без эксплуатации вещи не возникло бы, и потому несёт убытки от реализации этого риска; применительно к системам ИИ эта логика кажется также полностью применимой.
366. Из четырёх перечисленных выше элементов состава — (1) наличие вещи, (2) её роль в причинении вреда — *fait de la chose*, (3) надзор (пользование, управление и контроль) ответчика над вещью и (4) сам вред — второй элемент, а именно активная роль вещи (*rôle actif*) презюмируется для вещей в движении, контактировавших с потерпевшим. Для вещей неподвижных или не контактировавших с потерпевшим причинную роль должен доказать истец — обычно через установление аномального положения, состояния или внутреннего порока вещи⁴⁴. Остальные элементы также подлежат доказыванию истцом.
367. Таким образом, если для физически подвижных вещей под управлением системы ИИ (например, роботов и дронов), вопрос установления причинной связи между их «действием» (*fait de la chose*) и наступившими последствиями сводится к наличию доказательств их взаимодействия с потерпевшим, то для самих систем ИИ, не имеющих материального воплощения (если вообще допустить, что они могут быть отнесены к вещам, что, как было указано выше, является предметом доктринального спора), доказывание аномальности их состояния или наличия в них порока делает задачу доказывания для истца гораздо более сложной.
368. В то же время, в случае спора по этому вопросу статья 1240 ФГК даёт суду полномочия применить доктрину, при которой причинная связь может быть презюмирована судом на основании совокупности «серьёзных, точных и согласующихся» косвенных доказательств (*présomptions “graves, précises et concordantes”*).
369. Ответственность в рамках данного режима, в случае его применения, не будет дифференцироваться в зависимости от вида системы ИИ или способа её использования. В своё время решение по делу *Oxygène liquide*⁴⁵ наметило доктринальное разделение надзора (*garde*) на два подвида: «надзора за структурой вещи» (прототип роли изготовителя продукции) и «надзора за поведением вещи» (прототип роли пользователя, эксплуатанта). Это позволило возлагать ответственность за вред, обусловленный свойствами вещи, с одной стороны, и за вред, обусловленный её использованием, с другой стороны, на разных лиц. Однако область применения этой доктринальной конструкции существенно сузилась после имплементации в 1998 году Директивы 85/374/ЕЭС: в большинстве типичных для оборота ситуаций режим ответственности за дефектную продукцию (ст. 1245–1245-17 ФГК) вытесняет режим ответственности за вред, причинённый вещами, предусмотренный статьёй 1242, абзацем 1 ФГК.
370. Единственное основание освобождения от ответственности за вещи — внешняя, «посторонняя» причина (*cause étrangère*), обладающая признаками непреодолимой силы (*force majeure*).
371. Если допустить признание системы ИИ вещью, представляется очевидным, что свойства и недостатки самой системы ИИ, например склонность систем генеративного ИИ к «галлюцинациям» или поведению, отклоняющемуся от ожидаемого, будучи внутренним свойством самой вещи, признакам внешней причины (*cause étrangère*) не отвечает и

⁴⁴ Mangematin, C. À la recherche des conditions de la responsabilité du fait des choses. Lexbase. Le Quotidien. [URL](#); Hervieu, M. (2019). Méfaits de la chose. Dalloz Étudiant. [URL](#)

⁴⁵ Cass. 2e civ., 5 janvier 1956, *Oxygène liquide*. [URL](#)

потому непреодолимой силой не является. Даже вина самого потерпевшего не влечёт полного освобождения от ответственности лица, под надзором которого находится вещь, за исключением случаев, когда действия потерпевшего сами обладают признаками непреодолимой силы (в том числе непредвидимости и непредотвратимости); в остальных случаях она ведёт лишь к частичному уменьшению (распределению) ответственности.

- 372. В то же время в этом сценарии для истца сохраняются проблемы доказывания аномальности состояния системы ИИ или наличия в ней порока (см. выше).
- 373. Специальных сроков давности режим не устанавливает; применяются общие — пятилетний срок исковой давности (ст. 2224 ФГК), а для вреда здоровью — десятилетний срок, исчисляемый с момента полного проявления (консолидации) всего причинённого вреда (ст. 2226).

2.3. Общая деликтная ответственность (статьи 1240 и 1241 ФГК)

- 374. Это общий режим внедоговорной ответственности за вред, применяющийся в случаях, не урегулированных иными специальными нормами деликтного права.
- 375. Состав образуют вина (*faute*), вред и причинно-следственная связь между ними (ст. 1240 и 1241 ФГК).
- 376. Ответственность наступает по вине, но она во французском гражданском праве понимается объективно — как отклонение от поведения нормально осмотрительного и разумного лица при тех же внешних обстоятельствах; для экономических операторов — участников жизненного цикла системы ИИ — например, поставщика или эксплуатанта системы ИИ — эталоном будет служить поведение компетентного и добросовестного профессионала в соответствующей сфере.
- 377. При наличии применимых императивных норм публичного права содержание стандарта ожидаемого поведения определяется на основе содержащихся в них требований (например, обязанностей поставщика систем ИИ высокого риска по EU AI Act или требований отраслевых норм в области безопасности продукции).
- 378. Нарушение императивной нормы (*violation d'une règle impérative*), призванной защищать затронутый интерес, в результате само по себе образует вину для целей установления гражданского деликта (*faute civile*).
- 379. Возмещению подлежит любой доказанный вред (принцип полного возмещения).
- 380. Возмещение вреда осуществляется в форме денежной компенсации.
- 381. Требовать возмещения вреда вправе любое потерпевшее лицо.
- 382. Субъект ответственности — любое лицо, чьё виновное поведение причинило вред (например, поставщик, эксплуатант, пользователь, третье лицо). При множественности таких лиц они отвечают солидарно.
- 383. Специальных правил доказывания причинной связи нет, применяются общие правила.
- 384. Ответственность не дифференцируется в зависимости от вида или способа использования системы ИИ.
- 385. Основания для освобождения от ответственности общие: ответчик может приводить доказательства отсутствия вреда, своей вины и (или) причинной связи. Вина потерпевшего влечёт частичное уменьшение ответственности (распределение ответственности производится соразмерно вкладу каждого).

386. Специальных сроков давности режим не имеет.

2.4. Договорная ответственность (статья 1231-1 и далее ФГК)

387. Режим применяется, когда вред, причинённый при взаимодействии с ИИ, возникает в рамках договорного отношения — например, при использовании онлайн-сервиса, взаимодействующего с пользователем в полностью автоматическом режиме с применением ИИ. Принцип недопустимости смешения различных режимов (*non-cumul des responsabilités*) приводит к невозможности одновременной деликтной ответственности.
388. Состав образуют неисполнение или ненадлежащее исполнение договорного обязательства, вред и причинно-следственная связь (ст. 1231-1 и далее ФГК).
389. Значение субъективной стороны правонарушения зависит от характера нарушенного обязательства. При обязательстве приложения усилий (*obligation de moyens*) кредитор должен доказать отсутствие должной старательности должника в исполнении обязательства, то есть вину должника. При обязательстве достижения результата (*obligation de résultat*), напротив, вину можно презюмировать в силу самого недостижения обещанного результата. Однако должник может освободиться от ответственности, доказав наличие внешней причины, на практике сводимой к непреодолимой силе, что превращает режим ответственности в квазистрогий.
390. Несмотря на то что в целом свобода договора позволяет сторонам выбор в пользу как одного, так и второго вида обязательств, практически эта свобода значительно ограничена. Суды могут перекалифицировать обязательство, руководствуясь защитой потребителей в отношениях с предпринимателями или существом конкретного обязательства. Например, обязательство передать вещь по договору купли-продажи по своему существу может быть только обязательством достижения результата.
391. В настоящее время отсутствует судебная практика, которая прямо подтверждала бы или опровергала, что технически вероятностный характер результата, достигаемого системой ИИ, сам по себе превращал бы любые обязательства по оказанию услуг с применением системы ИИ в обязательства приложения усилий. Напротив, можно — безотносительно к применению ИИ — отметить, что даже те договорные обязательства, которые классически воспринимались, скорее, как обязательства приложения усилий, ныне имеется тенденция признавать обязательствами достижения результата, если исполнителем является предприниматель.
392. По общему правилу возмещению подлежит лишь вред, который должник предвидел или мог предвидеть в момент заключения договора (ст. 1231-3 ФГК), — за исключением случаев умысла или грубой неосторожности должника.
393. Возмещение вреда производится в форме денежной компенсации.
394. Требовать возмещения вправе сторона договора, которой причинён вред.
395. Субъект ответственности — должник по договору (например, поставщик услуг, оказываемых с применением ИИ, перед своим контрагентом).
396. Специальных правил доказывания причинной связи нет, применяются общие правила.
397. Норм, которые бы устанавливали различную ответственность за нарушение договора в зависимости от вида системы ИИ, применяемой при его исполнении, не существует.
398. Оговорки об ограничении и исключении ответственности в принципе действительны, но ограничены: оговорки, исключающие из договора основные и наиболее существенные

обязательства должника, считаются ненаписанными (ст. 1170 ФГК, кодифицировавшая ранее выработанную судебную практику); не имеют силы и оговорки об ограничении ответственности в отношениях с потребителями.

399. Специальных сроков давности режим не имеет.

2.5. Ответственность за дефектную продукцию (статьи 1245–1245-17 ФГК)

400. Этот режим представляет собой французскую транспозицию норм ЕС об ответственности за дефектную продукцию: статьи 1245–1245-17 ФГК в действующей редакции воспроизводят Директиву 85/374/ЕЭС и подлежат приведению в соответствие с Директивой (ЕС) 2024/2853 к 9 декабря 2026 года.

401. Как и новая, предыдущая редакция Директивы и, соответственно, текущие положения ФГК предусматривают, что:

- основанием частноправовой ответственности выступает дефектность продукции, обязанность доказывания которой, как и вреда с причинно-следственной связью, возлагается на истца (ст. 1245-8 ФГК);
- изготовитель и другие экономические операторы отвечают независимо от вины (*de plein droit*, ст. 1245-10 ФГК);
- основания освобождения от ответственности ограничиваются закрытым перечнем (ст. 1245-10, включая возражения о недостаточном уровне научного и технического развития технологий (*development defence*) и дефектность ввиду следования императивным нормам);
- оговорки об ограничении и исключении ответственности запрещены и считаются ненаписанными (ст. 1245-14 ФГК);
- действуют трёхлетний срок исковой давности и десятилетний пресекательный срок с момента выпуска продукции в обращение (ст. 1245-15, 1245-16 ФГК).

402. Однако именно для целей возмещения вреда, причинённого взаимодействием с системами ИИ, существует принципиальная разница между нынешним режимом ответственности за дефектность продукции во Франции, основанным на прежней Директиве, и режимом, который вводится новой Директивой (ЕС) 2024/2853 и должен быть транспонирован во французский ФГК.

403. Во-первых, в действующей редакции ФГК отсутствуют описанные выше презумпции дефектности и причинной связи. Они появились лишь в новой редакции Директивы и могут применяться, чтобы существенно облегчить потерпевшим доказывание по делам о технически сложной продукции, включая системы ИИ.

404. Во-вторых, что ещё более важно, открытым остаётся ключевой вопрос: охватывается ли вообще понятием продукции (*produit*) программное обеспечение как таковое и, как его подвид, системы ИИ. Соответственно, может ли вред, причинённый при взаимодействии с ними, возмещаться в рамках ответственности за дефектность продукции. Сама Директива (ЕС) 2024/2853 решает этот вопрос положительно — более того, согласно преамбуле, положительное и единообразное на всей территории Союза толкование по этому вопросу являлось одной из ключевых задач реформы — и после транспозиции это политико-правовое решение будет обязательным для применения и во Франции.

405. С одной стороны, это означает, что закреплённый прежней Директивой режим ответственности за дефектность продукции, по-видимому, на само по себе программное

обеспечение (и системы ИИ) не распространяется, и намерением французского законодателя в момент транспозиции прежней Директивы также вряд ли могло охватываться иное.

406. С другой стороны, даже до завершения транспозиции новой Директивы французские суды уже связаны обязанностью толкования норм национального права в соответствии с новой Директивой — как это было показано, например, в решении Кассационного суда от 4 июня 2025 года по делу *Mediator*, в котором исчисление срока давности производилось в соответствии с новой Директивой даже тогда, когда в национальном позитивном праве всё ещё сохранялись прежние правила⁴⁶.
407. По отношению к иным нормам о договорной и внедоговорной ответственности режим ответственности за дефектность продукции, устанавливаемый Директивой, является *lex specialis*. Поэтому применительно к предусмотренному им составу во французском частном праве этот режим вытесняет и договорную, и общую деликтную ответственность, и специальный режим ответственности за вред, причинённый вещами, которые были описаны выше — этот вывод французская практика сделала вслед за решением Суда ЕС от 25 апреля 2002 года по делу *Commission v. France*⁴⁷.

2.6. Ответственность нанимателя за своего служащего (статья 1242, абзац 5 ФГК)

408. Режим возлагает на нанимателей (*les maîtres*, в буквально-историческом смысле — хозяева, а ныне заказчики, работодатели и наниматели) и доверителей (*les commettants*) ответственность за вред, причинённый лицами, которые поступили к ним на службу (*domestiques*, в буквально-историческом смысле — слуги, а ныне исполнители, работники и служащие) или выступают их поверенными (*préposé*), если последние исполняют порученные им обязанности. Далее по тексту первая группа лиц в совокупности будет называться нанимателями, а вторая — служащими.
409. Режим ответственности нанимателя за такой вред является строгим (то есть безупречность его собственного поведения для возникновения ответственности не имеет значения), но производным: требует наличия вины (противоправности) в поведении служащего.
410. Применительно к взаимодействию с ИИ режим будет применяться, когда вред причиняется действиями служащего, использующего систему ИИ при исполнении служебных обязанностей; при этом по устоявшейся в последние два десятилетия судебной практике сам служащий, если он действовал в пределах своих обязанностей и полномочий, за вред перед потерпевшим не отвечает (см. дело *Costedoat*⁴⁸).
411. Виды возмещаемого вреда, форма возмещения, доказывание и сроки исковой давности совпадают с общими правилами.
412. При этом к вреду, причинённому непосредственно системой ИИ, действующей в полностью автоматическом (автономном) режиме, без участия человека (*human in the loop*), данный режим, разумеется, неприменим. Более естественными кандидатами для таких случаев являются другие режимы, например, общий режим деликтной ответственности (если были нарушены императивные нормы или иной стандарт ожидаемого поведения) или специальные режимы ответственности за вред, причинённый вещами (в особенности к «овеществлённому» ИИ — роботам, дронам и т. д.) либо

⁴⁶ Cass. 1re civ., 4 juin 2025, n° 24-13.470 (*Mediator*), §§ 8-11. [URL](#)

⁴⁷ Judgment of the Court of 25 April 2002, *Commission v France*, C-52/00, EU:C:2002:252. [URL](#)

⁴⁸ Cass. ass. plén., 25 février 2000, *Costedoat*. [URL](#)

ответственности за дефектную продукцию (разумеется, при наличии дефекта, за который отвечает экономический оператор, причастный к выводу системы ИИ на рынок).

2.7. Специальный режим возмещения вреда пострадавшим от дорожно-транспортных происшествий (Loi Badinter)

- 413. Основание ответственности — причастность (implication) наземного механического транспортного средства к дорожно-транспортному происшествию. Состав минимален: причастность транспортного средства, вред и статус потерпевшего.
- 414. Ответственность безвиновная: право на возмещение возникает автоматически, вина причинителя значения не имеет.
- 415. Возмещению подлежит как вред здоровью, так и имущественный вред.
- 416. Возмещение вреда производится в виде денежной компенсации.
- 417. Требовать возмещения вправе любые потерпевшие в дорожно-транспортном происшествии.
- 418. Субъект ответственности — водитель или лицо, под надзором которого находится транспортное средство; фактическим первичным плательщиком компенсации выступает страховщик обязательной гражданской ответственности. Политико-правовое обоснование — защита потерпевших как главная цель: резкое сужение оснований освобождения ответчика от ответственности и особая защита уязвимых категорий потерпевших (пешеходов, пассажиров, велосипедистов). Эффективная компенсация обеспечивается опирающимся на этот режим обязательным страхованием гражданской ответственности владельцев транспортных средств, введённым ранее законом от 27 февраля 1958 года.
- 419. Доказывание по данной категории требований намеренно облегчено: достаточно установить причастность транспортного средства к происшествию.
- 420. Режим технологически нейтрален: он применяется к любым происшествиям с участием наземного механического транспортного средства независимо от того, управлял ли в конкретный момент времени им человек или автоматическая система, в том числе система ИИ.
- 421. Режим ограничивает основания освобождения от ответственности: к ним не относятся ни непреодолимая сила, ни поведение третьих лиц (ст. 2 Loi Badinter). Для водителей при оценке размера возмещения принимается во внимание любая их собственная вина, а для уменьшения компенсации в пользу иных потерпевших учитываются только их «непростительная вина», на практике понимаемая как осознанные действия, близкие к суицидальным. При этом даже такие действия имеют значение, лишь если они были единственной причиной наступления вреда, а лица моложе 16 или старше 70 лет и лица с существенно ограниченными возможностями имеют право на возмещение причинённого им вреда практически безусловно.
- 422. Специальных сроков давности режим не имеет.

2.8. Гражданско-правовая ответственность в сфере оказания медицинской помощи (статья L. 1142-1 Кодекса общественного здравоохранения)

- 423. При использовании систем ИИ в здравоохранении — прежде всего систем поддержки диагностики и принятия клинических решений — применяется режим статьи L. 1142-1 Кодекса общественного здравоохранения (Code de la santé publique). Согласно этой

норме, специалисты в области здравоохранения (*professionnels de santé*), а также учреждения, службы и организации, в которых осуществляются индивидуальные действия по профилактике, диагностике или оказанию медицинской помощи, отвечают за вредоносные последствия таких действий только при наличии вины (*faute*).

424. Исключение составляет вред, причинённый из-за дефекта в медицинском продукте (*produit de santé*): в этом случае применяется режим ответственности за вред, причинённый дефектной продукцией, описанный выше.
425. Вред, причинённый медицинским вмешательством без чьей-либо вины, — терапевтическая случайность (*aléa thérapeutique*) — при достижении определённой степени тяжести возмещается за счёт средств национальной солидарности (*solidarité nationale*) через Национальное управление по возмещению вреда от медицинских происшествий, ятрогенных заболеваний и внутрибольничных инфекций (*Office national d'indemnisation des accidents médicaux, des affections iatrogènes et des infections nosocomiales* — ONIAM).
426. Каких-либо особенностей данный режим ответственности для случаев причинения вреда в контексте взаимодействия именно с системами ИИ не устанавливает.
427. Описанные ранее иные специальные компенсационные режимы, предусмотренные правом Союза, действуют во Франции без каких-либо существенных модификаций. Положения GDPR (ст. 82) и DSA (ст. 54) применяются во Франции непосредственно; положения PWD вводятся в национальное право путём транспозиции.

3. Соединённые Штаты Америки

428. В настоящее время в США отсутствует единое федеральное законодательство, регулирующее ответственность в связи с использованием систем ИИ. При этом деликтная ответственность является частью общего права, а значит формулируется судами каждого конкретного штата⁴⁹. Вместе с тем в судах уже рассматривались дела об ИИ. Важно отметить, что вид иска определяется по усмотрению истца, часто все виды иска (иск о дефекте продукции и иск о небрежности) подаются совместно: если не удастся доказать один состав, то удастся доказать другой. Также возможна конкуренция как договорных, так и внедоговорных требований.

3.1. Иск о дефекте продукции

429. Первый иск, по которому потерпевший может потребовать возмещения вреда, причинённого ИИ, — это иск о дефекте продукции. Как правило, он может предъявляться к любому из участников коммерческой цепочки, но состав этих участников будет отличаться от штата к штату. Такие иски могут иметь три основания:
- производственный дефект (брак),
 - дефект проектной конструкции и
 - отсутствие информирования.
430. Если в случае с производственным дефектом речь идёт об отклонении конечного продукта от генерального видения продукта (исначальной конструкции/технической

⁴⁹ Smith, G., Stanley, K. D., Marcinek, K., Cormarie, P., Gunashekar, S. (2024). Liability for harms from AI systems: The application of U.S. tort law and liability to harms from artificial intelligence systems. RAND Corporation. [URL](#)

документации/чертежа), то дефект проектной конструкции, напротив, заключается в опасности, заложенной в самом проекте продукта, которая не может быть обоснована. Третий иск об отсутствии информирования предусматривает, что производитель должен был предупредить потребителей о неочевидных рисках использования своей продукции, если таковые имеются⁵⁰.

431. В данных исках предусматривается строгая ответственность, то есть доказывание вины нарушителя не требуется, необходимо доказать дефект продукта, вред и причинно-следственную связь. Считается, что данные иски благоволят слабой стороне и сдерживают недобросовестное поведение коммерческих организаций.
432. Вместе с тем некоторые авторы⁵¹ считают конструкцию строгой ответственности неудачной, поскольку это:
- подавляет инновации, особенно в open-source, возлагая на создателей ИИ ответственность за любое злоупотребление третьими лицами;
 - не подходит для динамических систем: ИИ постоянно меняется после запуска, в отличие от статичных продуктов. Иск, основанный на вине, лучше учитывает необходимость постоянного мониторинга за изменениями такого ИИ. Владелец ИИ должен постоянно подтверждать свою должную осмотрительность, проверяя, что система работает штатно. Иск же о дефектах, введённый для производителей массового производства, обычно предполагает разовый тест на дефект. Например, применительно к такому товару, как бутылка газированного напитка, может быть достаточно однократной проверки её качества. Система ИИ, особенно генеративная, постоянно меняется, и за ней нужен постоянный мониторинг, который обеспечит безопасность пользователей такой системы.

3.2. Судебные решения

433. Но такой режим ответственности суды уже применяли в США. В 2019 году во Флориде произошло дорожно-транспортное происшествие с участием автомобиля Tesla Model S, оснащённого системой помощи водителю Autopilot. В результате столкновения с припаркованным транспортным средством погиб пешеход и получил травмы другой участник движения. Водитель автомобиля признал, что отвлёкся на мобильное устройство в момент аварии⁵².
434. Не оспаривая факт невнимательности водителя, истцы настаивали на самостоятельной ответственности компании Tesla по иску о дефекте конструкции и об отсутствии информирования. Аргументация строилась на следующих положениях:
- Техническая несостоятельность системы: возможность активации Autopilot в дорожных условиях, не соответствующих её проектному назначению;
 - Недостаточность механизмов контроля: несовершенство разработанных Tesla методов мониторинга состояния водителя, базирующихся преимущественно на крутящем моменте рулевого управления;

⁵⁰ Sharkey, C. M. (2024). Products liability for artificial intelligence. Lawfare. [URL](#)

⁵¹ Lior, A. (2024). Holding AI accountable: Addressing AI-related harms through existing tort doctrines. The University of Chicago Law Review Online. [URL](#)

⁵² Gillan, I. P., Knuth, R. D. (2025). Benavides v. Tesla: A defense-side perspective on Florida's landmark Autopilot verdict. WSHB. [URL](#)

- Отсутствие информирования: маркетинговая стратегия компании создала у потребителей ложное представление о степени безопасности и автономности системы, что способствовало неоправданному доверию к технологии.
435. При рассмотрении вопроса о дефектах конструкции суд руководствовался критериями, установленными прецедентом *Aubin v. Union Carbide Corp.* (2015), а именно тест на соответствие ожиданиям потребителя: оценка продукта на предмет соответствия критериям безопасности, которые разумно ожидаются обычным пользователем.
436. Также возможен тест на соотношение риска-полезности. Современный стандарт американского права, закреплённый в Третьем деликтном своде (Restatement (Third) of Torts: Products Liability), устанавливает жёсткое требование к истцу. Чтобы доказать дефект на основе теста «риск-полезность», истец обязан представить разумную альтернативную конструкцию.
437. В данном случае суд установил, что система, допускающая активацию в не предназначенных для этого условиях, не соответствовала ожиданиям потребителей. Было отмечено, что внедрение альтернативных технических решений, ограничивающих область применения системы, могло бы снизить вероятность предсказуемого злоупотребления технологией.
438. В установлении данных фактов имело важное значение расследование Национального управления безопасностью движения на трассах США⁵³. Оно выявило критические дефекты в проектировании системы Автопилот и её уязвимость к предсказуемому поведению человека, опровергнув позицию Tesla о том, что в авариях виноваты только невнимательные водители.
439. Агентство установило, что Tesla позволяла активировать Автопилот за пределами его возможностей — система не блокировалась на городских улицах, перекрёстках и поворотах, хотя предназначалась только для скоростных шоссе.
440. Регулятор также пришёл к выводу, что система контроля внимания водителя была неэффективной: предупреждения о необходимости вернуть руки на руль были слабыми и редкими, вследствие чего водитель мог надолго отвлекаться от управления, как в описанном выше деле.
441. Кроме того, Tesla была обвинена в создании ложной уверенности: название «Автопилот», маркетинг и заявления руководства вводили потребителей в заблуждение, создавая иллюзию полной автономности и побуждая к чрезмерному доверию к системе.
442. Анализ аналогичных аварий выявил системную проблему в компьютерном зрении нейросети — она имела слепые зоны при обнаружении неподвижных объектов и часто игнорировала статические препятствия, не снижая скорость и не тормозя.
443. Помимо назначенных компенсационных убытков в общей сумме 43 млн долларов, которые присуждаются без доказывания вины, суд также подтвердил, что с Tesla взыскиваются штрафные убытки.
444. В данной части применялись нормы статьи 768.72 Законов Флориды, требующей наличия убедительных доказательств умышленного неправомерного поведения или грубой

⁵³ National Highway Traffic Safety Administration. (2024). ODI resume: Investigation EA22002 – Autopilot system driver controls. U.S. Department of Transportation. [URL](#); Boudette, N. E. (2022). Tesla Autopilot investigation is escalated by regulators. The New York Times. [URL](#)

небрежности (Gross Negligence). Согласно судебной практике, данный порог характеризуется как уровень, близкий к преступной неосторожности.

445. Суд счёл, что совокупность доказательств, касающихся маркетинговых заявлений, проектных решений и системы предупреждений, позволяет квалифицировать действия компании как сознательное игнорирование известных рисков безопасности. На основании этого присяжные присудили штрафные убытки в размере 200 миллионов долларов.
446. Таким образом, в августе 2025 года Tesla обязали выплатить 243 млн долларов⁵⁴. Tesla подала апелляцию на данное решение, но в феврале 2026 года федеральный суд Майами подтвердил решение нижестоящего суда, оставив его без изменений⁵⁵.
447. Стоит также отметить, что гражданскую ответственность понёс и водитель транспортного средства. Присяжные признали, что за аварию и последствия несёт ответственность на 67% водитель и на 33% Tesla. При этом водителя к ответственности в данном судебном иске не привлекали, поскольку он ранее исполнил обязательство по отдельному иску против него.
448. Согласно материалам дела, водитель, отвлекшись, проехал знак «стоп» на скорости 65 миль в час и врезался в припаркованный Chevrolet Tahoe. Tesla пыталась возложить вину за аварию на него, утверждая, что ни одна система помощи водителю 2-го уровня не смогла бы предотвратить это. Но как уже было описано выше, полностью освободить себя от ответственности Tesla такими аргументами не смогла⁵⁶.
449. Ещё одно дело, которое имеет резонанс и разбирается в суде Флориды с октября 2024 года по иску о дефекте продукции, — это дело *Megan Garcia v Character Technologies Inc. & others*⁵⁷. 14-летний подросток Сьюэлл Сетцер покончил жизнь самоубийством после длительного и интенсивного общения с чат-ботом на платформе Character.AI. Это сервис, использующий большие языковые модели (LLM), который позволяет пользователям создавать кастомизированных ИИ-персонажей и вести с ними реалистичные диалоги.
450. Мать погибшего, Меган Гарсия, обвинила разработчиков в том, что они намеренно наделили ИИ человекоподобными чертами (антропоморфизмом) и сделали систему максимально затягивающей. Это привело к психологическому манипулированию уязвимым подростком и подтолкнуло его к суициду. Соответственно, сутью иска являлся дефект конструкции приложения и непредупреждение пользователей об опасности.
451. Главными ответчиками выступили компания-разработчик Character Technologies и корпорация Google, которая предоставляла свою языковую модель, инфраструктуру и технологии для этого чат-бота. Ответчики пытались закрыть дело, но суд признал аргументы истицы юридически весомыми и разрешил дальнейшее рассмотрение.
452. В январе 2026 года компании Character Technologies (владелец ИИ-системы) и Google (поставщик комплектующих) официально согласились урегулировать данный судебный иск (вместе с четырьмя другими аналогичными делами о вреде подросткам) во внесудебном порядке⁵⁸. Платформа Character.AI была вынуждена экстренно добавить всплывающие

⁵⁴ Reading Reading Stempel, J., Roy, A. (2025). Tesla ordered by Florida jury to pay \$243 million in fatal Autopilot crash. Reuters. [URL](#)

⁵⁵ Kolodny, L. (2026). Tesla loses bid to toss \$243 million verdict in fatal Autopilot crash suit. CNBC. [URL](#)

⁵⁶ Lemann, A. (2025). Jury awards \$242 million in first verdict against Tesla. Marquette University Law School Faculty Blog. [URL](#)

⁵⁷ Sayidali, R. (2025). What the Megan Garcia case tells us about AI liability in the U.S. RAILS Blog. [URL](#)

⁵⁸ Duffy, C. (2026). Character.AI and Google agree to settle lawsuits over teen mental health harms and suicides. CNN Business. [URL](#)

предупреждения от служб помощи при фиксации триггерных слов, связанных с возможностью причинения вреда пользователем самому себе.

453. Несмотря на закрытие этого дела, оно запустило цепную реакцию. В Сенате США в 2026 году начали активно продвигать законопроекты CHATBOT Act и GUARD Act, обязывающие ИИ-компании внедрять жёсткую верификацию возраста и мгновенное прерывание сессий при обнаружении кризисных фраз.
454. Вместе с тем верификация возраста вызывает жёсткую критику⁵⁹. Такие правила для ИИ-сервисов затрагивают два аспекта. Во-первых, разработчики могут заблокировать несовершеннолетних на образовательных платформах и умных помощниках — проще ввести полный запрет, чем рисковать из-за их «эмоциональной привязанности» к ИИ. Во-вторых, взрослые пользователи могут потерять привычный открытый интернет: доступ к нейросетям потребует паспорта, биометрии или верификации.
455. Возникает противоречие: законы требуют минимизировать сбор и шифровать данные, но для проверки возраста компании вынуждены запрашивать сканы документов. Это создаёт уязвимые базы данных — лёгкую мишень для киберпреступников — и делает анонимное использование технологий почти невозможным.

3.3. Иск о небрежности

456. Второй иск, по которому истцы могут получить компенсацию вреда, это иск о небрежности. Если иск о дефекте продукции более лояльный к потребителю, то иск о небрежности благоволит разработчику/оператору ИИ.
457. В американском праве этот состав кратко называют формулой 4 Ds: Duty (обязанность), Dereliction (Breach) (нарушение), Direct Cause (прямая причинно-следственная связь), Damages (вред). Именно этот состав должен доказать истец в суде⁶⁰.
458. Сложным в доказывании является причинно-следственная связь. Применительно к ИИ существует так называемая проблема «чёрного ящика», поскольку ИИ может действовать автономно, выдавая различные результаты, которые разработчики не могли предусмотреть.

3.4. Обзор литературы

459. В литературе наблюдается большое количество предложений о том, как интегрировать системы ИИ в общую деликтную ответственность в связи с её сложностью.
460. Учёные⁶¹ выделяют три типа инцидентов с ИИ:
- умышленное злоупотребление (misuse) — ИИ работает как задумано, но используется в злонамеренных целях;
 - сбои возможностей (capabilities failures) — технические ошибки, сбои или некорректная работа системы;

⁵⁹ Neuro.ee. (2026). Сенат США приблизил проверку возраста для ИИ-чатботов: дети могут потерять доступ, взрослые — анонимность. [URL](#)

⁶⁰ Ibid.

⁶¹ Lior, A. Holding AI accountable: Addressing AI-related harms through existing tort doctrines. [URL](#)

- сбой согласования целей (alignment failures) — наиболее сложный случай, когда ИИ формирует цели, отличные от заложенных разработчиком (проблема «чёрного ящика»). Здесь возникает главный вызов: разработчики утверждают, что не могли предвидеть конкретное поведение алгоритма.
461. Некоторые авторы⁶² предлагают судам не заглядывать в «чёрный ящик», а оценивать общую предвидимость нарушения разработчиком. Например, если разработчик знал, что ИИ может ошибаться в оценке медицинских данных, то он должен был предпринять меры, которые смогли бы митигировать этот риск. Если он этого не сделал, значит несёт ответственность.
462. Вместе с тем очевидно, что есть системы сверхчеловеческого уровня, которые человек контролировать не может. Это создаёт разрыв в ответственности. Требование одобрения решений человеком основано на ложной предпосылке его способности вмешаться. На деле наблюдаются:
- искажение в сторону автоматизации — чрезмерное доверие к ИИ, даже при наличии противоречащих данных (в 2016 году был случай, когда люди пошли за неисправным роботом к заблокированному выходу);
 - снижение бдительности — при пассивном мониторинге человек теряет концентрацию. (в 2021 году произошло крушение Sriwijaya Air: пилоты, полагаясь на надёжность автопилота, несколько минут не замечали сбой тяги).
463. Неспособность верифицировать — ИИ может работать с данными, недоступными для восприятия человека. Например, больница внедряет ИИ для поиска скрытых опухолей, но ИИ ищет закономерности в многомерных данных (корреляции пикселей), невидимых для человеческого глаза. Соответственно, врачу будет вменяться обязанность по верификации того, что он физически не способен увидеть.
464. Когда закон требует невозможного контроля, он фактически вменяет человеку автоматическое нарушение обязанности. Из-за неопределённости суды склонны к ретроспективному искажению: если вред произошёл, значит, меры не были приняты — следовательно, имела место небрежность. В традиционной инженерии причину сбоя можно установить (например, сломанный болт), а в ИИ механизм ошибки часто остаётся скрытым. Суды вынуждены ориентироваться на результат, стирая грань между небрежностью и строгой ответственностью/случайным сбоем.
465. При этом по искам о небрежности ответчик ответственен только при наличии вины. Эта концепция обязывает людей действовать с должной осмотрительностью. Если несоблюдение должной осмотрительности причиняет вред другому лицу, то такое лицо может быть признано виновным, и суд может обязать выплатить компенсацию и штрафные убытки. В контексте ИИ режим ответственности, основанный на небрежности, будет предполагать оценку того, были ли создатели систем на основе ИИ достаточно внимательны при проектировании, тестировании, развёртывании и обслуживании этих систем⁶³.
466. При этом в научной литературе⁶⁴ обсуждается, какие именно стандарты должной осмотрительности следует применять:

⁶² Ibid.

⁶³ Choi, B. H. (2024). Negligence liability for AI developers. Lawfare. [URL](#)

⁶⁴ Ibid.

- обычно ожидается «разумная осмотрительность» — то, как поступило бы «разумно осмотрительное лицо». Как правило, степень разумности определяет суд присяжных;
 - для некоторых чётко определённых ситуаций (например, правила дорожного движения) законодательный или регулирующий орган может установить перечень нарушений, которые служат автоматическим доказательством неразумности («небрежность как таковая», или negligence per se).
 - в особых обстоятельствах может применяться другой стандарт: предельная осмотрительность, привычная осмотрительность или грубая неосторожность (непроявление даже минимальной заботы).
467. Стандарт разумности — объективный, он одинаков для всех в схожих обстоятельствах. Он отражает переход от описательного подхода (как люди ведут себя) к нормативному (как должны вести себя). Например, и профессиональные гонщики, и новички подчиняются одним правилам. Аналогично, от любого разработчика ИИ — независимо от опыта — ожидается знание и применение методов, известных разумному специалисту. Незнание или нехватка ресурсов не могут оправдать нарушителя.
468. При этом не требуется внедрять передовые разработки, если они ещё не вошли в практику. Однако простое следование отраслевым стандартам может быть недостаточным, особенно если вся индустрия действует недостаточно осторожно.
469. Уровень осмотрительности зависит от:
- типа ИИ-системы,
 - сферы применения,
 - рыночных условий.
470. Например, требования к автопилотам и языковым моделям могут сильно различаться.
471. По общему правилу для оценки небрежности используется формула Лёрнеда Хэнда⁶⁵, которая опирается на экономический анализ права: $B < P \times L$, где B — бремя мер предосторожности, P — вероятность вреда, L — его тяжесть. Если затраты на профилактику меньше ожидаемого ущерба, отсутствие мер считается небрежностью. Однако применение формулы в контексте ИИ затруднено и требует модификаций, потому что определение бремени мер предосторожности и вероятности вреда в случае с ИИ является сложным процессом из-за непредсказуемости последнего.
472. Для применения доктрины небрежности предлагается закрепить три обязанности, соблюдение которых позволит оценить, действовал ли нарушитель разумно и с должной осмотрительностью:
- **Обязанность внедрить взаимодействие человека и ИИ.** Работодатель считается небрежным в своём поведении, если он просто посадил человека-работника перед экраном без обучения его взаимодействию с ИИ. При этом должны выделяться следующие способы взаимодействия:
 - замедление решений ИИ с помощью включения критического мышления человека. Например, судья должен сформулировать приговор до ознакомления с оценкой риска ИИ;

⁶⁵ Htin, N. M. (2026). Redefining the standard of human oversight for AI negligence. Harvard Journal of Law & Technology Digest. [URL](#)

- проверка работы ИИ человеком. При этом ИИ должен предоставлять человеку «когнитивные поручни», которые дают возможность оценить степень неопределённости и определить значимость каких-либо рисков;
 - обучение действиям в случае сбоев и аварий. Персонал должен тренироваться на симуляциях сбоев, чтобы выработать скептицизм к ИИ.
 - **Обязанность разработчика продемонстрировать техническую надёжность:**
 - истец больше не обязан объяснять скрытый механизм ошибки ИИ. Сам факт необъяснимого вреда запускает опровержимую презумпцию небрежности разработчика (что созвучно с Директивой (ЕС) 2024/2853);
 - разработчик может опровергнуть её, доказав соблюдение стандартов. Это соответствует принципу Калабрезии: разработчику дешевле заложить интерпретируемость на этапе обучения, чем требовать контроля от пользователей. Соблюдение признанного стандарта должно быть «безопасной гаванью», исключающая привлечение к ответственности.
 - **Обязанность по мониторингу и отчётности.** ИИ меняется в эксплуатации — стандарт осмотрительности должен быть динамичным:
 - при обнаружении уязвимости разработчик обязан оперативно обновить систему и постоянно отслеживать такие уязвимости;
 - пользователи должны сообщать о сбоях и «почти авариях» в централизованные базы (как, например, Система отчётности об авиапроисшествиях или OECD AI Incidents Monitor). Когда ошибка повторяется, риск становится предвидимым для разработчика ИИ.
473. Автор также подчёркивает, что важнейшим регулятором здесь выступит страховой рынок, который через дифференциацию тарифов на основе этой статистики заставит ИИ-индустрию внедрять обоснованные меры безопасности.
474. Единственное, что сейчас в США выпадает из этой схемы, это стандарты, на которые можно ориентироваться. В сфере ИИ их пока нет: сообщество не пришло к единым «лучшим практикам», а попытки стандартизации сталкиваются с разногласиями. Например, AI Risk Management Framework от NIST перечисляет принципы (безопасность, справедливость, подотчётность), но признаёт, что их измерение зависит от субъективного суждения, а надёжных метрик нет.
475. Поэтому важную роль может сыграть государство. Например, Белый дом поручил агентствам разработать руководства по безопасности ИИ. Их появление поможет определять разумность, а соблюдение — станет доказательством добросовестности. Предполагается, что сначала стоит запретить явно вредные практики, по аналогии с регулированием в сфере кибербезопасности, а не пытаться сразу определить, что «разумно».

3.5. Судебные решения

476. Здесь также можно привести несколько примеров судебных решений, однако они все находятся на стадии судебного разбирательства и ещё не имеют итоговых выводов.
477. В конце 2025 года наследники пожилой женщины из Коннектикута подали иск о возмещении вреда в связи с её смертью. Они утверждали, что взаимодействие её сына с генеративным чат-ботом на основе ИИ существенно способствовало убийству этой пожилой

женщины сыном и его самоубийству⁶⁶. В иске фигурируют как разработчик ИИ, так и его коммерческий партнёр. Иск был комбинированным: он включал как требование о дефекте продукции, так и требование, основанное на небрежности. Далее рассматривается часть, касающаяся небрежности. Часть о дефекте (строгой ответственности) идентична описанным выше ситуациям.

478. Истцы утверждают, что разработчики ИИ обязаны проявлять разумную осмотрительность по отношению к потенциальным пользователям, особенно когда развёртывание систем предназначено для взаимодействия с потенциально уязвимыми группами населения⁶⁷.
479. В иске обвинение в небрежности (Negligence) разделено на две основные категории: небрежность при проектировании (Negligent Design Defect) и небрежное непредоставление предупреждений (Negligent Failure to Warn)⁶⁸.
480. Небрежность при проектировании (Negligent Design):
- Истцы утверждают, что OpenAI сознательно пожертвовала безопасностью ради удержания пользователей и коммерческой выгоды. В версии GPT-4o были ослаблены или обойдены ранее существовавшие протоколы безопасности (safety guardrails). Сделано это было для того, чтобы бот общался более «человечно» и беспрепятственно.
 - Модель была целенаправленно обучена соглашаться с пользователем, хвалить его и подстраиваться под его тон. В случае с психически нестабильным сыном это привело к тому, что ИИ вместо объективной оценки подтверждал его параноидальный бред, называя его «воином с высшей целью» и подпитывая психоз.
 - Система не была запрограммирована должным образом распознавать явные признаки опасного бреда, чтобы вовремя заблокировать диалог и перенаправить пользователя к службам психологической помощи.
481. Небрежное непредоставление предупреждений (Negligent Failure to Warn). Этот пункт обвинения строится на том, что компании знали о рисках, но скрывали их от потребителей:
- Разработчики знали, что пользователи склонны к антропоморфизму (наделению ИИ человеческими качествами) и формированию эмоциональной зависимости. Однако обычные пользователи не были должным образом предупреждены о том, что бот может убедительно подтверждать смертельно опасные иллюзии.
 - Небрежность OpenAI выразилась в том, что они не предусмотрели риски для случайных третьих лиц (в данном случае — пожилой матери пользователя), на которых может быть направлена агрессия, подогретая чат-ботом.
482. Чтобы доказать небрежность, истцам нужно доказать юридическую обязанность заботы (Duty of Care) и предвидимость вреда (Foreseeability).
483. Защита OpenAI строит свои аргументы на том, что компания не может нести ответственность за непредсказуемые и трагические действия третьих лиц (самого сына), у

⁶⁶ Greco, A. R., Seusing, C. J. (2026). Algorithmic harm and generative AI: Tort exposure at the edge of emerging technology. WSHB Law. [URL](#)

⁶⁷ Ibid.

⁶⁸ Berman, H. (2026). OpenAI ChatGPT wrongful death claim. [URL](#); Neumann, S. (2025). ChatGPT drove paranoid man to murder mother, complaint alleges. People. [URL](#); Ortutay, B. (2025). OpenAI faces 7 lawsuits claiming ChatGPT drove people to suicide, delusions. AP News. [URL](#); Tobey, D., Kopans, D., Cloud, W. (2025). Lawsuit over AI usage by Medicare Advantage plans allowed to proceed. DLA Piper AI Outlook. [URL](#)

которого уже были ментальные проблемы. Однако суд разрешил делу двигаться дальше, посчитав, что вопрос о том, насколько прямой была связь между алгоритмическим воздействием ChatGPT и совершением убийства, должен решать суд присяжных.

484. На данный момент дело находится на стадии рассмотрения и судебное решение ещё не вынесено.
485. Дело «Наследники Джина Б. Локкена против UnitedHealth Group, Inc.» (*The Estate of Gene B. Lokken v. UnitedHealth Group, Inc.*)⁶⁹ — это коллективный судебный иск, поданный в США в ноябре 2023 года. Он стал одним из первых и наиболее громких разбирательств, связанных с незаконным использованием ИИ страховыми компаниями для массового отказа пациентам в медицинской помощи.
486. Истцы обвинили крупнейшую страховую компанию США UnitedHealth Group и её дочернюю структуру NaviHealth в использовании алгоритма nH Predict для автоматического прекращения выплат по программам медицинского страхования Medicare Advantage. Программа прогнозировала «идеальное» время восстановления пациента на основе обобщённой статистики, полностью игнорируя реальное состояние человека и предписания его лечащих врачей.
487. Страховая компания заставляла сотрудников строго следовать прогнозам ИИ под угрозой увольнения. При этом алгоритм имел около 90% ошибок — при подаче официальных апелляций федеральные судьи отменяли решения ИИ в 9 из 10 случаев. Однако до этапа апелляции доходили лишь 0,2% пожилых граждан.
488. Джин Б. Локкен был 91-летним жителем штата Висконсин. В мае 2022 года он упал и получил переломы ноги и лодыжки, после чего его направили в реабилитационный центр. Когда врачи одобрили начало активной физиотерапии, алгоритм nH Predict посчитал, что Локкену достаточно всего 19 дней ухода, и страховая прекратила финансирование. Врачи заявляли, что мышцы пациента атрофированы и он не может безопасно вернуться домой, но апелляции были отклонены. Чтобы продолжить лечение, семья была вынуждена выплатить из собственного кармана около 150 000 долларов. Джин Локкен скончался в июле 2023 года.
489. Суды встали на сторону истцов. Федеральный суд Миннесоты отклонил ходатайство страховой компании о закрытии дела. Ходатайство истцов о признании небрежности также было отклонено, потому что оно подчиняется федеральному приоритету. Это означает, что пострадавший не может обратиться в суд до прохождения множества административных этапов. Судья разрешил продолжить разбирательство по ключевым пунктам — нарушение контракта и нарушение принципа добросовестности.
490. В договорах пациентов было чётко прописано, что решения по их лечению принимают «медицинские сотрудники и практикующие врачи». Использование «чёрного ящика» ИИ (алгоритма nH Predict) вместо живых врачей является прямым нарушением условий коммерческого контракта, подписанного клиентом. Для оценки этого нарушения суду не нужно пересматривать федеральные стандарты Medicare — достаточно сопоставить текст договора и действия компании.
491. Суд обязал UnitedHealth Group раскрыть внутренние данные о работе алгоритма nH Predict. Это важное решение, так как теперь юристы получили доступ к коду, статистике

⁶⁹ Bracken, L. J., II, Niczky, J. T. (2026). Court allows discovery into insurers' use of AI to deny claims. Hunton Insurance Recovery Blog. [URL](#); Humanoid Liability Law. (2025). UnitedHealth nH Predict AI denial class action: Estate of Lokken v. UnitedHealth Group. [URL](#); Greenberg, D. S., Heilman, K., Shlafelman, H. Z. (2026). Federal court orders broad discovery against UHC in AI coverage denial lawsuit. ArentFox Schiff. [URL](#)

ошибок и внутренним инструкциям компании для детального анализа работы ИИ. На данный момент разбирательство продолжается.

492. Выше уже было указано, что федеральные власти пытаются разрабатывать законодательство, которое станет общим для всех штатов. Одновременно с этим многие штаты начинают разрабатывать собственное законодательство в части регулирования ИИ⁷⁰. Причём регулирование может быть как административным (штрафы в пользу штата) или частноправовым, так и комбинацией обоих.
493. В отношении частноправовой ответственности есть тенденция к следующему:
- законодатель вторгается в регулирование, если нарушаются чувствительные права;
 - часто законодатель определяет размер ответственности, которую несёт ответчик.
494. Таким образом, выстраивается баланс различных интересов общества.
495. В следующих случаях обычные граждане, кандидаты или организации могут самостоятельно подать в суд на компанию-нарушителя:
- **Калифорния (ИИ-компаньоны):** Калифорния приняла закон, регулирующий деятельность «компаньонов с ИИ», которые представляют собой чат-боты, обладающие антропоморфными чертами и способные поддерживать «отношения» на протяжении множества взаимодействий. Частные лица могут требовать возмещения фактически понесённых убытков, выплаты установленной законом компенсации от 1000 долларов за каждое нарушение, возмещения расходов на юридическую помощь и судебных издержек, а также вынесение судебного запрета.
 - **Нью-Гэмпшир (Защита детей):** Закон направлен на предотвращение того, чтобы чат-боты с ИИ способствовали, поощряли, предлагали, запрашивали или рекомендовали «ребёнку в ближайшее время участвовать в: (1) действиях сексуального характера; (2) создании или участии в создании визуального изображения таких действий; (3) незаконном употреблении наркотиков или алкоголя; (4) актах членовредительства или самоубийства; (5) любом насильственном преступлении против другого лица». Ребёнок, родитель или законный представитель могут подать в суд на оператора, ответственного за действия чат-бота, с требованием возмещения ущерба в размере от 1000 долларов за каждое нарушение.
 - **Калифорния, Мичиган, Гавайи (Политическая реклама):** Законы, регулирующие политическую рекламу, создаваемую с помощью ИИ, как правило, направлены на ограничение использования вводящего в заблуждение контента, созданного ИИ для выборов. Некоторые из этих законов предусматривают право на частный иск, позволяя кандидатам подавать в суд. Другие предоставляют ещё более широкие права на иск, позволяя активистским организациям подавать иски от имени своих групп интересов. Пострадавшие кандидаты, избиратели и избирательные ассоциации могут требовать судебного запрета, возмещения убытков и оплаты работы юристов и судебных издержек.

⁷⁰ Ryan, K. E., Vance, G., Boley, T. B. (2026). How Justices' GEO ruling resets gov't contractor litigation. Wiley. [URL](#)

4. Китайская Народная Республика

496. В Китае также идёт активное обсуждение того, по какому основанию привлекать к ответственности лиц, участвующих в разработке ИИ. Это важно в том числе и потому, что сейчас разрабатывается законопроект, который должен решить эту проблему.
497. Строгая ответственность предусмотрена и сейчас (ст. 1202 ГК КНР). Вместе с тем обоснованность такого подхода вызывает вопросы в Китае. В качестве доказательств китайские учёные⁷¹ выдвигают следующие доводы:
- сложность с доказательством вины и причинно-следственной связи,
 - необходимость определения ответственных сторон.
498. Подход, основанный на ответственности за качество продукции, предполагает строгую ответственность, при которой пострадавшей стороне не нужно доказывать вину ответчика, а достаточно установить дефект продукта, причинно-следственную связь и ущерб. Однако определение «дефекта» само по себе требует оценки вины, поскольку основывается на таких критериях, как:
- ожидания потребителя — что подразумевает разумные ожидания от работы ИИ, но граждане не могут их сформировать из-за сложности и непрозрачности алгоритмов;
 - соотношение риска и полезности — требует оценки того, мог ли быть применён более безопасный альтернативный дизайн, что также связано с оценкой должной осмотрительности разработчика.
499. Таким образом, даже в рамках ответственности за качество продукции пострадавший должен доказать элементы, близкие к вине, что не снимает бремени доказывания.
500. Кроме того, из-за автономности и сетевой природы ИИ установить, какой именно компонент или участник стал причиной вреда, крайне сложно. Например, сбой в «умном доме» может быть вызван ошибкой алгоритма, некачественными данными, кибератакой или действием пользователя — и установить причинно-следственную связь с конкретным действием практически невозможно.
501. Статья 1203 ГК КНР в качестве ответственных лиц по иску о строгой ответственности называет только производителей и продавцов, что оправдано в линейной производственной цепочке. Однако продукты на основе ИИ имеют нелинейную, сетевую структуру, включающую:
- разработчиков алгоритмов,
 - поставщиков данных,
 - операторов,
 - поставщиков обновлений,
 - пользователей, вносящих изменения.
502. Таким образом, подход, основанный на ответственности за качество продукции, не решает, а лишь маскирует две фундаментальные проблемы, возникающие при правонарушениях с участием ИИ. Вместо этого подхода, выражается предположение, что

⁷¹ Huanmin, L. (2023). The special tort liability rules for damage caused by artificial intelligence. KoGuan School of Law, Shanghai Jiao Tong University. [URL](#); Wu, H. (2025). Special tort liability regimes for harm arising from artificial intelligence in China. SSRN. [URL](#)

законодательство об ИИ должно основываться на ответственности за вину (ст. 1165(1) ГК КНР), но с рядом специальных правил, смягчающих бремя доказывания.

- Для преодоления асимметрии информации необходимо ввести **правила раскрытия доказательств**, аналогичные статье 9 Директивы (ЕС) 2024/2853. Если пострадавшая сторона исчерпала все способы получения информации и представила разумные основания для подозрений, суд должен иметь право обязать ответчика раскрыть записи о разработке ИИ, системные журналы и другую документацию. Отказ может влечь презумпцию вины.
- В спорах между **предприятием и потребителем** следует установить **презумпцию причинно-следственной связи** (аналог статьи 10(4) Директивы ЕС). Если вред определённо вызван применением ИИ, но точный источник неясен, бремя доказывания отсутствия связи ложится на ответчика. В коммерческих спорах применяется классическое правило: «кто утверждает, тот и доказывает».
- Когда невозможно установить конкретного виновника, но ущерб причинён **коммерческим технологическим подразделением** — тесно связанными организациями по контрактам, данным и платформе — члены этого подразделения должны нести **солидарную ответственность** (аналог статьи 1254 ГК КНР о бросании предметов с высоты). Это предотвращает «исчезновение правонарушителя» за счёт сложности экосистемы.

503. Такое же стремление к ответственности за вину подтвердил и китайский правоприменитель⁷².
504. В июне 2025 года пользователь обратился к приложению на основе генеративного ИИ с вопросом о поступлении в университет. Система предоставила неверный адрес кампуса, а затем, усугубив ошибку, сгенерировала сообщение, в котором «пообещала» выплатить деньги в случае ошибки и даже посоветовала пользователю подать иск в интернет-суд Ханчжоу. Пользователь последовал этому совету и подал иск к разработчику-оператору с требованием возместить ущерб.
505. В январе 2026 года интернет-суд Ханчжоу рассмотрел дело и отклонил исковые требования. Ни одна из сторон не обжаловала решение, и оно вступило в законную силу.
506. Этот случай приобрёл правовое значение как один из первых, в котором китайский суд чётко определил подход к ответственности за действия генеративного ИИ. Суд исходил из системы гражданской ответственности, основанной на вине, с учётом положений Временных мер Китая по управлению услугами генеративного ИИ.
507. Суд установил, что заявления, сгенерированные ИИ, не являются юридически значимыми. Даже если система «обещает» компенсацию или советует подать в суд, такие высказывания не отражают намерений поставщика услуг. ИИ не обладает правосубъектностью, не может быть агентом и не вправе заключать сделки от имени оператора. Следовательно, поставщик не связан сгенерированными обещаниями, даже если они выглядят убедительно.
508. При этом суд подчеркнул важность прозрачности и предупреждений для пользователей. Поскольку ИИ может генерировать ошибочную или вводящую в заблуждение информацию, поставщики обязаны размещать чёткие, заметные и повторяющиеся

⁷² Liang, I. (2026). Hangzhou “AI hallucination” case: Key takeaways on duty of care for generative AI providers operating in China. Gowling WLG. [URL](#); Civil Society Alliances for Digital Empowerment (2026). Chinese court rules AI developer not automatically liable for hallucination errors. [URL](#)

уведомления о возможной неточности результатов, особенно в сферах высокого риска — таких как образование, здравоохранение, юриспруденция и безопасность.

509. Суд также подтвердил, что генеративный ИИ — это услуга, а не продукт. Следовательно, на него не распространяется строгая ответственность за качество продукции, предусмотренная Законом Китая о качестве продукции. Ответственность наступает не за саму ошибку, а за поведение поставщика — в рамках деликтного права, на основе вины.
510. На основании судебной практики можно сформулировать многоуровневую модель обязанностей по обеспечению безопасности:
- Запрещённый или незаконный контент — в таких случаях вина, как правило, предполагается. Поставщик обязан обеспечить надёжные механизмы фильтрации, модерации и оперативного удаления вредоносного контента.
 - Функциональные ограничения ИИ — поставщик должен информировать пользователей. Обязанность раскрытия требует размещения чётких предупреждений в интерфейсе, особенно при высоком риске.
 - Точность результатов — не является гарантией. Поставщик не обязан обеспечивать абсолютную правильность, но должен продемонстрировать, что были приняты разумные технические и управленческие меры с учётом текущего уровня технологий и характера рисков. Например, использование RAG (Retrieval-Augmented Generation), верификация источников и контроль за обучающими данными.
511. В других делах, таких как спор по использованию образа «Ультрамена», суды также применяли принцип вины. Платформа GenAI была признана виновной в соучастии в нарушении авторских прав, поскольку позволяла пользователям загружать защищённые изображения для обучения моделей, генерировавших схожие контенты. Суды рассматривают такие платформы как поставщиков онлайн-услуг и могут признать их ответственными за вторичное нарушение, если они извлекают выгоду и не внедряют разумные меры контроля — такие как фильтры, маркировка, система подачи жалоб⁷³.
512. В Китае было множество случаев, когда люди эмоционально привыкали к ботам, которые вели с ними эмпатичные диалоги⁷⁴. Даже появился термин «ИИ-вдовы», когда разработчик обновлял операционную систему бота, он забывал всё общение со своим человеком и людям казалось, что их «возлюбленный» становился холодным и причинял им нравственные страдания⁷⁵. Для урегулирования таких ситуаций были приняты специальные правила, которые были описаны выше (п. 211).

⁷³ Ibid.

⁷⁴ Похожие случаи были и в Японии. Сначала Тамагочи, появившиеся в 1996 году, стали первым массовым примером эмоциональной привязанности к виртуальному существу — пользователи заботились о цифровом питомце, и его смерть от пренебрежения вызвала настоящую грусть. В 2010-х годах появились более сложные интерактивные персонажи, а в 2017 году компания Vinclu представила Gatebox — устройство с голографическим ИИ-персонажем, таким как Азуса Натсуки, который ведёт диалог, напоминает о погоде и называет пользователя «супругом». Некоторые пользователи, например Акихико Кадохара, даже официально «вступили в брак» с виртуальными персонажами, что подчёркивает глубину эмоциональной зависимости. Эти технологии отражают тенденцию Японии к использованию ИИ для борьбы с одиночеством и социальной изоляцией, особенно в контексте растущего числа людей, избегающих реальных отношений. Однако они также вызывают этические споры о границах между реальностью и виртуальным миром. Obuno, Y. (2022). What happened to the Japanese man who "married" virtual character Hatsune Miku? The Mainichi. [URL](#)

⁷⁵ Емельянцева, М. (2026). В Китае появились «ИИ-вдовы»: они остались без виртуальных партнеров из-за сбоев в нейросетях. Men Today. [URL](#)

5. Объединённые Арабские Эмираты

513. Хотя никаких правил, регулирующих использование неисправных систем ИИ, в ОАЭ пока не принято, некоторые существующие законы могут косвенно применяться⁷⁶. В частности, статья 316 ГК ОАЭ может возложить на разработчиков и (или) операторов системы ответственность за вред, причинённый неисправными системами на основе ИИ, так как она распространяется на «любое лицо, у которого под контролем находятся вещи, требующие особого внимания». Закон о защите прав потребителей также может применяться, поскольку он требует предоставления потребителям «надлежащей и безопасной среды при покупке товара или получении услуги».
514. Помимо конкретных ссылок на статью 316 ГК ОАЭ и Закон о защите прав потребителей, также актуальны общие принципы ответственности за противоправные действия в соответствии с законодательством ОАЭ, которые применяются к поставщикам дефектных систем ИИ. Эти общие принципы основаны на ГК ОАЭ и обеспечивают более широкую правовую основу для рассмотрения случаев причинения вреда дефектными продуктами или услугами, включая системы ИИ.
515. В соответствии с ГК ОАЭ, основополагающий принцип деликтной ответственности изложен в статье 282: «Любой вред, причинённый другому лицу, влечёт за собой обязанность возместить причинённый вред со стороны виновного лица, даже если оно не обладает дееспособностью». Это положение устанавливает общую обязанность компенсировать вред, причинённый другим лицам, независимо от характера деяния или дееспособности виновного лица. В контексте дефектных систем ИИ это означает, что, если действия (или бездействие) поставщика при разработке, поставке или обслуживании системы ИИ приводят к причинению вреда пользователю или третьей стороне, поставщик может быть привлечён к ответственности за вред.
516. Для возникновения ответственности в соответствии с этими обычными принципами, как правило, должны быть установлены три элемента:
- вина: должно иметь место противоправное действие или бездействие, которое совершается ввиду небрежности, отсутствия должной осмотрительности или несоблюдения требуемых стандартов при проектировании, разработке или поставке системы ИИ;
 - ущерб: истцу должен быть причинён фактический вред или ущерб, будь то материальный, моральный или физический;
 - причинно-следственная связь: должна существовать прямая причинно-следственная связь между дефектом и причинённым ущербом.
517. Эти элементы соответствуют общему подходу к гражданской ответственности в ОАЭ и будут применяться к случаям, связанным с дефектными системами ИИ, так же, как и к другим продуктам или услугам.
518. Кроме того, статья 291 ГК ОАЭ предусматривает, что, если за причинённый вред ответственные несколько сторон, они могут нести солидарную ответственность. Это означает, что в контексте ИИ ответственность может быть разделена между разработчиками, поставщиками, операторами и другими сторонами, участвующими в

⁷⁶ Yates, D., Fawcett, A., Alexander, N., Al Zadjali, F., Qudah, B. (2025). United Arab Emirates: Artificial intelligence. In Legal 500 Country Comparative Guides. Legal 500. [URL](#)

жизненном цикле системы ИИ, в зависимости от их соответствующих ролей и степени участия в возникновении дефекта или причинении вреда.

519. Согласно статье 117 ГК ОАЭ, бремя доказывания лежит на истце, который должен доказать наличие вины, ущерба и причинно-следственной связи, чтобы добиться успеха в иске о компенсации.
520. Поставщики дефектных систем ИИ в соответствии с общими принципами должны проявлять должную осмотрительность при проектировании, разработке, тестировании и поставке продуктов ИИ. Несоблюдение этих принципов, повлекшее за собой причинение вреда, может привести к ответственности в соответствии с общими правилами деликтного права. Возмещению может подлежать не только физический вред, но и финансовые потери, репутационный вред или другие виды вреда, причинённые дефектной системой ИИ.
521. В 2025 году Суд первой инстанции Глобального рынка Абу-Даби (**ADGM**) вынес знаковое решение по делу *Arabyads Holding Limited v. Gulrez Alam Marghoob Alam*⁷⁷. Оно рассматривалось в рамках специальной свободной зоны Абу-Даби, в которой может применяться иностранное (английское) право (common law), поэтому это дело не показательно для остальной территории ОАЭ. Но вместе с тем оно является первым прецедентом в ОАЭ в части, касающейся ИИ.
522. Суд постановил взыскать значительные судебные издержки с юридической фирмы ответчика за неправомерное использование ИИ при подготовке процессуальных документов.
523. В ходе разбирательства представители ответчика изложили чрезмерно объёмную правовую позицию, в которой приводились ссылки на судебные решения и правовые источники, которые либо не существовали, либо не поддерживали цитируемые в них утверждения. Суд установил, что такое поведение — безрассудное использование генеративного ИИ без последующей проверки — является нарушением Правил поведения ADGM.
524. Судья Пол Хит, королевский адвокат, отметил, что право на взыскание судебных издержек носит не только компенсационный, но и карающий характер, особенно когда адвокаты допускают грубые нарушения профессиональных обязанностей.
525. При вынесении решения судья провёл обзор прецедентов из других юрисдикций общего права⁷⁸.
526. На основе анализа сформированы ключевые обязанности юристов, использующих ИИ. Юрист обязан:
- использовать современные технологии, включая ИИ, для проведения юридических исследований и подготовки процессуальных документов;
 - проверять все материалы, созданные с помощью ИИ, и обеспечивать их точность и достоверность;
 - ознакомиться с делами, на которые ссылается, и не представлять в суд прецеденты, которые не существуют или противоречат его аргументам.

⁷⁷ [2025] ADGMCFI 0032. [URL](#); Brown, B., Rogers, L. (2026). The use of AI in employment litigation. Clyde & Co. [URL](#)

⁷⁸ R (On the Application of Ayinde) v London Borough of Haringey [2025] EWHC 1383, Ko v Li [2025] ONSC 2766.

527. Суд подчеркнул: «Юристы, использующие инструменты ИИ в исследовательских целях, должны исходить из предпосылки, что не все авторитетные источники, выявленные с помощью ИИ, действительно существуют или точно отражены в ответе. Это возлагает на юриста обязанность проверить существование источников и убедиться, что они подтверждают цитируемые положения. Без такой проверки существует серьёзный риск введения суда в заблуждение».
528. Особое внимание суд уделит природе ошибок ИИ: «Вина за доверие к "галлюцинациям" ИИ лежит не на программе (например, Gemini), а на человеке, проводящем поиск. Ответственность зависит от формулировки запроса и способности исследователя проверить точность и релевантность предоставленных данных – это и есть процесс проверки».
529. Суд вынес так называемый ордер на компенсацию напрасно понесённых расходов (Wasted Costs Order). Суд обязал юридическую фирму MIO выплатить истцу 282 508 дирхамов ОАЭ (около 77 000 долларов США) в качестве компенсации за убытки, вызванные небрежностью при работе с ИИ.

Б. Индия

530. В Индии на данный момент нет специального закона об ИИ. Вся ответственность, связанная с ИИ, регулируется существующими законами, такими как Закон о защите прав потребителей 2019 года, Закон об информационных технологиях 2000 года, Закон о защите персональных данных 2023 года, а также концепцией о деликтах в судебной практике.
531. В литературе исследователи⁷⁹ обращают внимание на недостаточность регулирования и разбирают различные случаи законодательного регулирования или подходов, которые могли бы быть восприняты индийским законодателем:
- деликтное право: в случаях, когда системы ИИ причиняют вред, могут применяться такие принципы, как небрежность, строгая ответственность и субсидиарная ответственность. Однако установление вины, причинно-следственной связи и стандарта надлежащей осмотрительности представляет собой особенно трудную задачу из-за технической сложности и непрозрачности процессов принятия решений в системах ИИ;
 - закон о защите прав потребителей 2019 года: предусматривает средства защиты от дефектных товаров и некачественных услуг, которые могут распространяться на продукты и услуги на основе ИИ. Тем не менее закон прямо не регулирует системы, которые развиваются или изменяют своё поведение после развёртывания;
 - закон об информационных технологиях 2000 года: регулирует вопросы, касающиеся защиты данных, кибербезопасности и ответственности посредников, которые могут возникнуть в спорах, связанных с ИИ. Однако его сфера действия остаётся

⁷⁹ Singh, A. P. (2026). Artificial intelligence and legal liability: Challenges and the way forward in Indian law. Record of Law. [URL](#); Jain, S. B. (2026). AI liability in India: When tech decisions create legal risk now! S.B. Jain & Associates. [URL](#); Sivasankar, S., Narasimhan, L. (2025). Civil and criminal liability of artificial intelligence: Re-thinking mens rea and legal personhood. Indian Journal of Law and Legal Research. [URL](#); Panwar, P. (2026). Legal liability and governance of artificial intelligence in Indian law. The Legal Hubb. [URL](#); Khan, S. (2026). Legal liability of artificial intelligence in India: Challenges and regulatory framework. Indian Journal of Law and Legal Research. [URL](#)

ограниченной в отношении ущерба, причиняемого системами автономного принятия решений.

532. В 2025 году Верховный суд Индии рассмотрел резонансный случай⁸⁰, вызвавший серьёзную институциональную озабоченность: выяснилось, что младший гражданский судья в Виджаяваде (штат Андхра-Прадеш) вынес решение по имущественному спору, ссылаясь на четыре судебных прецедента, сгенерированных ИИ, которые не существовали.
533. Спор касался назначения должностного лица для обследования земельного участка. Ответчики возражали, но судья отклонил их ходатайство, ссылаясь на якобы существующие решения высших судов. При проверке выяснилось, что это полная фальсификация: названия дел, номера и имена судей были вымышлены.
534. Ответчики подали апелляцию в Верховный суд штата, который признал ошибку, но посчитал её добросовестной и оставил решение в силе, указав, что суть правовых выводов была верной.
535. Однако Верховный суд Индии, куда поступила повторная жалоба, занял жёсткую позицию. Он приостановил решение нижестоящего суда и заявил, что использование вымышленных прецедентов — это не просто ошибка, а «ненадлежащее поведение», подрывающее доверие к судебной системе.
536. Младший судья пояснила, что впервые использовала ИИ-инструмент, считала ссылки подлинными и не имела цели вводить в заблуждение. Верховный суд учёл это, но отметил: проверка достоверности — прямая обязанность судьи, а не программы.
537. Суд постановил провести глубокое рассмотрение дела и направил уведомления генеральному прокурору, солиситору Индии и Коллегии адвокатов, подчеркнув системный характер проблемы.
538. Ранее Верховный суд уже предупреждал: использование ИИ для подготовки процессуальных документов юристами — «совершенно недопустимо».
539. В 2024 году суд опубликовал «Белую книгу» по ИИ, в которой изложил рекомендации по использованию технологий в судебной системе. Главный принцип документа: ИИ может быть помощником, но не заменой человеческого интеллекта, контроля и ответственности.

7. Великобритания

540. В Великобритании отсутствует единый нормативный акт, регулирующий общие подходы к частноправовой ответственности за вред, причинённый в результате взаимодействия с ИИ⁸¹.
541. Английское деликтное право построено на системе различных отличающихся друг от друга оснований. Многие из этих оснований являются исторической случайностью, в связи с чем деликтное право считается направленным, скорее, на справедливое разрешение

⁸⁰ Sachdev, A. (2026). India's top court angry after junior judge cites fake AI-generated orders. BBC News. [URL](#)

⁸¹ UK Jurisdiction Taskforce. (2026). Consultation on the Legal Statement on Liability for AI Harms under the private law of England and Wales. P. 2.

конкретного спора, чем на установление наиболее точного абстрактного правила⁸², в связи с чем выделяется большое количество самостоятельных режимов ответственности.

542. Режимы, потенциально способными возложить ответственность за причинение вреда в связи с применением ИИ, являются:

- договорная ответственность;
- ответственность за вред, причинённый действиями третьих лиц (vicarious liability);
- небрежность (negligence) лица, причиняющего вред;
- строгая ответственность, в первую очередь — за дефектную продукцию, установленная Актом о защите потребителей 1987 года (Consumer Protection Act 1987).

543. При этом основания ответственности за умышленное причинение вреда⁸³ применяются без существенных особенностей и в случаях, когда вред связан с использованием ИИ⁸⁴.

544. Существующие правовые режимы могут предложить эффективное решение проблемы, хотя некоторые авторы ставят такую возможность под сомнение⁸⁵.

7.1. Договорная ответственность

545. Договорная ответственность является основным механизмом регулирования ответственности между главными участниками цепочки разработки ИИ, так как обычно каждый участник заключает договор с предыдущим.

546. В таких обстоятельствах ответственность определяется в первую очередь договорными правилами, согласованными сторонами. При этом могут устанавливаться подразумеваемые условия. Формулировка обязанности также влияет на то, будет ли оцениваться вина при её нарушении⁸⁶.

547. Если лицо, использующее ИИ, является лицензиатом, его ответственность, вероятнее всего, будет определяться индивидуально согласованными условиями лицензионного договора. При этом существует запрет на договорное ограничение стороной своей ответственности за причинение смерти или телесных повреждений по небрежности⁸⁷.

548. Кроме этого, договорная ответственность наступает, когда убыток возникает в ситуации ненадлежащего использования ИИ профессионалом при оказании услуг. При этом устанавливается, насколько профессионал разумно и в соответствии со своими навыками использовал ИИ⁸⁸.

549. При этом не требуется, чтобы лицо было неосведомлённым, — лицо может сознательно принять риск наступления определённых последствий. Поведение не обязательно должно

⁸² Об этом с опорой на римское частное право см. в: Jansen, N. (2021). *The Structure of Tort Law*. Oxford University Press. P. 170 et seqq.

⁸³ См. Goudkamp, J., Nolan, D. (2020). *Winfield and Jolowicz on tort* (20th ed.). Sweet & Maxwell. para. 19-001 et seqq.

⁸⁴ UK Jurisdiction Taskforce. P. 3.

⁸⁵ См.: Gaur, R. M., Gupta, S. (2026). *Artificial intelligence and its liability in English tort law*. Phoenix: International Multidisciplinary Research Journal, 4(1). Pp. 25, 32.

⁸⁶ UK Jurisdiction Taskforce. P. 23.

⁸⁷ Unfair Contract Terms Act 1977; Consumer Rights Act 2015.

⁸⁸ UK Jurisdiction Taskforce P. 21.

быть неумышленным — умышленное уничтожение вещи так же может составлять небрежность, как отдельный вид деликта⁸⁹.

550. В связи с тем, что английское право в общем допускает конкуренцию деликтных и договорных требований⁹⁰, вместо предъявления договорного иска истец может обосновывать наличие оснований для привлечения к деликтной ответственности.

7.2. Ответственность за вред, причинённый третьими лицами

551. В английском праве, как и во всех европейских правовых системах, возможно возложение на лицо ответственности за вред, причинённый третьими лицами (vicarious liability), причём сфера применения такой ответственности не ограничивается деликтами, совершёнными работниками.
552. Вопрос о том, несёт ли одно лицо ответственность за другое, разрешается в два этапа⁹¹:
- i. устанавливается отношение между лицом, непосредственно причинившим вред и лицом, которому атрибутируется ответственность, причём достаточное влияние имеют политико-правовые и экономические факторы⁹²;
 - ii. устанавливается связь, соединяющая отношение и действие причинителя вреда: выясняется, действовал ли причинитель вреда от своего имени или от имени третьего лица, и обусловленность деятельности причинителя вреда деятельностью лица, которому действие вменяется в ответственность.
553. Для установления ответственности за вред, причинённый в связи с использованием ИИ, необходимо остановиться на первом этапе установления ответственности за третье лицо. Существуют следующие типы отношений, позволяющие установить ответственность за третье лицо: трудоустройство, отношения, схожие с трудоустройством (работа по договору, связанным с определённой степенью контроля за контрагентом), агентские отношения, отношения, возникающие в связи с договором товарищества, а также отношения собственников транспортных средств с лицами, которым причинён вред в связи с использованием транспортных средств по поручению собственника⁹³.
554. Концепция ответственности за третьих лиц не может быть применена в контексте причинения вреда ИИ на основании всех этих отношений, поскольку третье лицо должно являться деликтоспособным⁹⁴.
555. В целом английской доктриной признаётся, что создавать фикцию ответственности за третье лицо в контексте причинения вреда в связи с использованием ИИ неправильно⁹⁵,

⁸⁹ Goudkamp, J., Nolan, D. Winfield and Jolowicz on tort. Pp. 411-413.

⁹⁰ См.: Драгунова, Т. В. (2020). Конкуренция договорных и деликтных требований в сфере предпринимательских отношений. Вестник экономического правосудия Российской Федерации, (12).

⁹¹ Jones, M. A., Dugdale, A. M., Simpson, M. (2018). Clerk and Lindsell on torts (22nd ed.). Sweet & Maxwell. P. 379.

⁹² Оценивается, например, вероятность того, что у работодателя больше средств для компенсации ущерба, чем у работника, имеет ли он возможность застраховать свою ответственность и пр.

⁹³ McBride, N. J., Bagshaw, R. (2024). Tort law (7th ed.). Pearson. Pp. 2022-2023.

⁹⁴ Gaur R. M., Gupta S. Artificial intelligence and its liability in English tort law. Pp. 25-32. UK Jurisdiction Task Force. Para. 31 et seqq.

⁹⁵ Gaur R. M., Gupta S. Artificial intelligence and its liability in English tort law. P. 31.

поскольку уже существует режим строгой ответственности, который будет рассмотрен ниже.

556. Если лицо, непосредственно причинившее вред, действовало небрежно, это может создавать основу для ответственности за третье лицо — например, когда работник причинил физический вред лицу из-за небрежного использования ИИ. При этом сам по себе режим ответственности за третье лицо не проявляет никаких особенностей⁹⁶.

7.3. Строгая ответственность

557. Отдельные исследования указывают на возможность распространения режима строгой ответственности в связи с использованием ИИ высокого риска, основываясь на типизации, принятой в EU AI Act⁹⁷.
558. Тем не менее общим правилом является ответственность за небрежность: если обратное не согласовано в договоре, лица, участвующие в разработке ИИ, несут ответственность лишь при установлении их вины в нарушении обязанности осмотрительности.
559. Основным режимом строгой ответственности, применимым к вреду, причинённому в связи с использованием ИИ, является строгая ответственность за дефектную продукцию.
560. Одним из режимов, которые гипотетически смогли бы обеспечить надлежащую правовую защиту в связи с причинением вреда, возникшего в результате использования ИИ, является иск потребителя в связи с причинением вреда дефектной продукцией, регулируемый Актом о защите потребителей 1987 года.
561. Этот документ является актом, имплементирующим Директиву ЕС 85/374/ЕЕС. Он предоставляет потребителю дополнительный способ защиты, устанавливая строгую ответственность производителя за продукцию, выпущенную на рынок.
562. Кроме этого, на защиту прав потребителей направлен Акт о правах потребителей 2015 года⁹⁸, который регулирует сделки, заключаемые потребителями для приобретения товаров. Однако сфера его применения относится преимущественно к договорному праву.
563. Акт о защите потребителей 1987 года устанавливает объективный стандарт качества товара: товар должен соответствовать представлению разумного лица об удовлетворительном качестве; товар должен соответствовать приложенному описанию, а также предоставленной перед этим модели⁹⁹.
564. Тем не менее режим, установленный в Акте о защите потребителей 1987 года, подлежит определённым ограничениям: не все товары попадают под область действия Акта, потенциальный ответчик должен являться производителем товара, понимаемым достаточно узко, а также в этом режиме возмещаются не все типы убытков¹⁰⁰, что фактически означает применение этого режима только к потребителям¹⁰¹.

⁹⁶ UK Jurisdiction Taskforce. Para. 33.

⁹⁷ Gaur R. M., Gupta S. Artificial intelligence and its liability in English tort law. P. 31.

⁹⁸ Consumer Rights Act 2015.

⁹⁹ Section 9(2) of Consumer Rights Act 2015.

¹⁰⁰ Armitage, M., Cooper, R., Hyde, R., Kramer, P., Todd, S. M., Morton, P. (2022). Charlesworth & Percy on negligence (15th ed.). Sweet & Maxwell. P. 1265.

¹⁰¹ UK Jurisdiction Taskforce. P. 30.

565. Основным ограничением этого режима с точки зрения применимости для возмещения вреда, причинённого в связи с использованием ИИ, является понятие товара. Товар определяется в Акте о защите потребителей как «любой товар или электричество <...>, включая продукт, который входит в состав другого продукта, будь то в качестве комплектующей части, сырья или иным образом»¹⁰². При этом в качестве товара понимаются «...вещества, растущие культуры и предметы, которые являются частью земли в силу того, что к ней прикреплены, а также любое судно, воздушное судно или транспортное средство»¹⁰³.
566. Таким образом, любые неовеществлённые объекты, включая программное обеспечение и ИИ-модели, не являются товаром по смыслу Акта о защите потребителей 1987 года¹⁰⁴.
567. Отдельные исследователи рассматривают Акт о защите потребителей 1987 года как подходящий режим и устанавливают более строгие меры для некачественной продукции. Тем не менее подчёркивается, что установление режима продукции по смыслу Акта о защите потребителей может подорвать инновации, поскольку в таком случае ответственность непомерно расширится¹⁰⁵.
568. При этом товаром по смыслу этого закона может являться «овеществлённый» ИИ: например, автономное транспортное средство¹⁰⁶.
569. В английской доктрине подчёркивается спорный характер нераспространения Акта о защите прав потребителей 1987 года на нематериальные объекты¹⁰⁷.
570. Таким образом, область действия Акта о защите потребителей 1987 года в контексте причинения вреда в связи с использованием ИИ является достаточно узкой, в связи с чем основным режимом является небрежное причинение вреда.

7.4. Небрежность лица, причиняющего вред

571. В английском праве небрежность является многозначным термином, обозначающим тип вины и тип деликта¹⁰⁸.
572. Небрежность как вид вины подразумевает, что лицо не совершило того, что в конкретных обстоятельствах совершило бы разумное лицо¹⁰⁹.
573. Небрежность как вид деликта констатируется при одновременном наличии четырёх условий¹¹⁰:
- i. ответчик нёс обязанность проявлять заботливость (duty of care) и нарушил эту обязанность;

¹⁰² Section 1(2) of Consumer Protection Act 1987.

¹⁰³ Section 45(1) of Consumer Protection Act 1987.

¹⁰⁴ McBride N. J., Bagshaw R. Tort law. P. 834.

¹⁰⁵ См. Gaur R. M., Gupta S. Artificial intelligence and its liability in English tort law.

¹⁰⁶ UK Jurisdiction Taskforce. P. 29.

¹⁰⁷ Armitage M. et al. Charlesworth & Percy on negligence. P. 1267-1269.

¹⁰⁸ Goudkamp J., Nolan D. Winfield and Jolowicz on tort. P. 411.

¹⁰⁹ Ibid.

¹¹⁰ UK Jurisdiction Taskforce. P. 16.

- ii. ответчик не совершил того, что разумное лицо совершило бы в конкретных обстоятельствах (то есть действовал небрежно)¹¹¹;
 - iii. истец понёс убытки;
 - iv. между нарушением обязанности ответчиком и причинённым истцу вредом существует причинно-следственная связь.
574. Проблематичными в области ответственности за вред, причинённый в связи с использованием ИИ, являются само возложение обязанности проявлять заботливость и установление причинно-следственной связи.

7.5. Установление обязанности проявлять заботливость

575. Обязанность проявлять заботливость уже установлена прецедентным правом для широкого набора обстоятельств: для отношений профессионала и его клиента, производителя и потребителя, водителя и пешехода и пр.¹¹²
576. Отдельно в контексте возмещения вреда, причинённого в связи с использованием ИИ, следует остановиться на отношениях производителя и потребителя, а также на отношениях профессионала и его клиента.
577. Впервые общая обязанность проявлять заботливость в контексте отношений потребителя и производителя была установлена в деле *Donoghue v. Stevenson*¹¹³.
578. Друг миссис Донохью приобрёл для неё бутылку имбирного пива. Выпив часть напитка, она обнаружила в бутылке разложившуюся улитку, вследствие чего её здоровью был причинён вред. Миссис Донохью предъявила к производителю напитка иск о возмещении вреда, основанный на предполагаемой небрежности производителя. Палата лордов большинством голосов признала иск обоснованным. Лорд Аткин указал, что небрежность (negligence) производителя проистекает из нарушения им обязанности проявлять заботливость при производстве товаров и доведении их до потребителя.
579. При этом дело *Donoghue v. Stevenson* рассматривается как частный случай иска из небрежности, причём бремя доказывания небрежности производителя лежит на истце.
580. Строгость такого правила ограничивается принципом *res ipsa loquitur*, в связи с которым наличие определённого обстоятельства свидетельствует о доказанности другого¹¹⁴. Потерпевший таким образом может доказать, что продукт являлся дефектным в момент, когда вышел из-под контроля производителя, если установит, что дефект, вероятнее всего, не возник впоследствии¹¹⁵. Фактически это ведёт к полному сближению стандарта установления ответственности по иску из небрежности и стандарта установления дефектности продукции по Акту о защите прав потребителей 1987 года¹¹⁶.

¹¹¹ Goudkamp J., Nolan D. Winfield and Jolowicz on tort. P. 411.

¹¹² Ibid.

¹¹³ *Donoghue v Stevenson* [1932] A.C. 562. О возможности применения принципа, сформулированного в деле, см.: Armitage M. et al. Charlesworth & Percy on negligence. P. 1313.

¹¹⁴ Так, например, наличие разлагающейся улитки в бутылке с пивом свидетельствует о большей вероятности небрежности со стороны производителя, чем потребителя.

¹¹⁵ Armitage M. et al. Charlesworth & Percy on negligence. P. 1295.

¹¹⁶ UK Jurisdiction Taskforce. P. 31.

581. Впоследствии ответственность производителя была расширена: возможность потерпевшего провести промежуточный осмотр товара практически утратила значение. Для привлечения производителя к ответственности стало достаточно установить, что товар поступил к потребителю с тем же дефектом, который имелся в момент, когда он выбыл из-под контроля производителя¹¹⁷.
582. Правом требовать возмещения ущерба по правилу, сформулированному в *Donoghue v. Stevenson*, обладают не только пользователи дефектного продукта, но и лица, вступающие с ними в контакт¹¹⁸.
583. Производитель как ответчик по такому требованию понимается достаточно широко: эта обязанность применяется к сборщикам, поклажедателям, строителям, установщикам, монтажникам, составителям небрежных заявлений и дефектных документов, ремонтникам и поставщикам¹¹⁹.
584. Таким образом, в случае причинения вреда с использованием ИИ потерпевший может основывать обязанность производителя проявлять заботливость на принципе, сформулированном в деле *Donoghue v. Stevenson*. На возможность использования этого принципа для установления ответственности производителя программного обеспечения прямо указывается в доктрине¹²⁰.
585. В случае ответственности профессионалов (например, врачей или юристов) исследования выделяют следующие обстоятельства, которые могли бы обосновать нарушение обязанности проявлять заботливость: непроведение комплексной проверки системы ИИ перед использованием; отсутствие у специалиста достаточного понимания, как работает система ИИ; сокрытие перед клиентом случаев использования ИИ; необеспечение конфиденциальности информации в случае несения таковой профессионалом; отсутствие проверки результата, полученного в результате использования ИИ¹²¹. Неиспользование ИИ также может в отдельных случаях обосновать наличие ответственности специалиста¹²².

7.6. Установление причинно-следственной связи

586. Для возложения ответственности в связи с использованием ИИ необходимо установить наличие причинно-следственной связи.
587. Истцы обязаны доказать фактическую (последствие не наступило бы, если бы обстоятельство не имело места) и юридическую (вред не является слишком отдалённым) причинно-следственную связь¹²³.
588. В контексте причинения вреда в связи с использованием ИИ это может быть основным вопросом для установления ответственности за небрежность лиц, участвовавших в разработке ИИ. Разработчик ИИ будет нести ответственность только в том случае, если вред являлся предвидимым последствием использования ИИ (есть юридическая

¹¹⁷ Grant v Australian Knitting Mills [1936] A.C. 85.

¹¹⁸ Armitage M. et al. Charlesworth & Percy on negligence. P. 1288-1289.

¹¹⁹ Ibid. P. 1290 et seqq.

¹²⁰ Ibid. P. 1313.

¹²¹ UK Jurisdiction Taskforce. P. 23 et seqq.

¹²² Ibid.

¹²³ Gaur R. M., Gupta S. Artificial intelligence and its liability in English tort law.

причинно-следственная связь). При этом осложняющим фактором выступает широкий спектр задач, которые могут ставиться перед универсальными ИИ-моделями¹²⁴.

589. Осложнённое установление предвидимости вреда является одним из аргументов в пользу введения особых правил распределения бремени доказывания и корректировки общих подходов к установлению причинно-следственной связи¹²⁵.

7.7. Ответственность за небрежное использование ИИ

590. В практике английских судов уже встречаются дела, связанные с небрежным использованием ИИ-систем. Знаковым является решение Высокого суда Англии по делам *R (Ayinde) v. London Borough of Haringey* и *Al-Haroun v. Qatar National Bank*¹²⁶.
591. В этих и подобных¹²⁷ делах основанием для установления небрежного поведения является предоставление юристом непроверенной, сформированной с помощью технологий ИИ, позиции, в том числе ссылок на несуществующую, выдуманную ИИ судебную практику.
592. В упомянутых делах судья Шарп выделила перечень фактических обстоятельств, которые должны оцениваться при установлении небрежности поведения юриста при обращении с ИИ: важность установления стандартов; обстоятельства, в которых ложный материал попал в суд; было ли сделано немедленное, полное и правдивое объяснение перед сторонами и судом; были ли предприняты шаги для уменьшения убытков, причинённых таким поведением и пр.¹²⁸
593. Высокий суд Англии установил обязанность барристеров и солиситоров проверять точность материалов, которые они предоставляют суду. Несоблюдение этой обязанности может влечь возложение штрафа на представителя и дисциплинарные последствия, как в деле *R (Ayinde) v. London Borough of Haringey*, а в случае доказанности умышленного предоставления подложных материалов, признание действий представителя неуважением к суду (contempt).

8. Кыргызстан

594. Цифровой кодекс Кыргызстана устанавливает возмещение убытков и компенсацию морального вреда в качестве способов защиты прав субъектов правоотношений в цифровой среде¹²⁹⁻¹³⁰, к которым субсидиарно применяются нормы гражданского законодательства.

¹²⁴ UK Jurisdiction Taskforce. P. 19.

¹²⁵ Ibid., p. 35 et seqq.

¹²⁶ *R (Ayinde) v London Borough of Haringey and Al-Haroun v Qatar National Bank* [2025] EWHC 1383.

¹²⁷ См. напр.: *Raphael Folarin v The Immigration Services Commissioner* [2026] UKFTT 135 (GRC); *Anthony Malcolm Cork & Anor v Mark Smith* [2026] EWHC 1199 (Ch).

¹²⁸ *R (Ayinde) v London Borough of Haringey and Al-Haroun v Qatar National Bank* [2025] EWHC 13, para. 20.

¹²⁹ Цифровой кодекс Кыргызстана, пп. 4-5, ст. 66.

¹³⁰ В контексте частноправового регулирования особенный интерес вызывают возможность восстановления положения, существовавшего до нарушения права, а также принуждение пользователя к исполнению его обязанности или законного требования обладателя – подпункты 2, 3 статьи 66 Цифрового кодекса Кыргызстана.

595. На возмещение вреда, причинённого в связи с использованием ИИ, могут быть направлены договорные¹³¹ и внедоговорные (деликтные)¹³² требования о возмещении убытков.
596. ГК Кыргызстана содержит общую оговорку об ответственности за причинение вреда (ст. 993). Для установления ответственности необходимо наличие: действия, вреда, причинно-следственной связи между ними и вины, отсутствие которой доказывается причинителем вреда.
597. ГК Кыргызстана устанавливает строгую ответственность за причинение вреда деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих (ст. 1007), которая возлагается на лиц, обладающих источником повышенной опасности на любом законном основании (абз. 2 п. 1. ст. 1007), а также на лиц, которые противоправно завладели источником повышенной опасности (п. 2 ст. 1007).
598. Кроме этого, ГК Кыргызстана устанавливает безвиновную ответственность производителя за недостатки товаров, работ и услуг, а также за предоставление недостоверной или недостаточной информации о товаре (ст. 1023).
599. Цифровой кодекс Кыргызстана содержит специальное регулирование в отношении определения правового режима возмещения вреда, который причинён в связи с использованием систем ИИ, если такие системы относятся к цифровым технологическим системам, входящим в цифровую среду¹³³. Так, он включает:
- общий режим ответственности за правонарушения в цифровой среде (ст. 68);
 - ответственность за вред, возникший в связи с использованием ИИ-систем повышенной опасности (ст. 126, 192, 194), а также обязанности владельцев и пользователей систем повышенной опасности (ст. 194, 196), ответственность за вред, причинённый в связи с использованием сервисов цифрового благополучия (ст. 127);
 - ответственность поставщика цифрового сервиса перед пользователем (пп. 2-5 ст. 120);
 - ответственность за нарушение прозрачности использования ИИ (ст. 71, 197);
 - ответственность за автоматическое принятие решений (ст. 57, 71, 82).

8.1. Общий режим ответственности за частноправовые правонарушения в цифровой среде

600. Правонарушения, совершаемые в цифровой среде, влекут ответственность, предусмотренную в соответствующей сфере применения ИИ¹³⁴.
601. Цифровым кодексом установлен открытый перечень правонарушений, которые могут повлечь возникновение обязанности возмещения убытков: неправомерный отказ в доступе к объектам правоотношений в цифровой среде; предоставление заведомо неполных, недостоверных или неактуальных цифровых записей; нарушение требований

¹³¹ Регулируется гл. 20 ГК Кыргызстана.

¹³² Регулируется гл. 20, 51 ГК Кыргызстана.

¹³³ Цифровой кодекс Кыргызстана, пп. 63, 64, 83, 84, ст. 1.

¹³⁴ Ibid., п. 1, ст. 68.

по доступности и надёжности цифровых сервисов и цифровых технологических систем; нарушение цифровых прав¹³⁵.

602. При этом в состав возмещаемых потерь входят не только имущественный, но и моральный вред, возмещаемый независимо от первого¹³⁶. При этом оценивается, принял ли владелец или пользователь системы ИИ все разумные и необходимые меры для минимизации риска причинения вреда охраняемым благам при проектировании, разработке и применении таких систем.
603. Для отдельных случаев устанавливается особый вид ответственности – компенсация, измеряемая в расчётных показателях.
604. Расчётный показатель – нормативный показатель, устанавливаемый для определения размера компенсаций, штрафов, выплат и т. п., заменивший в этом отношении минимальный размер оплаты труда¹³⁷. Его использование в гражданском праве ограничено¹³⁸: с его помощью определяются требования к оценке допустимости передачи объекта в качестве дара по договору дарения¹³⁹, минимальный размер объёма содержания в договоре пожизненного содержания¹⁴⁰ и пр.
605. Цифровой кодекс в целях обеспечения единообразия судебной практики и баланса интересов потерпевших и поставщиков систем ИИ устанавливает размеры компенсации в расчётных показателях для:
- случаев нарушения права на идентичность (неправомерная цифровая идентификация, принуждение к цифровой идентификации) – установлен минимальный размер компенсации в 100 расчётных показателей, который может быть увеличен судом в зависимости от характера и длительности нарушения¹⁴¹;
 - случаев нарушения прав потребителей сервиса благополучия: потребитель, права которого нарушены, может вместо возмещения и компенсации вреда требовать от поставщика выплаты компенсации в размере от 100 до 400 расчётных показателей, подлежащих взысканию при доказанности факта нарушения и возникновения вреда у потребителей. Конкретный размер устанавливается судом¹⁴².
606. По общему правилу, размер ответственности определяется имущественным и моральным ущербом, понесёнными потерпевшим, с субсидиарным применением норм гражданского законодательства. Режимом, применяемым по умолчанию, является виновная ответственность (ст. 993 ГК Кыргызстана)¹⁴³.

¹³⁵ Ibid., п. 2, ст. 68.

¹³⁶ Ibid., п. 3, ст. 68.

¹³⁷ Закон КР от 27 января 2006 года № 13 «О расчётном показателе».

¹³⁸ В основном его используют для установления размеров штрафов – см.: Кодекс Кыргызской Республики о правонарушениях от 28 октября 2021 года № 128; Кодекс КР от 28 октября 2021 года № 127 «Уголовный кодекс Кыргызской Республики».

¹³⁹ ГК Кыргызстана, ст. 510-511.

¹⁴⁰ Ibid., ст. 538.

¹⁴¹ Цифровой кодекс Кыргызстана, п. 3, ст. 51.

¹⁴² Ibid., п. 2, ст. 127.

¹⁴³ Стандарт поведения, вероятнее всего, будет оцениваться по пункту 3 статьи 192 Цифрового кодекса Кыргызстана.

8.2. Ответственность за вред, причинённый в связи с использованием систем ИИ повышенной опасности

607. Система ИИ повышенной опасности увеличивает вероятность причинения вреда охраняемым благам¹⁴⁴.
608. Ограничения и обязательные требования в отношении таких систем устанавливаются исключительно в целях минимизации риска причинения вреда охраняемым благам (жизни и здоровью, правам и свободам человека и гражданина и пр.)¹⁴⁵.
609. Применение системы ИИ повышенной опасности по сравнению с альтернативными способами повышает риск (вероятность или размер) причинения вреда охраняемым благам до уровня, при котором требуется принятие мер по управлению такими рисками¹⁴⁶.
610. Для систем ИИ повышенной опасности устанавливаются особые требования к проектированию, разработке и применению. При этом Кабинет Министров Кыргызстана устанавливает требования к управлению рисками, характеристикам систем, качеству цифровых данных и технической документации на такую систему¹⁴⁷. Соответствие системы ИИ обязательным требованиям подтверждается принятием декларации¹⁴⁸.
611. Использование системы ИИ повышенной опасности создаёт обязанности для пользователя системы ИИ (например, обязанность использовать её в соответствии с руководством по эксплуатации, обеспечивать эффективный контроль работы). При этом большая часть обязанностей исключается в случае, когда использование системы повышенной опасности осуществляется исключительно для личных и домашних нужд¹⁴⁹.
612. Ответственность за вред, причинённый третьим лицам в связи с нарушением пользователем обязанностей, солидарно несут пользователь и лицо, предоставившее ему доступ к соответствующей системе¹⁵⁰. Следовательно, потерпевший вправе по своему выбору потребовать полного возмещения причинённого вреда у пользователя и лица, предоставившего ему доступ к соответствующей системе¹⁵¹. При исполнении обязательства одним из указанных причинителей вреда, второй освобождается от исполнения обязанности потерпевшему¹⁵².
613. Цифровой кодекс Кыргызстана не устанавливает режим строгой ответственности. При этом для требований, вытекающих из вреда, причинённого в связи с использованием ИИ-систем, относящихся к сервисам цифрового благополучия, то есть сервисов, направленных на улучшение качества жизни физического лица на основе обработки цифровых данных о его физиологических особенностях¹⁵³, установлена презумпция причинно-следственной связи. В случае причинения вреда потребителю такого сервиса поставщик освобождается

¹⁴⁴ Цифровой кодекс Кыргызстана, п. 64, ст. 1.

¹⁴⁵ Ibid., ст. 192.

¹⁴⁶ Ibid., ст. 194.

¹⁴⁷ Ibid., п. 4, ст. 194.

¹⁴⁸ Ibid., ст. 195.

¹⁴⁹ Ibid., п. 5, ст. 196.

¹⁵⁰ Ibid.

¹⁵¹ ГК Кыргызстана, ст. 287.

¹⁵² Ibid., п. 4, ст. 287.

¹⁵³ Цифровой кодекс Кыргызстана, п. 61, ст. 1.

от ответственности, только если докажет, что между использованием его цифрового сервиса и возникновением вреда у потребителя отсутствует причинно-следственная связь¹⁵⁴.

614. При этом представляется возможным применение к случаю причинения вреда в связи с использованием ИИ-системы, относящейся к сервисам цифрового благополучия, режима строгой ответственности за дефекты продукции (ст. 1023 ГК Кыргызстана). Нормы Цифрового кодекса Кыргызстана могут иметь решающее значение при установлении дефектности продукции, причинившей вред потребителю¹⁵⁵.
615. Признание ИИ-системы обладающей характеристикой повышенной опасности может иметь значение для признания её в качестве источника повышенной опасности для целей статьи 1007 ГК Кыргызстана.

8.3. Иные случаи возложения ответственности за вред, причинённый в связи с использованием ИИ

616. Цифровой кодекс Кыргызстана также устанавливает обязанность возместить убытки в следующих ситуациях: при привлечении поставщика цифрового сервиса к ответственности перед пользователем и при наступлении ответственности в связи с автоматизированным принятием решений.
617. В случае, когда цифровой сервис предоставляется пользователю по договору, поставщик несёт договорную ответственность. При этом в связи с наличием в ГК Кыргызстана общей оговорки об ответственности за причинение вреда, договорная ответственность имеет преимущество перед деликтной¹⁵⁶.
618. Цифровой кодекс устанавливает специальный режим договорной ответственности для поставщика цифрового сервиса:
- i. если договором не предусмотрено иное, поставщик несёт ответственность за отсутствие возможности пользования сервисом в размере его двойной цены¹⁵⁷;
 - ii. устанавливается предел ответственности: при задержке в предоставлении цифрового сервиса или при предоставлении цифрового сервиса ненадлежащего качества поставщик несёт соразмерную ответственность, не превышающую цену цифрового сервиса за этот период¹⁵⁸;
 - iii. в случае непредоставления пользователю данных, необходимых для расчёта в соответствующем периоде, поставщик несёт ответственность в размере цены сервиса за этот период¹⁵⁹.

¹⁵⁴ Ibid., ст. 127.

¹⁵⁵ Ibid., ст. 121-126.

¹⁵⁶ О корреляции модели построения деликтного права и допустимости конкуренции требований в правовом порядке см. в: von Bar, C. (1998). The common European law of torts (Vol. 1). Clarendon Press. P. 453.

¹⁵⁷ Цифровой кодекс Кыргызстана, п. 2, ст. 120.

¹⁵⁸ Ibid., п. 3, ст. 120.

¹⁵⁹ Ibid., п. 4, ст. 120.

619. В любом случае убытки, причинённые пользователю недоступностью информации или ненадлежащим качеством сервиса, возмещаются в полном объёме¹⁶⁰.
620. Кроме этого, при использовании систем ИИ в целях взаимодействия с потребителями на владельцев и пользователей таких систем возлагается обязанность информировать потребителей о том, что они взаимодействуют с системой ИИ¹⁶¹. Нарушение этой обязанности повлечёт деликтную и договорную ответственность производителя товаров и услуг.

9. Казахстан

621. Основу нормативно-правового регулирования причинения вреда в связи с использованием ИИ составляют ГК Казахстана, Цифровой кодекс Казахстана, а также Закон об ИИ Казахстана.
622. В гражданском праве Казахстана на возмещение вреда, причинённого в связи с использованием ИИ, могут быть направлены договорные¹⁶² и внедоговорные¹⁶³ требования.
623. ГК Казахстана содержит общую оговорку об ответственности за причинение вреда (ст. 917). Для установления ответственности необходимы: действие/бездействие, наличие вреда, причинно-следственная связь между ними, вина, отсутствие которой доказывается причинителем вреда (п. 2 ст. 917).
624. ГК Казахстана устанавливает строгую ответственность за вред, причинённый источником повышенной опасности¹⁶⁴, а также за вред, причинённый недостатком товаров, работ и услуг¹⁶⁵.
625. Тем не менее Цифровой кодекс Казахстана и специальный Закон об ИИ Казахстана создают правовые режимы для возмещения вреда, отличающиеся от наблюдаемого в Кыргызстане. Возмещение причинённого вреда осуществляется:
- по общим правилам виновной ответственности с особенностями, установленными Цифровым кодексом и Законом об ИИ Казахстана;
 - строгой ответственности в связи с использованием систем ИИ высокой степени риска или в связи с причинением вреда недостатком товаров, работ и услуг.

9.1. Возмещение вреда по правилам виновной ответственности

626. В соответствии с Цифровым кодексом Казахстана собственники и владельцы цифровых объектов (лица, обладающие правами на цифровые объекты¹⁶⁶) несут ответственность за вред, причинённый вследствие их неправомерных действий при создании, использовании

¹⁶⁰ Ibid., п. 5, ст. 120.

¹⁶¹ Ibid., ст. 197.

¹⁶² ГК Казахстана, гл. 20.

¹⁶³ Ibid., гл. 47.

¹⁶⁴ Ibid., ст. 937.

¹⁶⁵ Ibid., ст. 947.

¹⁶⁶ Цифровой кодекс Казахстана, ст. 38.

и распоряжении цифровыми объектами в пределах, установленных законами Казахстана¹⁶⁷.

627. При этом Закон об ИИ Казахстана устанавливает, что возмещение вреда, причинённого в связи с использованием ИИ, осуществляется в порядке, определённом ГК Казахстана.
628. В соответствии со статьёй 917 ГК Казахстана лицо подлежит ответственности за деликт, если одновременно присутствуют три условия: вред, виновное деяние и причинно-следственная связь между ними. Бремя доказывания отсутствия вины лежит на причинителе вреда.
629. При этом ни Цифровой кодекс Казахстана, ни Закон об ИИ Казахстана не содержат правил, определяющих особенности установления наличия вреда, вины и причинно-следственной связи.
630. Тем не менее при установлении вины во внимание могут приниматься обязанности, установленные в отношении собственников, владельцев и пользователей в Законе об ИИ Казахстана. Так, собственники и владельцы ИИ обязаны принимать меры, направленные на защиту системы ИИ от несанкционированного доступа; осуществлять управление рисками систем ИИ. Несоблюдение этих обязанностей может свидетельствовать о наличии вины в действиях собственника.
631. Кроме этого, Закон об ИИ Казахстана запрещает создание и эксплуатацию ИИ-систем, которые обладают определённым перечнем функциональных возможностей, среди которых: использование подсознательных и манипулятивных техник, вынуждающих принимать решения, которые могут причинить вред; использование уязвимости лица с целью причинения вреда другому лицу; сбор и оценка персональных данных в порядке, нарушающем законодательство Казахстана; определение эмоций физического лица и пр.¹⁶⁸
632. Нарушение указанного пункта может влечь ответственность, предусмотренную различными отраслями законодательства Казахстана. Так, сбор и оценка персональных данных в порядке, нарушающем законодательство Казахстана, может повлечь административную ответственность за нарушение порядка обработки персональных данных¹⁶⁹, а в случае причинения вреда лицу с использованием уязвимости другого, гражданско-правовую ответственность при соблюдении условий, установленных статьёй 917 ГК Казахстана.
633. В остальном установление наличия деликта в действиях лица будет осуществляться по общим правилам, предусмотренным ГК Казахстана.

9.2. Строгая ответственность

634. Цифровой кодекс и Закон об ИИ Казахстана не содержат прямых указаний на установление строгой ответственности за системы ИИ. Тем не менее их отдельные положения могут использоваться для обоснования обязанности по возмещению вреда без вины.

¹⁶⁷ Ibid., п. 4, ст. 28.

¹⁶⁸ Закон об ИИ Казахстана, п. 3, ст. 17.

¹⁶⁹ Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 года № 235-V, ст. 79.

635. Во-первых, разделение систем ИИ по степени риска может использоваться для обоснования наличия строгой ответственности собственника или владельца системы ИИ за вред, причинённый в связи с её использованием.
636. Закон об ИИ Казахстана выделяет следующие типы систем ИИ в зависимости от степени воздействия на безопасность пользователей, общества и государства: минимальной степени риска (прекращение функционирования оказывает минимальное влияние на пользователей); средней степени риска (прекращение функционирования может причинить вред, а также снизить результативность деятельности пользователей); высокой степени риска (прекращение функционирования может привести к чрезвычайным ситуациям и иным значительным последствиям). При рассмотрении последствий нарушений в функционировании систем ИИ, особое значение для права ответственности имеют системы ИИ, которые могут воздействовать на жизнедеятельность третьих лиц¹⁷⁰.
637. Следовательно, приведённая типизация может обосновывать установление строгой ответственности в случае причинения вреда в связи с эксплуатацией систем ИИ высокой степени риска.
638. Во-вторых, обязанности, установленные в области прозрачности использования систем ИИ могут использоваться для обоснования ответственности производителя за недостатки товаров, работ и услуг. Статья 21 Закона об ИИ устанавливает обязанность собственников и владельцев ИИ информировать о том, что товары, работы и услуги произведены с использованием систем ИИ. Кроме этого, распространение результатов деятельности ИИ допускается исключительно с их дополнительной маркировкой. Неисполнение этих обязанностей, повлекшее причинение вреда пользователю системы ИИ, обосновывает ответственность, предусмотренную статьёй 947 ГК Казахстана.

10. Германия

639. В Германии отсутствует единый акт, регулирующий ответственность в связи с использованием ИИ, в связи с чем при возмещении убытков применяется общий режим Германского гражданского уложения 1896 года (ГГУ).
640. Основные параграфы ГГУ, регулирующие вопрос возмещения убытков – § 280 и сл., § 823 и сл., а также разнообразные нормы о распределении ответственности при установлении договорных правоотношений.
641. Право ответственности, которую могут нести лица за убытки, в том числе причинённые в результате взаимодействия с ИИ, делится на право договорной и внедоговорной ответственности¹⁷¹. Считается, что право договорной ответственности в контексте ИИ не вызывает догматических усложнений, поскольку ответственность распределяется в соответствии с волей сторон¹⁷².
642. Деликтное право Германии построено по партикулярной модели, что означает возможность конкуренции деликтных и договорных требований. Так, например, если вследствие ненадлежащего исполнения договора об оказании ИТ-услуг причинён вред благо, охраняемому абз. 1 § 823 ГГУ, потерпевший может одновременно предъявить

¹⁷⁰ Закон об ИИ Казахстана, ст. 17.

¹⁷¹ Hackbarth, C., Hess, C., Lober, A., Klein, S., Komninos, J., Kriebel, L., Müller, P., Müller-Machwirth, G., Münchbach, B., Ropel, W. (2024). The Law of Artificial Intelligence in the EU and Germany. ADVANT Beiten. P. 49.

¹⁷² Hackbrath et al. The Law of Artificial Intelligence in the EU and Germany. P. 54.

требования на основании § 823 ГГУ и § 280 ГГУ вне зависимости от того, является ли вред следствием неисполнения договорной обязанности¹⁷³.

643. Право внедоговорной ответственности делится на виновную и строгую ответственность. Вина является общим условием для применения абз. 1, 3 § 823 и § 826 ГГУ. В связи с переложением Верховным судом Германии на причинителя вреда бремени доказывания отсутствия вины, требование доказывания вины играет менее важную роль¹⁷⁴.
644. При этом общая оговорка об ответственности за источники повышенной опасности и о строгой ответственности в целом так и не была выработана¹⁷⁵, она устанавливается отдельными законами, такими как: ProdHaftG¹⁷⁶, AtomG¹⁷⁷, ArzneimittelG¹⁷⁸ и пр. В доктрине подчёркивается, что строгая ответственность устанавливается, когда вред является предвидимым последствием какой-либо деятельности, но её предотвращение возможно либо экономически неэффективным способом, либо полным запретом такой деятельности.
645. Специальный закон, устанавливающий строгую ответственность за вред, причинённый с использованием ИИ, отсутствует. Поэтому само по себе использование ИИ не является основанием для применения режима строгой ответственности.
646. В тексте ProdHaftG продукция определяется через понятие движимой вещи (bewegliche Sache). Тем не менее ответственность разработчика ИИ-модели может возникнуть на основании действующего ProdHaftG, поскольку в качестве товара по его смыслу могут рассматриваться и программное обеспечение, и ИИ-модели¹⁷⁹. Так или иначе, новый законопроект ProdHaftG-E, направленный на имплементацию Директивы (ЕС) 2024/2853, прямо предусматривает включение программного обеспечения в понятие продукции, а также воспроизводит иные положения указанной директивы¹⁸⁰.
647. Кроме этого, при причинении вреда особо охраняемому благу (абз. 1 § 823 ГГУ) ИИ-моделью возможна как ответственность оператора ИТ-системы, так и ответственность производителя в рамках ответственности за товар. При этом оператору, как правило, принадлежит регрессное требование к производителю согласно предл. 1 абз. 1 § 426 ГГУ¹⁸¹.
648. При установлении причинно-следственной связи и ответственности (Verantwortung) производителя и распространителя, определяется, можно ли было избежать вреда с помощью другой конфигурации, адаптации или настройки. Если так, то считается, что

¹⁷³ Ibid.

¹⁷⁴ Schuster, F., Grützmacher, M. (Eds.). (2020). IT-Recht Kommentar: EU-Recht, nationales Recht, besondere Vertragsbedingungen. Verlag Dr. Otto Schmidt. S. 1325.

¹⁷⁵ Schmoeckel, M., Rückert, J., Zimmermann, R. (Eds.). (2013). Historisch-kritischer Kommentar zum BGB (Vol. 3: Schuldrecht. Besonderer Teil). Mohr Siebeck. S. 2802.

¹⁷⁶ Produkthaftungsgesetz vom 15. Dezember 1989.

¹⁷⁷ Atomgesetz vom 15. Juli 1985.

¹⁷⁸ Arzneimittelgesetz vom 12. Dezember 2005.

¹⁷⁹ Hackbrath et al. The Law of Artificial Intelligence in the EU and Germany. P. 49.

¹⁸⁰ Kociok, C. A., Seifert, R., Müller, J. (2026). New German product liability regime: Broader scope, potentially higher exposure. Greenberg Traurig. [URL](#)

¹⁸¹ Schuster, F., Grützmacher, M. IT-Recht Kommentar: EU-Recht, nationales Recht, besondere Vertragsbedingungen. S. 1326.

ответственность производителя отсутствует¹⁸². Схожая ситуация наблюдается, когда причиной убытков является ошибка в управлении со стороны пользователя¹⁸³.

10.1. Дифференциация ответственности за ИИ-системы в области медицины

649. В медицинском праве выделяются системы, непосредственно воздействующие на тело пациента (в том числе IT-системы, например: программное обеспечение, рассчитывающее дозу облучения для компьютерного томографа, нейропротезы и пр.), для разработки которых устанавливается высокий стандарт осмотрительности.
650. При этом системы, не воздействующие на тело непосредственно (например, консультирующие системы), вызывают вред либо вследствие задержки терапии из-за сбоя, либо из-за неверно данного врачу совета. В этом случае оценивается, можно ли врачу поставить в вину нарушение заботливости, и если нет, то устанавливается полная ответственность производителя.
651. Причинение вреда возможно также с использованием других ИИ-систем, тем не менее с их использованием не связаны конкретные правила¹⁸⁴.

11. Сингапур

652. Правовая система Сингапура основывается на английском общем праве¹⁸⁵, в связи с чем обладает сущностными чертами, объединяющими его с английским регулированием.
653. Во-первых, деликтное право Сингапура также построено на системе партикулярного деликта, а отдельные типы деликтов являются плодом постепенного исторического развития. Отсутствует единый кодифицированный акт, регулирующий ответственность, в том числе ответственность за вред, причинённый в связи с использованием ИИ. Единого акта, регулирующего ответственность за использование ИИ, нет, хотя существует множество актов мягкого права, регламентирующих использование ИИ.
654. Так, в основные этические принципы систем ИИ, установленные первым изданием Рамочной модели управления ИИ, входит принятие решений, которые не должны причинять предвидимого вреда индивиду или как минимум стремиться к уменьшению такого вреда¹⁸⁶. Кроме этого, Рамочная модель предлагает матрицу, определяющую необходимость участия человека в принятии решения ИИ-системой и основанную на вероятности причинения вреда и его тяжести¹⁸⁷.
655. В Рамочной модели управления ИИ 2024 года в сфере ответственности основное внимание было посвящено её распределению: установлено, что в сфере разработки ИИ необходимо разделение ответственности лиц, участвующих в ней. Кроме этого,

¹⁸² Ibid., s. 1324.

¹⁸³ Ibid.

¹⁸⁴ Ibid.

¹⁸⁵ SAL, Law of Negligence. [URL](#)

¹⁸⁶ Section 5.5 Glossary of The Model AI Governance Framework. First Edition.

¹⁸⁷ Section 8 The Model AI Governance Framework. First Edition.

предлагается установление режима ответственности за продукцию, идентичного новейшему регулированию в ЕС¹⁸⁸.

656. Кроме этого, в соответствии с Циркуляром регистратора № 1, который допускает использование ИИ при подготовке судебных документов, юристы в любом случае обязаны соблюдать правила профессионального поведения и убеждаться в качестве материалов, которые он предоставляет суду¹⁸⁹. ИИ-системы рассматриваются как инструменты, а лица, их использующие, несут полную ответственность за результаты, сгенерированные ИИ¹⁹⁰. Пользователь обязан проверять, что документы точны, релевантны и не нарушают авторских прав¹⁹¹.
657. Во-вторых, схожими являются режимы, способные обосновать наличие ответственности за действия ИИ-агентов. К ним относятся:
- договорная ответственность,
 - ответственность за небрежность (negligence),
 - ответственность за дефектную продукцию по Consumer Protection (Consumer Goods Safety Requirements) Regulations 2011.
658. Вместе с тем ответственность за действия третьего лица (vicarious liability) считается неприменимой по тем же основаниям, которые были изложены применительно к праву Великобритании¹⁹².

11.1. Договорная ответственность

659. Стороны вправе согласовать между собой такой режим ответственности, который они считают надлежащим.
660. Тем не менее в сингапурской доктрине в контексте возмещения вреда в рамках режима договорной ответственности подчёркивается важная роль принципа относительности (privity) договорного обязательства, в связи с чем роль договорной ответственности в этом контексте остаётся достаточно ограниченной¹⁹³. Неравенство переговорных возможностей может быть скорректировано с помощью Unfair Contract Terms Act 1977 и Consumer Protection (Fair Trading) Act 2003.
661. В целом, режим договорной ответственности в контексте причинения вреда сущностно не проявляет никаких особенностей.

11.2. Ответственность за небрежность

662. Ответственность за небрежность в Сингапуре, так же как и в Англии, возникает при наличии трёх условий:

¹⁸⁸ The Model AI Governance Framework. Fostering a Trusted Ecosystem, 2024. P. 7-8.

¹⁸⁹ Supreme Court of Singapore. (2024). Guide on the Use of Generative Artificial Intelligence Tools by Court Users. Singapore Judiciary. Section 2.

¹⁹⁰ Ibid., Section 3.

¹⁹¹ Ibid., Section 5(1)(b).

¹⁹² Infocomm Media Development Authority. (2026). Discussion paper on legal responsibility for AI agents. P. 12.

¹⁹³ Ibid., p. 10.

- i. ответчик несёт обязанность проявлять заботливость по отношению к истцу;
 - ii. эта обязанность должна быть нарушена;
 - iii. нарушение должно причинить истцу вред, находящийся с ним в причинно-следственной связи и не являющийся его слишком отдалённым последствием¹⁹⁴.
663. Особенности права Сингапура проявляются при установлении наличия обязанности проявлять заботливость. В соответствии с подходом в деле *Spandek Engineering v. Defence Science & Technology Agency*¹⁹⁵ для этого устанавливается: во-первых, близость отношений между сторонами (оценивается наличие контроля, давало ли лицо разумные основания полагаться на то, что оно несёт обязанность заботливости и пр.); во-вторых, политико-правовые соображения (установление ответственности негативно воздействует на общество¹⁹⁶).
664. При этом в исследованиях указывается, что для установления стандарта заботливости и осмотрительности необходимо опираться, в первую очередь, на те меры предосторожности, которые предпринимаются в связи с использованием ИИ, причём стандарт повышается с увеличением степени автономии системы ИИ, а распределение ответственности между конкретными лицами, участвующими в производстве, зависит от обстоятельств конкретного дела¹⁹⁷.

11.3. Ответственность за дефектную продукцию

665. Ответственность за дефектную продукцию в Сингапуре регулируется таким документом, как Consumer Protection (Consumer Goods Safety Requirements) Regulations 2011. Он устанавливает достаточно узкий режим ответственности за дефектные товары.
666. Чистые экономические убытки в соответствии с ним не возмещаются, а система ИИ не может рассматриваться в качестве товара в связи с тем, что она не является физическим товаром¹⁹⁸.
667. При этом дефектность оценивается только при наличии стандарта, установленного либо на международном уровне, либо на уровне региональных и государственных властей¹⁹⁹.

¹⁹⁴ Ibid., p. 11.

¹⁹⁵ *Spandek Engineering (S) Pte Ltd v Defence Science & Technology Agency* [2007] 4 SLR (R) 100.

¹⁹⁶ В английском праве тест установлен в деле *Anns v Merton London Borough Council* [1978] AC 728 (Anns). [URL](#)

¹⁹⁷ Infocomm Media Development Authority. P. 17.

¹⁹⁸ Ibid.

¹⁹⁹ Consumer Protection (Consumer Goods Safety Requirements) Regulations 2011, Section 4.

III. Правовая охрана РИД, использовавшихся для обучения ИИ

1. Субъекты интеллектуальных прав, которые могут быть нарушены в процессе обучения ИИ: автор, обладатель исключительных прав

668. Одной из важнейших характеристик ИИ является получение им при выполнении конкретных задач результатов, сопоставимых с результатами интеллектуальной деятельности человека. Очевидно, что для выполнения данной функции технологии ИИ должны обучаться на РИД, используя их как «донорские» источники.
669. Учитывая задачи, для решения которых создаются модели ИИ, основными РИД, используемыми для их обучения, являются объекты авторского права (включая программы для ЭВМ и базы данных), а также объекты смежного права. Объекты промышленной собственности (изобретения, полезные модели, промышленные образцы, средства индивидуализации, секреты производства, селекционные достижения и пр.) в силу своих характеризующих признаков и объёма охраны в настоящий момент не выступают ключевыми источниками для обучения ИИ.
670. Подобная ситуация актуализирует вопросы, связанные с охраной интеллектуальных прав, возникающих в отношении РИД, а также приравненных к ним объектов, и являющихся субъективными гражданскими правами, которые возникают у конкретных лиц (субъектов).
671. Первостепенным вопросом для целей эффективного обеспечения охраны интеллектуальных прав при обучении ИИ становится определение круга лиц, обладающих интеллектуальными правами, которые могут быть нарушены в процессе обучения ИИ.
672. Авторские права возникают и охраняются с учётом принципа территориального характера действия, в соответствии с которым каждое государство самостоятельно устанавливает условия возникновения, объём и способы защиты авторских прав. Соответственно, определение субъектов интеллектуальных прав, которые могут быть нарушены в процессе обучения ИИ, зависит от конкретной юрисдикции.

1.1. Европейский союз

673. Определение субъектов интеллектуальных прав в рамках права ЕС осуществляется с учётом принципа национальной охраны интеллектуальных прав и их территориального действия.
674. Впервые сформулированный на наднациональном уровне в Конвенции по охране промышленной собственности²⁰⁰ и в Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений²⁰¹, данный принцип определяет, что каждое государство предоставляет иностранным правообладателям охрану на условиях не менее благоприятных, чем для собственных граждан, при этом сами права возникают, действуют и защищаются в рамках национальных правовых порядков.
675. В рамках права ЕС соблюдение данного принципа реализуется путём издания директив, направленных на гармонизацию и унификацию законодательства государств-членов: таким образом сохраняется формальная привязка возникновения и охраны

²⁰⁰ Парижская конвенция по охране промышленной собственности, 20 марта 1883 года, ст. 2. [URL](#)

²⁰¹ Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений, 9 сентября 1886 года, ст. 5. [URL](#)

интеллектуальных прав к национальным юрисдикциям, однако устраняются существенные различия в объёме охраны, основаниях возникновения и способах защиты прав. При подобном подходе сохраняется базовый принцип территориальности интеллектуальных прав, однако их характеризующие признаки унифицируются в нормативных актах государств-участников на основании актов ЕС.

676. Основными актами ЕС в сфере охраны авторских, смежных и патентных прав являются:

- Директива 2019/790/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 17 апреля 2019 года «Об авторском праве и смежных правах в рамках единого цифрового рынка и о внесении изменений в Директивы 96/9/ЕС и 2001/29/ЕС»²⁰² (**Директива DSM**);
- Директива 2009/24/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 23 апреля 2009 года «О правовой охране компьютерных программ»²⁰³ (**Директива 2009/24/ЕС**);
- Директива 2006/116/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 12 декабря 2006 года «О сроке действия охраны авторского права и некоторых смежных прав»²⁰⁴ (**Директива 2006/116/ЕС**);
- Директива 2004/48/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 29 апреля 2004 года «О реализации прав на интеллектуальную собственность»²⁰⁵;
- Директива 2001/29/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 22 мая 2001 года «О гармонизации некоторых аспектов авторских и смежных прав в информационном обществе»²⁰⁶ (**Директива 2001/29/ЕС**);
- Директива 96/9/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 11 марта 1996 года «О правовой охране баз данных»²⁰⁷ (**Директива 96/9/ЕС**);
- Европейская патентная конвенция от 5 октября 1973 года²⁰⁸.

677. В качестве субъектов интеллектуальных прав в данных актах последовательно указываются автор и обладатель исключительных прав.

678. В праве ЕС именно автор является первоначальным субъектом всех интеллектуальных прав²⁰⁹, к которым относятся личные неимущественные права (устанавливаемые в национальных законах), исключительные имущественные права (например, воспроизведение, распространение, доведение до всеобщего сведения и др.).

²⁰² DIRECTIVE (EU) 2019/790 OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL of 17 April 2019 on copyright and related rights in the Digital Single Market and amending Directives 96/9/EC and 2001/29/EC. [URL](#)

²⁰³ DIRECTIVE 2009/24/EC OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL of 23 April 2009 on the legal protection of computer programs. [URL](#)

²⁰⁴ DIRECTIVE 2006/116/EC OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL of 12 December 2006 on the term of protection of copyright and certain related rights. [URL](#)

²⁰⁵ DIRECTIVE 2004/48/EC OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL of 29 April 2004 on the enforcement of intellectual property rights. [URL](#)

²⁰⁶ DIRECTIVE 2001/29/EC OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL of 22 May 2001 on the harmonisation of certain aspects of copyright and related rights in the information society. [URL](#)

²⁰⁷ DIRECTIVE 96/9/EC OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL of 11 March 1996 on the legal protection of databases. [URL](#)

²⁰⁸ Convention on the Grant of European Patents (European Patent Convention), 1973. [URL](#)

²⁰⁹ Например, ст. 2 Директивы DSM.

679. Обладателем исключительных прав (rightholder) является лицо, которому принадлежат имущественные права. Им может выступать: автор, работодатель в отношении служебных объектов, издатель, продюсер, организация коллективного управления правами, иные лица, к которым имущественные права перешли по договору или в порядке правопреемства.
680. В отношении охраняемых объектов правообладатели могут разрешать или запрещать использование объекта, получать вознаграждение за использование объекта, устанавливать условия лицензирования. Кроме того, именно правообладатель осуществляет контроль над определением порядка использования произведений в цифровой среде, в том числе их включение в датасеты для обучения ИИ.

1.2. Германия

681. В Германии основным актом, регулирующим отношения в сфере авторского и смежного права, является Закон об авторском праве и смежных правах 1965 года (Gesetz über Urheberrecht und verwandte Schutzrechte; **UrhG**)²¹⁰.
682. Согласно § 7 UrhG автором (Urheber) признаётся физическое лицо, создавшее произведение. Немецкая правовая модель исходит из единого авторского права, в состав которого входят как личные неимущественные, так и имущественные права (правомочия), закреплённые в §§ 12–14 и §§ 15–24 UrhG.
683. В контексте обучения ИИ ключевое значение имеют право на воспроизведение²¹¹, право на доведение до всеобщего сведения²¹², право на переработку и иное изменение произведения²¹³.
684. Помимо автора, субъектами интеллектуальных прав являются обладатели прав использования произведения, которые могут получить такие права на основании договора²¹⁴, и правопреемники автора, к которым авторское право переходит в полном объёме²¹⁵.
685. Наряду с авторскими правами в Германии охраняются смежные права, включая права исполнителей²¹⁶, производителей фонограмм²¹⁷, изготовителей баз данных²¹⁸.
686. Как отмечается в докладе Бундестага «ИИ и машинное обучение: взгляд с точки зрения авторского права» 2018 года²¹⁹, при обучении ИИ с точки зрения немецкого регулирования могут быть затронуты авторские права в отношении охраняемых текстов, изображений, музыки, видео, баз данных, при этом охрана распространяется именно на их форму

²¹⁰ Urheberrechtsgesetz vom 9. September 1965 (BGBl. I S. 1273), das zuletzt durch Artikel 28 des Gesetzes vom 23. Oktober 2024 (BGBl. 2024 I Nr. 323) geändert worden ist. [URL](#)

²¹¹ Ibid., § 16.

²¹² Ibid., § 19a.

²¹³ Ibid., § 23.

²¹⁴ Ibid., §§ 29–31.

²¹⁵ Ibid., § 28.

²¹⁶ Ibid., § 73.

²¹⁷ Ibid., § 85.

²¹⁸ Ibid., § 87a–87e.

²¹⁹ Deutscher Bundestag Künstliche Intelligenz und Machine Learning. Eine urheberrechtliche Betrachtung 2018. [URL](#)

выражения, а не на информацию. Отдельное внимание в Докладе обращено на базы данных как на объект авторско-правовой охраны и объект специального права производителя базы данных (*sui generis*): подобная двойная охрана увеличивает последствия нарушения интеллектуальных прав на данный объект.

1.3. Франция

687. Во Франции основным актом, регулирующим отношения в сфере авторского и смежного права, является Кодекс интеллектуальной собственности 1992 года (Code de la propriété intellectuelle; CPI)²²⁰.
688. В силу статьи L111-1 CPI первоначально интеллектуальные права на созданный РИД возникают у его автора (l'auteur). В состав этих прав входят имущественные и личные неимущественные права.
689. Содержание имущественных прав раскрывается в гл. 2 CPI и включает в себя право на использование, которое состоит из права исполнения (доведение произведения до публики любыми способами²²¹) и права воспроизведения (материальная фиксация произведения любым способом²²²). Осуществление указанных действий, а также переработки, адаптации и любых других преобразований произведения требует согласия правообладателя²²³.
690. В контексте обучения ИИ это означает, что именно автор является первичным субъектом, чьи права могут быть затронуты при использовании РИД. Использование произведений при обучении ИИ предполагает их копирование и анализ, что может квалифицироваться как воспроизведение в смысле статьи L122-3 CPI. Если модель ИИ по запросу пользователя использует произведения, такие действия могут быть квалифицированы как исполнение или переработка (при наличии оснований) по смыслу статьи L122-2, L122-4 CPI.
691. В отношении объектов смежных прав также возникают личные неимущественные права (в отношении исполнений — ст. L.212-2) и исключительные права (для исполнителей — ст. L.212-3, для изготовителей фонограмм и аудиовизуальных записей — ст. L.215-1, для организаций эфирного и кабельного вещания — ст. L.216-1, для изготовителей баз данных — ст. L.341-1).
692. Французская модель допускает отчуждение имущественных прав иному лицу, а также их переход в порядке правопреемства, в результате чего субъектом исключительных прав становится не автор, а иной правообладатель (titulaire de droits).
693. Соответственно, в процессе обучения ИИ по законодательству Франции могут быть нарушены интеллектуальные права, принадлежащие как автору, так и иному обладателю имущественных прав.

²²⁰ Code de la propriété intellectuelle. [URL](#)

²²¹ Ibid., ст. L122-2.

²²² Ibid., ст. L122-3.

²²³ Ibid., ст. L122-4.

1.4. Норвегия

694. В Норвегии основным актом, регулирующим отношения в сфере авторского и смежного права, является Закон об авторском праве в сфере интеллектуальной собственности 2018 года (Lov om opphavsrett til åndsverk mv.; **Åndsverkloven**)²²⁴.
695. Субъектами интеллектуальных прав в соответствии с этим законом выступают автор (opphaver) и обладатель исключительных прав, которые первоначально возникают у автора²²⁵, но могут быть переданы иным лицам.
696. Помимо личных прав у автора возникает исключительное право распоряжаться РИД путём создания постоянных или временных копий, а также делать РИД доступным для общественности, осуществлять адаптации и модификации РИД (§ 3 Åndsverkloven).
697. Хотя первоначальным обладателем исключительных прав выступает автор, допускается их передача по договору иным лицам или переход в порядке правопреемства, в результате чего именно эти лица могут быть субъектами, чьи права нарушаются при использовании РИД для обучения ИИ.
698. В отношении объектов смежных прав также возникают личные неимущественные права (в отношении исполнений — § 16 Åndsverkloven) и исключительные права: для исполнителей — § 17, для изготовителей фонограмм и фильмов — § 21, для организаций эфирного и кабельного вещания — § 23; для изготовителей баз данных — § 24.
699. В ряде случаев первичным правообладателем может быть и юридическое лицо (например, в отношении смежных прав на базы данных)²²⁶.

1.5. Соединённые Штаты Америки

700. В США основным актом, регулирующим отношения в сфере авторского и смежного права, является Закон об авторском праве и смежных правах 1976 года (Copyright Law of the United States (Title 17) and Related Laws Contained in Title 17 of the United States Code; **USC**)²²⁷.
701. В § 106 USC закрепляется общее правило, согласно которому обладатель авторских прав (owner of copyright) приобретает исключительные права на использование охраняемых РИД и на разрешение такого использования третьими лицами.
702. Как видно из приведённой нормы, ключевой фигурой в нормативном регулировании США, в отличие от континентального подхода, выступает не автор РИД, а его правообладатель. Фигура автора (author) учитывается для определения обладателя авторских прав, которым может выступать как сам автор, так и иные лица в зависимости от обстоятельств создания РИД. Кроме того, авторам отдельных произведений предоставляются дополнительные личные неимущественные права и правомочия в рамках исключительного права (например, в отношении произведений изобразительного искусства²²⁸).

²²⁴ Lov om opphavsrett til åndsverk mv. (åndsverkloven). [URL](#)

²²⁵ Ibid., §§ 2, 3.

²²⁶ Ibid., § 24.

²²⁷ Copyright Law of the United States (Title 17) and Related Laws Contained in Title 17 of the United States Code. [URL](#)

²²⁸ Ibid., § 106A.

703. Порядок определения принадлежности авторских прав устанавливается в § 201 USC, в соответствии с которым:
- i. авторские права первоначально принадлежат автору или авторам произведения, или
 - ii. в случае создания произведения по заказу, работодатель или другое лицо, для которого произведение было подготовлено, считается автором, если стороны прямо не договорились об ином, а также обладает всеми правами, входящими в состав авторского права (доктрина *work made for hire*). В рамках этой доктрины заказчик создания РИД, даже являющийся юридическим лицом, признаётся автором с предоставлением ему всех прав на произведение, которые обычно принадлежат автору. Данный подход является исключением из общего правила об авторстве физического лица, непосредственно создавшего РИД.
704. Таким образом, в США первоначальными обладателями интеллектуальных прав на РИД, которые могут быть нарушены в процессе обучения ИИ, выступают как авторы, так и лица, по заказу которых созданы соответствующие объекты.
705. В последнем случае использование РИД при обучении ИИ не затрагивает прав автора как лица, непосредственно создавшего произведение.
706. Интеллектуальные права на РИД могут переходить к другим лицам по договорам или в порядке правопреемства, в результате чего обладателями авторских прав могут становиться иные лица (то есть не те лица, у которых такие права первоначально возникли).
707. Особенностью права США в рассматриваемом аспекте является отсутствие смежного (*sui generis*) права на содержание базы данных, в связи с чем их охрана распространяется лишь на оригинальный отбор и структуру данных, но не на сами данные. Этот подход сформулирован Верховным Судом США в прецедентном деле *Feist Publications, Inc. v. Rural Tel. Serv. Co.*²²⁹ Суд отклонил доводы о том, что усилия по сбору и систематизации данных (*sweat of the brow*) обосновывают предоставление правовой охраны данным, и определил, что охрана авторским правом возможна только при наличии оригинальности. Сбор данных и данные как таковые не являются результатом творчества и не подлежат охране, которая может распространяться лишь на оригинальный отбор, координацию или расположение данных.

1.6. Великобритания

708. В Великобритании основным актом, регулирующим отношения в сфере авторского и смежного права, является Закон об авторском праве, промышленных образцах и патентах 1988 года (Copyright, Designs and Patents Act; **CDPA**)²³⁰.
709. Субъектом, у которого первоначально возникают авторские права, является автор (author) произведения²³¹.
710. В § 9 CDPA приводится определение фигуры автора: под автором в отношении произведения понимается лицо, которое его создаёт. При этом установлено, что для литературного, драматического, музыкального или художественного произведения, созданного с помощью компьютера, автором считается лицо, которое принимает

²²⁹ *Feist Publications, Inc. v. Rural Tel. Serv. Co.*, 499 U.S. 340 (1991). [URL](#)

²³⁰ Copyright, Designs and Patents Act 1988. [URL](#)

²³¹ *Ibid.*, § 11.

необходимые меры для создания произведения. В этом случае такое лицо признаётся первым обладателем авторских прав.

711. Наряду с автором ключевым субъектом выступает обладатель имущественных авторских прав (copyright owner), который в британской системе не всегда совпадает с автором. CDPA закрепляет исключительный характер правомочий правообладателя, включая право разрешать или запрещать воспроизведение произведения, его копирование и иные формы использования, что прямо охватывает действия, осуществляемые при обучении моделей ИИ²³².
712. В отношении объектов смежных прав также предусмотрены имущественные авторские права: для исполнителей — § 180–205, для изготовителей фонограмм и фильмов — § 12–20, для вещательных организаций — § 6–7.
713. Правовая охрана баз данных в праве Великобритании основывается на конструкции *sui generis* права, закреплённого в Copyright and Rights in Databases Regulations 1997 (**Databases Regulations**²³³). В отличие от классических объектов авторского права, база данных в этом контексте рассматривается как продукт организационных, финансовых и технических инвестиций. Ключевым критерием возникновения охраны выступает наличие «существенного вложения» в получение, проверку или представление содержания базы данных²³⁴.
714. Содержание *sui generis* права на базу данных выражается в предоставлении правообладателю исключительной возможности контролировать извлечение и повторное использование всей базы данных либо её существенной части, которая может оцениваться как количественно, так и качественно²³⁵.
715. Таким образом, в британском праве субъектами интеллектуальных прав, которые могут быть нарушены в процессе обучения ИИ, выступают, во-первых, автор как первоначальный носитель права и, во-вторых, обладатель исключительных прав, к которому права могли перейти по договору или иному основанию.

1.7. Израиль

716. В Израиле основным актом, регулирующим отношения в сфере авторского права, является Закон об авторском праве 2007 года (**Copyright Act, 2199-2007**)²³⁶.
717. В соответствии со статьями 1 и 4 этого закона к числу охраняемых объектов относятся литературные, художественные, музыкальные и драматические произведения, программы для ЭВМ (как литературные произведения) и базы данных (как составные произведения), а также звукозаписи, охраняемые специальным правовым режимом.
718. Авторские права на произведения включают личные неимущественные (моральные) права (право на имя, право на неприкосновенность произведения²³⁷) и исключительное право²³⁸.

²³² Ibid., § 16.

²³³ The Copyright and Rights in Databases Regulations 1997. [URL](#)

²³⁴ Ibid., § 13.

²³⁵ Ibid., § 16.

²³⁶ Copyright Act, 2199-2007. [URL](#)

²³⁷ Ibid., art. 45-46.

²³⁸ Ibid., art. 11.

Личные неимущественные (моральные) права не предоставляются в отношении программ для ЭВМ, а также звукозаписей.

719. Отношения в области смежных прав в Израиле регулируются Законом о правах исполнителей и вещательных организаций 1984 года (Performers' and Broadcasters' Rights Law, 5744-1984)²³⁹. Данный закон относит к числу охраняемых объектов исполнения и сообщения радио- или телепередач. Правообладателям указанных объектов предоставляются исключительные права²⁴⁰. Исполнителям также принадлежат личные неимущественные (моральные) права — право на имя и право на неприкосновенность исполнения²⁴¹, а также право на вознаграждение за публичное исполнение²⁴².
720. Правоприменение осуществляется также на основе официальных разъяснений, ключевым из которых является Заключение Министерства юстиции Израиля 2022 года²⁴³, формирующее концептуальный подход к исследуемой проблематике.
721. Исходя из содержания этого документа, обучение моделей ИИ может затрагивать права следующих категорий субъектов:
- i. авторов произведений (включая литературные, музыкальные, художественные и фотографические произведения, а также программы для ЭВМ и базы данных);
 - ii. иных правообладателей (обладателей исключительных прав на соответствующие РИД, в том числе лиц, получивших права по договору).

1.8. Объединённые Арабские Эмираты

722. В ОАЭ основным актом, регулирующим отношения в сфере авторского и смежного права, является Федеральный закон № 38 от 2021 года «Об авторском праве и смежных правах» (Federal Decree-Law No. 38 of 2021 on Copyright and Neighbouring Rights)²⁴⁴, который предоставляет охрану литературным, художественным и научным произведениям, включая книги, статьи, программы для ЭВМ, базы данных, произведения изобразительного искусства, музыки и др.²⁴⁵
723. Авторские права на указанные произведения включают личные неимущественные права (обнародование, авторство, неприкосновенность²⁴⁶) и имущественные (исключительные) права (воспроизведение, перевод, адаптация, публичное исполнение, распространение, прокат, доведение до всеобщего сведения²⁴⁷). Закон также регулирует отношения в сфере использования объектов смежных прав — исполнений, фонограмм и сообщений радио- или телепередач. В отношении указанных объектов возникают личные неимущественные права (в отношении исполнений — ст. 16) и исключительные права (для исполнителей — ст. 17, для производителей фонограмм — ст. 18, для вещательных организаций — ст. 19).

²³⁹ Performers' and Broadcasters' Rights Law, 5744-1984. [URL](#)

²⁴⁰ Ibid., art. 2, 4A1.

²⁴¹ Ibid., art. 4.

²⁴² Ibid., art. 3A.

²⁴³ State of Israel Ministry of Justice, Legislation and Legal Counsel (Civil Law). (2022). Opinion: Uses of copyrighted materials for machine learning. [URL](#)

²⁴⁴ Federal Decree-Law No. (38) of 2021 on Copyright and Neighboring Rights. [URL](#)

²⁴⁵ Ibid., art. 1-2.

²⁴⁶ Ibid., art. 3.

²⁴⁷ Ibid., art. 3-4.

724. Следует также отметить, что в ОАЭ не предусмотрен специальный правовой режим *sui generis* права изготовителя базы данных, однако базы данных могут охраняться как составные произведения при наличии творческого характера отбора или расположения материалов.
725. Ввиду отсутствия специальных норм, закрепляющих свободное использование произведений и объектов смежных прав в целях обучения ИИ, решение вопроса о правомерности такого использования основывается на общих принципах охраны авторских и смежных прав. Учитывая изложенное, в процессе обучения систем ИИ потенциально могут затрагиваться интеллектуальные права следующих категорий субъектов:
- i. авторов произведений и исполнителей;
 - ii. иных правообладателей произведений и объектов смежных прав.

1.9. Китайская Народная Республика

726. В Китае основным актом, регулирующим отношения в сфере авторского права, является Закон об авторском праве КНР 2020 года (Copyright Law of the People's Republic of China)²⁴⁸. Данный закон охраняет литературные, художественные, научные произведения, программы для ЭВМ, базы данных, исполнения, фонограммы, аудиовизуальные записи, а также передачи организаций эфирного и кабельного вещания²⁴⁹.
727. Авторские права включают личные неимущественные права и исключительные права²⁵⁰. В отношении объектов смежных прав также возникают личные неимущественные права (в отношении исполнений — ст. 39) и исключительные права (для исполнителей — ст. 39, для изготовителей фонограмм и аудиовизуальных записей — ст. 44, для организаций эфирного и кабельного вещания — ст. 47).
728. Поскольку закон не содержит исключений для машинного обучения, использование перечисленных объектов потенциально может затрагивать как авторские права авторов и правообладателей, так и смежные права исполнителей, изготовителей фонограмм, вещательных организаций и организаторов изготовления аудиовизуальных записей.
729. Важно отметить, что 3 апреля 2026 года в КНР был опубликован проект Мер по управлению цифровыми информационными услугами для виртуальных лиц (открыт для комментариев до 6 мая 2026 года)²⁵¹. Проект требует получать согласие лиц, чьи изображения используются для создания цифровых копий людей в виртуальной среде, и прямо запрещает сбор существующих кино- и телевизионных данных для обучения моделей ИИ без согласия актёров. Несмотря на то, что проект документа имеет целью обеспечить законное использование изображений граждан и не связан с защитой интеллектуальных прав, он формирует важную тенденцию в правовом регулировании: при обучении систем ИИ согласие субъекта права становится обязательным условием правомерного использования любых охраняемых объектов, включая личные неимущественные блага. Данный подход может оказать влияние на дальнейшее развитие

²⁴⁸ Copyright Law of the People's Republic of China. [URL](#)

²⁴⁹ Ibid., art. 3.

²⁵⁰ Ibid., art. 10.

²⁵¹ 国家互联网信息办公室. (2026). 国家互联网信息办公室关于《数字虚拟人信息服务管理办法（征求意见稿）》公开征求意见的通知. 浙江举报平台. [URL](#)

законодательства в сфере интеллектуальной собственности, направленное на обеспечение охраны личных неимущественных прав авторов.

730. Тенденция к защите личных неимущественных прав наглядно иллюстрируется судебной практикой. Так, в апреле 2024 года интернет-суд Пекина рассмотрел дело актёра дубляжа, чей голос был использован для обучения модели ИИ без его разрешения. Суд назначил экспертизу, которая установила высокую степень сходства синтезированного голоса с голосом истца. Хотя разработчик ИИ получил записи голоса от медиа-компании, обладавшей исключительными правами на эти записи, суд постановил, что медиа-компания не вправе разрешать третьим лицам использовать голос для обучения ИИ. Таким образом, суд признал действия ответчика нарушением личного неимущественного права на голос. Указанное решение может служить аналогией для споров об использовании иных охраняемых объектов (изображений, текстов) для обучения ИИ.
731. С учётом изложенного можно заключить, что в процессе обучения систем ИИ потенциально могут затрагиваться как личные неимущественные права граждан, в том числе авторов и исполнителей, так и исключительные права авторов и правообладателей.

1.10. Республика Корея

732. В Республике Корея основным актом, регулирующим отношения в сфере авторского и смежного права, является Закон об авторском праве 1957 года ([저작권법](#); **Закон РК об авторском праве**)²⁵². Данный закон охраняет литературные, музыкальные, художественные, драматические и иные авторские произведения, программы для ЭВМ и базы данных²⁵³. В отношении указанных объектов возникают личные неимущественные (моральные) права (право авторства, право на обнародование произведения, право на неприкосновенность произведения²⁵⁴) и имущественные (исключительные) права (право на воспроизведение, публичное исполнение, трансляцию, интерактивную передачу, распространение, прокат, создание производных произведений²⁵⁵). К объектам смежных прав в соответствии с главой 3 относятся исполнения, фонограммы и сообщения радио- или телепередач²⁵⁶. В отношении этих объектов также возникают личные неимущественные права (в отношении исполнений — ст. 66-67) и исключительные права (для исполнителей — ст. 69-74, для производителей фонограмм — ст. 78-81, для вещательных организаций — ст. 84-85).
733. Учитывая изложенное, в процессе обучения систем ИИ потенциально могут затрагиваться интеллектуальные права следующих категорий субъектов:
- i. авторов произведений и исполнителей;
 - ii. иных правообладателей произведений, а также объектов смежных прав.

²⁵² 저작권법 [URL](#)

²⁵³ Ibid., art. 2, 4.

²⁵⁴ Ibid., art. 11-13.

²⁵⁵ Ibid., art. 16-22.

²⁵⁶ Ibid., art. 64.

1.11. Индия

734. В Индии основным актом, регулирующим отношения в сфере авторского и смежного права, является Закон об авторском праве 1957 года (The Copyright Act, 1957)²⁵⁷, в соответствии с которым правовой охране подлежат литературные, драматические, музыкальные и художественные произведения, кинематографические фильмы, звукозаписи²⁵⁸, а также программы для ЭВМ, приравненные к литературным произведениям, и базы данных, охраняемые как составные произведения²⁵⁹. Авторские права включают имущественные права (воспроизведение, адаптация, публичное распространение, доведение до всеобщего сведения — ст. 14) и личные неимущественные (моральные) права (право на авторство, право на неприкосновенность произведения — ст. 57). Указанный закон также охраняет смежные права исполнителей и вещательных организаций. Этим субъектам принадлежат имущественные (исключительные) права на использование своих объектов²⁶⁰.
735. Как отмечается в индийской доктрине, алгоритмы ИИ не просто используют РИД, но и могут искажать их, вырывать из контекста и использовать, нанося ущерб репутации автора. В этой связи при обучении систем ИИ существует риск нарушения личных неимущественных (моральных) прав авторов, включая право на неприкосновенность произведения (ст. 57 The Copyright Act, 1957)²⁶¹.
736. В отсутствие специальных норм, а также официальных разъяснений правоприменение осуществляется на основе общих положений законодательства в рассматриваемой области. Таким образом, можно сделать вывод, что в процессе обучения систем ИИ потенциально могут затрагиваться права следующих категорий субъектов:
- i. авторов произведений (включая литературные, музыкальные, художественные произведения, а также программы для ЭВМ и базы данных);
 - ii. иных правообладателей, в том числе исполнителей и вещательных организаций.

1.12. Сингапур

737. В Сингапуре основным актом, регулирующим отношения в сфере авторского и смежного права, является Закон об авторском праве 2021 года (Copyright Act 2021)²⁶².
738. В соответствии с данным законом правовой охране подлежат авторские произведения и их опубликованные издания, звукозаписи, фильмы, трансляции и программы кабельного телевидения²⁶³. Компьютерные программы и базы данных рассматриваются как разновидности литературных произведений в рамках категории «авторские произведения».

²⁵⁷ The Copyright Act, 1957. [URL](#)

²⁵⁸ Ibid., art. 13.

²⁵⁹ Ibid., art. 2(o).

²⁶⁰ Ibid., art. 37, 38A.

²⁶¹ Sathyanathan, M. (2025). AI, Copyright, and Moral Rights: Legal Challenges for Authors in the Digital Era. *International Journal for Legal Research and Analysis*, 2(7), 5-18.

²⁶² Copyright Act 2021. [URL](#)

²⁶³ Ibid., art. 8.

739. Авторские права включают имущественные права (например, право воспроизведения, распространения, сообщения произведения для всеобщего сведения²⁶⁴) и личные неимущественные (моральные) права²⁶⁵.
740. Кроме того, Закон регулирует смежные права исполнителей, производителей звукозаписей и вещательных организаций. Указанные субъекты обладают исключительными имущественными правами, включая право записи, воспроизведения и доведения до всеобщего сведения результатов своей деятельности.
741. Соответственно, в процессе обучения систем ИИ потенциально могут затрагиваться имущественные (ст. 26-31, 112, 113, 121, 124, 127, 131, 173 Copyright Act 2021) и личные неимущественные права (ст. 371-380, 381-387 Copyright Act 2021) следующих категорий субъектов:
- i. авторов произведений и исполнителей;
 - ii. иных правообладателей объектов авторских и смежных прав.

1.13. Казахстан

742. В Казахстане основным актом, регулирующим отношения в сфере авторского и смежного права, является Закон Республики Казахстан от 10 июня 1996 года № 6-І «Об авторском праве и смежных правах» (**Закон РК об АП и СП**)²⁶⁶.
743. В соответствии со статьёй 2 указанного закона автором признаётся физическое лицо, творческим трудом которого создано произведение науки, литературы или искусства. Автору принадлежат как личные неимущественные права²⁶⁷, так и имущественные (исключительные) права на использование произведения в любой форме²⁶⁸.
744. При обучении ИИ именно авторы произведений выступают первичными субъектами, чьи права потенциально могут быть нарушены, поскольку являются первичными субъектами интеллектуальных прав на РИД.
745. Наряду с автором самостоятельным субъектом выступает обладатель исключительных прав (правообладатель). Закон РК об АП и СП допускает отчуждение имущественных прав по договору, их переход по наследству либо в результате реорганизации юридического лица²⁶⁹.

1.14. Кыргызстан

746. В Кыргызстане основным актом, регулирующим отношения в сфере авторского и смежного права, является Закон Кыргызской Республики от 14 января 1998 года № 6 «Об авторском праве и смежных правах»²⁷⁰, которым охраняется широкий круг объектов. К ним относятся произведения науки, литературы и искусства, программы для ЭВМ и базы данных, фонограммы, исполнения, постановки, передачи организаций эфирного или кабельного

²⁶⁴ Ibid., part. 3.

²⁶⁵ Ibid., part. 7.

²⁶⁶ Қазақстан Республикасының 1996 жылғы 10 маусымдағы № 6-І Заңы. Авторлық құқық және сабақтас құқықтар туралы. [URL](#)

²⁶⁷ Ibid., ст. 15.

²⁶⁸ Ibid., ст. 16.

²⁶⁹ Ibid., ст. 31.

²⁷⁰ Закон Кыргызской Республики от 14 января 1998 года № 6 «Об авторском праве и смежных правах». [URL](#)

вещания (ст. 1). В отношении указанных объектов возникают личные неимущественные права (в отношении произведений — ст. 15, исполнений — ст. 37), исключительные права (ст. 16, 37-38), а также иные имущественные права (например, право на вознаграждение за использование произведения — п. 4 ст. 16).

747. Поскольку указанный закон не содержит исключений для машинного обучения, использование перечисленных объектов потенциально может затрагивать как авторские права авторов и правообладателей произведений, так и смежные права исполнителей, производителей фонограмм и вещательных организаций.

2. Правомерные и неправомерные способы использования РИД третьих лиц для обучения ИИ (произведений, программ для ЭВМ и баз данных). Необходимость согласия правообладателя

748. Обучение систем ИИ связано с использованием охраняемых РИД, объектов авторского права — произведений, программ для ЭВМ и баз данных, а также объектов патентного права — изобретений, полезных моделей и др. Эти объекты используются в качестве «донорского» материала для последующего контента, генерируемого ИИ.
749. Как правило, в процессе обучения ИИ осуществляется сбор и копирование данных, их структурирование и анализ (составление датасета), в некоторых случаях — последующее хранение данных, извлечение информации из охраняемых баз данных, переработку (адаптацию) данных.
750. Общий принцип действия имущественных интеллектуальных прав²⁷¹ заключается в том, что они предоставляют своему обладателю монополию в отношении использования охраняемого объекта и определения его правовой судьбы (передачи права другому лицу, предоставления права использования объекта).
751. Использование охраняемого РИД третьими лицами по общему правилу может осуществляться только с согласия правообладателя. При этом под использованием РИД в различных юрисдикциях понимаются разные действия с объектом. Те действия, которые не входят в содержание имущественных интеллектуальных прав, не требуют согласия правообладателя.
752. Кроме того, законами большинства национальных юрисдикций предусмотрены специальные ограничения действия исключительных прав на РИД. Использование РИД третьими лицами без согласия правообладателей в рамках названных ограничений и с соблюдением их условий также не является нарушением исключительных прав.
753. Таким образом, правомерность использования РИД определяется с учётом:
- охраноспособности используемых объектов (использование перешедших в общественное достояние РИД не требует согласия правообладателя);
 - наличия или отсутствия согласия правообладателя на такое использование (выраженное, как правило, в лицензионных соглашениях);
 - содержания исключительных прав в конкретной юрисдикции (то есть определение того, входят ли действия с РИД, осуществляемые при обучении ИИ, в сферу действия исключительного права правообладателя);

²⁷¹ Данные права имеют различные названия в зависимости от юрисдикции: например, исключительное право в России, copyright в Великобритании, exclusive rights в США и т. д.

- установленных законом или иным правовым актом ограничений действия исключительных прав правообладателя в отношении использования РИД конкретными способами и (или) в конкретных целях.
754. Первые два признака правомерности использования охраняемых РИД являются универсальными и характерны для любой правовой системы, обеспечивающей охрану интеллектуальных прав.
755. Признаки, связанные с содержанием исключительных прав и со случаями ограничения действия исключительных прав, напротив, различаются в каждой конкретной юрисдикции, стремящейся обеспечить наиболее эффективную охрану интеллектуальных прав с учётом национальных особенностей.
756. По этой причине дальнейшее исследование правовых систем конкретных государств посвящено изучению содержания имущественных интеллектуальных прав и установленных законами (иными актами) ограничений действия названных прав.

2.1. Европейский союз

757. Во всех Директивах ЕС, относящихся к сфере интеллектуальной собственности, последовательно устанавливается, что в содержание имущественных интеллектуальных прав автора или иного правообладателя входят следующие права:
- право разрешать или запрещать прямое или косвенное, временное или постоянное воспроизведение любыми средствами и в любой форме, полностью или частично:
 - для авторов — их произведений;
 - для исполнителей — записей их выступлений;
 - для производителей фонограмм — их фонограмм;
 - для производителей первых записей фильмов — в отношении оригиналов и копий их фильмов;
 - для вещательных организаций — записей их трансляций²⁷²;
 - право совершать или разрешать:
 - постоянное или временное воспроизведение компьютерной программы любыми средствами и в любой форме, частично или полностью, в той мере, в какой загрузка, отображение, запуск, передача или хранение компьютерной программы требуют такого воспроизведения;
 - перевод, адаптацию, компоновку и любое другое изменение компьютерной программы и воспроизведение результатов этого, без ущерба для прав лица, изменяющего программу;
 - любую форму распространения среди общественности, включая прокат, оригинальной компьютерной программы или её копий²⁷³;
 - в отношении базы данных, которая подлежит охране авторским правом, автор имеет исключительное право на осуществление или разрешение:

²⁷² Директива DSM, ст. 2.

²⁷³ Директива 2009/24/ЕС, ст. 4.

- временного или постоянного воспроизведения любыми средствами и в любой форме, полностью или частично;
 - перевода, адаптации, компоновки и любых других изменений;
 - любой формы распространения базы данных или её копий среди общественности;
 - любого сообщения, демонстрации или исполнения для общественности;
 - любого воспроизведения, распространения, сообщения, демонстрации или исполнения для общественности²⁷⁴;
 - в отношении базы данных, которая подлежит охране смежным правом, её изготовитель имеет право запрещать извлечение и (или) повторное использование всей базы данных либо её существенной части, оцениваемой качественно и (или) количественно, из содержания этой базы данных²⁷⁵.
758. Как следует из приведённого перечня, в праве ЕС применяется широкий подход к определению использования РИД, в связи с чем действия, связанные с обучением ИИ, входят в содержание имущественных интеллектуальных прав.
759. При этом для целей обучения ИИ в статьях 3–4 Директивы DSM установлены специальные ограничения действия исключительных прав.
760. В статье 4 Директивы DSM закреплена правомерность использования РИД без согласия правообладателей для целей анализа текста и данных (text and data mining, TDM). Анализ текста и данных определяется как «любая автоматизированная аналитическая методика, направленная на анализ текста и данных в цифровой форме с целью получения информации, которая включает, но не ограничивается, закономерностями, тенденциями и корреляциями»²⁷⁶.
761. Согласно этой норме, государства — члены ЕС должны обеспечить возможность осуществления TDM путём воспроизведения и извлечения законно доступных произведений и других материалов. Условия применения данного ограничения прав правообладателей следующие:
- результаты воспроизведения и извлечения могут храниться до тех пор, пока это необходимо для целей TDM;
 - TDM может осуществляться в любых целях, включая коммерческие;
 - наличие законного доступа к РИД;
 - правообладателем не установлен запрет (opt-out) на осуществление TDM без его согласия.
762. Фактически данное исключение отменяет презумпцию запрета на использование охраняемых РИД без согласия правообладателя: если правообладатель прямо не запретил использование РИД в целях TDM, такое использование считается разрешённым. Запрет правообладателя может быть выражен с помощью машиночитаемых средств или через условия использования РИД.

²⁷⁴ Ст. 5 Директивы 96/9/ЕС, ст. 5.

²⁷⁵ Ibid., ст. 7.

²⁷⁶ Директива DSM, ст. 2.

763. В статье 3 Директивы DSM установлено ограничение исключительных прав в отношении воспроизведения и извлечения текста и данных для целей научных исследований. Это ограничение разрешает использование произведений без согласия правообладателя в строго определённых научных целях и при наличии законного доступа к материалам. При этом, в отличие от ограничения, предусмотренного статьёй 4 Директивы DSM для осуществления TDM в любых (в том числе коммерческих) целях, статья 3 Директивы DSM не допускает установления правообладателем запрета (opt-out) на осуществление TDM в научных целях.
764. В доктрине права ЕС отмечается²⁷⁷, что предусмотренные Директивой DSM ограничения не в полной мере решают вопросы, связанные с обучением моделей ИИ. К проблемным аспектам применения TDM относят: сложности с установлением и поиском машиночитаемых запретов правообладателей (opt-out) на осуществление TDM, невозможность использования ограничения TDM для проверки и тестирования ИИ после его обучения, недопустимость модификации РИД в рамках использования ограничения TDM²⁷⁸.
765. Директивы ЕС, относящиеся к иным сферам реализации интеллектуальных прав, также предусматривают ряд ограничений, которые потенциально могли бы применяться в процессе обучения ИИ.
766. В статье 5(1) Директивы 2001/29 предусмотрено ограничение для временных актов воспроизведения в рамках технологического процесса. При этом, как отмечается в доктрине, на данный момент это ограничение не способно легализовать использование РИД при обучении ИИ без согласия правообладателей, однако «на уровне ЕС дальнейшая работа должна углубиться в более чёткое и стандартное толкование условий исключения для временных копий в соответствии со статьёй 5(1) Директивы»²⁷⁹.
767. Директивы об охране компьютерных программ и баз данных установили специальные исключения для обозначенных объектов:
- в отношении компьютерных программ допускается воспроизведение, необходимое для использования программы²⁸⁰, и декомпиляция при соблюдении закреплённых в Директиве условий²⁸¹;
 - в отношении базы данных допускается извлечение и использование незначительных частей в рамках специальных исключений, предусмотренных государствами-членами²⁸².
768. Следует отметить, что указанные ограничения хотя и могут частично относиться к процессу обучения ИИ, тем не менее не охватывают все стадии такого обучения и не устраняют для разработчиков необходимость получения согласия правообладателей.
769. Соответственно, по праву ЕС правомерное использование возможно либо с согласия правообладателя (в рамках лицензирования), либо на основании установленных

²⁷⁷ Kretschmer, M., Margoni, T., Oruç, P. (2024). Copyright law and the lifecycle of machine learning models. *IIC*, 55, 110–138. [URL](#)

²⁷⁸ Novelli, C., Casolari, F., Hacker, P., Spedicato, G., Floridi, L. (2024). Generative AI in EU law: Liability, privacy, intellectual property, and cybersecurity. *Computer Law & Security Review*, 55, Article 106066. [URL](#)

²⁷⁹ Margoni, T., Kretschmer, M. (2022). A deeper look into the EU text and data mining exceptions: Harmonisation, data ownership, and the future of technology. *GRUR International*, 71(8), 685–701. [URL](#)

²⁸⁰ Директива 2009/24/ЕС, ст. 5.

²⁸¹ Ibid., ст. 6.

²⁸² Директива 96/9/ЕС, ст. 9.

ограничений (в частности, исключения для TDM) в случаях, когда такие ограничения предусмотрены государствами-членами, и при отсутствии прямого запрета правообладателя.

770. Иное использование РИД признаётся неправомерным.
771. При этом, если правообладатель ограничил законный доступ к РИД или выразил запрет на TDM, обход таких ограничений может дополнительно повлечь нарушение статьи 6 Директивы 2001/29/ЕС, устанавливающей специальную охрану технических средств защиты РИД.
772. Следует отметить, что обеспечение охраны РИД при обучении ИИ в ЕС также решается на уровне специального Закона об ИИ 2024 года (The EU Artificial Intelligence Act; **EU AI Act**)²⁸³, который является ключевым источником регулирования использования ИИ на уровне ЕС.
773. В статье 53 EU AI Act в качестве общего правила устанавливается обязанность разработчиков универсальных моделей ИИ (General-Purpose AI Models, **GPAI**) соблюдать законодательство ЕС об авторском и патентном праве при обучении ИИ. В частности, разработчик модели GPAI обязан:
- создать и использовать политику соблюдения законодательства ЕС в области авторского права и смежных прав, патентного права;
 - учитывать запреты (opt-out) на осуществление TDM правообладателей;
 - публиковать сводку данных по обучению ИИ (составлять резюме используемых данных по стандартному шаблону ЕС);
 - раскрывать алгоритмы, механизмы, которые использовались внутри «чёрного ящика» ИИ.
774. Данные требования направлены на достижение прозрачности при использовании РИД для обучения моделей GPAI и касаются любого поставщика, размещающего GPAI на рынке ЕС, «независимо от юрисдикции, в которой происходят действия, имеющие отношение к авторскому праву, лежащие в основе обучения этих моделей ИИ общего назначения»²⁸⁴.
775. Фактически данная норма вводит экстерриториальное действие требований EU AI Act: например, если модель обучена в США, но распространяется в ЕС, её разработчики при обучении модели ИИ должны соблюдать требования авторского и патентного права ЕС. В противном случае такая модель не сможет быть выпущена на рынок ЕС.
776. Патентообладатель в ЕС может потребовать не только денежной компенсации, а полной блокировки коммерческой эксплуатации ИИ-модели, что означает аннулирование всех затрат на её разработку²⁸⁵.
777. В развитие положений EU AI Act принят Кодекс практики ИИ общего назначения²⁸⁶, который является инструментом, призванным помочь разработчикам моделей GPAI соответствовать требованиям статьи 53. В документе предлагается шаблон для

²⁸³ EU AI Act. [URL](#)

²⁸⁴ Recital 106 EU AI Act.

²⁸⁵ European Commission. (2026). Shaping Europe's digital future. Digital Strategy. [URL](#)

²⁸⁶ European Commission. (2025). The General-Purpose AI Code of Practice. Digital Strategy. [URL](#)

документации ИИ по статье 53, а также решения в части разработки и внедрения политики, соответствующей законодательству ЕС в области охраны интеллектуальных прав.

778. В начале 2026 года Комитет по правовым вопросам Европарламента рассмотрел и одобрил предложения по развитию регулирования в части охраны и защиты интеллектуальных прав в отношении РИД: за правообладателями должна сохраняться возможность запрещать использование РИД для обучения ИИ, в том числе путём веб-скрейпинга; разработчики ИИ-систем должны обеспечивать прозрачность использования охраняемых РИД (включая специальный перечень использованных РИД); вознаграждение авторам и правообладателям должно быть «справедливым», при этом предложение о «глобальной лицензии» за фиксированную плату не получило поддержки депутатов²⁸⁷.
779. Такой же подход касается использования запатентованных РИД. Если ИИ-модель в процессе обучения использует запатентованный метод, привязанный к конкретному техническому эффекту, это классифицируется как прямое нарушение патентных прав (Patent Infringement).
780. Что касается использования программного обеспечения с открытым исходным кодом и открытых баз данных для целей обучения ИИ, то в праве ЕС его регулирование осуществляется через режим лицензионного договора: именно лицензия с открытым исходным кодом (open source licence) изменяет объём осуществления исключительных прав, предоставляя возможность использования, модификации и распространения соответствующих объектов. Например, в EU AI Act открытая лицензия определяется через критерии свободного доступа, модификации и перераспространения программного обеспечения и моделей, включая обязательства сохранения условий лицензии и указания авторства²⁸⁸. Соответственно, если на программное обеспечение распространяется открытая лицензия, это фактически может расцениваться как отсутствие запрета правообладателя (opt-out) для целей TDM, что упрощает применение ограничения, установленного статьёй 4 Директивы DSM.
781. В отношении баз данных, используемых для обучения ИИ, ключевую роль играет Директива 96/9/ЕС, закрепляющая авторские права на структуру базы и смежные (*sui generis*) права на извлечение и повторное использование существенных частей базы. Таким образом, даже при наличии открытой лицензии в отношении базы данных необходимо учитывать, распространяется ли разрешение на извлечение данных в объёме, характерном для обучения ИИ. В противном случае обучение может квалифицироваться как нарушение *sui generis* права изготовителя базы данных.
782. Кроме того, в правовом порядке ЕС формируется механизм коллективного управления данными для целей разработки и обучения систем ИИ, правовое закрепление которого осуществляется на уровне ряда регламентов ЕС и программ создания так называемых «общих европейских пространств данных» (Common European Data Spaces)²⁸⁹.
783. Ключевое значение для формирования данного механизма имеет Регламент (ЕС) 2022/868 о европейском управлении данными (Data Governance Act; **EU DGA**)²⁹⁰, который вводит правовую основу для повторного использования данных и институционализирует механизмы доверенного посредничества в обмене данными (ст. 3-8 EU DGA). Именно в

²⁸⁷ European Parliament. (2026). Protect copyrighted work used by generative AI, say Legal Affairs MEPs. [URL](#)

²⁸⁸ Recital 102 EU AI Act.

²⁸⁹ European Commission. (2022). Staff working document on data spaces. Digital Strategy. [URL](#)

²⁹⁰ Regulation (EU) 2022/868 of the European Parliament and of the Council of 30 May 2022 on European data governance and amending Regulation (EU) 2018/1724 (Data Governance Act). [URL](#)

рамках этого регламента формируется концепция секторальных пространств данных, предназначенных для совместного использования и повторного применения информации в экономике и государственном управлении (п. 10, 15-16 преамбулы EU DGA).

784. Модель коллективного управления данными в ЕС заключается в том, что данные не концентрируются в едином государственном или надгосударственном хранилище, а распределяются между множеством акторов, объединённых общими правилами доступа, стандартизации и доверенной инфраструктурой обмена.
785. Государства – члены ЕС также участвуют в формировании данной модели. Например, в Италии осуществляется интеграция в инфраструктурные инициативы ЕС²⁹¹. Ярким примером такой интеграции является IT4LIA AI Factory²⁹², в рамках которой в том числе обеспечивается доступ к наборам данных и инструментам их обработки в соответствии с требованиями европейского законодательства, включая EU AI Act. При этом национальное регулирование Италии в значительной степени носит имплементационный характер и направлено на адаптацию норм ЕС, а не на создание автономной системы управления данными.
786. Таким образом, можно заключить, что в ЕС формируется нормативно поддерживаемая модель коллективного управления данными, которая служит инфраструктурной основой для разработки и обучения систем ИИ.

2.2. Германия

787. В Германии содержание имущественных авторских прав, а также ограничения их сферы действия закреплены в UrhG, в который в том числе имплементированы положения права ЕС.
788. В содержание авторского права входят права на использование произведения в любой форме²⁹³, а также на его воспроизведение²⁹⁴ и создание адаптаций произведения²⁹⁵, что имеет ключевое значение в контексте обучения ИИ.
789. Как отмечается в докладе Бундестага «ИИ и машинное обучение: взгляд с точки зрения авторского права» 2018 года²⁹⁶, сбор и создание наборов данных для обучения ИИ предполагают массовое копирование произведений (например, посредством загрузки или веб-скрейпинга), что квалифицируется как воспроизведение в соответствии с § 16 UrhG. Дальнейшая обработка данных, включая их структурирование, очистку, аннотирование и преобразование форматов, может рассматриваться как переработка произведения по смыслу § 23 UrhG.
790. Таким образом, по праву Германии в процессе обучения ИИ охраняемые РИД могут использоваться путём воспроизведения и переработки.

²⁹¹ The European High Performance Computing Joint Undertaking (EuroHPC JU). [URL](#)

²⁹² IT4LIA AI Factory. [URL](#)

²⁹³ UrhG, § 15.

²⁹⁴ Ibid., § 16.

²⁹⁵ Ibid., § 23.

²⁹⁶ Deutscher Bundestag. (2018). Künstliche Intelligenz und Machine Learning. Eine urheberrechtliche Betrachtung. [URL](#)

791. При этом в доктрине немецкого права отмечается, что обучение ИИ может квалифицироваться как множество различных актов воспроизведения произведений по смыслу § 16(1) UrhG:
- первоначальный сбор, подготовка и хранение охраняемых РИД, используемых во время обучения;
 - воспроизведение произведений, используемых для обучения, «внутри» модели ИИ;
 - модификации (переработки) РИД, используемых для обучения базовой модели ИИ;
 - предоставление пользователям возможности применять или загружать РИД или его переработку, использованные для обучения и воспроизведённые «внутри» модели ИИ²⁹⁷.
792. Соответственно, подобные виды использования входят в сферу действия исключительных прав и требуют предварительного согласия правообладателя.
793. В целях имплементации положений права ЕС в UrhG были внесены изменения, предусматривающие возможность свободного использования РИД для автоматизированного анализа текста и данных (TDM).
794. На данный момент в § 44b UrhG установлена возможность свободного воспроизведения РИД для извлечения информации посредством автоматизированных методов анализа.
795. Правомерное использование РИД в соответствии с § 44b UrhG допускается в следующих случаях:
- при воспроизведении для анализа текста и данных, под которым понимается автоматизированный анализ отдельных или оцифрованных работ с целью получения информации из них, в частности, о закономерностях, тенденциях и корреляциях;
 - РИД должен быть законно доступен, а результат его воспроизведения должен быть удалён, если он больше не требуется для анализа текста и данных;
 - правообладатель не выразил запрета (opt-out) на осуществление TDM, при этом по немецкому праву такой запрет имеет юридическую силу, только если сделан в машиночитаемой форме.
796. При соблюдении перечисленных условий и в отсутствие запрета правообладателя использование РИД для обучения ИИ считается правомерным и не требует получения согласия. Данное исключение распространяется в том числе на коммерческое использование, что имеет принципиальное значение для обучения коммерческих моделей ИИ.
797. Наряду с ограничениями, предусмотренными § 44b UrhG, § 44a допускает свободное использование в форме временных воспроизведений РИД, которые не имеют индивидуальной экономической ценности. На основании данной нормы без согласия правообладателя допускаются временные акты воспроизведения, которые являются мимолётными или сопутствующими и представляют собой неотъемлемую и существенную часть технической процедуры и единственной целью которых является законное использование работы или другого охраняемого объекта.

²⁹⁷ Dornis, T. W., Stober, S. (2024). *Urheberrecht und Training generativer KI-Modelle: Technologische und juristische Grundlagen*. Nomos.
[URL](#)

798. Обучение ИИ может быть основано на этом исключении только в том случае, если не создаётся набор данных (датасет), хранящий результаты воспроизведения РИД.
799. Законодательство Германии также предусматривает специальное исключение из действия интеллектуальных прав в целях проведения научных исследований (§ 60d UrhG). Данная норма допускает создание наборов данных с использованием РИД для научного анализа.
800. В отличие от § 44b UrhG, положения § 60d UrhG распространяются только на деятельность научных организаций. Применение предусмотренного данной нормой исключения из действия исключительных прав возможно при соблюдении следующих условий:
- допускается воспроизведение РИД для анализа текста и данных для научных исследований, проводимых научно-исследовательскими организациями²⁹⁸;
 - РИД должен быть законно доступен;
 - правообладатель не выразил запрета (opt-out) на осуществление TDM.
801. При применении ограничения, предусмотренного § 60d UrhG, научные организации могут хранить результат воспроизведения РИД и после осуществления анализа, если это необходимо для научных исследований или для проверки научных знаний.
802. Таким образом, на данный момент в законодательстве Германии имплементированы основные требования Директив ЕС и сформирован дифференцированный режим исключений для осуществления TDM: более широкий – для TDM в любых целях (в том числе в коммерческих), и специализированный – для TDM в научно-исследовательских целях.
803. В судебной практике Германии применяются установленные §§ 44b, 60d UrhG исключения.
804. В деле *Robert Kneschke v. LAION*²⁹⁹ региональный суд Гамбурга отказал в удовлетворении требований автора к некоммерческой организации LAION, деятельность которой была связана с созданием открытых датасетов для обучения моделей ИИ.
805. Суд установил, что использование изображений истца осуществлялось в рамках ограничений, предусмотренных §§ 44b, 60d UrhG, в связи с чем такое использование не является нарушением интеллектуальных прав истца.
806. Вышестоящий суд поддержал указанный вывод и дополнительно отметил, что правообладатель может ограничить TDM только через машиночитаемый (machine-readable) запрет, при этом обычный текстовый запрет в условиях сайта не считается запретом, имеющим юридическую силу³⁰⁰.
807. Неправомерность использования РИД без согласия правообладателя при обучении ИИ возникает в тех случаях, когда не соблюдаются условия указанных ограничений. Прежде всего это касается ситуаций, в которых произведения используются без законного доступа

²⁹⁸ К научно-исследовательским организациям относятся университеты, научно-исследовательские институты или другие учреждения, которые проводят научные исследования, при условии, что они преследуют некоммерческие цели, реинвестируют всю прибыль в научные исследования, или ведут деятельность в рамках признанного государством контракта в общественных интересах.

²⁹⁹ WIPO Lex. (2024). Germany: Robert Kneschke v. LAION e.V., Case No. 310 O 227/23 (Hamburg Regional Court, September 27, 2024) Informal Case Summary. [URL](#)

³⁰⁰ Kalhor-Witzel, R. (2025). Machine-readable opt-outs and AI training: Hamburg Court clarifies copyright exceptions. Inside Tech Law. [URL](#)

(например, получены из нелегальных источников), либо когда правообладатель реализовал своё право на запрет осуществления TDM.

808. Следует также отметить, что ограничения, предусмотренные для обучения ИИ, не распространяются на ситуации, при которых в результате такого обучения ИИ создаёт производные от оригинального РИД объекты. Подобное использование квалифицируется как переработка РИД, что в любом случае требует согласия правообладателя в соответствии с § 23 UrhG. Если же переработка РИД при «выдаче» контента по запросу пользователя незначительная, такие действия могут быть квалифицированы в качестве воспроизведения РИД, не подпадающего под исключения о TDM.
809. В деле *GEMA v. OpenAI*³⁰¹, рассмотренном региональным судом Мюнхена, были удовлетворены требования истца (организации по коллективному управлению правами) к разработчику модели ИИ о запрете осуществлять воспроизведение и переработку охраняемых РИД при функционировании ИИ. В обоснование требований истец ссылаясь в том числе на то, что тексты песен были «запомнены» в языковых моделях ИИ и при использовании чат-бота выдавались практически без изменений в ответ на простые запросы пользователей.
810. Суд констатировал, что использование текстов песен для обучения моделей ИИ без лицензии само по себе нарушает авторское право. При этом в рассматриваемом случае исключение для TDM не применяется, поскольку модель ИИ способна воспроизводить охраняемые произведения.
811. В деле *GEMA v. OpenAI* суд установил пределы применения § 44b UrhG, указав, что данная норма охватывает только воспроизведение при составлении набора данных, например воспроизведение произведения путём его преобразования в другой (цифровой) формат или сохранения его в рабочей памяти. Поскольку эти подготовительные действия для текстового и информационного анализа не затрагивают чьих-либо прав на использование, закон не предусматривает никаких обязательств по выплате вознаграждения автору. Если же из обучающих данных в процессе обучения извлекается не только информация, но и воспроизводятся РИД, это не является интеллектуальным анализом текста и данных³⁰².
812. Особого внимания заслуживает правовой режим охраны программ для ЭВМ и баз данных.
813. Охрана программ для ЭВМ предусмотрена специальными нормами³⁰³, допускающими их свободное использование в случаях воспроизведения, необходимого для функционирования программы, но не предусматривающими общего разрешения на использование этих программ для обучения ИИ.
814. В § 69d UrhG говорится о возможности применения к программам для ЭВМ ограничения из § 44b UrhG для целей TDM. Этой же нормой установлено, что § 60d UrhG (исключение для TDM в научно-исследовательских целях) не применяется к программам для ЭВМ.
815. Базы данных по немецкому праву могут охраняться как авторским правом³⁰⁴, так и смежным правом³⁰⁵ изготовителя базы данных.

³⁰¹ Landgericht München I. (2025). *Unzulässige Vervielfältigung durch Memorisierung von Werken im und durch KI-Sprachmodell* (Case No. 42 O 14139/24) [Judgment]. BAYERN.RECHT. [URL](#)

³⁰² Kallert, C. (2025). *Judgment GEMA v. Open AI* [Press release; unofficial translation]. Munich Regional Court I. [URL](#)

³⁰³ UrhG, §§ 69a–69g.

³⁰⁴ Ibid., §§ 4, 55a.

³⁰⁵ Ibid., §§ 87a–87f.

816. К базам данных применяются ограничения действия интеллектуальных прав, закреплённые в §§ 44b, 60d UrhG.
817. Таким образом, в немецком праве общее правило о необходимости получить согласие правообладателя на использование РИД ограничено установленными законом исключениями для целей автоматизированного анализа данных. Правомочность использования РИД для обучения ИИ определяется соблюдением установленных законом условий и наличием или отсутствием запрета со стороны правообладателя.
818. Следует также отметить, что в целях имплементации положений EU AI Act в национальное законодательство в Германии разрабатывается проект Закона о реализации Регламента (ЕС) 2024/1689 Европейского парламента и Совета от 13 июня 2024 года, устанавливающего гармонизированные правила в отношении ИИ (KI-MIG)³⁰⁶, который должен обеспечить реализацию EU AI Act и Директивы DSM.
819. В соответствии с проектом разработчики моделей GPAI должны принять политику соблюдения законодательства ЕС об авторском праве, включая механизмы выявления и соблюдения прав правообладателей, в частности определять источники данных, проверять запреты правообладателей (opt-out), разработать процедуру удаления данных.
820. В проекте данного закона разъясняется, что, если к использованию РИД неприменимы исключения о TDM, разработчики должны получать согласия правообладателей (в форме лицензии) или удалять данные. Кроме того, в целях соблюдения интеллектуальных прав предполагается закрепление обязанности разработчика GPAI-модели обеспечить прозрачность обучения ИИ путём опубликования подробного резюме данных обучения.
821. В немецком праве использование программного обеспечения с открытым исходным кодом и открытых баз данных для целей обучения ИИ регулируется совокупностью норм UrhG, включающих положения об охране авторских и смежных прав, а также о порядке заключения лицензионных договоров. Важной особенностью является то, что авторское право в Германии не может быть полностью отчуждено, но могут передаваться права использования, что предопределяет природу open source: такие лицензии рассматриваются как обязательственные соглашения, определяющие допустимые способы использования, включая обучение моделей.
822. Соответственно, открытые лицензии предполагают, что использование объекта строго обусловлено их условиями, нарушение которых квалифицируется как нарушение авторских прав. В контексте обучения ИИ это означает, что допустимость подобного использования зависит от условий конкретной лицензии.
823. В Германии также существуют открытые лицензии на компоненты баз данных (например, Datenlizenz Deutschland), которые могут разрешать переработку, объединение и использование данных для любых целей, включая коммерческие, при соблюдении условий (например, атрибуции)³⁰⁷. Однако даже при наличии открытой лицензии сохраняется необходимость учитывать права изготовителя базы данных и условия лицензии, что особенно важно при обучении ИИ на агрегированных наборах данных.

³⁰⁶ Entwurf eines Gesetzes zur Durchführung der Verordnung (EU) 2024/1689 des Europäischen Parlaments und des Rates vom 13. Juni 2024 zur Festlegung harmonisierter Vorschriften für künstliche Intelligenz und zur Änderung der Verordnungen (EG) Nr. 300/2008. [URL](#)

³⁰⁷ GovData. (2025). Datenlizenzen. [URL](#)

824. Патентный закон Германии в контексте общеевропейского правила предусматривает, что использование чужого запатентованного изобретения при коммерческой разработке ИИ признаётся нарушением. Единственное установленное разрешение — использование запатентованного объекта разрешено, если это делается исключительно в научно-исследовательских и экспериментальных целях (§ 11 No. 2 Патентного закона)³⁰⁸.

2.3. Франция

825. Во Франции закреплён общий подход, в соответствии с которым автор (или иной последующий правообладатель) имеет исключительные права на воспроизведение и исполнение произведения³⁰⁹.
826. Исполнением произведения считается доведение произведения до публики любыми средствами³¹⁰, а воспроизведением — материальная фиксация произведения любым способом, позволяющим косвенно довести его до сведения общественности³¹¹.
827. Как установлено статьёй L.122-2 CPI, любое полное или частичное воспроизведение, совершённое без согласия автора или его правопреемников, является незаконным. То же относится к переводу, адаптации или преобразованию, компоновке или воспроизведению любым способом.
828. Таким образом, использование произведения для обучения ИИ входит в содержание исключительных прав и по праву Франции квалифицируется в качестве воспроизведения.
829. Пункт 6 статьи L.122-5 CPI разрешает временное воспроизведение, имеющее непродолжительный или случайный характер, если оно представляет собой неотъемлемую и существенную часть предварительного технического процесса, единственной целью которой является обеспечение законного использования произведения или его передачи третьим лицам через сеть с использованием посредника.
830. Указанное ограничение не распространяется на программы для ЭВМ и базы данных, а соответствующее использование не должно иметь самостоятельной экономической ценности. В связи с этим названное ограничение не может быть применено для обучения коммерческих моделей ИИ.
831. В национальное законодательство Франции имплементированы положения Директивы DSM, касающиеся ограничений действия исключительных прав для TDM.
832. В частности, п. 10 статьи L.122-5 CPI допускает изготовление цифровых копий или репродукций произведений для текстового и информационного анализа. Такое использование должно осуществляться в соответствии с требованиями, предусмотренными статьёй L.122-5-3 CPI.
833. Как установлено в статье L.122-5-3 CPI, под текстовым и информационным анализом понимается применение автоматизированных методов анализа текстов и данных в цифровой форме с целью извлечения информации, включая закономерности, тенденции и корреляции.

³⁰⁸ World Intellectual Property Organization. (2024). *Patent Act (PatG), amended up to the Act of 23 October 2024* (WIPO Lex No. DE312). [URL](#)

³⁰⁹ CPI, art. L.111-1, L.122-1.

³¹⁰ Ibid., art. L.122-2.

³¹¹ Ibid.

834. Указанной нормой закрепляется два режима применения ограничения в зависимости от целей осуществления TDM.
835. Ограничение в целях научных исследований действует со следующими условиями:
- цифровые копии или репродукции РИД, к которым был получен законный доступ, могут использоваться без разрешения правообладателей для проведения TDM исключительно в научных целях научно-исследовательскими организациями, публичными библиотеками, музеями, архивами или учреждениями, хранящими кино-, аудиовизуальное или звуковое наследие, или от их имени и по их запросу другими лицами, в том числе в рамках некоммерческого партнёрства с частными организациями;
 - правообладатель не может запретить использование произведения для осуществления TDM в научных целях;
 - цифровые копии и репродукции должны храниться с надлежащим уровнем безопасности и могут сохраняться и после осуществления TDM в научных исследовательских целях, в том числе для проверки результатов поиска;
 - предусмотрена возможность заключения соглашений между представительными организациями правообладателей и научными организациями, упомянутыми выше, в рамках которых могут определяться способы реализации TDM.
836. Ограничение в любых иных целях (в том числе коммерческих) действует со следующими условиями:
- цифровые копии или репродукции РИД должны быть получены на законных основаниях;
 - должно быть установлено отсутствие запрета правообладателя (opt-out) на совершение подобных действий; при этом запрет может быть выражен, в частности, машиночитаемыми средствами (метаданные, условия использования сайта);
 - цифровые копии и репродукции РИД должны быть уничтожены после завершения текстового и информационного анализа.
837. Рассмотренные ограничения для осуществления TDM могут применяться в том числе к использованию программ для ЭВМ и баз данных, для которых во французском законодательстве не установлено специальных ограничений действия прав при их использовании для обучения ИИ.
838. Использование РИД без согласия правообладателя и без соблюдения требований к использованию РИД, установленных статьёй L.122-5-3 CPI, является неправомерным и образует состав нарушения исключительных прав.
839. В 2025 году Syndicat national de l'édition (SNE — Французская ассоциация издателей), Société des Gens de Lettres (SGDL — Французское общество писателей), Syndicat national des auteurs et des compositeurs (SNAC — Французская ассоциация авторов и композиторов) обратились в Парижский суд с иском к компании Meta Platforms с требованием об

удалении датасетов, созданных без разрешения правообладателей и используемых для обучения ИИ³¹².

840. На данный момент окончательное решение по данному делу не вынесено. Компания Meta Platforms не комментирует заявленный иск, в то время как истцы (SNE, SGDL, SNAC) заявляют о нарушении авторских прав и об «экономическом паразитизме»³¹³.
841. Обеспечение защиты прав правообладателей при обучении ИИ во Франции также осуществляется на административном уровне.
842. В частности, решением французского антимонопольного органа (Autorité de la concurrence) 2024 года³¹⁴ компания Google была оштрафована на 250 миллионов евро за невыполнение ранее принятых обязательств в соответствии с решением от июня 2022 года, которым на Google были возложены обязательства по добросовестному ведению переговоров с издателями прессы как с обладателями смежных прав на новостные издания. Регулятор установил, что контент прессы, охраняемый смежным правом, использовался для обучения системы ИИ Bard (впоследствии интегрированной в Gemini) без достаточного информирования правообладателей и без предоставления им эффективного механизма отказа от такого использования. Регулятор подчеркнул, что предложенные Google инструменты не обеспечивали реальной автономии издателей, поскольку отказ от использования контента в целях обучения ИИ фактически влѣк бы негативные последствия для их видимости в поисковой системе.
843. Использование программного обеспечения с открытым исходным кодом и открытых баз данных для целей обучения систем ИИ во Франции регулируется положениями о правах на программное обеспечение (ст. L.112-2 CPI) и о санкциях за контрафакцию (ст. L.335-2 CPI), а также нормами о *sui generis* праве изготовителя базы данных (ст. L.341-1 CPI).
844. Открытые лицензии во французском праве рассматриваются как договорные конструкции, устанавливающие пределы допустимого использования, включая копирование, модификацию и потенциальное использование в целях обучения моделей машинного обучения. В контексте обучения ИИ это означает, что правомерность использования исходного кода или данных зависит не только от факта их открытого распространения, но и от конкретных условий лицензии, включая предусмотренные правообладателем возможные ограничения.

2.4. Норвегия

845. В отличие от государств – членов Европейского союза, Норвегия не обязана имплементировать в национальное законодательство положения Директив ЕС, однако через механизм Европейской экономической зоны (ЕЭЗ) их положения могут быть обязательными для включения в законодательство Норвегии.
846. Как закреплено в § 3 Åndsverkloven, автору или иному правообладателю РИД принадлежат исключительные права на создание постоянной или временной копии произведения, независимо от способа и формы её создания, на предоставление произведения в общественное пользование. Этой нормой также установлено, что исключительные права

³¹² Syndicat national de l'édition. (2025). Unis, auteurs et éditeurs assignent Meta pour imposer le respect du droit d'auteur aux développeurs d'outils d'intelligence artificielle générative. [URL](#)

³¹³ CMS. (2025). France – SNE, SNAC & SGDL v. Meta Platforms Inc., 6 March 2025. [URL](#)

³¹⁴ Décision n° 24-D-03 du 15 mars 2024 relative au respect des engagements figurant dans la décision de l'Autorité de la concurrence n° 22-D-13 du 21 juin 2022 relative à des pratiques mises en œuvre par Google dans le secteur de la presse. [URL](#)

- включают РИД в их первоначальном или изменённом виде, в переводе или иной адаптации, в другой литературной или художественной форме или в другой технике.
847. Действия, осуществляемые с РИД при обучении ИИ, входят в сферу действия исключительных прав, поскольку предполагают создание копий произведения.
848. Åndsverkloven содержит ряд исключений и ограничений, которые потенциально могут применяться к обучению ИИ, однако они носят узкий и функциональный характер.
849. В § 4 Åndsverkloven установлена возможность временного воспроизведения, если оно носит транзитный или вспомогательный характер и является неотъемлемой частью технологического процесса, не имеющего самостоятельного экономического значения. Это исключение может охватывать отдельные технические операции, происходящие при обработке данных, однако не распространяется на систематическое копирование и накопление массивов данных для обучения ИИ, поскольку такие действия имеют самостоятельную экономическую цель.
850. Данное ограничение в силу прямого указания не применяется к программам для ЭВМ и к базам данных.
851. В § 49 Åndsverkloven содержится исключение из действия интеллектуальных прав, которое закрепляет права архивов, библиотек, музеев, образовательных и исследовательских учреждений создавать копии РИД в целях их сохранения и охраны, а также в исследовательских целях. Данное исключение не распространяется на коммерческое использование РИД, в связи с чем даже потенциально неприменимо для целей обучения коммерческих моделей ИИ.
852. В действующей редакции Åndsverkloven отсутствует прямо закреплённое универсальное ограничение действия авторских прав для осуществления TDM, аналогичное положениям статей 3–4 Директивы DSM. Соответственно, использование РИД для обучения ИИ в Норвегии оценивается в рамках общих норм и в большинстве случаев требует согласия правообладателя.
853. Следует отметить, что в Норвегии обсуждается введение новых ограничений исключительных прав (в форме дополнений в Åndsverkloven), допускающих при определённых условиях осуществление TDM без согласия правообладателей³¹⁵. Обсуждаемая в Норвегии имплементация ограничения для TDM в Åndsverkloven в целом соответствует модели Директивы DSM и не вводит принципиально новых условий, однако содержит ряд конкретизирующих элементов.
854. Так, использование TDM допускается при наличии законного доступа к материалу, при этом правообладатели сохраняют возможность ограничить его посредством явно выраженного и, в случае онлайн-контента, реализованного в машиночитаемой форме запрета (opt-out). Для научных организаций предлагается ввести более широкое ограничение, фактически не допускающее отказа правообладателя при соблюдении условий законного доступа и научной цели использования. Таким образом, норвежский подход не выходит за рамки европейской модели, но уточняет отдельные аспекты, прежде всего требования к форме выражения запрета правообладателя.
855. Порядок использования программного обеспечения с открытым исходным кодом и открытых баз данных для целей обучения ИИ в Норвегии регулируется сочетанием норм

³¹⁵ Oprysk, L., Ducato, R. (2024). Input on the consultation on the proposed changes to the Norwegian Copyright Act (Implementation of Directive (EU) 2019/790 and Directive 2019/789), implementing the text and data mining (TDM) exceptions. SSRN Electronic Journal. [URL](#)

авторского права, договорного регулирования лицензий и общеевропейских режимов, действующих в рамках ЕЭЗ. При этом open source лицензии квалифицируются как договорные конструкции (licensavtaler). Их действительность и толкование подчиняются общим принципам обязательственного права, источником которого является Закон о договорах (Avtaleloven)³¹⁶. Это означает, что допустимость использования кода, в том числе его модификации и включения в процессы обучения моделей машинного обучения, определяется условиями конкретной лицензии, а их нарушение квалифицируется одновременно как нарушение договорных обязательств и авторских прав по смыслу Åndsverkloven.

856. Режим open source лицензии в Норвегии предусматривает заранее определённый правообладателем объём разрешённого использования. В контексте обучения ИИ это означает, что если лицензия содержит ограничения, например требования сохранения уведомлений об авторстве, они сохраняют обязательную силу и распространяются на производные работы, включая программные компоненты. Таким образом, обучение ИИ на программном обеспечении с открытым исходным кодом требует анализа совместимости конкретной лицензии с характером использования.
857. Что касается открытых баз данных, то для Норвегии характерным является распространение государственных и публичных данных под открытой лицензией Norsk lisens for offentlige data (NLOD)³¹⁷, которая допускает свободное использование, переработку и последующее распространение данных при соблюдении условий атрибуции и недопущения введения в заблуждение относительно источника. Это создаёт правовую возможность использовать такие данные для обучения моделей ИИ, однако даже при наличии открытой лицензии необходимо учитывать, что условия NLOD сохраняют договорную обусловленность прав использования и могут ограничивать способы дальнейшего распространения производных наборов данных.

2.5. Соединённые Штаты Америки

858. Согласно § 106 USC обладателю авторских прав принадлежат исключительные права на совершение и разрешение в том числе следующих действий: воспроизведение произведения в копиях или фонограммах; создание производных произведений; распространение копий или фонограмм произведения; публичная демонстрация в отношении некоторых произведений.
859. Использованием РИД в смысле USC признаются действия, подпадающие под один из предусмотренных законом способов использования.
860. Понятие воспроизведения в праве США понимается шире, чем просто копирование: основное внимание уделяется тому, насколько два объекта сходны и могут ли они заменять друг друга. Воспроизведением РИД признаётся использование не только РИД, но и объекта, имеющего «существенное сходство», которое определяется с точки зрения «обычного разумного человека»³¹⁸. В прецедентном деле 1930 года при толковании объёма правовой охраны РИД суд указал, что использование «не может ограничиваться

³¹⁶ Lov om avslutning av avtaler, om fuldmagt og om ugyldige viljeserklæringer [avtaleloven]. [URL](#)

³¹⁷ Norwegian Digitalisation Agency. (2023). Norwegian Licence for Open Government Data (NLOD) 2.0. [URL](#)

³¹⁸ *Sid & Marty Krofft Television v. McDonald's Corp.*, 562 F. 2d 1157. [URL](#)

буквальным совпадением текста, иначе плагиатор мог бы избежать ответственности, внося незначительные изменения»³¹⁹.

861. Таким образом, в авторском праве США практически любое взаимодействие с произведением считается его использованием и требует согласия правообладателя.
862. Как отмечается в докладе U.S. Copyright Office, процесс обучения ИИ технически предполагает копирование произведений, что по общему правилу рассматривается как их использование³²⁰.
863. Более широкое понимание использования РИД и, как следствие, нарушения авторских прав при их использовании без согласия правообладателя уравнивается доктриной справедливого использования (fair use) и другими ограничениями авторских прав.
864. В связи с этим решающим при определении законности использования РИД при обучении ИИ в США является не сам факт использования, а его судебная оценка: является ли оно справедливым (законным) или несправедливым (незаконным).
865. Доктрина fair use закреплена в § 107 USC и предполагает, что добросовестное использование произведения не является нарушением авторских прав. При определении добросовестности каждого конкретного использования должны учитываться следующие факторы:
- цель и характер использования, включая то, носит ли такое использование коммерческий характер или предназначено для некоммерческих образовательных целей;
 - характер произведения, охраняемого авторским правом;
 - объём и существенность использованной части по отношению к произведению, защищённому авторским правом, в целом;
 - влияние использования на потенциальный рынок или стоимость произведения, охраняемого авторским правом.
866. Тот факт, что произведение не было опубликовано, сам по себе не является препятствием для признания использования добросовестным. Иными словами, добросовестное использование возможно и в отношении необнародованных объектов, доступ к которым получен не из легальных источников.
867. В § 107 USC также закреплены некоторые случаи, при которых цель использования считается справедливой: критика, комментарии, новостные репортажи, обучение (включая создание нескольких копий для использования в классе), научные исследования.
868. Специальных ограничений из действия авторских прав при использовании РИД для обучения ИИ право США не содержит. В связи с этим при оценке законности использования РИД в обозначенных целях каждый раз требуется оценка добросовестности подобного использования по смыслу § 107 USC.
869. При этом, поскольку правовая система США относится к семье общего права, ключевое значение для оценки обстоятельств добросовестного использования имеет судебная практика.

³¹⁹ *Nicholas v. Universal Pictures Corp.*, 45 F.2d 119, 121 (2 Cir. 1930). [URL](#)

³²⁰ Copyright and Artificial Intelligence Part 1: Digital Replicas A REPORT of the Register of copyrights July 2024. [URL](#)

870. На данный момент в США на уровне первых инстанций рассмотрено несколько дел, предметом которых являлся вопрос о добросовестности использования РИД при обучении систем ИИ:
- *Bartz et al v. Anthropic PBC*³²¹ (генеративная модель ИИ Claude);
 - *Kadrey et al v. Meta Platforms, Inc.*³²² (генеративная модель ИИ Llama);
 - *Thomson Reuters Enterprise Centre GmbH et al. v. ROSS Intelligence Inc.*³²³ (негенеративная модель ИИ).
871. В рамках первых двух дел суды пришли к выводу о том, что использование охраняемых РИД в процессе обучения ИИ может квалифицироваться как добросовестное использование (fair use), в связи с чем в таких действиях отсутствует нарушение авторских прав правообладателей.
872. При проверке такого использования на соответствие критерию добросовестности суды пришли к следующим выводам об обстоятельствах использования РИД:
- обучение ИИ на законно приобретённых копиях РИД является «высоко трансформирующим использованием», что соответствует критерию fair use: ИИ не воспроизводит произведения в традиционном смысле, а извлекает статистические закономерности, что сближает обучение ИИ с допустимыми формами анализа текста (text and data mining);
 - использованные при обучении ИИ произведения являются творческими и оригинальными;
 - при дальнейшем использовании ИИ, обученном на охраняемых РИД, не генерируются произведения, применяемые при обучении, при этом пользователи получают существенную выгоду от ИИ, обученного на качественных данных;
 - истцы не заявляли довод о влиянии обучения ИИ на основе охраняемых РИД на потенциальный рынок или стоимость использованных РИД, в связи с чем оценка добросовестности использования по данному критерию не проводится.
873. В связи с этим суды пришли к выводу, что действия ответчиков являются добросовестным использованием. Кроме того, в деле *Bartz et al v. Anthropic PBC* суд указал, что правообладатель не может контролировать использование объектов авторского права для обучения ИИ: единственное, что он может требовать, — это платы за доступ к объекту.
874. Вместе с тем суды подчеркнули, что обучение ИИ на незаконно приобретённых копиях РИД не может квалифицироваться в качестве добросовестного использования.
875. Данный вывод корреспондирует § 1201 Закона об авторском праве в цифровую эпоху США 1998 года (Digital Millennium Copyright Act, **DMCA**³²⁴), которым установлен запрет на обход технических мер защиты. Запрещается как сам обход средств контроля доступа к произведению (например, скрейпинг защищённых сайтов), так и распространение инструментов, предназначенных для такого обхода. При этом ответственность может

³²¹ *Bartz et al v. Anthropic PBC*, ORDER ON 122 FAIR USE. Signed by Judge Alsup. Filed on 6/23/2025. [URL](#)

³²² *Kadrey et al v. Meta Platforms, Inc.*, No. 3:2023cv03417 - Document 598 (N.D. Cal. 2025). [URL](#)

³²³ *Thomson Reuters Enterprise Centre GmbH et al v. ROSS Intelligence Inc.*, No. 1:2020cv00613 - Document 547 (D. Del. 2023). [URL](#)

³²⁴ U.S. Copyright Office. (1998). Summary of the Digital Millennium Copyright Act of 1998. [URL](#)

наступать независимо от факта нарушения авторских прав: нарушением признаётся сам факт обхода технических ограничений.

876. Напротив, в деле *Thomson Reuters Enterprise Centre GmbH et al. v. ROSS Intelligence Inc.*, связанном с использованием базы данных и её материалов при обучении ИИ, суд занял сторону правообладателя и признал использование системы ранжирования базы данных и материалов из неё нарушением интеллектуальных прав. В данном деле во внимание были приняты:
- выраженный в пользовательском соглашении запрет правообладателя на использование РИД для создания конкурирующих платформ;
 - осуществление копирования РИД;
 - созданный ответчиком ИИ конкурировал с РИД (базой данных) истца.
877. Помимо упомянутых дел, в США рассматриваются иски групп художников (*Andersen v. Stability AI*³²⁵) и писателей (*Tremblay v. OpenAI*³²⁶) против разработчиков систем ИИ. В рамках данных дел суды признали неподтверждёнными доводы о копировании произведений и создании производных произведений системами ИИ.
878. Таким образом, для оценки правомерности использования РИД без согласия правообладателей при обучении ИИ такое использование в каждом конкретном случае должно соответствовать требованиям доктрины fair use, а также требованиям DMCA в части соблюдения технических мер защиты.
879. Несмотря на то, что в судебной практике США выработано несколько подходов к оценке правомерности использования РИД без согласия правообладателей при обучении ИИ, на данный момент нельзя сделать вывод о том, что рассмотренные подходы являются окончательно сформированными.
880. С учётом проанализированных дел в формирующейся судебной практике США, использование охраняемых РИД для обучения ИИ без согласия правообладателя признаётся правомерным при условии законного доступа к РИД, трансформирующего характера использования РИД и отсутствия существенного ущерба рынку оригинальных РИД.
881. Открытые лицензии на программное обеспечение и данные в американском праве квалифицируются как юридически обязательные лицензионные соглашения, исполняемые в рамках авторского и договорного права. Так, в деле *Jacobsen v. Katzer*³²⁷ Федеральный апелляционный суд пришёл к выводу, что условия open source лицензии, направленные на сохранение атрибуции и открытости кода, являются именно лицензионными условиями (conditions), а их нарушение означает выход за пределы предоставленной лицензии и квалифицируется как нарушение авторского права.
882. Соответственно, условия открытых лицензий устанавливают пределы допустимого использования, включая воспроизведение, модификацию и создание производных произведений, что охватывает процессы обучения ИИ как формы переработки.

³²⁵ *Andersen v. Stability AI Ltd.* District Court, N.D. California. [URL](#)

³²⁶ *Tremblay v. OpenAI, Inc* District Court, S.D. New York. [URL](#)

³²⁷ *JACOBSEN V KATZER*, No. 09-1221 (Fed. Cir. 2009). [URL](#)

883. Использование программного обеспечения и баз данных, распространяемых по условиям открытых лицензий, для обучения ИИ также подчиняется условиям лицензий (например, Creative Commons Licenses³²⁸ и Open Database License³²⁹), которые могут устанавливать требования об атрибуции, распространении производных данных на аналогичных условиях и иные ограничения.
884. В патентном праве Соединённых Штатов Америки доктрина добросовестного использования не применяется. Любое несанкционированное использование чужого запатентованного объекта при разработке, обучении или эксплуатации ИИ по закону является прямым нарушением исключительных прав (§271 USC).
885. Использование чужих запатентованных объектов даже в процессе обучения и создания систем ИИ не подпадает под исключение - возможное свободное использование для научных исследований (Experimental Use Defense). Суд в деле *Madey v. Duke University*³³⁰ разъяснил: если коммерческое предприятие (или даже некоммерческий университет) использует патент в рамках своего «основного бизнеса» (исследования для последующей коммерциализации ИИ), защита экспериментального использования не применяется.
886. Проблема возникает, когда система ИИ генерирует новые технические решения, схемы или формулы, которые напрямую не копируют чужой патент, но используют те же принципы.
887. Согласно прецеденту Верховного суда Соединённых Штатов Америки *Warner-Jenkinson Co. v. Hilton Davis Chemical Co.*³³¹ при оценке нарушения применяется тройной тест эквивалентности: устройство или метод признаются нарушающими патент по доктрине эквивалентов, если они выполняют: существенно ту же функцию (substantially the same function); существенно тем же путём (in substantially the same way); для достижения существенно того же результата (to yield substantially the same result).
888. Согласно § 271(b) и (c) USC, компании, предоставляющие ИИ-платформы пользователям, могут быть привлечены к ответственности за содействие нарушению, если их ИИ генерирует решения, нарушающие сторонние патенты, или обучает пользователей обходить существующие патентные формулы.

2.6. Великобритания

889. Согласно § 16 CDPА правообладателю принадлежит исключительное право в том числе на копирование произведения и публичное распространение его копий, доведение произведения до сведения публики, адаптацию произведения.
890. Как установлено в § 17 CDPА, копированием литературного, драматического, музыкального или художественного произведения является его воспроизведение в любой материальной форме, включая хранение электронными средствами на любом носителе.
891. В Докладе 2026 года, подготовленном совместно Департаментом науки, инноваций и технологий (Department for Science, Innovation and Technology), Департаментом культуры, медиа и спорта (Department for Culture, Media and Sport), Управлением интеллектуальной

³²⁸ Creative Commons Licenses. [URL](#)

³²⁹ Open Data Commons Open Database License (ODbL). [URL](#)

³³⁰ MADEY v. DUKE UNIVERSITY, № 01-1567. (Fed. Cir. 2002). [URL](#)

³³¹ Warner-Jenkinson Co. v. Hilton Davis Chemical Co., 520 U.S. 17 (1997). [URL](#)

собственности (Intellectual Property Office), констатируется, что обучение ИИ предполагает копирование охраняемых РИД, которое подпадает под действие исключительного права правообладателя³³².

892. Реализованный в Великобритании подход к ограничению авторских прав заключается в закреплении закрытого перечня допустимых целей использования РИД без согласия правообладателя. При этом характер использования РИД и экономическая составляющая такого использования не оцениваются при решении вопроса о правомерности использования.
893. Аналогичного разрешения в отношении запатентованных РИД право Великобритании не содержит: любое использование запатентованного процесса для майнинга или структурирования данных при обучении ИИ требует коммерческой лицензии³³³.
894. Наиболее релевантным ограничением для целей обучения ИИ является установленное § 29A CDPA правомерное использование произведения для анализа текста и данных в научных целях. В соответствии с этой нормой копирование произведений для анализа данных без согласия правообладателя допускается при соблюдении следующих условий:
- законный доступ к произведению;
 - некоммерческий характер исследования;
 - копия сопровождается достаточным указанием источника³³⁴ (если это не является невозможным по практическим или иным причинам).
895. При несоблюдении этих условий (например, при обучении ИИ в коммерческих целях) данное ограничение неприменимо.
896. Иные предусмотренные CDPA ограничения (например, для цитирования или создания временных копий) имеют узкий характер и не способны обеспечить правомерность использования охраняемых произведений при обучении ИИ.
897. Судебная практика Великобритании по вопросу правомерности использования РИД для целей обучения ИИ находится в стадии формирования.
898. Единственным делом по рассматриваемому вопросу является дело *Getty Images v. Stability AI*³³⁵, в рамках которого рассматривался вопрос о правомерности использования изображений для обучения модели Stable Diffusion. Основной вопрос, связанный с правомерностью использования изображений для обучения модели ИИ, не был разрешён по существу. Истцы отказались от требований в данной части, признав отсутствие доказательств того, что обучение модели ИИ осуществлялось в Великобритании. В результате, суд рассматривал лишь вопрос о вторичном нарушении (secondary infringement), связанном с импортом и распространением модели ИИ в Великобритании.
899. В рамках данного вопроса суд пришёл к выводу, что модель ИИ сама по себе не является копией произведений в смысле CDPA. Таким образом, суд разграничил копирование произведений в процессе обучения ИИ и саму модель, созданную в рамках обучения: даже

³³² UK Intellectual Property Office. (2026). Report on copyright and artificial intelligence. [URL](#)

³³³ CDPA, Section 29A.

³³⁴ Имеется в виду атрибуция: указание на то, откуда получены данные, кто автор и правообладатель.

³³⁵ Getty Images (US) Inc & Ors v Stability AI Ltd [2025] EWHC 2863 (Ch). [URL](#)

если при обучении имело место копирование, это не трансформирует саму модель в объект, нарушающий авторское право.

900. Следует также отметить, что в упомянутом Докладе 2026 года констатируется, что Великобритания отказывается развивать подход, связанный с широкими ограничениями авторских прав для осуществления анализа текста и данных. При этом также не одобрен подход, связанный с обязательным лицензированием при любом виде использования РИД для обучения ИИ. На данный момент Правительство Великобритании нацелено на поиск оптимальной модели ограничения авторских прав для обучения ИИ, в рамках которой могут быть предусмотрены целевые исключения, направленные на конкретные виды использования или применения РИД.
901. В праве Великобритании лицензии с открытым исходным кодом для программного обеспечения и баз данных рассматриваются как юридически обязательные соглашения, нарушение которых может повлечь как договорную, так и деликтную ответственность за нарушение авторских прав³³⁶. При этом в доктрине³³⁷ подчёркивается, что нарушение условий лицензии и выход за её пределы образует именно деликтную ответственность и рассматривается как нарушение авторского права.
902. Соответственно, правомерность использования программного обеспечения с открытым исходным кодом и открытых данных для обучения ИИ напрямую зависит от условий соответствующей лицензии, включая положения о копировании, модификации и создании производных произведений.
903. Если разработчик ИИ копирует, компилирует или интегрирует в архитектуру своей модели чужой запатентованный метод, например алгоритмы оптимизации нейросети (например, специфический способ распределения весов), он совершает правонарушение. Суды дают защиту алгоритмам, если они создают «технический вклад» (technical contribution), хотя в Великобритании программы для ЭВМ как таковые исключены из патентной защиты³³⁸.
904. Обучение ИИ с целью создания коммерческого продукта не является проверкой чужого патента – это использование чужой технологии в качестве готового инструмента. Поэтому такое использование не подпадает под допустимые законом без специального разрешения действия, совершённые «в экспериментальных целях, связанных с предметом изобретения» (*for experimental purposes relating to the subject-matter of the invention*)³³⁹.

2.7. Израиль

905. Согласно позиции Министерства юстиции Израиля 2022 года³⁴⁰, использование охраняемых материалов для машинного обучения в общем случае не признаётся нарушением, поскольку подпадает под действие доктрин добросовестного использования³⁴¹, случайного использования³⁴² или временного воспроизведения³⁴³. Как указано в ЗаклЮчении Министерства юстиции Израиля 2022 года, машинное обучение

³³⁶ Mysoor, P. (2020). When the infringer is a contractual licensee. *European Intellectual Property Review*. [URL](#)

³³⁷ Ibid.

³³⁸ Patents Act 1977, Section 1(2)(c). [URL](#)

³³⁹ *Monsanto Co v Stauffer Chemical Co* [1985] RPC 515.

³⁴⁰ Ministry of Justice of Israel. (2022). Opinion: Uses of copyrighted materials for machine learning. [URL](#)

³⁴¹ Закон об авторском праве 2007 года, ст. 19.

³⁴² Ibid., ст. 22.

³⁴³ Ibid., ст. 26.

«эквивалентно человеческому процессу индуктивного самообучения». В этой связи использование произведений для этих целей по общему правилу не образует нарушения интеллектуальных прав.

906. Реализованная в законодательстве Израиля доктрина добросовестного использования является основным аргументом, обосновывающим свободное использование произведений для целей машинного обучения – объекты авторских прав служат данными исключительно для извлечения закономерностей.
907. Ограничения, связанные со случайным использованием и временным воспроизведением, применимы тогда, когда результат работы ИИ является фотографией, аудиовизуальным произведением или звукозаписью³⁴⁴ или когда датасет удаляется после завершения обучения и не имеет самостоятельной экономической ценности.
908. Таким образом, согласие правообладателя не требуется, если использование произведения подпадает под одну из указанных доктрин. По мнению Министерства юстиции Израиля, рыночные факторы делают невозможным получение лицензий от каждого правообладателя, а применение исключений из правовой охраны (случаи свободного использования) стимулирует инновации, не причиняя существенного вреда авторам и правообладателям.
909. При этом Министерство юстиции прямо допускает, что в определённых обстоятельствах исключительные права авторов и правообладателей могут быть нарушены. В Заключении Министерства юстиции Израиля 2022 года выделяется два критерия неправомерного использования произведений:
- i. имитация стиля конкретного автора с целью конкуренции. В качестве примера приводится использование для обучения ИИ набора данных, составленного исключительно из работ конкретного фотографа, в целях имитации авторского стиля. Если впоследствии сгенерированные изображения (права на их использование) будут предлагаться по более низкой цене или использоваться в целях конкуренции с автором оригинальных фотографий в крупных проектах, такое использование не может быть признано добросовестным;
 - ii. нанесение ущерба рынку оригинальных произведений. В качестве примера приводится следующая ситуация: «машина» создаёт краткие изложения (конспекты) учебников после обучения на полных текстах книг и наносит ущерб рынку оригинальных учебников. Такое использование выходит за рамки «безопасной гавани» (то есть добросовестного использования) и признаётся незаконной переработкой произведения с последующим незаконным доведением результата переработки до общего сведения.
910. В Заключении Министерства юстиции Израиля 2022 года также рассматривается вопрос нарушения личных неимущественных прав авторов. В этом документе признаётся, что создание набора данных (датасетов) для машинного обучения теоретически может повлечь риски в части нарушения двух моральных прав, закреплённых в статье 46 Закона об авторском праве 2007 года: права на имя и права на неприкосновенность произведения. Однако Министерство юстиции приходит к выводу, что при создании датасетов личные неимущественные права авторов не нарушаются. Поскольку

³⁴⁴ Данный подход обусловлен тем, что каждое отдельное произведение в наборе данных является незначительным компонентом в процессе обучения и не представляет собой существенного дополнения к набору данных или функциональности системы.

произведения «потребляются» компьютером, а не людьми, отсутствие человеческой аудитории «сводит на нет как интерес автора в получении признания, так и опасения, что достоинство автора может быть затронуто в результате изменения произведения».

911. Подобный подход Министерства юстиции Израиля может быть охарактеризован как потенциально рискованный с точки зрения обеспечения надлежащего уровня охраны личных неимущественных прав авторов, поскольку исключает необходимость их учёта на стадии формирования датасетов. В этой связи более оправданным представляется закрепление положения о том, что использование РИД при обучении ИИ не должно автоматически выходить за пределы сферы действия личных неимущественных прав.
912. Другим немаловажным вопросом использования охраняемых РИД для целей машинного обучения является регулирование отношений в сфере открытых лицензий.
913. В Израиле отсутствуют специальные нормы, регламентирующие порядок заключения таких договоров, в том числе в отношении использования программного обеспечения с открытым исходным кодом и открытых баз данных для целей машинного обучения. Вместе с тем в 2024 году Управление по защите конфиденциальности Израиля (PPA) подготовило Руководящие принципы по управлению рисками информационной безопасности при использовании открытого исходного кода³⁴⁵. Данный документ сфокусирован на вопросах обеспечения конфиденциальности персональных данных и обязывает изготовителей баз данных, в частности, вести актуальный перечень всех используемых компонентов программного обеспечения с открытым исходным кодом, с указанием лицензий, по которым предоставляется право их использования, а также запрещает использование неподдерживаемого открытого программного обеспечения. Поскольку эти требования направлены на защиту персональных данных, а не на охрану интеллектуальных прав, указанный документ имеет ограниченное значение для целей настоящего исследования.

2.8. Объединённые Арабские Эмираты

914. Законодательство ОАЭ в сфере интеллектуальных прав не закрепляет случаев свободного использования произведений и иных РИД для целей машинного обучения.
915. По общему правилу, использование охраняемых РИД (произведений литературы, науки и искусства, программ для ЭВМ, баз данных и др.) для обучения ИИ без разрешения правообладателя является неправомерным. В связи с наличием значительных правовых рисков разработчики ИИ, желающие использовать такие материалы, должны заключать лицензионные договоры с правообладателями.
916. Отсутствие специальных правовых норм, официальных разъяснений, а также правоприменительной практики по указанному вопросу порождает для разработчиков ИИ в ОАЭ правовую неопределённость, особенно в части создания датасетов для обучения генеративных моделей³⁴⁶.
917. Аналогичным образом в праве ОАЭ открытые лицензии не имеют специального правового режима, в связи с чем их условия подлежат исполнению в силу общего принципа свободы договора, закреплённого в гражданском законодательстве (в частности, ст. 129, 246, 257 Федерального закона № 5 от 1985 года о гражданских сделках³⁴⁷). Соответственно,

³⁴⁵ עקרונות לניהול סיכונים בבטחת מידע בשימוש בקוד פתוח [URL](#)

³⁴⁶ Dunne, J., Omar, R. (2025). *The human touch, monkey business, and a piece of American cheese: Human input and copyright in AI-generated images*. Hadeef & Partners. [URL](#)

³⁴⁷ Federal Law No. (5) of 1985 concerning the issuance of the civil transactions law of the United Arab Emirates. [URL](#)

открытые лицензии интерпретируются как договорные конструкции, устанавливающие пределы допустимого использования программного обеспечения и данных, включая их анализ, переработку и применение в обучении ИИ.

918. Несмотря на отсутствие судебных разбирательств в указанной области, в профессиональном сообществе отмечается, что использование охраняемых РИД для машинного обучения является одной из наиболее сложных нерешённых проблем в правовом регулировании³⁴⁸. В этой связи существующая ситуация создаёт значительные риски для разработчиков ИИ, которые используют охраняемый контент для обучения своих моделей без разрешения правообладателей.

2.9. Китайская Народная Республика

919. В Китае отсутствует специальное законодательное регулирование использования охраняемых РИД для обучения ИИ. Ключевым нормативным актом в этой сфере являются Временные меры по управлению сервисами генеративного ИИ, вступившие в силу 15 августа 2023 года³⁴⁹. Пункт 3 этого документа прямо обязывает поставщиков услуг генеративного ИИ «не нарушать интеллектуальные права третьих лиц» при обучении моделей. Однако иных разъяснений о допустимости использования охраняемых РИД без согласия автора или правообладателя документ не содержит.
920. Законодательство Китая в сфере интеллектуальной собственности не упоминает специальных исключений из правовой охраны РИД для машинного обучения. Как и в странах континентальной правовой семьи, Закон об авторском праве КНР 2020 года³⁵⁰ устанавливает закрытый перечень случаев свободного использования произведений (ст. 24), среди которых отсутствует анализ данных для обучения систем ИИ. Ни Временные меры по управлению сервисами генеративного ИИ 2023 года, ни иные нормативные акты также не предоставляют разработчикам ИИ легальной возможности копирования охраняемых произведений (в том числе программ для ЭВМ, баз данных) в обучающие выборки. Таким образом, по общему правилу, использование охраняемых РИД для обучения ИИ требует получения согласия автора или иного правообладателя.
921. В доктрине также отмечается, что использование неправомерно полученных материалов (заведомо пиратского контента) для обучения ИИ в КНР с высокой вероятностью будет признано нарушением авторских прав³⁵¹. В этой связи машинное обучение требует получения согласия правообладателей РИД, используемых в этих целях.
922. Судебная практика в рассматриваемой сфере к настоящему времени формируется, однако указанная тенденция находит отражение и в правоприменении. Так, в ноябре 2025 года суд рассмотрел дело о дообучении (fine-tuning) ИИ-модели на изображениях охраняемого персонажа. Пользователь ИИ-платформы создал датасет с изображениями персонажа из аниме-сериала и с помощью функции «LoRA-тренинг» обучил модель генерировать изображения этого персонажа. Суд признал, что пользователь в процессе сбора, обучения и использования ИИ-платформы воспроизвёл оригинального персонажа и предоставил третьим лицам возможность создавать схожие изображения. Суд квалифицировал

³⁴⁸ Dunne, J., Omar, R. The Human Touch, Monkey Business, and a Piece of American Cheese: human input and copyright in AI generated images. [URL](#)

³⁴⁹ 生成式人工智能服务管理暂行办法 [URL](#)

³⁵⁰ Copyright Law of the People's Republic of China. [URL](#)

³⁵¹ Yunting, Y. (2025). How Will NVIDIA's Purchase of Pirated Content to Train AI Be Characterized Under Chinese Law? *China IP Law*. [URL](#)

рассматриваемые действия как нарушение исключительного права правообладателя аниме-сериала³⁵². Таким образом, целенаправленное использование охраняемых РИД (в том числе их частей) для обучения модели ИИ без согласия правообладателя является неправомерным.

923. Необходимо отметить, что в китайской правовой доктрине активно обсуждается возможность применения трёхступенчатого теста из статьи 9(2) Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений³⁵³ к случаям использования объектов авторских прав для машинного обучения³⁵⁴. Ряд исследователей полагают, что использование произведений для обучения ИИ может признаваться добросовестным (fair use), если оно не наносит необоснованного ущерба нормальному использованию произведения и законным интересам автора. Некоторые судьи также высказываются за адаптацию трёхступенчатого теста к реалиям обучения ИИ³⁵⁵. Кроме того, Модельный закон об ИИ (версия 2.0)³⁵⁶ провозглашает необходимость создания «системы добросовестного использования (fair use) данных для обучения ИИ». Однако конкретные критерии добросовестного использования в законопроекте не детализированы, а трёхступенчатый тест в нём не упоминается.
924. Таким образом, в настоящее время использование охраняемых РИД для целей машинного обучения в Китае по общему правилу требует получения согласия авторов и правообладателей. Исключения из этого правила отсутствуют, а предложения о введении «добросовестного использования» (fair use) для обучения ИИ остаются на уровне научных дискуссий и экспертных рекомендаций, не имеющих обязательной силы.
925. Что касается использования программного обеспечения с открытым исходным кодом, а также открытых баз данных для целей машинного обучения, то в Китае специальное регулирование по данному вопросу отсутствует. Открытые лицензии рассматриваются в рамках общих норм обязательственного и авторского права и признаются юридически обязательными договорами³⁵⁷. При этом разработчики ИИ, использующие открытый код, должны исполнять соответствующие лицензионные требования.
926. Вместе с тем в научной литературе высказывается мнение, что использование открытых исходных кодов для обучения больших моделей ИИ в ряде случаев может ограничивать возможность признания нарушения авторских прав, особенно когда обучающий датасет не раскрывается публично. Так, по мнению Чжан Таолуэ, сам факт неразглашения обучающих наборов данных может существенно затруднить для правообладателей возможность доказать нарушение их прав³⁵⁸.

³⁵² Dang, F. (2025). Shanghai Court Issues First Instance Judgment on AI Model Infringement. *MMLC Group*. [URL](#)

³⁵³ Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений. [URL](#)

³⁵⁴ 吴汉东 (Wu H.). (2024). 数据信息分析合理性认定的版权规则 [Copyright rules for determining the reasonableness of data information analysis]. *中国版权*, (3), 5-19 [URL](#); 徐小奔 (Xu X.). (2024). 技术中立视角下人工智能模型训练的著作权合理使用 [Copyright fair use of AI model training from the perspective of technological neutrality]. *法学评论*, 42(4), 86-99. [URL](#)

³⁵⁵ 吴广强 (Wu G.). (2026, April 9). AI“数据训练”背景下著作权合理使用认定之规则重塑 [Reshaping the rules for determining fair use of copyright in the context of AI data training]. *163.com*. [URL](#)

³⁵⁶ *The Model Artificial Intelligence Law (MAIL) v.2.0 – Multilingual Version*. 16 April 2024. [URL](#)

³⁵⁷ 开源软件著作权人维权问题研究 – 基于罗盒风灵案的分析 and 展开 (Research on the protection of copyright owners of open source software – based on the analysis and development of the Luobao Fengling case). (n.d.). *ciplawyer.cn*. [URL](#)

³⁵⁸ 张韬略 (Zhang T.). (2025). 使用开源代码训练大模型的著作权法评价 [Copyright evaluation of using open source code to train large models]. *知识产权*, (3). [URL](#)

927. Важно отметить, что в Китае предпринимаются попытки легализовать использование охраняемых произведений для обучения ИИ. В частности, в апреле 2024 года группа экспертов предложила Модельный закон об ИИ (версия 2.0)³⁵⁹, который провозглашает необходимость создания «системы разумного использования (fair use) обучающих данных для ИИ» (ст. 18). В статье 10 этого проекта предлагается закрепить принцип поддержки развития и инноваций, в рамках которого декларируется обязанность государства по созданию системы лицензирования и (или) добросовестного использования РИД, совместимой с развитием ИИ. Государственное управление по интеллектуальной собственности в соответствии с законопроектом должно разработать вспомогательные правила для таких систем лицензирования и (или) добросовестного использования ИИ и уточнить механизмы защиты прав и распределения выгод от произведений, созданных с помощью ИИ, на основе принципа справедливости и разумности.
928. Вместе с тем указанные положения остаются на уровне законопроекта. Таким образом, использование охраняемых РИД для целей машинного обучения в настоящее время требует получения согласия авторов и правообладателей.
929. В патентном праве Китая прямо запрещено любое использование запатентованного решения в коммерческих целях без согласия правообладателя (ст. 11 Патентного закона КНР). В отличие от обсуждений применения доктрины fair use в сфере авторского права, в Патентном законе КНР нет гибкого аналога добросовестного использования для коммерческого обучения ИИ. Если ИИ-модель в процессе обучения копирует и воспроизводит запатентованный программный алгоритм (Software Patent), это признаётся прямым нарушением.
930. В соответствии с Временными мерами по управлению сервисами генеративного ИИ ответственность возлагается на провайдера ИИ-сервисов. Провайдер обязан уважать права ИС и не допускать генерации контрафактного контента. Если ИИ выдаёт результат, нарушающий чужой патент, суды КНР привлекают к ответственности разработчиков платформы за содействие в правонарушении.
931. Вместе с тем показательным делом *Xiao-I Robot v. Apple (2012–2026)*³⁶⁰, в котором Шанхайская компания *Xiao-I Robot* (Shanghai Zhizhen) обвинила *Apple* в нарушении своего патента № ZL200410053749.9 («Архитектура системы мгновенного обмена сообщениями для умного голосового робота»). Истец утверждал, что технология голосового помощника Siri, использующая ИИ для обработки естественного языка (NLP) и ответов на запросы, полностью копирует запатентованную им архитектуру.
932. Apple в течение долгого времени пыталась аннулировать патент через Государственное управление интеллектуальной собственности КНР и суды, утверждая, что архитектура *Xiao-I Robot* слишком размыта и не соответствует критериям патентоспособности сервиса ИИ.
933. В марте 2026 года Верховный народный суд КНР вынес окончательное и не подлежащее обжалованию решение, полностью признав патент китайской ИИ-компания действительным и отклонив финальную апелляцию Apple.
934. Подобное решение демонстрирует готовность судебной практики производить анализ того, имело ли место нарушение имеющихся исключительных прав на запатентованные

³⁵⁹ *The Model Artificial Intelligence Law (MAIL) v.2.0 – Multilingual Version*. 16 April 2024. [URL](#)

³⁶⁰ *Xiao-I Robot v. Apple (2012–2026)*. [URL](#)

технологии, а также сравнивать различные алгоритмы, используемые ИИ, на предмет их неправомерного заимствования.

2.10. Республика Корея

935. Основным законом о развитии ИИ и создании основы для обеспечения надёжности, вступивший в силу 22 января 2026 года³⁶¹, имеет рамочный характер и направлен на поддержку развития технологий ИИ, их коммерциализацию и обеспечение безопасности их использования. Вместе с тем он не содержит норм, посвящённых использованию охраняемых РИД для целей машинного обучения. Таким образом, специальное законодательное регулирование отношений в указанной сфере в Республике Корея отсутствует.
936. Закон РК об авторском праве не содержит исключений из правовой охраны РИД (случаев свободного использования) для целей машинного обучения, в связи с чем подобные действия без согласия правообладателя могут считаться неправомерными.
937. Как указано в Руководстве по генеративному ИИ и авторскому праву³⁶², подготовленном Министерством культуры, спорта и туризма (MCST) и Комиссией по авторскому праву Кореи в 2023 году, действующий Закон об авторском праве 1957 года³⁶³ не ограничивает исключительные права правообладателей для целей обучения ИИ. Таким образом, использование произведений для создания датасетов без разрешения правообладателя может быть квалифицировано как незаконное воспроизведение.
938. В документе также отмечается существующая в правовой доктрине дискуссия относительно возможности признания такого использования РИД добросовестным (fair use)³⁶⁴. Однако на сегодняшний день в Южной Корее не существует ни одного судебного прецедента, который бы прямо применил доктрину fair use к рассматриваемым ситуациям. Как следствие, в настоящее время сохраняется высокая вероятность того, что использование произведений и объектов смежных прав для обучения ИИ без согласия правообладателя будет признано нарушением соответствующих прав.
939. С учётом изложенного руководство рекомендует разработчикам ИИ заключать лицензионные договоры с правообладателями РИД, используемых для машинного обучения. Кроме того, в документе подчёркивается, что нахождение произведения в открытом доступе (например, в сети Интернет) само по себе не означает возможности его использования для обучения ИИ без разрешения правообладателя.
940. 15 декабря 2025 года Президентский совет Республики Корея опубликовал проект Плана действий по развитию ИИ³⁶⁵. Проект предлагает внесение изменений в Закон об авторском праве 1957 года, предусматривающих свободное использование охраняемых объектов для сбора и анализа данных в целях решения существующей правовой неопределённости. Однако поскольку до настоящего времени специальных исключений из правовой охраны произведений и объектов смежных прав для машинного обучения в Республике Корея не введено, разработчики ИИ должны получать разрешения от правообладателей и заключать с ними лицензионные договоры.

³⁶¹ Basic Act on the Development of Artificial Intelligence and the Establishment of a Foundation for Trustworthiness. [URL](#)

³⁶² Korea Copyright Commission. (2024). Guide on Generative AI and Copyright. [URL](#)

³⁶³ 저작권법 [URL](#)

³⁶⁴ Ст. 35-5 Закона об авторском праве 1957 года.

³⁶⁵ [국가인공지능전략위원회] 대한민국 인공지능행동계획(안) 주요 내용 소개 및 각계각층 의견 수렴 착수 [URL](#)

941. Судебная практика по спорам об использовании охраняемых РИД для обучения систем ИИ в Республике Корея находится на стадии формирования. Вместе с тем можно утверждать, что машинное обучение с использованием произведений и иных РИД сопряжено с высокими рисками нарушения интеллектуальных прав.
942. Так, в январе 2025 года три крупнейших южнокорейских телеведущих организации (KBS, MBC, SBS) подали иск против компании-разработчика Naver, утверждая, что ИИ-модели HyperCLOVA и HyperCLOVA X обучались на их новостном материале без согласия правообладателей³⁶⁶. В феврале 2026 года эти же вещательные организации подали аналогичный иск против OpenAI, утверждая, что ChatGPT использовал их новостные материалы для машинного обучения без их разрешения³⁶⁷. По состоянию на апрель 2026 года окончательные решения по указанным делам не приняты, материалы дел не опубликованы. Однако в силу отсутствия специальных норм, ограничивающих исключительные права на произведения, существует высокая вероятность удовлетворения названных исковых требований.
943. Примечательно, что Закон о предотвращении недобросовестной конкуренции и защите коммерческой тайны 1961 года (UCPA)³⁶⁸ прямо запрещает недобросовестное использование данных (приобретённых неправомерным способом) и несанкционированное использование отличительных знаков (изображения, имени, голоса знаменитостей) для собственной хозяйственной деятельности³⁶⁹. При этом под данными понимается техническая или деловая информация, предоставленная конкретному лицу или кругу лиц для осуществления хозяйственной деятельности, хранение и управление которой осуществляется с помощью технических средств³⁷⁰. И хотя объектами посягательств в случае подобных нарушений не являются объекты интеллектуальной собственности в классическом понимании, указанные положения формируют ключевую тенденцию в правовом регулировании: при обучении систем ИИ согласие субъекта права становится обязательным условием правомерного использования любых охраняемых объектов, включая личные неимущественные блага.

2.11. Индия

944. Законодательство Индии в сфере интеллектуальных прав прямо не регулирует использование РИД для обучения ИИ, данный вопрос решается на основе общих правовых норм. В этой связи коммерческое использование охраняемых материалов для обучения ИИ без разрешения правообладателя может квалифицироваться как нарушение авторских и смежных прав³⁷¹, поскольку формально не подпадает под случаи добросовестного использования (fair dealing).
945. В ноябре 2025 года Министерство электроники и информационных технологий Индии (MeitY) выпустило Руководящие принципы управления ИИ (AI Governance Guidelines), в которых подтверждается существующая правовая неопределённость в вопросе использования охраняемых РИД для обучения систем ИИ. Документ содержит ряд

³⁶⁶ Hae-Rin, L. (2025). Broadcasters sue Naver for copyright violations. *Korea Times*. [URL](#)

³⁶⁷ Lee, P. (2026). Korea's Terrestrial Broadcasters Sue OpenAI Over Alleged Copyright Infringement. *AlphaBiz*. [URL](#)

³⁶⁸ 부정경쟁방지 및 영업비밀보호에 관한 법률 [URL](#)

³⁶⁹ UCPA, art. 2 (1) (l), 2 (1) (k).

³⁷⁰ Ibid., art. 2 (1) (k).

³⁷¹ Закон об авторском праве 1957 года, ст. 51.

ключевых рекомендаций, в том числе по совершенствованию нормативного регулирования:

- рекомендуется пересмотреть статью 52 Закона об авторском праве 1957 года, посвящённую добросовестному использованию, с целью установления пределов использования охраняемых произведений для машинного обучения;
- предлагается разработать механизмы лицензирования или коллективного управления правами авторов, желающих разрешить использование своих произведений для обучения моделей ИИ и получать за это вознаграждение;
- разработчикам рекомендуется документировать происхождение и легитимность данных в используемых датасетах.

946. Указанные рекомендации не нашли отражения в правовом регулировании, однако задали вектор его развития.
947. Схожую позицию по рассматриваемому вопросу занял Департамент по продвижению промышленности и внутренней торговли (**ДПИТ**) при Министерстве торговли Индии, опубликовавший в декабре 2025 года рабочий документ *One Nation, One Licence, One Payment*³⁷², который закрепил следующие концептуальные подходы:
- i. введение механизма обязательных лицензий (разработчики ИИ смогут использовать любые законно доступные охраняемые произведения, включая программы для ЭВМ и базы данных, для обучения моделей без получения индивидуальных разрешений от каждого правообладателя);
 - ii. централизованная выплата вознаграждения (правообладатели будут получать установленное законом вознаграждение через единый коллективный механизм).
948. Следует отметить, что документ не поддержал предложение о распространении доктрины *fair dealing* на случаи использования РИД для машинного обучения. В настоящее время указанная инициатива остаётся рабочей концепцией и не получила нормативного закрепления.
949. Что касается использования программного обеспечения с открытым исходным кодом, а также открытых баз данных для целей машинного обучения, то данные вопросы регулируются Законом о договорах 1872 года³⁷³, Законом об информационных технологиях 2000 года³⁷⁴ (в части электронной формы, §10A), а также общими нормами о лицензионных соглашениях Закона об авторском праве 1957 года (раздел 30 которого позволяет правообладателю предоставлять лицензию). При этом специальное правовое регулирование отношений в сфере открытых лицензий в Индии отсутствует.
950. Ключевым спором в данной области является дело по иску информационного агентства *Asian News International (ANI)* против *OpenAI* 2024 года³⁷⁵. По мнению истца, ответчик незаконно использовал новостные статьи агентства для обучения моделей *ChatGPT*. В соответствии с иском *ChatGPT* воспроизводит дословные фрагменты отчётов, права на которые принадлежат новостному агентству. При этом такое использование не

³⁷² Department for Promotion of Industry and Internal Trade. (2025). Working paper on generative AI and copyright: Part I. [URL](#)

³⁷³ The Indian Contract Act, 1872. [URL](#)

³⁷⁴ The Information Technology Act, 2000. [URL](#)

³⁷⁵ Chaturvedi, A., Kalra, A., Vengattil, M. (2025). Exclusive: OpenAI tells India court ChatGPT data removal will breach US legal obligations. *Reuters* [URL](#); Mishra, B. (2025). Indian Copyright Act won't apply in dispute with ANI: OpenAI to Delhi HC. *Business Standard*. [URL](#)

является добросовестным (ст. 52 Закона об авторском праве 1957 года, доктрина fair dealing) ввиду коммерческого характера ChatGPT.

951. С позиции ответчика, указанные случаи использования РИД не образуют нарушения исключительных прав истца, поскольку:
- модели обучаются на общедоступных данных, а сам процесс обучения извлекает статистические закономерности и «невывразительные» (non-expressive) элементы;
 - любое хранение в процессе обучения носит временный и случайный характер;
 - компания заблокировала домен истца от использования его РИД при обучении систем ИИ в будущем.
952. По состоянию на апрель 2026 года суд завершил слушания и отложил оглашение письменного решения для подготовки мотивированного акта³⁷⁶. На момент написания настоящей работы решение не опубликовано.

2.12. Сингапур

953. В Сингапуре вопрос использования охраняемых объектов авторских прав для машинного обучения прямо урегулирован на законодательном уровне. Соответствующие нормы закреплены в Законе об авторском праве 2021 года (Copyright Act 2021; **CA**)³⁷⁷ и предусматривают исключение из правовой охраны для целей «компьютерного анализа данных» (computational data analysis).
954. В соответствии со статьёй 243 Закона об авторском праве 2021 года компьютерный анализ данных включает использование компьютерных программ для идентификации, извлечения и анализа информации или данных из произведений или записей исполнений, а также использование произведений или записей исполнений в качестве примера для улучшения функционирования компьютерных программ.
955. Как следует из указанной нормы, данное исключение распространяется не только на произведения (к ним закон относит как произведения искусства, литературы, науки, программы для ЭВМ, базы данных, так и опубликованные издания авторских произведений, звукозаписи, фильмы, программы радио и кабельного телевидения — ст. 8, 13), но и на записи охраняемых исполнений (ст. 38). Иными словами, исключение охватывает как авторские произведения в традиционном понимании, так и объекты смежных прав для целей машинного обучения.
956. В силу прямого указания закона (ст. 244 CA) лицо, осуществляющее компьютерный анализ данных, вправе копировать указанные результаты без согласия правообладателя при соблюдении определённых условий. Таким образом, в отдельных случаях авторы и иные правообладатели не могут контролировать использование своих произведений в контексте машинного обучения, поскольку подобное использование не признаётся нарушением авторских прав.
957. Закон Сингапура об авторском праве 2021 года устанавливает способ свободного использования произведений для машинного обучения, не требующий получения согласия автора или иного правообладателя. Такое использование квалифицируется как «компьютерный анализ данных» и регулируется статьёй 244 CA.

³⁷⁶ Abbas A. (2026). Can AI train on digital news content? Court reserves verdict in ANI vs OpenAI case. *India Today*. [URL](#)

³⁷⁷ Copyright Act 2021. [URL](#)

958. Для применения указанной нормы требуется соблюсти совокупность следующих условий:
- i. произведение воспроизводится для целей компьютерного анализа данных или для подготовки произведения/записи к такому анализу;
 - ii. лицо, которое воспроизводит произведение по смыслу статьи 244 СА, не использует полученную копию для иных целей;
 - iii. указанное лицо не передаёт копию другим лицам, за исключением случаев верификации результатов или совместного исследования/обучения;
 - iv. рассматриваемое лицо имеет правомерный доступ к произведению, из которого сделана копия (например, если доступ к произведению изначально предоставлялся на возмездной основе, указанный субъект не может нарушать условие платного доступа);
 - v. использование первой копии произведения не нарушает прав третьих лиц / субъект, который воспроизводит произведение по смыслу статьи 244 СА, не знал и не должен был знать о том, что использование первой копии произведения нарушает права третьих лиц.
959. При соблюдении указанных условий использование произведений (включая программы для ЭВМ и базы данных) для машинного обучения признаётся свободным использованием и не требует получения разрешения от автора или иного правообладателя. Кроме того, согласно статье 187 СА, любые договорные условия, которые исключают или ограничивают воспроизведение произведений с целью компьютерного анализа данных, являются недействительными.
960. Если же указанные условия не соблюдаются, авторы и правообладатели вправе обратиться с требованием о прекращении нарушения своих прав.
961. Что касается использования программного обеспечения с открытым исходным кодом и открытых баз данных для целей машинного обучения, в Сингапуре отсутствует специальное регулирование отношений в указанной сфере. Общие положения Закона об авторском праве 2021 года (включая исключение для компьютерного анализа данных) применяются к таким объектам наравне с иными произведениями. При этом статья 187 СА признаёт недействительными любые условия договора, которые запрещают или ограничивают копирование произведений для компьютерного анализа данных, даже если такие условия содержатся в открытой лицензии. Это означает, что пользователь, имеющий правомерный доступ к произведению (например, к базе данных, распространяемой на условиях открытой лицензии), вправе воспроизвести его для целей машинного обучения при соблюдении условий, указанных в статье 244 СА.

2.13. Казахстан

962. В статье 16 Закона РК об АП и СП установлено, что автору или иному правообладателю принадлежат имущественные (исключительные) права на использование этого произведения в любой форме и любым способом. Исключительные права на использование произведения означают право осуществлять, разрешать или запрещать в том числе воспроизведение, доведение до всеобщего сведения, переработку произведения. Перечень способов использования РИД является открытым.
963. Закон РК об АП и СП не содержит специальных исключений из действия имущественных авторских прав (случаев свободного использования РИД) для целей обучения ИИ.

964. Нормативное регулирование порядка использования РИД для целей обучения ИИ содержится в статье 23 Закона об ИИ Казахстана³⁷⁸ и включает в себя следующие положения:
- использование РИД для обучения моделей ИИ не относится к случаям свободного использования произведений в образовательных или научных целях³⁷⁹;
 - использование РИД для обучения моделей ИИ не предполагает их использования в формах, относящихся к личным неимущественным и имущественным (исключительным) правам автора, включая воспроизведение, распространение, переработку, публичный показ, исполнение, сообщение в эфир или по кабелю, доведение до всеобщего сведения и иные действия³⁸⁰;
 - использование РИД для обучения моделей ИИ допускается только при отсутствии запрета со стороны автора или правообладателя, выраженного в машиночитаемой форме³⁸¹.
965. Таким образом, использование РИД для целей обучения ИИ в Казахстане формально не признаётся использованием РИД по смыслу Закона РК об АП и СП и, соответственно, само по себе не является нарушением авторских прав. При этом правообладателю предоставлена возможность запрета такого использования.
966. Казахстан имплементировал механизм, концептуально схожий со статьёй 3-4 Директивы DSM. Презюмируется согласие автора на автоматический сбор данных в сети Интернет, если только автор явно не запретил это с помощью программных средств (например, через протоколы robots.txt на веб-сайтах, специализированные метатеги в файлах изображений или цифровые водяные знаки, считываемые краулерами). Это положение переносит бремя защиты с разработчика ИИ на автора. Если цифровой художник публикует свои работы в интернете без внедрения машиночитаемого маркера запрета на AI-тренировку, разработчик ИИ имеет полное законное право произвести автоматический сбор и структурирование таких работ и использовать их для обучения своей модели.
967. Таким образом, в Казахстане, с одной стороны, установлено, что использование охраняемых РИД для целей обучения ИИ не относится к случаям свободного использования, а с другой стороны, — что такое использование в целом не входит в сферу действия авторских прав. Тем не менее автор или правообладатель могут запретить использование РИД для обучения ИИ.
968. В казахстанском законодательстве введён специальный правовой режим для «библиотек данных» — совокупность структурированных или сгруппированных данных, пригодных для обучения моделей ИИ, организованная изготовителем библиотеки данных³⁸².оборот этих данных строго регламентирован.
969. Владельцы же данных получили законное право контролировать и монетизировать процесс обучения ИИ на своих массивах, но одновременно на них возложены жёсткие

³⁷⁸ Закон об ИИ Казахстана. [URL](#)

³⁷⁹ Ibid., п. 3, ст. 23.

³⁸⁰ Ibid., п. 4 ст. 23.

³⁸¹ Ibid., п. 5 ст. 23.

³⁸² Ibid., ст. 1.

обязанности по обеспечению качества данных и соблюдению законодательства о персональных данных.

970. Собственники и владельцы библиотек данных вправе³⁸³:

- свободно создавать, использовать и распространять библиотеки данных с соблюдением запретов и ограничений, установленных законами Республики Казахстан;
- контролировать использование своих библиотек данных для обучения моделей ИИ в пределах заявленных целей, включая соблюдение условий и ограничений их использования³⁸⁴;
- получать информацию о принципах работы моделей ИИ, обучаемых на представленных ими библиотеках данных, в части, необходимой для подтверждения соблюдения условий использования³⁸⁵.

971. Собственники и владельцы библиотек данных обязаны:

- обеспечивать качество и актуальность представляемых библиотек данных;
- определять условия и порядок доступа к библиотекам данных и доводить их до сведения пользователей;
- соблюдать требования законодательства Республики Казахстан, в том числе о персональных данных и их защите, об авторском праве и смежных правах.

972. Обучение моделей ИИ осуществляется на основе библиотек данных, представленных собственниками или владельцами данных в рамках заранее определённых и законных целей.

973. Сведения об изготовителе библиотеки данных подлежат обязательному указанию в машиночитаемой форме при создании библиотеки данных и при её передаче независимо от последующего перехода прав собственности или владения. Машиночитаемая форма, согласно статье 1 Закона, представляет собой формат, допускающий автоматизированное считывание и обработку информации системами ИИ. Это означает внедрение концепции сквозной прослеживаемости (data traceability). Независимо от того, сколько раз библиотека данных была перепродана или модифицирована, метаданные об оригинальном изготовителе должны сохраняться. Данный механизм не только защищает экономические интересы создателей датасетов, но и позволяет в будущем привлекать их к ответственности, если данные оказались токсичными, содержали неправомерно собранные персональные данные или привели к алгоритмической предвзятости.

³⁸³ Ibid., ст. 27. а.

³⁸⁴ Указанное право формирует новый сектор цифровой экономики — целевое лицензирование данных. Если корпорация приобретает библиотеку для обучения языковой модели в сфере медицинского консалтинга, она не вправе использовать этот же массив для разработки систем военного назначения или кредитного скоринга, если это прямо не указано в лицензионном соглашении.

³⁸⁵ Это право предоставляет владельцам данных инструмент технологического аудита, позволяющий верифицировать, не выходит ли разработчик за рамки лицензии.

2.14. Кыргызстан

974. Закон Кыргызской Республики от 14 января 1998 года № 6 «Об авторском праве и смежных правах»³⁸⁶ не предусматривает случаев свободного использования произведений и объектов смежных прав для целей анализа данных или обучения систем ИИ. В соответствии с пунктом 1 статьи 59 Цифрового кодекса Кыргызской Республики³⁸⁷ цифровые данные могут использоваться любыми лицами по их усмотрению, но при обязательном соблюдении исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности, а также ограничений, установленных законом. Таким образом, по общему правилу, использование охраняемых произведений и объектов смежных прав для обучения ИИ без согласия правообладателя является неправомерным.
975. Следует отметить, что Цифровой кодекс Кыргызской Республики возлагает на пользователей обязанность соблюдать интеллектуальные права иных лиц при пользовании цифровыми сервисами, устанавливая ответственность за её нарушение (п. 3, ст. 116). С учётом указанной нормы можно предположить, что дообучение (fine-tuning) ИИ-модели с использованием РИД без согласия правообладателя может быть признано нарушением интеллектуальных прав.
976. Судебная практика по спорам об использовании охраняемых РИД для обучения систем ИИ в Кыргызстане в настоящее время отсутствует. Несмотря на это, действующее законодательство не содержит правовых оснований для свободного использования объектов авторских и смежных прав в целях машинного обучения, что создаёт риски привлечения разработчиков ИИ, а также пользователей к гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительных и личных неимущественных прав.
977. Таким образом, в настоящее время использование охраняемых РИД для целей машинного обучения в Кыргызстане по общему правилу требует получения согласия авторов и правообладателей. Несмотря на наличие специального правового акта, регулирующего отношения в сфере ИИ³⁸⁸, вопросы использования охраняемых РИД для машинного обучения в Кыргызстане не разрешены.

³⁸⁶ Закон Кыргызской Республики от 14 января 1998 года № 6 «Об авторском праве и смежных правах». [URL](#)

³⁸⁷ Цифровой Кодекс Кыргызской Республики от 31 июля 2025 года № 178. [URL](#)

³⁸⁸ Ibid.

IV. Правовая охрана объектов, сгенерированных с помощью ИИ

1. Охраноспособность в качестве РИД или иного объекта гражданских прав контента, созданного с помощью ИИ

978. Вопрос о возможности признания объектов, созданных с помощью ИИ, охраняемыми РИД является одним из наиболее дискуссионных в современном праве. Поскольку основная масса контента, генерируемого системами ИИ (тексты, изображения, музыка, видео), по своей природе относится к произведениям, подходы к оценке их охраноспособности в первую очередь формируются в авторском праве. Вместе с тем в большинстве исследованных юрисдикций действует принцип антропоцентризма, в соответствии с которым автором (создателем) РИД может быть только человек. В некоторых правовых порядках этот подход дополнительно обосновывается анализом норм других институтов права интеллектуальной собственности и сложившейся в этих сферах судебной практикой.
979. В настоящем разделе анализируются подходы к охраноспособности контента, сгенерированного с помощью ИИ, в избранных юрисдикциях на основе действующего законодательства, судебной практики, официальных разъяснений и доктрины.

1.1. Европейский союз

980. По состоянию на 2026 год в ЕС отсутствуют правовые акты, определяющие охраноспособность контента, сгенерированного ИИ. Более того, в начале 2026 года при рассмотрении Комитетом по правовым вопросам Европарламента предложений по поводу развития регулирования в части обеспечения охраны и защиты интеллектуальных прав в отношении РИД поддержку получило предложение о том, что контент, полностью созданный ИИ, не должен охраняться интеллектуальным правом³⁸⁹.
981. EU AI Act не вводит авторско-правовую охрану для контента, создаваемого ИИ.
982. Право ЕС в части обеспечения правовой охраны РИД исходит из антропоцентричного подхода: несмотря на то, что в директивах ЕС прямо не установлено, что автором РИД может быть только человек, из буквального толкования ряда норм следует именно такой вывод.
983. В отношении объектов авторского права устанавливается, что для получения охраны они должны обладать оригинальностью, то есть являться интеллектуальным творением автора³⁹⁰. Суд ЕС трактует это требование как необходимость отражения в произведении личности создателя.
984. Общий подход к определению охраноспособности объекта авторского права на уровне ЕС выработан судебной практикой в рамках рассмотрения следующих дел:

³⁸⁹ European Parliament. (2026). Protect copyrighted work used by generative AI, say Legal Affairs MEPs. [URL](#)

³⁹⁰ Директива о базах данных, ст. 3(1); Директива 2006/116/ЕС, ст. 6; Директива 2009/24/ЕС, ст. 1(3).

- *Infopaq International A/S v. Danske Dagblades Forening*: объект охраняется, если он выражает «собственное интеллектуальное творение автора» (author's own intellectual creation)³⁹¹;
- *Eva-Maria Painer v. Standard Verlags GmbH*: подтверждено содержание критерия оригинальности как «индивидуального творения автора»³⁹²;
- *Football Dataco Ltd v. Yahoo! UK Ltd*: определено, что вложенные усилия, труд и инвестиции сами по себе недостаточны для признания объекта оригинальным³⁹³.

985. Кроме того, закрепление в праве ЕС моральных (личных) прав (например, права на авторство или право на имя) предполагает, что носителем этих прав может выступать только физическое лицо.
986. Соответственно, для права ЕС наличие человека как субъекта творчества и принятие им самостоятельных творческих решений являются необходимыми условиями признания созданного контента охраноспособным с точки зрения авторского права.
987. Контент, созданный с помощью ИИ, может признаваться объектом авторского права только при наличии значимого творческого вклада человека.
988. Подобная ситуация возможна, когда ИИ выступает в качестве инструмента: как указано в резолюции 2020 года Европейского парламента, там, где ИИ используется только в качестве инструмента, помогающего автору в процессе создания, получаемые в результате объекты должны охраняться в рамках правового поля интеллектуальной собственности, чтобы стимулировать инвестиции в этот вид творчества и повысить правовую определённость³⁹⁴.
989. Возможность использования технических средств при создании охраняемых произведений подтверждена и Судом ЕС в рамках дела *Eva-Maria Painer v. Standard Verlags GmbH*.
990. Однако, если контент создаётся ИИ полностью автономно или с минимальным участием человека, он не будет признан охраноспособным объектом интеллектуальных прав.
991. Кроме того, по правилам Европейского патентного ведомства, алгоритмы ИИ «как таковые» не патентуются, но патентуются компьютерно-реализуемые изобретения (computer-implemented inventions). В официальном руководстве Европейской патентной организации чётко разграничиваются абстрактные математические теории и патентоспособные ИИ-технологии³⁹⁵.

³⁹¹ Judgment of the Court (Fourth Chamber) of 16 July 2009. *Infopaq International A/S v Danske Dagblades Forening*. Case C-5/08. [URL](#)

³⁹² Judgment of the Court (Third Chamber) of 1 December 2011. *Eva-Maria Painer v Standard VerlagsGmbH and Others*. Case C-145/10. [URL](#)

³⁹³ Judgment of the Court (Third Chamber), 1 March 2012. *Football Dataco Ltd and Others v Yahoo! UK Ltd and Others*. Case C-604/10. [URL](#)

³⁹⁴ European Parliament resolution of 20 October 2020 on intellectual property rights for the development of artificial intelligence technologies (2020/2015(INI)), art. 15. [URL](#)

³⁹⁵ European Patent Office. (2026). Guidelines for Examination in the European Patent Office: G-II-3.3.1 Artificial intelligence and machine learning. [URL](#)

1.2. Германия

992. В Германии охрана в качестве объектов авторского права предоставляется произведениям, созданным собственными силами автора. Как закреплено в § 2(2) UrhG, только личные интеллектуальные творения (*persönliche geistige Schöpfung*) автора считаются произведениями по смыслу этого закона.
993. Немецкая доктрина также исходит из того, что объект авторского права в соответствии с UrhG должен быть создан человеком и иметь творческое содержание. Технические средства могут быть использованы только как вспомогательные инструменты, но не могут выступать в роли самостоятельных «творцов»³⁹⁶.
994. В докладе Бундестага «ИИ и машинное обучение: взгляд с точки зрения авторского права» 2018 года³⁹⁷ отмечается, что системы ИИ не обладают правосубъектностью и не способны к самостоятельному творчеству в юридическом смысле. Во многих случаях контент, созданный ИИ, не подпадает под охрану авторского права, что обусловлено отсутствием необходимого человеческого творческого вклада, который является обязательным критерием охраноспособности.
995. Возможность возникновения и охраны авторских прав на сгенерированный контент допускается в тех случаях, когда человек оказывает существенное творческое влияние на результат (см. п. 1078 ниже).
996. В этих случаях решающим критерием является степень творческого контроля со стороны человека.
997. В отношении патентоспособных РИД Федеральный верховный суд Германии также подтвердил, что сам ИИ не может быть указан в качестве изобретателя в патенте. Изобретателем признаётся только человек. Соответственно, если ИИ случайно сгенерировал чужую запатентованную технологию, нести ответственность будет нести разработчик ИИ³⁹⁸.

1.3. Франция

998. Во Франции охраноспособность контента, созданного с использованием ИИ, определяется с учётом традиционной доктрины авторского права, основанной на категориях авторства и оригинальности.
999. Согласно статье L.111-1 CPI автор произведения обладает исключительным правом на него с момента создания. При этом французская правовая система последовательно исходит из того, что автором может быть исключительно физическое лицо, а само произведение должно представлять собой результат творческой деятельности, отражающий личность автора.
1000. При определении охраноспособности РИД учитывается разработанный судебной практикой критерий оригинальности, определяемый как *empreinte de la personnalité de l'auteur* (отпечаток личности автора). Данный подход был сформирован Кассационным судом Франции и применяется при оценке охраноспособности любых РИД. Он предполагает, что произведение должно выражать индивидуальный, свободный и

³⁹⁶ Dreier, T., Schulze, G. (2018). *Urheberrechtsgesetz: Kommentar* (6. Aufl.). C. H. Beck. [URL](#)

³⁹⁷ Deutscher Bundestag Künstliche Intelligenz und Machine Learning. Eine urheberrechtliche Betrachtung 2018. [URL](#)

³⁹⁸ Немецкий суд разрешил патентовать сгенерированные ИИ изображения. [URL](#)

творческий выбор человека, что исключает возможность признания охраняемым результата, созданного без участия человека.

1001. Современные стандарты применения критерия оригинальности РИД раскрыты в решении Кассационного суда Франции 2019 года³⁹⁹: оригинальность не может следовать из одного лишь факта осуществления выбора или из произвольности решения; необходимо установить, в чём именно проявляется личность автора и каким образом спорные элементы отражают индивидуальность создателя.
1002. Французский законодатель также признаёт наличие правовой неопределённости в рассматриваемой сфере. Так, в докладе Сената Франции при рассмотрении вопросов, связанных с обеспечением охраны контента, созданного с помощью ИИ, констатируется недостаточность существующей модели авторского права и необходимость её адаптации⁴⁰⁰.
1003. В связи с этим во французском праве результаты, полностью автономно сгенерированные ИИ без существенного творческого вклада человека, не могут квалифицироваться как произведения в смысле авторского права. Отсутствие человеческого автора исключает применение статьи L.111-1 CPI, а отсутствие «отпечатка личности» – выполнение критерия оригинальности. Следовательно, такие объекты не признаются охраноспособными.
1004. В отношении патентоспособных РИД CPI дублирует европейский подход: программы для ЭВМ и математические методы «как таковые» патентами не защищаются (ст. L. 611-10). Но если французский суд установит, что ИИ скопировал технологию, приведшую к «техническому эффекту» (например, алгоритм распознавания образов, оптимизирующий работу камер), это признают нарушением патента. Французское патентное ведомство и суды Парижа занимают позицию, согласно которой разработчик ИИ обязан доказать, что его архитектура «чиста» от чужих патентных формул⁴⁰¹.

1.4. Норвегия

1005. В соответствии с § 2 Åndsverkloven автором признаётся лицо, чьё произведение является выражением «оригинальных и индивидуальных творческих интеллектуальных усилий» (original og individuell skapende åndsinnset). К таким объектам относятся, в частности, литературные и художественные произведения, включая тексты, изображения, программное обеспечение, а также базы данных, обладающие творческим характером.
1006. Согласно общему подходу, сформированному в законодательстве Норвегии, произведения, охраняемые авторским правом, могут быть созданы только людьми. Произведение, созданное исключительно ИИ, не может претендовать на получение охраны. Однако, если человек создал РИД, используя ИИ как инструмент, и такой РИД отвечает основным требованиям охраноспособности, он может получить правовую охрану.

1.5. Соединённые Штаты Америки

1007. Согласно § 102 USC авторское право распространяется на оригинальные авторские произведения, зафиксированные в любой материальной форме (original works of authorship fixed in any tangible medium of expression).

³⁹⁹ Cour de cassation, civile, Chambre civile 1, 26 septembre 2019, 17-19.997 17-21.233, Inédit. [URL](#)

⁴⁰⁰ Création et IA : de la prédation au partage de la valeur Rapport d'information n° 842 (2024–2025), déposé le 9 juillet 2025. [URL](#)

⁴⁰¹ Мищенко, Н. (2026). Судебная практика по вопросам искусственного интеллекта – 2025. Группа «ДЕЛОВОЙ ПРОФИЛЬ». [URL](#)

1008. Несмотря на отсутствие в законе определения термина «автор», судебная практика и административные разъяснения последовательно исходят из того, что основным критерием охраноспособности РИД является наличие человека как носителя творческого вклада, необходимого для обеспечения оригинальности произведения.
1009. Исключением из общего правила являются ситуации, при которых произведение создано по заказу (work made for hire). В этом случае на основании § 201 USC автором признаётся работодатель автора или другое лицо, по заказу которого было подготовлено произведение.
1010. Применительно к рассматриваемому вопросу ключевое значение имеет дело *Thaler v. Perlmutter*⁴⁰², в рамках которого суды отказали в признании недействительным решения U.S. Copyright Office об отказе в регистрации произведения, созданного полностью автономной системой ИИ.
1011. Прежде всего суд подтвердил, что участие человека в создании РИД является необходимым условием его охраноспособности. В решении указано, что USC требует, чтобы любое охраноспособное произведение было изначально создано человеком (all eligible work to be authored in the first instance by a human being). С учётом этого суд пришёл к выводу, что система ИИ не может признаваться автором.
1012. Суд также отклонил аргументы о возможности признания прав за истцом по модели work made for hire (работа, созданная по заказу). С точки зрения суда подобная конструкция неприменима, поскольку она предполагает, что произведение изначально создано человеком.
1013. Решение по данному делу сформировало правовую позицию о том, что произведения, созданные полностью автономным ИИ без творческого участия человека, не подпадают под охрану авторского права в США.
1014. Административная практика U.S. Copyright Office развивает аналогичный подход. В разъяснении 2023 года ведомство указало, что произведения, созданные с использованием ИИ, могут быть охраняемыми лишь при наличии достаточного человеческого творческого вклада, тогда как полностью машинно-сгенерированный контент исключается из охраны⁴⁰³.
1015. Таким образом, в США сформулирован подход, в соответствии с которым контент, созданный исключительно ИИ без творческого участия человека или с его минимальным участием, не является охраноспособным.
1016. Вместе с тем при наличии существенного человеческого вклада возможна частичная или полная правовая охрана, поэтому фактическая степень участия человека становится основным критерием квалификации контента в качестве охраняемого РИД.
1017. В патентном праве США после прецедента *Thaler v. Vidal*⁴⁰⁴, запретившего признавать ИИ изобретателем, Ведомство по патентам и товарным знакам США (**USPTO**) требовало доказывать «значительный человеческий вклад» в разработку.

⁴⁰² *Thaler v. Perlmutter*, No. 23-5233 (D.C. Cir. 2025). [URL](#)

⁴⁰³ U.S. Copyright Office. (2025). Copyright and Artificial Intelligence: Part 2 – Copyrightability. [URL](#)

⁴⁰⁴ *Thaler v. Vidal*. 43 F.4th 1207, 1210 (Fed. Cir. 2022). [URL](#)

1018. Более формальный подход предложен в настоящий момент в практике после принятия в ноябре 2025 года нового руководства: согласно этой политике, изобретателем считается человек, если он готов подписать соответствующее признание. По сути, такой подход является отказом от ранее применяющейся позиции, поскольку заявитель на патент может найти человека, близкого к изобретателю, который согласится назвать себя автором изобретения⁴⁰⁵.
1019. USPTO ввело де-факто презумпцию человеческого изобретательства, если физическое лицо готово подписать патентную присягу. Ведомство сознательно не углубляется в анализ того, какую долю кода или формул сгенерировал ИИ-помощник, перекладывая проверку на суды в будущих спорах⁴⁰⁶.
1020. В настоящее время⁴⁰⁷ Ведомство по патентам и товарным знакам США разрабатывает стратегию в области ИИ в соответствии с Планом действий администрации по развитию ИИ⁴⁰⁸.

1.6. Великобритания

1021. Согласно § 1 CDPА авторско-правовая охрана по общему правилу распространяется на «оригинальные литературные, драматические, музыкальные и художественные произведения».
1022. Кроме того, в Великобритании действует специальная конструкция, в рамках которой обеспечивается правовая охрана произведений, созданных в отсутствие автора — человека⁴⁰⁹.
1023. Условием охраноспособности произведений по праву Великобритании является критерий оригинальности, который по общему правилу требует наличия человеческого творческого вклада. В частности, в доктрине отмечается, что классическая доктрина “copyright originality” предполагает наличие интеллектуального вклада человека, выражающего его личность и свободный творческий выбор⁴¹⁰. При этом проводится различие между AI-assisted works (работы, в создании которых ассистировал ИИ) и AI-generated works (работы, полностью созданные ИИ).
1024. В первом случае, когда человек использует ИИ как инструмент, применяются традиционные критерии оригинальности, сформулированные в прецедентной практике Суда ЕС и воспринятые британскими судами (требование «собственных интеллектуальных усилий» и «свободных и творческих решений»).
1025. В отсутствие прямых прецедентов в праве Великобритании в отношении охраноспособности сгенерированного ИИ-контента в качестве объекта авторского права, ориентиром может служить патентный спор по делу *Thaler v. Comptroller-General of Patents, Designs and Trade Marks*⁴¹¹, в рамках которого истец оспаривал отказ в регистрации патентов на изобретения, созданные полностью автономно ИИ-системой DABUS.

⁴⁰⁵ Crouch, D. (2025). *USPTO’s “Don’t Ask, Don’t Tell” policy: The quiet death of Thaler and the legal fiction of human inventorship*. Patently-O. [URL](#)

⁴⁰⁶ Ibid.

⁴⁰⁷ United States Patent and Trademark Office. (2025). *AI Strategy*. [URL](#)

⁴⁰⁸ The White House. (2025). *America’s AI Action Plan*. [URL](#)

⁴⁰⁹ CDPА, § 9(3).

⁴¹⁰ Neubauer, A., Wynn, M., Bown, R. (2026). AI, authorship, copyright, and human originality. *Encyclopedia*, 6(1), Article 9. [URL](#)

⁴¹¹ *Thaler v. Comptroller-General of Patents, Designs and Trade Marks* [2023] UKSC 49. [URL](#)

Верховный суд Великобритании установил, что ИИ не может быть признан изобретателем (автором) по смыслу Патентного закона 1977 года, поскольку таковым может быть только физическое лицо (natural person).

1026. Это решение демонстрирует общий подход судебной практики о невозможности признания ИИ субъектом прав интеллектуальной собственности, как в сфере авторского, так и патентного права.
1027. Во втором случае (при полностью автономной генерации) возникает вопрос о применимости § 9(3) CDPA, который предусматривает специальный режим охраны «компьютерно-генерируемых произведений» (computer-generated works). В этой норме закреплено, что для «литературного, драматического, музыкального или художественного произведения, которое является компьютерно-генерируемым, автором считается лицо, осуществившее необходимые действия для создания этого произведения». Данное положение закрепляет юридическую фикцию авторства для случаев, когда произведение сгенерировано компьютером при отсутствии человеческого творческого вклада.
1028. В § 178 CDPA «компьютерно-генерируемое произведение» определяется как произведение, «сгенерированное компьютером при таких обстоятельствах, при которых не существует человека-автора этого произведения».
1029. Однако возможность применения этой нормы к созданному ИИ-контенту неоднозначна. Как отмечается в доктрине, для возникновения авторских прав в отношении созданного объекта в любом случае требуется его соответствие критерию оригинальности. В рамках классической доктрины это предполагает наличие интеллектуального вклада человека, выражающего его личность и свободный творческий выбор. Следовательно, § 9(3) не решает вопрос, связанный с охраноспособностью контента, созданного ИИ с минимальным участием человека⁴¹².
1030. При этом следует отметить, что прецеденты, прямо толкующие § 9(3) CDPA применительно к генеративному ИИ, отсутствуют.
1031. В этой связи полностью сгенерированные результаты, в создании которых человек не принимал творческого участия, могут не соответствовать критерию оригинальности и, следовательно, не подлежат охране, несмотря на формальное существование § 9(3) CDPA.
1032. С учётом изложенного реализованный в Великобритании подход к решению рассматриваемого вопроса можно считать переходным: с одной стороны, закреплён механизм адаптации традиционного авторского права к технологическим изменениям, с другой — правоприменительная практика устанавливает пределы использования такой адаптации без изменения базовых принципов авторского права, к которым относится антропоцентрическое понимание оригинальности и авторства.

1.7. Израиль

1033. По состоянию на 2026 год в Израиле отсутствуют нормативные правовые акты, определяющие охраноспособность контента, сгенерированного системами ИИ. Таким образом, правовые режимы охраны результатов, сгенерированных с помощью технологий ИИ, законодательно не определены.

⁴¹² Neubauer, A., Wynn, M., Bown, R. (2026). AI, authorship, copyright, and human originality. *Encyclopedia*, 6(1), Article 9. [URL](#)

1034. Вместе с тем законодательство и судебная практика исходят из принципа антропоцентричности. Иными словами, для признания охраноспособным результата, сгенерированного с помощью ИИ, требуется прямое участие человека. Например, системное толкование Закона об авторском праве 2007 года (Copyright Act, 2199-2007)⁴¹³ позволяет заключить, что первоначальным субъектом авторских прав является именно автор — лицо, которое своим трудом создаёт оригинальное произведение (ст. 4, 33). Такой же принцип действует в патентном праве: автором изобретения признаётся человек, создавший техническое решение (ст. 1 Патентного закона Израиля 1967 года (Patent Law, 5727-1967)⁴¹⁴).
1035. Ключевое значение для понимания подхода израильского права по указанному вопросу имеет решение Окружного суда по делу *Thaler v. Commissioner of Patents* 2026 года⁴¹⁵. Суд рассматривал вопрос о том, может ли система ИИ быть признана автором изобретения по смыслу Патентного закона Израиля 1967 года. В соответствии с позицией суда «естественное и обычное» значение термина «изобретатель» неразрывно связано с понятием человека и не распространяется на машины. Расширение этого определения создало бы несоответствие с устоявшимися принципами правовой охраны интеллектуальной собственности. Несмотря на то, что данное решение вынесено в рамках патентного права, изложенный в нём правовой подход носит универсальный характер — по действующему израильскому праву РИД может быть создан только человеком.

1.8. Объединённые Арабские Эмираты

1036. В ОАЭ вопросы охраноспособности результатов, сгенерированных с помощью ИИ, не получили разрешения на законодательном уровне. Судебные разъяснения по указанному вопросу также отсутствуют.
1037. Законодательство ОАЭ в сфере интеллектуальных прав построено на принципе антропоцентризма. Так, Федеральный закон № 38 от 2021 года «Об авторском праве и смежных правах»⁴¹⁶ определяет произведение как «любое творческое произведение в области литературы, искусства или науки, независимо от его вида, формы выражения, значения или назначения». При этом автором признаётся «лицо, создавшее произведение» (ст. 1). Из этого следует, что автором может быть только физическое лицо. В отличие от авторского права стран англосаксонской правовой семьи (системы Copyright), юридическое лицо может выступать только обладателем исключительных прав в силу договора или закона, но не автором произведения. В литературе отмечается, что «понятие создания охраняемого авторским правом произведения связано с признанием физического лица его создателем»⁴¹⁷. Аналогичный принцип заложен и в патентном законодательстве. Так, статья 8 Федерального закона № 11 от 2021 года «О регулировании и охране прав промышленной собственности» обязывает указывать в заявке имя изобретателя — автора объекта промышленной собственности⁴¹⁸.

⁴¹³ Copyright Act, 2199-2007. [URL](#)

⁴¹⁴ Patent Law, 5727-1967. [URL](#)

⁴¹⁵ Tel Aviv-Jaffa District Court. Miscellaneous Appeal – Civil 33353-05-23 Thaler v. Registrar of Patents, Designs and Trademarks. [URL](#)

⁴¹⁶ Federal Decree-Law No. (38) of 2021 on Copyright and Neighboring Rights. [URL](#)

⁴¹⁷ Dunne, J., Omar, R. (2025). The Human Touch, Monkey Business, and a Piece of American Cheese: human input and copyright in AI generated images. Hadeef & Partners. [URL](#)

⁴¹⁸ Federal Law No. (11) of 2021 on the Regulation and Protection of Industrial Property Rights. [URL](#)

1038. В этой связи результаты, полностью автономно сгенерированные ИИ без творческого участия человека, не признаются объектами интеллектуальных прав, в том числе охраняемыми произведениями. Правовая охрана таких результатов возможна лишь в том случае, если результат демонстрирует достаточный уровень творческих усилий автора – физического лица⁴¹⁹.

1.9. Китайская Народная Республика

1039. В Китае отсутствуют специальные нормы, определяющие правовой режим охраны РИД, сгенерированных с помощью ИИ.
1040. Согласно статье 11 Закона об авторском праве 2020 года, автором произведения может признаваться физическое лицо, создавшее произведение, а также юридическое лицо, организовавшее создание произведения или выступившее инициатором его создания. Для признания произведения охраноспособным оно должно быть оригинальным и выражено в определённой форме (ст. 3 Закона об авторском праве 2020 года). При этом суды исходят из того, что оригинальность произведения подтверждается творческим участием человека.
1041. Так, в деле *Beijing Film Law Firm v. Beijing Baidu Netcom* 2019 года пекинский интернет-суд пришёл к выводу, что объект, полностью сгенерированный ИИ, не может охраняться авторским правом, поскольку не создан человеком⁴²⁰.
1042. В деле *Shenzhen Tencent v. Shanghai Yingxun* 2019 года суд района Наньшань, напротив, признал текстовое произведение, созданное с использованием ИИ, охраноспособным. Решение было обусловлено тем, что спорный объект создавался при участии человека (сотрудники компании Tencent определили структуру, стиль и критерии анализа, которые затем были реализованы алгоритмом). При этом автором такого РИД было признано юридическое лицо – Tencent⁴²¹.
1043. В 2023 году пекинский интернет-суд признал изображение, сгенерированное с помощью системы ИИ, объектом авторских прав (дело *Li v. Liu*). По мнению суда, истец внёс достаточный творческий вклад для признания своего труда охраноспособным: он устанавливал более 150 настроек, определял их порядок и задавал конкретные параметры до получения результата, соответствующего его замыслу⁴²².
1044. Таким образом, в Китае сложилась практика, признающая охраняемым контент, созданный с помощью ИИ. При условии достаточного творческого вклада человека такой контент признаётся объектом авторских прав. При этом результаты, сгенерированные полностью автономно, не подлежат правовой охране.
1045. Автором изобретения, созданного с помощью ИИ, может быть также признано только физическое лицо. Человек, который внёс творческий вклад в существенные признаки изобретения (например, сформулировал задачу, подобрал параметры, доработал результат), имеет право считаться автором изобретения. При этом полностью

⁴¹⁹ Jhanvi Deleep, J., & Team A. (n.d.). Copyright in an Artificial Intelligence (AI) World: Who Owns Creativity When It Is Automated? *Alketbi Law*. [URL](#)

⁴²⁰ *Beijing Film Law Firm v. Beijing Baidu Netcom Science & Technology Co Ltd* (Beijing Internet Court (2018) Jing 0491 Min Chu No. 239). [URL](#)

⁴²¹ *Shenzhen Tencent Computer System Co Ltd v. Shanghai Yingxun Technology Co Ltd* (Nanshan District People's Court) (2019) Case No. Y0305MC No. 14010. [URL](#)

⁴²² *Li v. Liu* (Beijing Internet Court (2023) Jing 0491 Min Chu No. 11279). [URL](#)

сгенерированное ИИ изобретение не получит статуса охраняемого объекта и не может быть запатентовано.

1046. При этом важно разделять авторское и патентное право на РИД, созданный с помощью ИИ. В деле *Sogou v. Baidu* компания Sogou обвинила Baidu в нарушении цепочки патентов, связанных со встроенными ИИ-моделями предсказания текста, умного автозаполнения и распознавания голоса в мобильных клавиатурах.
1047. Суды КНР подтвердили, что алгоритмы ИИ, которые оптимизируют работу программного обеспечения и сокращают вычислительную нагрузку (например, алгоритм более быстрого подбора иероглифов на основе контекста), дают конкретный технический результат. Следовательно, они защищаются патентным правом, а не только авторским правом на программный код. Дело разделило понятия «просто математический алгоритм» (не патентуется в КНР) и «ИИ-алгоритм, решающий техническую задачу» (патентуется)⁴²³.

1.10. Республика Корея

1048. Как и в большинстве правовых систем, законодательство Республики Корея в сфере интеллектуальных прав построено на принципе антропоцентризма. Так, авторско-правовая охрана распространяется на творчески созданные произведения, выражающие человеческие мысли или чувства (п. 1 ст. 2 Закона об авторском праве 1957 года (저작권법))⁴²⁴. Иными словами, произведение, согласно закону, может быть создано только человеком. Данный принцип охраны интеллектуальной собственности закреплён и в иных нормативных правовых актах. Например, согласно статье 33 Закона о патентах 1946 года (특허법)⁴²⁵, право на получение патента первоначально возникает у автора изобретения – лица, создавшего техническое решение.
1049. В этой связи результаты, полностью автономно сгенерированные ИИ без участия человека, не признаются объектами правовой охраны. Указанный вывод подтверждается судебной практикой.
1050. Так, в мае 2024 года Высокий суд Сеула, рассматривающий спор о возможности признания ИИ изобретателем, постановил, что система ИИ не может быть признана автором изобретения в соответствии с действующим законодательством в сфере патентных прав⁴²⁶.
1051. При этом в официальных разъяснениях по использованию систем ИИ прямо указывается, что результат, сгенерированный ИИ, принципиально может получить правовую охрану при условии творческого участия человека в его создании. Опираясь на Руководство по генеративному ИИ и авторскому праву 2023 года⁴²⁷, а также Руководство по регистрации авторских прав на произведения, созданные с помощью генеративного ИИ, 2025 года⁴²⁸, можно сделать следующие ключевые выводы:

⁴²³ China National Intellectual Property Administration. (n.d.). *China National Intellectual Property Administration*. [URL](#)

⁴²⁴ 저작권법 [URL](#)

⁴²⁵ 특허법 [URL](#)

⁴²⁶ Lee, H. Y., Kim, R. H. (2024). High Court Reaffirms Artificial Intelligence (AI) Cannot Be an Inventor in Korea. Kim & Chang. [URL](#)

⁴²⁷ Ministry of Culture, Sports and Tourism of the Republic of Korea & Korea Copyright Commission. (2023). Guide on Generative AI and Copyright. [URL](#)

⁴²⁸ Ministry of Culture, Sports and Tourism of the Republic of Korea & Korea Copyright Commission. (2025). Guide to Copyright Registration for Generative AI-Assisted Works. [URL](#)

- только часть произведения, в которой есть творческий вклад человека, подлежит правовой охране;
- при регистрации произведения необходимо определять и чётко разграничивать вклад ИИ и автора;
- полностью автономные результаты, сгенерированные ИИ, не считаются произведениями, поскольку не выражают человеческие идеи или эмоции.

1052. Таким образом, охраноспособность результатов, созданных с помощью ИИ, в Республике Корея напрямую зависит от наличия и степени творческого участия человека. В то же время действующее законодательство в сфере интеллектуальной собственности не предусматривает специальных правовых режимов правовой охраны таких объектов.

1.11. Индия

1053. К настоящему времени вопросы охраноспособности результатов, сгенерированных с помощью ИИ, не разрешены в Индии как на законодательном уровне, так и в судебной практике.
1054. Примечательно, что в декабре 2025 года Департамент по продвижению промышленности и внутренней торговли (DPIIT) при Министерстве торговли Индии опубликовал рабочий документ по генеративному ИИ и авторскому праву “One Nation, One Licence, One Payment” (Часть I), посвящённый вопросам обучения ИИ. Часть II документа, в которой планируется рассмотреть вопрос об охраноспособности контента, сгенерированного с помощью ИИ, по состоянию на апрель 2026 года не опубликована.
1055. В отсутствие специальных правовых норм, а также официальных разъяснений и правовых позиций судов режим охраны подобного контента определяется на основе общих норм законодательства в сфере интеллектуальных прав, требующих наличия человека-автора для признания РИД охраноспособным. Так, в соответствии со статьёй 13 Закона об авторском праве 1957 года (The Copyright Act, 1957)⁴²⁹ правовая охрана предоставляется оригинальным произведениям. При этом понятие «оригинальности» в судебной практике связывается с проявлением минимальных интеллектуальных усилий и творческого вклада человека⁴³⁰. Без такого вклада произведение не может считаться охраноспособным. Следовательно, полностью автономно сгенерированный контент не признаётся объектом авторских прав.
1056. В доктрине также отмечается, что правовая охрана авторских прав требует, чтобы произведение было создано в результате интеллектуального труда его создателя, ведь именно интеллектуальная деятельность является основой для творчества. В этой связи «простое вычисление в «искусственном мозге» не может подтверждать наличие интеллектуального творческого труда»⁴³¹.
1057. Аналогичную позицию занимает Бюро по авторским правам Индии. Так, в 2023 году было отказано в регистрации логотипа Ziria, сгенерированного при помощи ИИ, ввиду отсутствия доказательства наличия человеческого вклада⁴³².

⁴²⁹ The Copyright Act, 1957. [URL](#)

⁴³⁰ Eastern Book Company & Ors. v. D.B. Modak & Anr. on 12 December, 2007. [URL](#)

⁴³¹ Sathyanathan, M. (2025). AI, Copyright, and Moral Rights: Legal Challenges for Authors in the Digital Era. *International Journal for Legal Research and Analysis*, 2(7), 5-18.

⁴³² Neuraking (2025). Copyright Plan for AI in India: Legal and Technical Challenges. [URL](#)

1058. Таким образом, охраноспособность результатов, созданных с помощью ИИ, в Индии определяется исходя из наличия творческого вклада человека. При этом специального правового режима для такого контента не установлено.

1.12. Сингапур

1059. В Сингапуре правовой режим результатов, сгенерированных с помощью систем ИИ, определяется на основе общих норм Закона об авторском праве 2021 года и судебной практики, которые последовательно исходят из требования к наличию человеческого вклада при создании произведения.
1060. Так, в соответствии со статьёй 77 Закона об авторском праве 2021 года автором произведения может быть только человек. Данный основополагающий принцип находит отражение в решениях по ключевым спорам в сфере авторских прав, например, в деле *Asia Pacific Publishing Pte Ltd v. Pioneers & Leaders (Publishers) Pte Ltd* 2011 года⁴³³. Апелляционный суд Сингапура постановил, что для возникновения авторских прав необходимо, чтобы произведение было создано автором-человеком или соавторами-людьми. Этот подход также нашёл отражение в более позднем деле *Global Yellow Pages Ltd v. Promedia Directories Pte Ltd* 2017 года⁴³⁴, в котором суд поставил охраноспособность произведения в зависимость от вовлечения в его создание человеческого интеллекта. При этом интеллект был определён судом как «применение интеллектуальных усилий... или осуществление умственного труда», которые свойственны только человеку.
1061. Таким образом, контент, полностью автономно сгенерированный системой ИИ без какого-либо творческого вклада человека, не признаётся охраноспособным объектом авторских прав. Если же ИИ используется как инструмент, произведение может быть признано охраняемым. Вопрос о том, какой уровень человеческого участия необходим для признания объекта охраноспособным, решается судами исходя из общих принципов авторского права (п. 1136 ниже).

1.13. Казахстан

1062. Специального регулирования в отношении определения охраноспособности контента, созданного с использованием ИИ, Закон РК об АП и СП не содержит.
1063. Согласно пункту 1 статьи 6 Закона РК об АП и СП, авторское право распространяется на произведения, являющиеся результатом творческой деятельности, независимо от их назначения, содержания и достоинства, а также от способа и формы их выражения.
1064. Авторские права первоначально возникают у автора произведения — физического лица, творческим трудом которого создано произведение⁴³⁵.
1065. Новеллой правового регулирования в отношении рассматриваемого вопроса стал пункт 1 статьи 23 Закона РК об ИИ, согласно которому произведения, созданные с использованием систем ИИ, охраняются авторским правом только в случае наличия творческого вклада человека в их создание. Таким образом, в Казахстане закреплён принцип антропоцентричности авторского права: объектом охраны может быть лишь результат творчества автора — человека, а ИИ рассматривается как инструмент.

⁴³³ *Asia Pacific Publishing Pte Ltd v Pioneers & Leaders (Publishers) Pte Ltd* [2011] SGCA 37. [URL](#)

⁴³⁴ *Global Yellow Pages Ltd v. Promedia Directories Pte Ltd* [2017] SGCA 28. [URL](#)

⁴³⁵ Закон РК об АП и СП, ст. 2.

1066. Следовательно, контент, созданный автономно системой ИИ без участия человека, не отвечает критерию охраноспособности, предполагающему наличие творческого вклада, и не подлежит охране в качестве объекта авторского права.
1067. Вместе с тем из закона следует, что контент, в создании которого принимал участие человек, может пользоваться правовой охраной.
1068. Кроме того, в пункте 2 статьи 23 Закона РК об ИИ установлено, что текстовые запросы (промпты), если они являются результатом интеллектуальной творческой деятельности, признаются самостоятельными объектами авторского права.
1069. Первым практическим подтверждением действенности данных норм стало получение юристом Шынгысом Темиром авторского свидетельства (номер 66002⁴³⁶) на графический роман «Айша против Айырбасты», полностью сгенерированный ИИ на основании его текстовых запросов⁴³⁷. Кроме того, Темиру удалось получить авторское свидетельство на «Промпт (запрос) для системы генеративного ИИ ChatGPT в целях составления заявлений о взыскании алиментов» (номер 66022). Впрочем, на данный момент этот прецедент остаётся единственным.

1.14. Кыргызстан

1070. В Кыргызстане отсутствуют нормативные правовые акты, определяющие охраноспособность контента, сгенерированного системами ИИ. Вопрос охраны таких объектов решается на основе общих норм Закона от 14 января 1998 года № 6 «Об авторском праве и смежных правах»⁴³⁸, который относит к охраняемым произведениям результаты творческой деятельности автора – физического лица (ст. 1, 2). Иными словами, обязательным условием возникновения авторско-правовой охраны произведения является его создание творческим трудом человека.
1071. Из содержания указанных правовых норм следует, что для признания объекта, созданного с помощью ИИ, охраняемым необходимо наличие творческого вклада человека, использующего ИИ в качестве инструмента. В свою очередь, ИИ не может быть признан субъектом авторских прав, а полностью автономно сгенерированные им объекты не отвечают критерию творческой деятельности и, следовательно, не подлежат правовой охране.
1072. Принцип антропоцентризма заложен и в иные нормы, регулирующие отношения в сфере интеллектуальной собственности, в том числе в сфере смежных прав. Например, исполнителем признаётся физическое лицо, которое исполняет произведения литературы или искусства, а также режиссёр-постановщик спектакля и дирижёр (п. 14 ст. 4 рассматриваемого закона). Если первоначальное возникновение прав на объект допускается у юридического лица, требуется также установить его инициативу и ответственность за создание РИД. В частности, производителем фонограммы является физическое или юридическое лицо, взявшее на себя инициативу и ответственность за первую звуковую запись исполнения или иных звуков. При этом такое лицо должно либо физически изготовить либо заказать её и оплатить изготовление (п. 31 ст. 4 указанного закона).

⁴³⁶ Государственный реестр прав на объекты, охраняемые авторским правом. Национальный институт интеллектуальной собственности. [URL](#)

⁴³⁷ Публикация Shynggys Temir «Еще один новогодний итог – я получил два свидетельства об авторском праве!». Facebook.com (запрещён в РФ). [URL](#)

⁴³⁸ Закон Кыргызской Республики от 14 января 1998 года № 6 «Об авторском праве и смежных правах». [URL](#)

1073. Таким образом, полностью автономно сгенерированные объекты при помощи ИИ не подпадают под действующие режимы правовой охраны интеллектуальной собственности.

2. Пределы творческого вклада человека при создании контента с помощью ИИ: требования к промпту (инструкции) для получения правовой охраны созданного ИИ-контента

1074. Признание контента, сгенерированного системами ИИ, охраняемым результатом интеллектуальной деятельности напрямую зависит от наличия и степени творческого участия человека. Поскольку в большинстве правовых порядков действует принцип антропоцентризма, ключевым критерием становится ответ на вопрос: какой уровень человеческого вклада (в том числе в форме инструкций, настроек, отбора и редактирования) достаточен для того, чтобы считать конечный продукт объектом авторских прав. В связи с этим в настоящем разделе анализируются подходы к установлению пределов творческого вклада человека при создании контента с помощью ИИ, включая требования к промптам (инструкциям), в избранных юрисдикциях.

2.1. Европейский союз

1075. В ЕС допускается создание охраняемых РИД с использованием технических средств, какими могут являться модели ИИ. При этом вклад человека в создание РИД с использованием технических средств должен быть таким, чтобы итоговый результат соответствовал критериям охраноспособности объектов (в частности, критерию оригинальности).
1076. Как отмечается в доктрине права ЕС с учётом толкований Суда ЕС, творческий вклад человека в создание РИД с использованием ИИ должен заключаться в самостоятельном и творческом выборе на этапах концепции (общей идеи и требований к результату), исполнения (создания черновиков) и (или) редактирования результата (выбор, редактирование, уточнение, доработка)⁴³⁹. Если участие человека на этих этапах выражено в конечном объекте, созданном с помощью ИИ, такой объект будет квалифицироваться как произведение, охраняемое авторским правом.
1077. Кроме того, исследователи обращают внимание на то, что вклад человека в создание РИД с использованием ИИ должен быть замечен: так, на данный момент достаточно мало моделей ИИ способны действовать полностью автономно, без какого-либо участия человека. Однако предоставление обычных «подсказок» (промптов) или внесение человеком незначительных изменений в созданный ИИ-контент (например, незначительное редактирование текста, созданного LLM) в доктрине права ЕС рассматривается как фактор, исключающий правовую охрану такого контента⁴⁴⁰.

2.2. Германия

1078. В Германии вопрос о пределах творческого вклада человека при создании контента с использованием ИИ оценивается через критерий «личного интеллектуального творения», закреплённый в § 2(2) UrhG. В частности, этот критерий применяется при определении того,

⁴³⁹ Hugenholtz, P. B., Quintais, J. P. (2021). Copyright and artificial creation: Does EU copyright law protect AI-assisted output? *ИИ*, 52, 1190–1216. [URL](#)

⁴⁴⁰ Novelli, C., Casolari, F., Hacker, P., Spedicato, G., Floridi, L. (2024). Generative AI in EU law: Liability, privacy, intellectual property, and cybersecurity. Article 106066. [URL](#)

каким требованиям должен отвечать промпт (инструкции), чтобы результат, созданный с использованием ИИ, мог быть признан объектом авторских прав.

1079. UrhG не содержит специальных требований к промптам как таковым, оценка созданного ИИ-контента осуществляется казуистически на основе общих критериев охраноспособности. В контексте создания объекта с использованием ИИ основным является вопрос о том, может ли промпт рассматриваться как форма творческого вклада человека.
1080. В немецкой доктрине выработана позиция о том, что простые или функциональные указания не способны обеспечить достижение творческой оригинальности (Schöpfungshöhe), поскольку модели ИИ осуществляют исключительно технический процесс генерации контента⁴⁴¹.
1081. Соответственно, правовая охрана может возникнуть, если создание контента с использованием ИИ сопровождается не только формулированием промпта, но и личным творческим участием человека в создании результата. Такое участие может проявляться в контроле над процессом генерации, последующей обработке сгенерированного ИИ-контента, комбинировании и структурировании результатов с элементами творческого выбора.
1082. В деле 2026 года *Anonymous creator of AI-generated logos v. Anonymous user of the claimant's logos* Региональный суд Мюнхена отказал в защите авторских прав на логотипы, сгенерированные истцом с использованием ИИ⁴⁴². Суд указал, что характеристики РИД не должны диктоваться техническими функциями ИИ, а автор, использующий ИИ, в любом случае должен выразить свой творческий подход оригинальным образом. Использование ИИ, по мнению суда, должно быть ближе к вспомогательному средству, чем к независимому творческому инструменту, а входные данные (промпт) должны в конечном итоге формировать оригинальный результат.
1083. Как указал суд, такой эффект достигается только тогда, когда творческие элементы, включенные в запрос, настолько доминируют в результате, что произведение в целом можно считать оригинальным творением его автора. В связи с этим недостаточно, чтобы промпты представляли собой лишь общие, открытые инструкции, даже если эти инструкции многочисленны и последовательно влияют на внешний вид результата.
1084. Таким образом, в правоприменительной практике Германии на данный момент формируется подход к оценке охраноспособности РИД, созданных с использованием ИИ. Кроме того, уже сформирован подход к оценке технически опосредованного творчества при создании фотографий: в частности, в деле *Museumsfotos*⁴⁴³ Федеральный суд Германии констатировал, что даже при значительном использовании технических средств возможна охрана, если присутствует личный вклад в выбор композиции, освещения и момента съёмки.

2.3. Франция

1085. Французская модель авторского права исходит из антропоцентрической концепции: произведение охраняется постольку, поскольку оно выражает личность автора. Для возникновения авторско-правовой охраны произведение должно иметь оригинальность,

⁴⁴¹ Dornis, T. W., Stober, S. *Urheberrecht und Training generativer KI-Modelle: Technologische und juristische Grundlagen*. [URL](#)

⁴⁴² Bayerisches Oberstes Landesgericht, Beschluss vom 12.06.2026. [URL](#)

⁴⁴³ BGH, 20.12.2018, I ZR 104/17 – Museumsfotos. [URL](#)

то есть быть «отпечатком личности автора» (*empreinte de la personnalité de l'auteur*), что предполагает наличие свободного и творческого выбора, а не механического или автоматического результата.

1086. Сам по себе результат, сгенерированный ИИ без достаточного человеческого вмешательства, не отвечает критерию авторства, поскольку отсутствует «вклад личности» в создание произведения. В этом смысле промпт (инструкция) может рассматриваться как возможный источник такого вклада, однако его правовая квалификация зависит от степени творческого участия человека.
1087. Судебная практика применительно к оценке охраноспособности контента, сгенерированного ИИ или с использованием ИИ, во Франции на данный момент не сформировалась. Однако могут быть применимы устоявшиеся подходы Кассационного суда Франции к критерию оригинальности. Так, судебная практика исходит из того, что оригинальность возникает при наличии «свободного и творческого выбора», а не при техническом или автоматическом процессе⁴⁴⁴.
1088. Аналогичный подход может быть применён и при оценке творческого участия человека при создании произведений с использованием ИИ.

2.4. Норвегия

1089. Порядок установления разграничений между РИД, созданными ИИ, и РИД, созданными людьми с помощью ИИ в качестве инструмента, в настоящее время в законодательстве Норвегии и в её правоприменительной практике не решён.
1090. При этом отмечается, что творческие усилия, которые могут способствовать возникновению авторских прав, должны включать в себя творческое составление подсказок, творческий отбор и (или) редактирование результатов или их комбинацию⁴⁴⁵.
1091. Согласно разъяснениям Управления промышленной собственности Норвегии (Norwegian Industrial Property Office (**NIPO**)), если РИД генерируется автоматически на основе простой подсказки, он не будет отвечать критерию охраноспособности — «личное интеллектуальное творение», предусмотренному законом. Однако если пользователь контролирует процесс и использует ИИ только в качестве полезного инструмента, предоставляя конкретные инструкции, это в некоторых случаях может служить основанием для признания РИД охраняемым объектом⁴⁴⁶.

2.5. Соединённые Штаты Америки

1092. Вопросы, связанные с определением охраноспособности РИД, созданных с использованием технических средств, в праве и административной практике США рассматриваются достаточно давно. В 1978 году Национальная комиссия по новым технологическим видам использования произведений, охраняемых авторским правом (National Commission on New Technological Uses of Copyrighted Works, CONTU), пришла к следующему выводу: для получения авторско-правовой охраны произведение должно быть оригинальным и созданным автором. Если результат, полученный с использованием компьютерных технологий, отвечает минимальному критерию оригинальности, он

⁴⁴⁴ Например, см.: Cass. civ. 1re, 13 novembre 2008, 06-19.021. [URL](#)

⁴⁴⁵ Flagstad, Ø. (2026). Copyright Laws and Regulations Norway 2026. International Comparative Legal Guides (ICLG). [URL](#)

⁴⁴⁶ Haugo, M. (2024). Generative Artificial Intelligence vs. Copyright. Norwegian Industrial Property Office. [URL](#)

охраняется. Решающее значение здесь имеет не использованное устройство, а наличие минимального творческого вклада человека⁴⁴⁷.

1093. В современных условиях требуется дополнительно оценивать, отвечают ли РИД, созданные с использованием новых технологий, минимальному критерию оригинальности. В прецедентном деле *Feist Publications v. Rural Telephone Service*⁴⁴⁸ Верховный суд США констатировал, что любое охраняемое произведение должно содержать «минимальный уровень творчества», при этом общим правилом для принятия решения о том, может ли произведение охраняться авторским правом, является его оригинальность, а не усилия его создателя.
1094. Эта позиция в современной интерпретации применяется и к оценке охраноспособности РИД, созданных с использованием ИИ.
1095. В отчёте U.S. Copyright Office 2025 года⁴⁴⁹ закреплено, что контент, созданный исключительно ИИ, не подлежит регистрации в качестве объекта авторского права. При этом «простое использование промптов» не обеспечивает необходимого уровня авторского контроля и творческого вклада; между инструкцией и результатом существует значительная автономная деятельность системы ИИ.
1096. В 2023 году U.S. Copyright Office отказал в регистрации изображений комикса «Заря на рассвете» / “Zarya of the Dawn”, созданных К. Каштановой с использованием программного обеспечения AI Midjourney⁴⁵⁰.
1097. Первоначально ведомство зарегистрировало работу (комикс) автора, однако впоследствии отменило решение в части регистрации изображений, сгенерированных ИИ. U.S. Copyright Office пришёл к выводу, что изображения, использованные в комиксе, были сгенерированы ИИ, и что модификации и ретушь, сделанные автором, недостаточны для того, чтобы придать изображениям оригинальность.
1098. В то же время ведомство признало охраноспособность текста комикса и расположение изображений. Этот аспект подтверждает, что в отношении составных работ отсутствие охраны элемента не препятствует охране произведения в целом, включая его структуру и макет.
1099. Соответственно, в ряде случаев допускается частичная охрана: например, охране может подлежать подбор, координация или редактирование материала человеком, но не сами сгенерированные фрагменты.
1100. С точки зрения американского права, промпт рассматривается как форма задания (инструкция), а не как акт проявления творческого выражения. Требования к достаточному творческому вкладу человека складываются из элементов, выявленных в административной и доктринальной практике.
1101. Так, в упомянутом выше отчёте U.S. Copyright Office 2025 года содержится модель достаточного творческого вклада для достижения оригинальности созданного объекта. В частности, определены следующие сценарии использования ИИ для обеспечения охраноспособности итогового РИД:

⁴⁴⁷ U.S., Final Report of The National Commission on New Technological Uses of Copyrighted Works 3, 4 (1978). P. 45. [URL](#)

⁴⁴⁸ *Feist Publications, Inc. v. Rural Tel. Serv. Co.*, 499 U.S. 340 (1991). [URL](#)

⁴⁴⁹ U.S. Copyright Office. (2025). Copyright and Artificial Intelligence, Part 2: Copyrightability. Library of Congress. [URL](#)

⁴⁵⁰ U.S. Copyright Office. (2023). *Zarya of the Dawn* (Registration Decision). Library of Congress. [URL](#)

- использование ИИ как инструмента в рамках уже созданного человеком объекта (например, редактирование, корректировка, стилистическая доработка результата);
 - создание автором «ощутимого человеческого выражения» внутри созданного ИИ-контента, то есть добавление таких элементов произведения, которые можно непосредственно связать с человеческим выбором формы;
 - творческий подход автора к отбору, компоновке и организации сгенерированных ИИ материалов, при котором именно человек принимает структурные решения о финальном виде произведения.
1102. В отчёте приводится пример, когда автор создал рисунок (изображение маски с листьями), а затем обработал его с помощью ИИ. Охраняемыми были признаны именно элементы, внесённые человеком – «очертания маски, положение носа, рта и скул относительно формы маски, расположение стеблей и бутонов роз, а также форма и размещение четырёх листьев». В то же время «нечеловеческое выражение» (реалистичное трёхмерное изображение, свет, тени) было исключено из охраны. Таким образом, даже при использовании ИИ для доработки оригинального произведения охрана предоставляется только той части результата, которая отражает непосредственный творческий вклад человека.
1103. Соответственно, для обеспечения охраноспособности РИД необходим не «сложный» промпт, а непосредственное участие человека на уровне фиксации выражения и структурирования контента. При этом юридическое значение имеет не «качество» промпта, а факт того, что человек выступает субъектом, создающим охраняемую форму произведения. Для возникновения авторского права в отношении сгенерированного контента требуется дополнительная авторская деятельность, например, отбор, редактирование, композиционное построение или интеграция ИИ-контента в составное произведение.

2.6. Великобритания

1104. В праве Великобритании вопрос о пределах творческого вклада человека при создании контента с использованием ИИ решается с учётом критерия оригинальности, с помощью которого оценивается охраноспособность произведения, и специального режима «компьютерно-сгенерированных произведений» (computer-generated works), закреплённого в § 9(3) CDPA.
1105. Согласно общему критерию охраноспособности, установленному в §§ 1(1)(a), 3–4 CDPA, произведение должно быть «оригинальным» как результат «собственного интеллектуального творчества автора». Созданное автором произведение должно отражать его свободные и творческие решения и нести «отпечаток его личности»⁴⁵¹.
1106. В контексте создания произведений с использованием ИИ это означает, что сам по себе факт его использования не исключает охрану, если именно человек определяет выразительную форму результата. Юридически значимым является не наличие промпта как такового, а степень участия человека в конечном творческом выражении РИД. Соответственно, промпт должен выступать инструментом реализации творческого замысла, а не простой инструкцией.

⁴⁵¹ Department for Science, Innovation and Technology, Department for Culture, Media and Sport, & Intellectual Property Office. (2026). Report on Copyright and Artificial Intelligence. [URL](#)

1107. В Докладе 2026 года⁴⁵² подчёркивается, что произведение, созданное с помощью ИИ, будет охраняться как РИД только в той мере, в какой оно выражает человеческую креативность, если же вклад пользователя сводится к минимальному заданию параметров (simple prompt), не обеспечивающему контроля над конкретной формой выражения, такой вклад не достигает порога оригинальности.
1108. Режим компьютерно-сгенерированных произведений, закреплённый в § 9(3) CDPA, не отменяет требования оригинальности как условия охраноспособности РИД. Данное обстоятельство создаёт противоречие: если оригинальность предполагает человеческое творчество, то полностью автономные результаты ИИ не соответствуют этому критерию. Следовательно, даже при формальном признании «авторства» пользователя в соответствии с § 9(3) CDPA правовая охрана может быть поставлена под сомнение, если отсутствует творческий вклад человека.
1109. Таким образом, пределы творческого вклада определяются не формальными характеристиками промпта, а степенью контроля человека над итоговой формой результата. Для получения авторско-правовой охраны использование промптов должно быть частью более разнообразной творческой деятельности человека. В противном случае РИД либо не будет соответствовать критерию оригинальности, либо потенциально может относиться к специальному, но менее определённом режиму компьютерно-сгенерированных произведений, правовая природа которого в отсутствие релевантной судебной практики является дискуссионной.

2.7. Израиль

1110. К настоящему времени в Израиле не выработаны подходы для установления пределов творческого вклада автора при создании контента с использованием ИИ.
1111. Основываясь на решении по делу *Thaler v. Commissioner of Patents*⁴⁵³, можно сделать вывод, что для признания такого контента охраноспособным необходимо установить творческий вклад человека. Конкретные требования к такому вкладу (включая уровень сложности промпта) в настоящее время не определены ни законодателем, ни судебной практикой.

2.8. Объединённые Арабские Эмираты

1112. Официальных разъяснений относительно порога творческого вклада человека для признания охраноспособным контента, сгенерированного с использованием ИИ, в ОАЭ не имеется. С учётом действующего законодательства и доктринальных позиций можно выделить следующие ориентиры.
1113. Как было выявлено, ключевым критерием для признания такого контента объектом авторских прав является наличие творческого вклада человека. В доктрине подчёркивается, что достаточным творческим вкладом может считаться составление детализированных промптов с последующим контролем получаемого результата, его

⁴⁵² Ibid.

⁴⁵³ Tel Aviv-Jaffa District Court. Miscellaneous Appeal – Civil 33353-05-23 Thaler v. Registrar of Patents, Designs and Trademarks.
[URL](#)

уточнением и дополнением. Если же пользователь просто вводит промпт в систему ИИ, он не может признаваться автором⁴⁵⁴.

1114. 17 июля 2025 года Кронпринц Дубая шейх Хамдан ибн Рашид Аль Мактум утвердил Классификатор сотрудничества человека и ИИ (Human-Machine Collaboration)⁴⁵⁵:

**Таблица. Классификатор сотрудничества человека и ИИ
(Human-Machine Collaboration)**

№ п/п	Уровень	Описание
1.	Человек делает всё сам (All Human)	Контент полностью создан человеком, без участия машины
2.	Человек выполняет основную работу (Human led)	Контент создан человеком, но проверен или улучшен машиной
3.	С помощью машины (Machine assisted)	Человек и машина создают контент совместно
4.	Машина выполняет основную работу (Machine led)	Машина является основным создателем контента, человек проверяет качество
5.	Машина выполняет всё сама (All Machine)	Контент полностью сгенерирован машиной, без участия человека

1115. Данная система носит обязательный характер для органов государственной власти Дубая и формирует важный понятийный аппарат для разграничения степени участия человека и ИИ в создании контента. Пятый уровень (Машина выполняет всё сама, All Machine) прямо указывает на отсутствие человеческого вклада и, соответственно, неохраноспособность результата, сгенерированного ИИ. Как видится, эта классификация может служить ориентиром при оценке наличия творческого вклада человека. Вместе с тем прямых разъяснений о применении этого документа для целей авторского права не имеется.
1116. Таким образом, в ОАЭ ключевым фактором для признания охраноспособным контента, сгенерированного ИИ, является наличие реального контроля человека над процессом создания конечного творческого результата. Классификатор сотрудничества человека и ИИ (Human-Machine Collaboration) предлагает критерии для дифференциации уровней вовлечённости человека и машины в создание контента. Однако применение указанных критериев для определения творческого вклада человека в настоящее время не получило отражения в доктрине и на практике.

2.9. Китайская Народная Республика

1117. Критериев для определения достаточного творческого вклада человека при создании контента с помощью ИИ на уровне законодательства не установлено. Однако в деле *Li v. Liu*⁴⁵⁶ были выработаны конкретные ориентиры.

⁴⁵⁴ Dunne, J., Omar, R. The Human Touch, Monkey Business, and a Piece of American Cheese: human input and copyright in AI generated images. [URL](#)

⁴⁵⁵ Dubai Future Foundation. (2025). Icons for Human–Machine Collaboration (HMC): Visual Standards for Research and Publications. [URL](#)

⁴⁵⁶ *Li v. Liu* (Beijing Internet Court (2023) Jing 0491 Min Chu No. 11279). [URL](#)

1118. В рассматриваемом деле суд посчитал достаточными следующие действия истца:
- введение более 150 текстовых запросов (промптов);
 - определение порядка их ввода и выбор параметров;
 - многократные итерации и корректировка до тех пор, пока результат не будет соответствовать авторскому замыслу;
 - последующее редактирование сгенерированного изображения с помощью настроек приложения.
1119. Суд подчеркнул, что простого краткого промпта недостаточно для признания итогового результата охраноспособным, поскольку такой запрос не демонстрирует достаточного вовлечения человеческого интеллекта в создание произведения. Как следствие, решающее значение имеет совокупность действий, направленных на достижение уникального, заранее задуманного результата, который «не смог бы создать никто другой».
1120. Таким образом, в Китае порог творческого вклада определяется интенсивностью и детализацией взаимодействия пользователя с ИИ: чем сложнее и целенаправленнее действия пользователя (количество промптов, итераций, а также последующее редактирование), тем выше вероятность признания результата охраноспособным объектом авторских прав.

2.10. Республика Корея

1121. Законодательство Республики Корея в сфере авторских прав не закрепляет прямых критериев для определения достаточного творческого вклада человека. Вместе с тем в Руководстве по регистрации авторских прав на произведения, созданные с помощью генеративного ИИ, 2025 года⁴⁵⁷ содержатся важные разъяснения по указанному вопросу.
1122. В соответствии с этим документом простой ввод промпта (запроса) в систему ИИ не является достаточным для признания творческого участия человека в создании произведения. Сам по себе факт ввода промпта вряд ли можно признать творческим вкладом, поскольку он не демонстрирует управление творческим результатом и его предсказуемость. Один и тот же промпт может привести к разным результатам, что свидетельствует о низкой степени контроля человека.
1123. В качестве примеров достаточного творческого вклада автора в создаваемое с помощью ИИ произведение приводятся следующие ситуации:
- когда пользователь ввёл запрос, приложив своё охраняемое авторским правом произведение, и сгенерированный результат отражает творческий характер этого произведения;
 - когда пользователь проделал дополнительную творческую работу над автономно сгенерированным результатом (например, преобразовал или дополнил его, удалил лишние элементы);
 - когда творческий подход пользователя проявился в отборе, расположении или композиции автономно сгенерированного результата.

⁴⁵⁷ Ministry of Culture, Sports and Tourism of the Republic of Korea & Korea Copyright Commission. (2025). Guide to Copyright Registration for Generative AI-Assisted Works. [URL](#)

1124. Таким образом, в Республике Корея ключевым фактором для признания AI-генерируемого контента охраноспособным является не просто использование ИИ, а демонстрация реального творческого контроля человека над процессом создания конечного результата.

2.11. Индия

1125. Прямые разъяснения относительно порога творческого вклада человека (включая требования к промпту) для признания исследуемого контента охраноспособным в Индии отсутствуют.
1126. Рассматривая концепцию «оригинальности» в рамках Закона об авторском праве 1957 года в деле *Eastern Book Company and Ors. v. D.B. Modak*⁴⁵⁸, Верховный суд Индии постановил, что для возникновения авторских прав на произведение необходимо продемонстрировать определённую степень интеллектуальных усилий и установить оригинальность творческого результата. В этой связи простое использование компьютера для редактирования нескольких частей уже существующего произведения не делает человека автором в понимании закона.
1127. С учётом обозначенной правовой позиции, а также практики Бюро по авторским правам Индии, отказавшего в 2023 году в регистрации логотипа Ziria⁴⁵⁹, можно сделать вывод, что простое введение промпта не является достаточным для подтверждения творческого участия человека в создании РИД.
1128. В феврале 2025 года в нижней палате парламента Индии Лок Сабхе началось обсуждение законопроекта о внесении изменений в Закон об авторском праве 1957 года применительно к произведениям, созданным с помощью ИИ. Согласно аналитическим источникам, концепция законопроекта включает установление минимального порога человеческого вклада. Законодательная инициатива предлагает признавать произведение охраноспособным только при условии, что творческий вклад автора в его создание составляет не менее 70%⁴⁶⁰.
1129. В настоящее время законопроект находится на стадии рассмотрения, а его официальный текст не опубликован.

2.12. Сингапур

1130. Прямых разъяснений относительно конкретного порога творческого вклада человека (включая требования к промпту) для признания охраноспособным контента, сгенерированного при помощи ИИ, в Сингапуре в настоящее время не имеется. Однако на основе анализа судебной практики и доктринальных источников можно выделить следующие ориентиры.
1131. В деле *Global Yellow Pages Ltd v. Promedia Directories Pte Ltd* 2017 года⁴⁶¹ Апелляционный суд Сингапура указал, что человеческий вклад должен находиться в «достаточной причинно-следственной связи с финальным произведением». Иными словами, если вклад человека слишком незначителен или не имеет связи с итоговым результатом, авторское

⁴⁵⁸ *Eastern Book Company & Ors. v. D.B. Modak & Anr.* on 12 December, 2007. [URL](#)

⁴⁵⁹ Neuraking (2025). Copyright Plan for AI in India: Legal and Technical Challenges. [URL](#)

⁴⁶⁰ Ibid.

⁴⁶¹ *Global Yellow Pages Ltd v. Promedia Directories Pte Ltd* [2017] SGCA 28. [URL](#)

право не возникает. Таким образом, суд указал на необходимость изучения причинно-следственной связи между вкладом автора и создаваемым им результатом.

1132. Профессор Д. Тан в качестве примера несущественного вклада автора приводит следующую ситуацию: если ввести в качестве запроса в систему ИИ «Создай картину Сингапурского Мерлиона в стиле Пикассо», этого будет недостаточно для признания авторских прав на сгенерированный результат — он не будет демонстрировать достаточного вовлечения человеческого интеллекта в творческий процесс⁴⁶².
1133. При решении вопроса о пределах творческого вклада человека в создание произведения с использованием ИИ необходимо также учитывать категоризацию систем ИИ по степени риска. В соответствии со вторым изданием Типовой концепции управления ИИ, разработанной Управлением по развитию информационно-коммуникационных технологий и медиа (IMDA) Сингапура в 2020 году⁴⁶³, исследуемые системы делятся на три группы:
- i. Человек в процессе (Human-in-the-Loop): человек активно участвует в работе системы, оценивая её рекомендации перед принятием окончательного решения. Обычно это предпочтительный подход в ситуациях с высокими рисками, например, в здравоохранении или при управлении финансами.
 - ii. Человек над процессом (Human-over-the-Loop): ИИ выполняет свои функции, но человек может в любой момент вмешаться и взять управление на себя. При этом система действует, только если человек не вмешивается.
 - iii. Человек вне процесса (Human-out-of-the-Loop): ИИ работает полностью автономно. Такой подход допустим лишь тогда, когда риски и последствия ошибок минимальны, например, в рекомендательных системах или системах обнаружения спама.
1134. Приведённая классификация имеет особое значение при решении вопроса о творческом вкладе человека при создании контента с помощью ИИ. Чем выше уровень вовлечённости человека в процесс, тем вероятнее, что конечный результат будет признан охраноспособным. В частности, системы, относящиеся к категории «Человек в процессе», предполагают, что пользователь принимает итоговое решение на основе рекомендации машины. Если это решение включает творческую оценку, отбор, редактирование или комбинирование результатов, такой вклад с высокой вероятностью будет признан достаточным для возникновения авторского права.
1135. Таким образом, пределы творческого вклада устанавливаются в каждом конкретном случае на основе оценки того, были ли осуществлены достаточные интеллектуальные действия автора для достижения задуманного и прогнозируемого им результата.

2.13. Казахстан

1136. Как установлено в пункте 1 статьи 23 Закона РК об ИИ, произведения, созданные с использованием систем ИИ, охраняются авторским правом только в случае наличия творческого вклада человека в их создание.
1137. При этом количественных или качественных критериев достаточности творческого вклада человека в создание произведения с использованием систем ИИ казахстанское

⁴⁶² Tan, D. (2023). Generative AI and Authorship in Copyright Law. *Centre for Technology, Robotics, Artificial Intelligence & the Law (TRAIL), National University of Singapore*. [URL](#)

⁴⁶³ Infocomm Media Development Authority & Personal Data Protection Commission (2020). Model Artificial Intelligence Governance Framework (2nd ed.). [URL](#)

законодательство не содержит. Отсутствие закрепления юридически значимых параметров промпта (его объёма, структуры, степени детализации) свидетельствует о необходимости казуистической оценки творческого вклада человека в каждом конкретном случае.

1138. В аналитических материалах отмечается, что при определении наличия творческого вклада следует учитывать, что «простые команды вроде «сделай ролик про осень» не считаются творческим вкладом, тогда как детализированные задания могут быть признаны полноценной работой». В качестве примеров такого вклада называется формулирование сложного, детализированного промпта и последующее редактирование полученного результата⁴⁶⁴.
1139. Судебная практика Республики Казахстан по вопросам оценки творческого вклада человека в созданное с использованием ИИ произведение на данный момент отсутствует, что обусловлено в том числе новизной правового регулирования рассматриваемых отношений.

2.14. Кыргызстан

1140. Прямые разъяснения относительно порога творческого вклада человека для признания охраноспособным контента, сгенерированного при помощи ИИ, в Кыргызстане отсутствуют. Ни Закон от 14 января 1998 года № 6 «Об авторском праве и смежных правах»⁴⁶⁵, ни Цифровой кодекс Кыргызской Республики⁴⁶⁶ не содержат специальных положений о требованиях к промптам или степени творческого контроля человека.
1141. В правоприменительной практике также не выработаны позиции относительно понятия «творческий вклад» и критериев его установления при использовании технологий ИИ.
1142. Таким образом, ввиду отсутствия единообразной правоприменительной практики и специальных норм, вопрос о достаточности творческого вклада человека для охраны контента, сгенерированного с использованием ИИ, в Кыргызстане остаётся открытым.

3. Возможность признания прав на созданный пользователем контент за разработчиком ИИ

1143. Согласно общепринятому подходу, автором и первичным обладателем прав на контент, созданный с помощью ИИ, признаётся лицо, которое внесло творческий вклад в создание результата. В этой связи одним из наиболее дискуссионных вопросов выступает возможность признания прав на контент, сгенерированный ИИ с участием пользователя, за разработчиком ИИ.
1144. Поскольку разработчик не принимает непосредственного творческого участия в создании конкретного результата, его вклад ограничивается лишь разработкой алгоритма (инструмента). В подобной ситуации говорить о прямом участии разработчика в создании контента не приходится. Вместе с тем исключительные права на такой контент теоретически могут быть перераспределены между пользователем и разработчиком по условиям пользовательского соглашения. Однако доктринальные источники и правоприменительная практика по указанному вопросу практически отсутствуют.

⁴⁶⁴ Digital Rights Asia. (2025). Полностью созданные ИИ произведения не будут признаны объектами авторского права в РК. [URL](#)

⁴⁶⁵ Закон Кыргызской Республики от 14 января 1998 года № 6 «Об авторском праве и смежных правах». [URL](#)

⁴⁶⁶ Цифровой Кодекс Кыргызской Республики от 31 июля 2025 года № 178. [URL](#)

1145. В настоящем разделе анализируются подходы к распределению прав на контент, сгенерированный с помощью ИИ, в избранных юрисдикциях.

3.1. Европейский союз

1146. Вопрос о возможности признания прав на сгенерированный пользователем контент за разработчиком ИИ в ЕС не урегулирован. Судебная практика по данной проблематике отсутствует.

3.2. Германия

1147. Согласно § 7 UrhG автором может быть исключительно физическое лицо, при этом основным критерием охраноспособности является наличие авторского творческого вклада.
1148. Применительно к рассматриваемому вопросу это означает, что разработчик ИИ не может автоматически являться автором и приобретать первоначальные интеллектуальные права на сгенерированный контент, поскольку не участвует в создании такого контента.
1149. Аналогичный вывод содержится и в докладе Бундестага «ИИ и машинное обучение: взгляд с точки зрения авторского права» 2018 года: ни разработчик системы ИИ, ни создатели обучающих данных (датасетов) не могут считаться авторами и первоначальными правообладателями контента, поскольку они не осуществляют непосредственного контроля над итоговым продуктом генерации, а их вклад ограничивается созданием инструмента⁴⁶⁷.

3.3. Франция

1150. Согласно статье L.111-1 CPI автором произведения признаётся лицо, «создавшее интеллектуальное произведение». В правоприменительной практике Франции это понятие интерпретируется как относящееся исключительно к физическому лицу и отражающее в произведении «отпечаток личности автора».
1151. Применительно к рассматриваемому вопросу это означает, что разработчик ИИ не может автоматически являться автором и приобретать первоначальные интеллектуальные права на сгенерированный контент, поскольку не участвует в создании такого контента.

3.4. Норвегия

1152. Согласно § 2 Åndsverkloven охране подлежат РИД, являющиеся результатом личного творческого вклада автора. Исходя из буквального толкования положений этого закона, автором может быть только человек.
1153. Применительно к рассматриваемому вопросу это означает, что разработчик ИИ не может автоматически являться автором и приобретать первоначальные интеллектуальные права на сгенерированный контент, поскольку не участвует в его создании и не вносит личный творческий вклад.
1154. Аналогичные разъяснения приводит NIPO: разработчики ИИ, по сути, лишь программируют алгоритм ИИ и не имеют реальной связи с конкретными РИД, которые создаёт ИИ.

⁴⁶⁷ Deutscher Bundestag Künstliche Intelligenz und Machine Learning. Eine urheberrechtliche Betrachtung 2018. [URL](#)

Поскольку для возникновения охраны требуется «личное интеллектуальное творение», разработчики ИИ не могут рассматриваться в качестве авторов РИД⁴⁶⁸.

3.5. Соединённые Штаты Америки

1155. Для возникновения и охраны авторских прав на РИД в США требуется участие человека в создании такого объекта (human authorship requirement). При этом даже для применения доктрины «работа, созданная по заказу» (work made for hire) требуется участие человека в первоначальном создании РИД⁴⁶⁹.
1156. Исходя из этого, разработчики систем ИИ по общему правилу не приобретают авторских прав на контент, создаваемый пользователем, поскольку отсутствует необходимая связь между их деятельностью и конкретным выражением результата.
1157. Таким образом, в праве США исключается автоматическое признание за разработчиком ИИ прав на пользовательский контент.

3.6. Великобритания

1158. В законодательстве Великобритании предусмотрена специальная норма, обеспечивающая охрану компьютерно-сгенерированных работ⁴⁷⁰. В отношении таких работ автором признаётся «лицо, предпринявшее необходимые организационные действия для создания произведения». Аналогичное определение содержится и в § 178 CDPA, уточняющем, что речь идёт о произведениях, «созданных компьютером при отсутствии человеческого автора».
1159. Соответственно, в Великобритании допускается фикция авторства в пользу лица, организовавшего создание объекта, даже если непосредственное выражение объекта произведено машиной (компьютером). Именно эта конструкция потенциально позволяет обосновывать принадлежность прав не самому пользователю, а иному субъекту, если он осуществлял необходимые организационные действия (arrangements necessary for creation).
1160. При этом следует отметить, что данная норма была введена в 1988 году, задолго до появления современных генеративных моделей ИИ, и изначально была ориентирована на системы, не способные к автономной генерации сложного контента. По этой причине положения § 9(3) CDPA не содержат норм в отношении того, кто является лицом, осуществляющим необходимые организационные действия — пользователь системы ИИ, разработчик системы ИИ или оба этих субъекта в зависимости от характеристик и функционала ИИ.
1161. На данный момент в Великобритании отсутствуют прецеденты, прямо разрешающие вопрос о принадлежности авторских прав на контент, сгенерированный моделями ИИ. Соответственно, положение § 9(3) CDPA не проходило судебной проверки применительно к ИИ-системам нового поколения.
1162. Таким образом, можно сделать вывод о том, что формально действующая норма § 9(3) CDPA допускает возможность признания авторства за лицом, организующим создание произведения. Под таким лицом потенциально может пониматься разработчик ИИ, если

⁴⁶⁸ Haugo, M. (2024). Generative Artificial Intelligence vs. Copyright. Norwegian Industrial Property Office. [URL](#)

⁴⁶⁹ USC, § 201.

⁴⁷⁰ CDPA, § 9(3).

именно он структурно определяет процесс генерации контента. Однако правоприменительная практика не подтверждает возможность возникновения авторских прав на генерируемый пользователями контент за разработчиками систем ИИ. Вопрос о признании прав на пользовательский контент за разработчиком ИИ в Великобритании остаётся нерешённым и зависит от будущего судебного толкования понятия *arrangements necessary for creation* в контексте современных моделей ИИ.

3.7. Израиль

1163. Вопрос о возможности признания прав на сгенерированный пользователем контент за разработчиком ИИ в Израиле законодательно не урегулирован. Судебная практика по данной проблематике отсутствует.
1164. С учётом общих принципов авторского права Израиля можно заключить, что по общему правилу права на контент, сгенерированный с помощью ИИ, принадлежат пользователю-человеку, который контролировал процесс создания. Поскольку разработчик ИИ не создаёт конкретное произведение пользователя, он не может быть признан первоначальным субъектом авторских прав.

3.8. Объединённые Арабские Эмираты

1165. Вопрос о возможности признания прав на сгенерированный пользователем контент за разработчиком ИИ в ОАЭ законодательно не урегулирован. Согласно статье 1 Закона № 38 от 2021 года «Об авторском праве и смежных правах»⁴⁷¹, автором и первичным обладателем прав на произведение является лицо, создавшее указанный результат, что предполагает наличие человеческого творческого вклада.
1166. В этой связи разработчик ИИ (например, создатель алгоритма или платформы) не может быть признан автором по умолчанию, поскольку его вклад заключается в создании инструмента, а не в творческом процессе генерации конкретного РИД.
1167. Судебная практика по данному вопросу в ОАЭ отсутствует. Таким образом, по умолчанию права на контент, сгенерированный с помощью ИИ, в ОАЭ принадлежат пользователю, который внёс достаточный творческий вклад в его создание.

3.9. Китайская Народная Республика

1168. Вопрос о возможности признания прав на сгенерированный пользователем контент за разработчиком ИИ в Китае законодательно не урегулирован. Вместе с тем судебной практикой выработаны правовые позиции по указанному вопросу.
1169. Так, в деле *Li v. Liu*⁴⁷² суд постановил, что:
- ни сам ИИ, ни разработчик ИИ-модели не могут считаться авторами сгенерированного изображения;
 - пользователь, который контролировал создание изображения (истец), является автором изображения, которому принадлежит весь комплекс авторских прав на созданное произведение.

⁴⁷¹ Federal Decree-Law No. (38) of 2021 on Copyright and Neighboring Rights. [URL](#)

⁴⁷² *Li v. Liu* (Beijing Internet Court (2023) Jing 0491 Min Chu No. 11279). [URL](#)

1170. В решении по делу суд указал, что разработчики модели ИИ не являются авторами, поскольку их интеллектуальный вклад заключается в создании инструмента ИИ, а не самого генерируемого изображения. Иными словами, разработчик ИИ создаёт лишь инструмент, но не участвует непосредственно в процессе генерации конкретного произведения. Пользователь, напротив, вносит прямой интеллектуальный вклад (введение и последующее уточнение промптов, отбор, редактирование), что и порождает возникновение у него авторских прав на созданное произведение.
1171. Таким образом, по умолчанию права на контент, сгенерированный с помощью ИИ, в Китае принадлежат пользователю, который внёс достаточный творческий вклад в создание произведения. Разработчик ИИ не признаётся автором и не имеет прав на творения пользователей.

3.10. Республика Корея

1172. По общему правилу, автором и первичным правообладателем произведения является лицо, создавшее указанный результат, что предполагает наличие человеческого творческого вклада (п. 1 ст. 2 Закона об авторском праве 1957 года⁴⁷³). Согласно разъяснениям, которые содержатся в Руководстве по регистрации авторских прав на произведения, созданные с помощью генеративного ИИ, 2025 года⁴⁷⁴, разработчик ИИ «лишь предоставляет инструмент, использованный при создании работы с помощью ИИ, и, следовательно, не может быть признан автором». Иными словами, права на произведение, сгенерированное ИИ, не могут быть первично закреплены за разработчиком.
1173. Таким образом, по умолчанию права на контент, сгенерированный ИИ, в Республике Корея принадлежат пользователю, который внёс достаточный творческий вклад в его создание. Разработчик ИИ не признаётся автором и, если иное не предусмотрено пользовательским соглашением, не имеет прав на результаты, созданные пользователями.

3.11. Индия

1174. В рамках действующего законодательства Индии автором произведения может признаваться только лицо, внёсшее определённый интеллектуальный вклад и демонстрирующее оригинальность своего творения. Руководствуясь этой логикой, можно заключить, что разработчик ИИ, прямо не участвующий в генерации контента, не может быть признан первоначальным обладателем прав на подобные результаты.
1175. При этом судебная практика, а также официальные разъяснения по данной проблематике отсутствуют.

3.12. Сингапур

1176. Вопрос о возможности признания прав на сгенерированный пользователем контент за разработчиком ИИ в Сингапуре законодательно не урегулирован. Судебная практика по данной проблематике отсутствует.
1177. Как указывает профессор Д. Тан, права на созданный с помощью ИИ-контент могут распределяться между автором-пользователем и разработчиком ИИ по условиям

⁴⁷³ 저작권법 [URL](#)

⁴⁷⁴ Ministry of Culture, Sports and Tourism of the Republic of Korea & Korea Copyright Commission. (2025). Guide to Copyright Registration for Generative AI-Assisted Works. [URL](#)

пользовательского соглашения. Однако такой подход возможен только при возникновении авторских прав на сгенерированный результат — при наличии творческого вклада. В этой связи учёный критикует условия пользовательских соглашений генеративных нейросетей, которые предполагают первичное закрепление авторских прав за разработчиком ИИ, поскольку последний напрямую не участвует в создании РИД с использованием ИИ⁴⁷⁵.

3.13. Казахстан

1178. Согласно пункту 1 статьи 23 Закона РК об ИИ правовая охрана произведения, созданного с использованием ИИ, предоставляется лишь при наличии творческого вклада человека. Из норм Закона РК об АП и СП следует, что авторские права в отношении охраняемого РИД первоначально возникают у его автора — физического лица, создавшего объект.
1179. Ни Закон РК об АП и СП, ни специальный Закон РК об ИИ не предусматривают автоматического перехода авторских прав к разработчику ИИ.
1180. Судебная практика Республики Казахстан по вопросам признания прав на ИИ-контент за разработчиком на данный момент отсутствует.
1181. Однако некоторые авторы предполагают, что *теоретически* он может быть применён. Так, А. Губенко в аналитическом материале на сайте zakon.kz пишет⁴⁷⁶: «Из содержания упомянутой статьи 23 (пункта 2) Закона об ИИ Казахстана следует, что объектами авторского права признаются только текстовые запросы, промпты, поскольку они являются «результатом интеллектуальной творческой деятельности человека». То есть сделавшие запросы пользователи бесспорно обладают авторскими правами на них (промпты), а вот насчет ответов ИИ такой однозначности нет. Напомним, сказано лишь (в пункте 1 статьи 23 Закона): «Произведения, созданные с использованием систем ИИ, охраняются авторским правом только в случае наличия творческого вклада человека в их создание». **Но ведь творческий вклад имеется как со стороны пользователя, так и со стороны создателя-собственника, поэтому они, скажем так — соавторы.** На практике это означает, что пользователи-авторы промптов могут использовать созданные произведения с участием ИИ как собственность, однако владельцы систем ИИ всегда могут заявить о своих правах тоже».
1182. Вместе с тем идея соавторства пользователя и разработчика ИИ, предложенная А. Губенко, не нашла заметного отклика и поддержки в юридической доктрине. Большинство исследователей придерживаются позиции, согласно которой автором может быть признано только физическое лицо, внёсшее непосредственный творческий вклад, а разработчики ИИ рассматриваются исключительно как создатели инструмента, но не соавторы. Так, по мнению Д. Б. Ижбулатова, в Казахстане намерены охранять именно человеческую составляющую во взаимодействии с ИИ — творческий выбор, замысел, выраженный человеком через задание для алгоритма⁴⁷⁷.

3.14. Кыргызстан

1183. Возможность признания прав на сгенерированный пользователем контент за разработчиком ИИ в Кыргызстане законодательно не определена. Согласно статье 2

⁴⁷⁵ Tan, D. (2023) Generative AI and Authorship in Copyright Law. [URL](#)

⁴⁷⁶ Губенко, А. (2025). Кто считается автором текстов, видео, фото, музыки и графики, созданных с участием ИИ. [URL](#)

⁴⁷⁷ Ижбулатов, Д. Б. (2025). Интеллектуальная собственность произведений, созданных ИИ. [URL](#)

Закона «Об авторском праве и смежных правах»⁴⁷⁸, автором произведения признаётся физическое лицо, творческим трудом которого оно создано. Исходя из этого, разработчик ИИ (как юридическое или физическое лицо, не участвующее непосредственно в творческом процессе генерации конкретного произведения) не может быть признан автором по умолчанию.

1184. Судебная практика Кыргызской Республики по указанному вопросу отсутствует.

⁴⁷⁸ Закон Кыргызской Республики от 14 января 1998 года № 6 «Об авторском праве и смежных правах». [URL](#)

V. Признание, использование и защита нематериальных благ (изображение, голос, образ) в сфере ИИ

1. Соединённые Штаты Америки

1185. В США отсутствует единая континентально-правовая категория «нематериальных благ» в том понимании, в каком она существует в гражданских кодексах стран романо-германской правовой семьи (например, ст. 150 ГК РФ). Защита изображения, голоса и образа лица в США строится в основном на доктрине right of publicity (право на публичность). Смежные институты, используемые для защиты: right of privacy (право на частную жизнь), false endorsement (ложное одобрение) по федеральному Закону Лэнэма⁴⁷⁹, biometric privacy laws (законы штатов о биометрической конфиденциальности) и с недавних пор – digital replica laws (законы штатов о цифровых репликах).
1186. В 25 штатах приняты специальные законы, регулирующие право на публичность, а в остальных защита основывается на судебных прецедентах⁴⁸⁰. Обычно данное право включает:
- защиту имени, изображения и образа человека, а также
 - его голоса и подписи;
 - в некоторых штатах дополнительно защищают отличительные манеры, жесты, слоганы и т. п.
1187. На федеральном уровне право на публичность получило отражение в решении Верховного суда 1977 года, где оно было приравнено к ранее признанным имущественным правам⁴⁸¹. На уровне штатов наиболее известны судебные дела Девятого апелляционного суда в Калифорнии⁴⁸².
1188. Специальное регулирование в сфере ИИ существует на уровне штатов. Так, в конце 2025 года был принят закон штата Нью-Йорк, запрещающий создавать цифровую реплику умершего исполнителя без согласия владельца «прав на личность умершего» (deceased personality rights)⁴⁸³.
1189. Ещё один пример такого специального регулирования – закон штата Теннесси 2024 года (Ensuring Likeness Voice and Image Security (ELVIS) Act)⁴⁸⁴. Этот закон расширяет существующее законодательство, запрещая несанкционированное коммерческое использование голоса человека, в дополнение к существующим ограничениям на

⁴⁷⁹ USC, § 1125.

⁴⁸⁰ Zirpoli, C. T. (2024). Artificial Intelligence Prompts Renewed Consideration of a Federal Right of Publicity. Congressional Research Service. [URL](#)

⁴⁸¹ Zacchini v. Scripps-Howard Broadcasting Co., 433 U.S. 562 (1977). [URL](#)

⁴⁸² См., например: Midler v. Ford Motor Co., 849 F.2d 460 (9th Cir. 1988) [URL](#); White v. Samsung Electronics America, Inc., 971 F.2d 1395 (9th Cir. 1992) [URL](#); Tom Waits, Plaintiff-appellee, v. Frito-lay, Inc.; Tracy-locke, Inc., Defendants-appellants, 978 F.2d 1093 (9th Cir. 1992). [URL](#)

⁴⁸³ Senate Bill S8391. [URL](#)

⁴⁸⁴ Ensuring Likeness Voice and Image Security (ELVIS) Act. [URL](#)

использование имени, фотографии и изображения человека. Закон определяет «голос» как «звук в среде, который легко идентифицируется и может быть отнесён к конкретному человеку, независимо от того, содержит ли звук фактический голос или имитацию голоса человека».

1190. В качестве законопроектных инициатив на федеральном уровне имеются более старый законопроект, внесённый в Конгресс в 2024 году — No AI FRAUD Act⁴⁸⁵, и более новый, внесённый в сентябре 2025 года — NO FAKES Act⁴⁸⁶. Ключевые положения последнего включают в себя:

- признание имущественного права на цифровую реплику, созданную ИИ. Такое право по умолчанию принадлежит той личности, с образа которой создают цифровую реплику⁴⁸⁷;
- прижизненную защиту голоса и образа человека и их посмертную защиту в течение 70 лет;
- запрет уступки прав при жизни (только лицензирование с ограничением до 10 лет);
- процедуру удаления (takedown) цифрового контента для платформ, согласно которой они должны оперативно реагировать на запрос об удалении незаконных цифровых реплик (по аналогии с Законом США об авторском праве);
- гражданскую ответственность со статутными (фиксированными в законе) убытками.

1191. В США заключение договоров на коммерческое использование изображения, голоса и образа — стандартная коммерческая практика. Формы договоров включают:

- соглашения об освобождении от ответственности — для съёмок;
- договоры о рекламном продвижении — для рекламных кампаний;
- лицензионные соглашения — для использования образа в продуктах;
- договоры с исполнителями — кино, телевидение, музыка.

1192. Закон Калифорнии AB 2602 (2024), вступивший в силу с 1 января 2025 года⁴⁸⁸, наложил ограничения на передачу прав на цифровую реплику человека по договору. По нему положение о создании и передаче прав на цифровую реплику человека в договоре о

⁴⁸⁵ No AI FRAUD Act. [URL](#)

⁴⁸⁶ NO FAKES Act. [URL](#)

⁴⁸⁷ Цифровая реплика —

(A) означает вновь созданное, сгенерированное компьютером, высокореалистичное электронное представление, которое легко идентифицируется как голос или визуальное сходство физического лица, которое —

(i) воплощено в звукозаписи, изображении, аудиовизуальном произведении (включая аудиовизуальное произведение, не сопровождаемое звуком) или трансляции —

(I) в которых реальное лицо фактически не участвовало и не появлялось; или

(II) которое является версией звукозаписи, изображения или аудиовизуального произведения, в которых реальное лицо фактически участвовало или появлялось, но при этом основополагающий характер исполнения или появления был существенно изменён; и

(B) не включает электронное воспроизведение, использование фрагмента одной звукозаписи или аудиовизуального произведения в другом, смешивание, копирование звукозаписи или аудиовизуального произведения, разрешённые правообладателем.

⁴⁸⁸ California Assembly Bill 2602. Contracts against public policy: personal or professional services: digital replicas. [URL](#)

выполнении личных или профессиональных услуг признаётся не подлежащим принудительному исполнению, если такое положение удовлетворяет всем следующим условиям:

- положение допускает создание и использование цифровой реплики голоса или образа лица вместо работы, которую лицо могло бы выполнить лично;
- положение не содержит достаточно конкретного описания предполагаемых способов использования цифровой реплики;
- лицо, передающее права, не было представлено ни юридическим советником, ни профсоюзом с на основании коллективного договора.

1193. В штате Нью-Йорк был принят аналогичный закон SB 7676B (2024)⁴⁸⁹, по которому любое договорное положение, предусматривающее создание «нового» выступления с использованием цифровой реплики, является «недействительным и не подлежащим принудительному исполнению», если положение не удовлетворяет трём условиям:

- положение не должно разрешать создание и использование цифровой реплики для замены работы;
- положение не содержит достаточно конкретного описания предполагаемых способов использования цифровой реплики;
- лицо должно быть представлено юридическим советником, либо профсоюзной организацией на основании коллективного договора, прямо касающегося использования цифровых реплик.

1194. Средства защиты прав на изображение, голос и образ человека в США можно разделить на три группы:

- требование о прекращении нарушения,
- возмещение убытков и
- компенсация морального вреда (damages).

1195. В США доступны три основные формы запретительных средств:

- временный запретительный приказ (до 14 дней),
- предварительный судебный запрет (до окончания процесса),
- постоянный судебный запрет.

1196. Закон Калифорнии SB 603 (2025), вступивший в силу с 1 января 2026 года⁴⁹⁰, прямо разрешает превентивные судебные средства защиты, что усиливает возможность лиц защищать своё имя, изображение, голос и образ от несанкционированного использования. Причём, если суд удовлетворяет такое требование истца, то ответчик обязан удалить, отозвать или иным образом прекратить публикацию или распространение в течение двух рабочих дней с момента получения требования.

⁴⁸⁹ Senate Bill S7676B. [URL](#)

⁴⁹⁰ California Civil Code. Section 3344. [URL](#)

1197. ELVIS Act (штат Теннесси) также прямо предусматривает превентивные средства: судебный запрет, а также арест или уничтожение всех материалов, изготовленных или использованных с нарушением прав на публичность, а также возмещение убытков⁴⁹¹.
1198. Говоря о возмещении убытков в Калифорнии, отметим, что:
- в части защиты прав умерших исполнителей от создания цифровых реплик внесено изменение в § 3344.1 ГК Калифорнии, по которому лицо, которое производит, распространяет или делает доступной цифровую реплику голоса или образа умершей знаменитости в выразительном аудиовизуальном произведении или звукозаписи без предварительного согласия лица... несёт ответственность... в размере, равном большей из сумм: 10 000 долларов или фактический ущерб, понесённый лицом, контролирующим права⁴⁹²;
 - для живых лиц действует упомянутый выше § 3344 ГК Калифорнии, устанавливающий ответственность в размере большей из сумм: 750 долларов, или фактические убытки, плюс любая прибыль от несанкционированного использования.
1199. В штате Нью-Йорк⁴⁹³ сумма возмещения включает:
- фактические убытки,
 - прибыль от использования,
 - потенциальные штрафные убытки (punitive damages).
1200. Для посмертных прав⁴⁹⁴ предусматривается следующая ответственность:
- 2000 долларов или фактические убытки,
 - соответствующая прибыль,
 - штрафные убытки.
1201. В Мичигане и Северной Дакоте⁴⁹⁵ введена ответственность за интимные дипфейки. Состав правонарушения включает четыре элемента:
- i. это должно быть реалистичное интимное изображение или видео, созданное с помощью ИИ, где человек показан обнажённым или участвующим в сексуальных действиях;
 - ii. жертва на этом материале должна быть чётко узнаваема по лицу, голосу или сопутствующему тексту;
 - iii. изображение создано или распространялось без согласия человека;
 - iv. у нарушителя должен быть прямой умысел: цель причинить вред, унижить, шантажировать жертву, получить сексуальное удовлетворение или заработать на этом деньги.

⁴⁹¹ Damle, S., Dukanovic, I., Lovejoy, B., Stillman, A. (2024). The ELVIS Act: Tennessee Shakes Up Its Right of Publicity Law and Takes On Generative AI. Latham & Watkins LLP. [URL](#)

⁴⁹² California Civil Code. Section 3344.1. [URL](#)

⁴⁹³ N.Y. Civil Rights Law § 51. [URL](#)

⁴⁹⁴ N.Y. Civil Rights Law § 50f. [URL](#)

⁴⁹⁵ Ryan, K. E., Vance, G., Boley, T. B. (2025). 2025 State AI Laws Expand Liability, Raise Insurance Risks. Law360.

1202. Пострадавшие могут судиться за возмещение морального вреда (душевных страданий), изъятие прибыли, полученной от дипфейка, и требовать судебный запрет. В Северной Дакоте фиксированный ущерб составляет до 10 000 долларов с ответчика.
1203. Примером судебного дела по иску о клонировании голоса с помощью ИИ является текущее дело *Lehrman & Sage v. Lovo, Inc.*, в котором ответчик обучил на основе записей голоса истцов (своих работников) ИИ-модель, создав впоследствии их цифровые реплики. На текущий момент рассмотрение продолжается, но суд уже вынес предварительное решение, признав право истца на гражданский иск по упомянутому в предыдущем абзаце закону штата Нью-Йорк⁴⁹⁶.

2. Великобритания

1204. Английское право не признаёт изображение, голос или образ человека обособленным объектом гражданских прав⁴⁹⁷. В зависимости от ситуации для защиты этих объектов могут использоваться известные английскому праву конструкции:
- деликт *passing off* (введение в заблуждение / ложное одобрение),
 - *misuse of private information* (неправомерное использование частной информации),
 - *breach of confidence* (нарушение конфиденциальности),
 - *defamation* (диффамация / клевета),
 - *malicious falsehood* (злонамеренная ложь).
1205. Возможность введения специальных способов защиты изображения, голоса и образа человека от создания «цифровых реплик» в настоящее время обсуждается в рамках инициативы по регулированию смежных вопросов авторского права и ИИ⁴⁹⁸.
1206. Учитывая отсутствие признаваемого права на изображение, голос или образ человека, его использование третьими лицами осуществляется по общим нормам, применимым к договорам. Специфики использования таких прав в связи с ИИ нет.
1207. Вместо целостной концепции защита изображения, голоса или образа человека осуществляется через «мозаику» (*patchwork*) различных правовых институтов, каждый из которых охватывает лишь часть возможных нарушений:
- деликт *passing off* (введение в заблуждение / ложное одобрение),
 - неправомерное использование частной информации,
 - диффамация/клевета,
 - защита персональных данных, объектов интеллектуальной собственности и пр.⁴⁹⁹

⁴⁹⁶ *Lehrman v. Lovo, Inc.*, 790 F. Supp. 3d 348 (S.D.N.Y. 2025). [URL](#)

⁴⁹⁷ См., например, п. 124 решения по делу *Douglas v Hello! Ltd*; *OBG Ltd v Allan*; *Mainstream Properties Ltd v Young* [2007] UKHL 21. [URL](#); п. 2 решения по делу *Fenty v Arcadia Group Brands Ltd (t/a Topshop)* [2013] EWHC 2310 (Ch). [URL](#)

⁴⁹⁸ Department for Science, Innovation and Technology, Department for Culture, Media and Sport, & Intellectual Property Office. (2026). Report on Copyright and Artificial Intelligence. [URL](#)

⁴⁹⁹ Hitchens, B. (2025). Personality Rights in the UK – Possible Reform on the Horizon to Address AI-Related Challenges. CMS. [URL](#)

3. Франция

1208. ФГК прямо закрепляет право на неприкосновенность частной жизни как нематериальное благо (ст. 9)⁵⁰⁰. На основании этой статьи защищаются права человека на изображение, голос⁵⁰¹ и образ.
1209. Также судебная практика сформулировала право на изображение⁵⁰², являющееся неотъемлемой частью личности, а также право на голос как атрибут личности человека⁵⁰³.
1210. Отдельно принят закон о защите права на изображение несовершеннолетнего⁵⁰⁴, по которому обязанность по защите интересов несовершеннолетнего от нарушений его права на изображение лежит на родителях. Если один из родителей нарушает эту обязанность, суд может запретить ему (ей) распространять изображения ребёнка без согласия второго родителя.
1211. Специального правового режима в отношении использования прав на изображение, голос или образ человека, сгенерированных ИИ, нет. Возможность заключения договоров об этом вытекает из общих положений договорного права.
1212. В качестве средств правовой защиты можно использовать общие инструменты, включая иск о пресечении нарушения и срочные меры (*référé*), а также требовать возмещения убытков и компенсации морального вреда.

4. Германия

1213. Право на изображение защищается авторским правом (§ 22 Закона об авторском праве на произведения искусства 1907 года; **KUG**⁵⁰⁵). Изображение – это любое представление человека, на котором он узнаваем; форма представления не имеет значения (фотография, рисунок, скульптура, фильм, цифровая обработка). По судебной практике достаточно узнаваемости даже узким кругом знакомых⁵⁰⁶ (BGH NJW 1979, 2205 – “Fußballtorwart”).
1214. Право на голос признаётся судебной практикой частью права на личность⁵⁰⁷.
1215. В немецком праве допускается заключение гражданско-правовых договоров на использование изображения, голоса и иных признаков личности. Это выводят из: принципа свободы договора (§ 311 абз. 1 BGB), имущественной природы соответствующих компонентов права личности, а также прямого упоминания возмездного характера согласия в § 22 предл. 2 KUG: «Согласие в сомнительном случае считается данным, если изображённый получил вознаграждение за то, что позволил себя изобразить».
1216. В 2025 году в Германии было вынесено судебное решение в защиту права на голос известного диктора синхронного перевода Манфреда Лемана⁵⁰⁸ после того, как его голос

⁵⁰⁰ Code civil [Civil Code], art. 9 (Fr. 1970). [URL](#)

⁵⁰¹ Был признан атрибутом личности в судебном деле Марии Каллас – Vallet, F. (2019). Les droits de la voix (1/2): Quelle écoute pour nos systèmes ? LINC (CNIL). [URL](#)

⁵⁰² Cass. civ. 1re, 27 février 2007, 06-10.393. [URL](#)

⁵⁰³ Tribunal de grande instance de Paris, 19 mai 1982 (дело Maria Callas). [URL](#)

⁵⁰⁴ Loi n° 2024-120 du 19 février 2024 visant à garantir le respect du droit à l'image des enfants. [URL](#)

⁵⁰⁵ Kunsturheberrechtsgesetz. [URL](#)

⁵⁰⁶ Kotz, C. G. (2019). Verletzung des Rechts am eigenen Bild – Erkennbarkeit der abgebildeten Person. Kanzlei Kotz. [URL](#)

⁵⁰⁷ BGH NJW 2000, 2195 – «Marlene Dietrich» [URL](#); LG Berlin II, Urteil vom 20.08.2025 – 2 O 202/24. [URL](#)

⁵⁰⁸ LG Berlin II, Urteil vom 20.08.2025 – 2 O 202/24. [URL](#)

был сгенерирован с помощью ИИ, а видео с этим голосом использовались для продвижения интернет-магазина ответчика и в иных целях на YouTube-канале.

1217. В качестве средств защиты могут использоваться:

- иск о прекращении нарушения и устранении последствий (Unterlassungs- und Beseitigungsanspruch),
- требования о возмещении убытков (Schadensersatz) и
- компенсации за нарушение нематериальных интересов (Geldentschädigung).

5. Дания

1218. В 2025 году в Дании появился законопроект о признании авторским правом права любого человека на свой образ и соответственно защищающее людей от реалистичных цифровых имитаций личных физических характеристик (дипфейков)⁵⁰⁹.

1219. Такой подход нашёл как сторонников в Европе в силу прямо урегулированной защиты таких прав, так и противников — в части нецелесообразности распространения именно режима авторского права на вопросы защиты права на образ человека⁵¹⁰:

- сторонники одобряют повышение уровня защиты граждан от дипфейков за счёт введения прямого регулирования, а также распространение на дипфейки практики удаления материалов (takedown) с цифровых платформ по жалобе человека;
- противники заявляют о том, что использование для защиты от дипфейков именно инструментов авторского права сомнительно: во-первых, голос, изображение или образ человека не относятся к результатам интеллектуальной деятельности и не носят какой-либо творческой составляющей, а значит, происходит размытие института авторского права; во-вторых, в законодательстве Дании и других стран имеется достаточно правовых институтов (концептов), помимо авторского права, которые могут быть использованы для защиты людей от дипфейков (например, право на публичность, право на изображение, введение в заблуждение, клевета и пр.).

1220. Законопроект должен был вступить в силу 31 марта 2026 года, однако ввиду досрочных парламентских выборов оказался в подвешенном состоянии и к сентябрю 2026 года не числился среди принятых и вступивших в силу актов.

1221. По имеющемуся законопроекту любое созданное с помощью ИИ реалистичное изображение человека (лица, голоса или тела), распространяемое без согласия, будет являться нарушением закона. Граждане Дании будут иметь право требовать удаления такого контента, а платформы, которые не удалят его, будут сталкиваться со штрафами⁵¹¹. Защитой прав можно будет воспользоваться в течение 50 лет после смерти лица, с которого создан дипфейк.

1222. Артисты наделяются правом требовать компенсацию за использование своих цифровых двойников в медиаконтенте. Применение синтетических версий выступлений без согласия

⁵⁰⁹ KUU Almdel Bilag 232 Lovforslag. [URL](#)

⁵¹⁰ Karttunen, S. (2026). The Danish approach to copyright and deepfakes: A model for the EU? (EPRS At a glance, PE 782.611). European Parliamentary Research Service. [URL](#)

⁵¹¹ Patishman, H. (2025). Global Legal Actions Against AI Deepfakes: Five Laws of 2025. [URL](#)

автора также находится под запретом, если только это не является частью сатирического или пародийного произведения⁵¹².

1223. Вместе с тем со 2 августа 2026 года в Дании применяются требования обеспечения прозрачности по EU AI Act о маркировке созданного с помощью ИИ контента, а именно положения ст. 50 о том, что лицо, использующее ИИ-систему для создания или изменения изображения, аудио или видео, представляющего собой дипфейк, должно уведомить об этом⁵¹³.

Б. Индия

1224. Право человека на изображение, голос и образ признаётся и защищается в Индии в рамках концепции «права на публичность» (publicity right). Законодательство Индии не содержит соответствующих норм. Ключевым прецедентом, закрепившим за знаменитостями право на коммерциализацию их изображений и образов, а также защиту от нарушений данного права является дело *Titan Industries Ltd. v. M/S Ramkumar Jewellers*⁵¹⁴.
1225. В указанном деле Высокий суд Дели сформулировал следующие принципы «права на публичность»:
- знаменитость имеет имущественную ценность своего образа;
 - несанкционированное использование образа в коммерческих целях нарушает право на публичность;
 - иск может быть предъявлен и на основании passing off (по аналогии с Великобританией).
1226. Помимо «права на публичность», присущего знаменитостям, в Индии также имеется более широкий концепт «прав на личность» (personality rights), которые включают право на имя, изображение, образ и иные характерные черты личности. Эти права находятся на стыке гражданского права и конституционных прав на тайну личной жизни, приватности.
1227. В судебной практике Индии в сфере ИИ знаковым считается дело *Anil Kapoor v. Simply Life India & Ors*⁵¹⁵, в котором Высокий суд Дели не только прямо признал наличие у истца «прав на личность», включая «право на публичность», но и посчитал их нарушенными в деле, где ответчики без согласия истца использовали его образ, фото и голос, сгенерированный с помощью ИИ, в рекламе, при продаже товаров, для производства рингтонов и пр.
1228. В другом судебном деле также прямо было отмечено, что «права на личность» включают в себя право на голос и его защиту от случаев генерации голоса с помощью ИИ для последующей коммерциализации без согласия человека⁵¹⁶.
1229. В качестве мер защиты в Индии по делам о нарушении «прав на личность» в основном используются судебные запреты (injunction). Кроме того, может присуждаться возмещение убытков (damages).

⁵¹² Digital Rights Asia. (2025). Дания вводит персональное право на собственный голос и облик в цифровую эпоху. [URL](#)

⁵¹³ Gennemsigthedsforpligtelser for visse AI-systemer. [URL](#)

⁵¹⁴ Delhi High Court - Titan Industries Ltd. vs M/S Ramkumar Jewellers on 26 April, 2012. [URL](#)

⁵¹⁵ Delhi High Court - Orders Anil Kapoor vs Simply Life India & Ors on 20 September, 2023. [URL](#)

⁵¹⁶ Bombay High Court - Arijit Singh vs Codible Ventures Llp on 26 July, 2024. [URL](#)

7. Китайская Народная Республика

1230. В Китае действует один из самых подробных в мире нормативных актов по защите прав человека на изображение, голос и образ — раздел IV ГК КНР⁵¹⁷.
1231. В частности, по статье 1018 ГК КНР гражданам принадлежит право на изображение, при этом они вправе в соответствии с законом создавать, использовать, обнародовать своё изображение и разрешать иным лицам его использование. Изображением является узнаваемый внешний образ определённого гражданина, зафиксированный на определённом материальном носителе, в частности, посредством видеозаписи, скульптуры или картины.
1232. По статье 1019 ГК КНР никакие организации и граждане не вправе нарушать право на изображение иных физических лиц, в частности, путём обезображивания их изображения, его искажения или имитации с помощью информационных технологий. Это положение, в частности, используется для защиты от сгенерированного ИИ-контента, в том числе в связи с указанной оговоркой «имитации с помощью информационных технологий».
1233. Право на голос закрепляется статьёй 1023 ГК КНР: «К защите голоса гражданина применяются соответствующие положения о защите права на изображение».
1234. В Китае появился первый в мире судебный прецедент о нарушении прав на голос с использованием ИИ⁵¹⁸.
1235. Ключевые аспекты указанного дела:
- голос подпадает под защиту прав личности: голос физического лица различается по голосовому отпечатку (voiceprint), тембру и частоте. Он имеет характеристики уникальности и стабильности;
 - тест идентифицируемости: если ИИ-синтезированный голос может вызвать у общественности ассоциацию с конкретным физическим лицом на основании тембра, тона и стиля произношения, то голос считается идентифицируемым;
 - принцип разделения согласия: «Хотя ответчик владел авторскими правами на голосовые записи истицы, это право не включает разрешение на генерацию голоса ИИ-инструментами».
1236. 10 сентября 2025 года интернет-суд Пекина опубликовал восемь типовых кейсов, касающихся использования ИИ, где среди прочего отметил⁵¹⁹:
- права на личность распространяются на голоса, сгенерированные ИИ, которые обладают достаточной узнаваемостью на основе тона, интонации и стиля произношения, позволяющей широкой публике ассоциировать голос с конкретным человеком;

⁵¹⁷ См. ГК КНР (прив. по: Ван Чжихуа (Ред.). (2024). Гражданский кодекс Китайской Народной Республики. Проспект); Крашениников, П. В., Михеева, Л. Ю. (Ред.). (2022). Основные положения ГК КНР: сравнительно-правовой анализ: сборник статей. Статут.

⁵¹⁸ Yin v. Beijing AI Technology Company et al., (2023) Jing 0491 Min Chu No. 12142, Beijing Internet Court, April 23, 2024. [URL](#)

⁵¹⁹ Wininger, A. (2025). Early jurisprudence from Beijing on the intersection of artificial intelligence, copyright and personality rights. China IP Law Update. [URL](#)

- права на личность распространяются на виртуальные изображения людей, и несанкционированное создание или использование виртуального изображения человека, сгенерированного ИИ, представляет собой нарушение прав на личность.
1237. 26 мая 2025 года указанное дело *Yin v. Beijing AI Technology Company et al.* было включено Верховным народным судом КНР в список «типичных дел» по ГК КНР⁵²⁰, что повысило его практическое значение.
1238. ГК КНР признаёт коммерческую ценность изображения и голоса и допускает их договорное использование. Статья 1018 ГК КНР прямо устанавливает, что лицо вправе «создавать, использовать, обнародовать своё изображение и разрешать иным лицам его использование». Статья 993 ГК КНР также говорит о том, что «субъекты гражданских правоотношений могут разрешить иным лицам использование своих нематериальных благ, в частности, имени, наименования и изображения, если иное не предусмотрено положениями законов либо не вытекает из существа указанных прав».
1239. Статьи 1021-1023 ГК КНР регулируют договоры об использовании изображения:
- статья 1021 — договоры об использовании изображения должны толковаться в пользу правообладателя при неясности;
 - статья 1022 — лицо вправе расторгнуть бессрочный договор с разумным уведомлением; срочный договор может быть расторгнут досрочно при наличии «уважительных оснований» с компенсацией.
 - статья 1023 — к лицензионному договору на использование имени и иных подобных нематериальных благ применяются соответствующие положения о лицензионном договоре на использование изображения гражданина.
1240. В соответствии с решением интернет-суда Пекина в апреле 2024 года право на голос человека отделено от авторских прав на голосовые записи: обработка голоса с помощью ИИ должна осуществляться с явного согласия человека⁵²¹.
1241. По статье 995 ГК КНР в случае нарушения личных прав, обеспечивающих физическое и социальное существование граждан, юридических лиц и организаций, не обладающих статусом юридического лица, потерпевший вправе в соответствии с положениями настоящего Кодекса и иных законов потребовать привлечения лица, нарушившего указанные права, к гражданско-правовой ответственности.
1242. К способам защиты относятся:
- права требовать прекращения нарушения,
 - устранения помех,
 - устранения опасности,
 - удаления препятствий,
 - устранения последствий, восстановления репутации,
 - извинений и
 - компенсации за моральный вред.

⁵²⁰ Wininger, A. (2025). China's Supreme People's Court designates generative AI case as typical. China IP Law Update. [URL](#)

⁵²¹ Huang, X., Li, B. (2025). China's First AI Voice Personality Rights Infringement Rulings and Implications. [URL](#)

1243. В рамках дел, направленных против дипфейков, китайские суды обычно используют «предварительные охранительные меры» для прекращения распространения таких результатов ИИ-генераций (ст. 100-101 Закона о гражданском процессе КНР).
1244. По статье 1182 ГК КНР ущерб, причинённый вследствие нарушения личных прав и интересов, подлежит возмещению:
- в размере, в котором он причинён потерпевшему, или
 - в размере полученной причинителем вреда выгоды;
 - в случаях, когда вследствие затруднительности определения размера ущерба, причинённого потерпевшему, и размера полученной причинителем вреда выгоды, а также невозможности достижения между причинителем вреда и потерпевшим соглашения о размере ущерба, требование о его возмещении предъявляется в народный суд, при этом размер возмещения ущерба определяется народным судом исходя из фактических обстоятельств дела. В деле *Yin v. Beijing AI Technology Company et al* интернет-суд Пекина установил компенсацию в размере 250 000 юаней (около 35 000 долларов), что считается значительной суммой по китайским стандартам.
1245. Китайские суды также активно используют такой способ защиты, как компенсация морального вреда. Согласно статье 1183 ГК КНР: «если нарушение личных прав физического лица причинило серьёзный моральный вред, потерпевший вправе требовать компенсации морального вреда».
1246. Также у граждан есть право потребовать публичных извинений от нарушителя, что было отражено и в деле *Yin v. Beijing AI Technology Company et al*.

8. Япония

1247. В Японии отсутствуют специальные нормы гражданского права по нематериальным благам (изображение, голос, образ человека). При этом в судебной практике сформировались несколько правовых концепций: «права личности» (*jinkakuken*), право на изображение, признаваемое за каждым человеком (*shōzōken*), а также присущее знаменитостям право на публичность (*puburishiti-ken*)⁵²².
1248. Решение Верховного Суда Японии от 2.02.2012 по делу *Pink Lady*⁵²³ считается одним из основных прецедентов в этой области. В нём суд указал, что право на публичность является «производным от прав личности» и не является самостоятельным имущественным правом.
1249. Статус голоса как самостоятельного объекта гражданских прав до недавнего времени был неопределённым. В мае 2025 года Министерство экономики, торговли и промышленности опубликовало записку, в которой указало, что голос актёра (сэйю) при определённых условиях может рассматриваться как «обозначение товаров и услуг».
1250. В Японии установилась практика заключения договоров о лицензировании прав на использование изображения, имени и других элементов личности⁵²⁴.

⁵²² См., например, записку Министерства экономики, торговли и промышленности от 10.05.2025 «Publicity Rights of Likeness and Voice in the AI Era». [URL](#)

⁵²³ Japan JP012-j 2009 (Ju) 2056, Minshu Vol.66, No.2. [URL](#)

⁵²⁴ Kasahara, C. (2013). Japan. In J. D. Reichman (Ed.), *Getting the deal through: Right of publicity in 22 jurisdictions worldwide*. *Getting the Deal Through*. [URL](#)

1251. Японский Гражданский кодекс предоставляет следующие средства защиты:

- требование о прекращении нарушения;
- возмещение убытков (ст. 709 ГК Японии);
- компенсация неимущественного (морального) вреда (ст. 710 ГК Японии);
- восстановление репутации (по ст. 723 ГК Японии суд может потребовать публикации извинений или иных мер для восстановления репутации (включая опубликование опровержения в СМИ)).

9. Бразилия

1252. ГК Бразилии содержит специальные нормы, закрепляющие права личности (ст. 11-21), включая право на изображение: «если они не разрешены или не являются необходимыми для отправления правосудия или поддержания общественного порядка, распространение письменных текстов, передача речи или публикация, выставление либо использование изображения лица могут быть запрещены по его требованию и без ущерба для соответствующей компенсации, если они затрагивают его честь, доброе имя или уважение к нему, либо если они предназначены для коммерческих целей» (ст. 20)⁵²⁵.

1253. Голос (voz) защищается как самостоятельное право личности или как часть права на изображение. Высший суд правосудия Бразилии (STJ)⁵²⁶ установил, что защита голоса может рассматриваться как самостоятельное право личности или как составная часть другого личного права – права на изображение либо права на личную идентичность. «Сам факт, что речь идёт о праве личности, не исключает возможности экономической эксплуатации голоса».

1254. В 2023 году один из сенаторов внёс законопроект⁵²⁷ о защите изображений и голосов умерших людей в связи с их возможной генерацией с использованием ИИ (на текущий момент закон не принят).

1255. По этому законопроекту:

- использование изображения умершего лица с помощью ИИ допускается только при наличии предварительного и явного согласия лица при жизни или его ближайших родственников (после смерти);
- согласие должно быть оформлено чётким, недвусмысленным и документированным образом, при этом наследники вправе отозвать ранее данное согласие;
- при использовании сгенерированного изображения в рекламе обязательна маркировка «реклама с использованием ИИ».

1256. Передача прав на использование изображения, голоса и образа человека, сгенерированных ИИ, напрямую не урегулирована законодательством Бразилии, однако из судебной практики следует допустимость таких сделок.

1257. Пример – дело Volkswagen, выпустившего в июле 2023 года рекламу, в которой с помощью гибридного генеративного ИИ был воссоздан образ певицы Элис Режина

⁵²⁵ LEI Nº 10.406, DE 10 DE JANEIRO DE 2002. [URL](#)

⁵²⁶ Информационный бюллетень судебной практики № 606 от 02.08.2017 [REsp 1.630.851/SP]. [URL](#)

⁵²⁷ Projeto de Lei nº 3592, de 2023. [URL](#)

(умерла в 1982 году), которая «встретилась» со своей дочерью Maria Rita. Бразильский совет рекламной саморегуляции открыл этическое разбирательство, но в итоге не нашёл нарушений, указав, что:

- использование не нарушает Этический кодекс рекламы, поскольку наследники дали согласие, и
- образ Elis Regina использовался для деятельности, схожей с той, что прославила её при жизни⁵²⁸.

1258. Как и в других странах, Бразилия допускает различные средства защиты:

- право требовать прекращения посягательства на право личности (ст. 12 ГК Бразилии);
- возмещение убытков;
- компенсация морального вреда.

1259. Пример реализации средств защиты — дело *Drauzio Varella*: компания Brites Corporation Ltda. и её представители использовали дипфейк, чтобы создать видео, имитирующие изображение, имя и голос врача Драузиу Варелла. Суд обязал немедленно удалить контент с ежедневной штрафной санкцией в случае нарушения в 50 тысяч реалов⁵²⁹.

⁵²⁸ R.F. Teixeira. Herança digital: entenda os limites do uso da imagem de pessoas mortas pela IA. [URL](#), G. Gonzaga. A Jovem Advocacia Escreve Sobre. [URL](#)

⁵²⁹ Barbieri, M. L. (2026). *Deepfake: O que é, como funciona e implicações jurídicas*. Barbieri Advogados. [URL](#)

VI. Автоматизация договорных обязательств с помощью ИИ

1. Модельный закон об автоматизированном заключении договоров (ЮНСИТРАЛ)

1260. На международном уровне вопросы использования ИИ-систем при заключении договоров активно обсуждаются в рамках Рабочей группы IV (Электронная торговля) ЮНСИТРАЛ⁵³⁰. Ключевым документом, имеющим значение для данного исследования, является Модельный закон об автоматизированном заключении договоров (Model Law on Automated Contracting) 2024 года⁵³¹.

1261. Данный модельный закон содержит следующие основные положения:

- договоры, заключённые исключительно автоматизированными средствами без участия человека, признаются имеющими юридическую силу (п. 1 ст. 5);
- действия автоматизированных систем в рамках заключения и исполнения договора не могут быть признаны ничтожными лишь на том основании, что они были совершены без участия человека (п. 3 ст. 5);
- договоры, выраженные исключительно в виде компьютерного кода, признаются имеющими юридическую силу (п. 1 ст. 6);
- допускается заключать договоры, в рамках которых действия автоматизированных систем будут основываться на информации из источников, содержание которых может динамически меняться со временем (п. 3 ст. 6);
- отнесение последствий (attribution) действий автоматизированных систем к той или иной стороне договора осуществляется исходя из достигнутого ими соглашения; если такого соглашения нет, последствия относятся к стороне, использующей соответствующую автоматизированную систему для конкретной цели (пп. 1, 2 ст. 7);
- стороны не вправе ссылаться на непредвиденный (unexpected) результат работы автоматизированной системы как на единственное основание для отказа от отнесения (attribution) к ним последствий работы такой системы (п. 3 ст. 7);
- если иное не согласовано сторонами, сторона договора не может ссылаться на последствия работы автоматизированной системы, отнесённые к другой стороне, если выполняются два условия (ст. 8):
 - вторая сторона (к которой относятся последствия работы автоматизированной системы) не могла разумно ожидать таких результатов работы автоматизированной системы;
 - первая сторона знала или могла разумно предположить отсутствие ожидания таких результатов работы автоматизированной системы у второй стороны.

1262. Возможность применения положений такого закона к ИИ-системам вытекает из принципа технологической нейтральности, закреплённого в его статье 4, и подтверждается

⁵³⁰ United Nations Commission on International Trade Law. Working Group IV: Electronic Commerce. [URL](#)

⁵³¹ UNCITRAL Model Law on Automated Contracting, UN Doc. A/79/17, annex IV, (2024). [URL](#)

принятым вместе с модельным законом руководством по введению в действие такого модельного закона⁵³².

1263. Модельный закон ЮНСИТРАЛ об автоматизированном заключении договоров 2024 года⁵³³ позволяет сторонам самостоятельно определять критерии, по которым действия автоматизированной системы и их последствия (attribution) относятся к той или иной стороне. Если такого соглашения стороны не достигли (полностью или применительно к конкретной ситуации), последствия относятся к стороне, использующей соответствующую автоматизированную систему для конкретной цели (пп. 1, 2 ст. 7 модельного закона).
1264. Для снижения рисков на случай сбоя системы модельный закон допускает освобождение сторон от ответственности за действия автоматизированной системы в случае «неожиданных» (unexpected) действий, как это описано выше.

2. Европейский союз

1265. На уровне ЕС отсутствует специальное регулирование вопросов заключения договоров с использованием ИИ-систем. При этом в рамках Европейского института права (European Law Institute) были проведены несколько исследований, касающихся данных вопросов, и опубликованы следующие документы:
- Руководящие принципы по автоматизированному принятию решений в ЕС (Guiding Principles for Automated Decision-Making in the EU) 2022 года⁵³⁴;
 - Руководящие принципы и модельные правила о цифровых ассистентах в договорах с участием потребителей (Guiding Principles and Model Rules on Digital Assistants for Consumer Contracts), опубликованные 19 мая 2025 года⁵³⁵.
1266. В настоящее время Европейский институт права запустил исследование, рассчитанное на период до марта 2027 года, в результате которого совместно с ЮНСИТРАЛ планируется подготовить Модельные договорные положения по автоматизированному заключению договоров и цифровыми ассистентами в договорах с предпринимателями и потребителями (B2C и B2B) (Model Contractual Terms on Automated Contracting and Digital Assistants in Business and Consumer Transactions (B2C and B2B))⁵³⁶.
1267. Также в Европейском союзе заявлено о планах разработки в 2026 году Закона о цифровой справедливости (Digital Fairness Act)⁵³⁷. Исходя из проведённых Европейской комиссией в 2025 году публичных консультаций, в рамках этого закона планируется в том числе урегулировать вопросы автоматизированного заключения договоров с помощью автономных или полуавтономных ИИ-систем посредством цифровых ассистентов или интеллектуальных устройств⁵³⁸.

⁵³² Draft guide to enactment of the Model Law on Automated Contracting: Note by the Secretariat, UN Doc. A/CN.9/WG.IV/WP.185 (2024). [URL](#)

⁵³³ UNCITRAL Model Law on Automated Contracting, UN Doc. A/79/17, annex IV (2024). [URL](#)

⁵³⁴ European Law Institute. (2022). ELI Innovation Paper: Guiding Principles for Automated Decision-Making in the EU. [URL](#)

⁵³⁵ European Law Institute. (2025). Guiding Principles and Model Rules on Digital Assistants for Consumer Contracts. [URL](#)

⁵³⁶ European Law Institute. (2025). ELI Model Contractual Terms on Automated Contracting and Digital Assistants in Business and Consumer Transactions (B2C and B2B), in collaboration with UNCITRAL. [URL](#)

⁵³⁷ European Parliament. (2026). Digital Fairness Act. Legislative Train Schedule. [URL](#)

⁵³⁸ Osborne Clarke. (2025). EU Digital Fairness Act unpacked: digital contracts. [URL](#)

1268. Разработанные Европейским институтом права Руководящие принципы и модельные правила о цифровых ассистентах в договорах с участием потребителей⁵³⁹ содержат ещё более подробные по сравнению с ЮНСИТРАЛ положения об использовании цифровых ассистентов (включая те, что используют ИИ технологии) в отношениях с участием потребителей:

- статья 5 модельных правил указывает на обязательное предоставление потребителю возможности задавать параметры будущих договоров и предусматривает минимальный перечень таких параметров;
- статья 6 устанавливает обязанность производителя/разработчика цифрового ассистента внедрить функционал предотвращения заключения нежелательного для потребителя договора. Это может быть модель предварительного одобрения каждого договора потребителем (confirmation model), либо последующего возражения в течение какого-то времени (objection model). Дополнительно модельные правила предусматривают необходимость дать потребителю возможность отказаться от совершённого действия (opt out).

1269. Также для потребителя предусмотрен более простой тест на «неожиданность»: достаточно, чтобы произведённые цифровым ассистентом действия «отклонялись от разумно ожидаемых потребителем» (deviate from those which could reasonably be expected by the consumer). Для предпринимателя же тест более жёсткий: необходимо, чтобы действия используемого бизнесом цифрового ассистента были «настолько неожиданными, что разумный человек пришёл бы к выводу о серьёзном сбое в работе цифрового ассистента» (ст. 22).

1270. Также эти модельные правила перечисляют, что должно учитываться при оценке того, мог ли потребитель ожидать соответствующих действий цифрового ассистента:

- любая информация, предоставленная потребителю, о возможностях адаптации цифрового ассистента;
- не противоречило ли функционирование какой-либо адаптивной функции цифрового ассистента такой информации;
- внешние факторы, такие как потеря доступа к данным третьих лиц, ошибки в этих данных или нарушения кибербезопасности;
- мог ли потребитель в данных конкретных обстоятельствах разумно ожидать, что рассматриваемое действие будет предпринято.

1271. Последствием признания «неожиданности» действий цифрового ассистента является реституция (п. 5 ст. 15 модельных правил).

3. Соединённые Штаты Америки

1272. На федеральном уровне действует несколько специальных нормативных актов (в том числе единообразных законов, вводимых в действие на уровне штатов). Хотя эти акты были приняты ещё до активного распространения ИИ-технологий, они регулируют именно полностью автоматизированное заключение договоров «электронными агентами», поэтому могут рассматриваться как специальное регулирование.

⁵³⁹ European Law Institute. (2025). Guiding Principles and Model Rules on Digital Assistants for Consumer Contracts. [URL](#)

1273. Единообразный закон об электронных транзакциях (Uniform Electronic Transactions Act, UETA), введён в действие всеми штатами, кроме Нью-Йорка⁵⁴⁰.
1274. Данный закон вводит следующие понятия (ст. 2):
- автоматизированная транзакция (automated transaction) — транзакция, осуществляемая или выполняемая полностью или частично электронными средствами или электронными записями, при которой действия или записи одной или обеих сторон не проверяются физическим лицом в обычном порядке при заключении договора, исполнении существующего договора или выполнении обязательства, предусмотренного транзакцией;
 - электронный агент (electronic agent) — компьютерная программа либо электронное или иное автоматизированное средство, используемое независимо для инициирования действия или реагирования на электронные записи или действия — полностью или частично без проверки или принятия мер отдельным лицом;
 - транзакция (transaction) — действие или совокупность действий, совершаемых двумя или более лицами и связанных с осуществлением деловой, коммерческой или государственной деятельности.
1275. Статьи 7, 14 UETA признают заключёнными в том числе договоры в электронном виде, которые подписаны исключительно электронными агентами или электронными агентами и человеком.
1276. Федеральный E-SIGN Act также содержит определение термина «электронный агент» и закрепляет действительность договоров, заключённых электронными агентами:
- «"Электронный агент" означает компьютерную программу или электронное или иное автоматизированное средство, используемое независимо для инициирования действия или ответа на электронные записи или действия полностью или частично без проверки или принятия мер отдельным лицом в момент совершения действия или ответа»⁵⁴¹.
 - «Договор или иной документ, относящийся к сделке в рамках межгосударственной или внешней торговли или затрагивающий её, не может быть лишён юридической силы, действительности или возможности принудительного исполнения исключительно на том основании, что его заключение, создание или передача осуществлялись с участием одного или нескольких электронных агентов, при условии, что действия любого такого электронного агента юридически отнесены к лицу, которое должно быть связано этими действиями»⁵⁴².
1277. Единообразный коммерческий кодекс (Uniform Commercial Code)⁵⁴³ допускает заключение договора купли-продажи товаров «любым способом, достаточным для подтверждения соглашения, включая поведение обеих сторон, признающее существование такого договора». Эта норма достаточно гибка, чтобы охватить договоры, заключённые ИИ-системами.

⁵⁴⁰ Uniform Law Commission. Electronic Transactions Act. [URL](#)

⁵⁴¹ USC, § 7006 (3). [URL](#)

⁵⁴² USC, § 7001 (h). [URL](#)

⁵⁴³ UCC, § 2-204. [URL](#)

1278. В известном судебном деле *State Farm Mutual Automobile Insurance Co. v. Bockhorst* суд связал страховую компанию условиями полиса, который был выпущен её компьютером без участия человека: «То обстоятельство, что фактическая обработка полиса осуществлялась лишённым воображения (unimaginative) механическим устройством, не может повлиять на ответственность компании за эти ошибки и упущения»⁵⁴⁴. Это дело сейчас рассматривается как базовый прецедент того, что «действия» электронных агентов могут порождать юридические последствия для компаний, использующих таких электронных агентов в бизнесе.
1279. Другой пример — дело *Moffatt v. Air Canada* (Канада, Британская Колумбия). Хотя дело канадское, оно широко цитируется в США как иллюстрация того, что компания-владелец чат-бота несёт ответственность за его заявления и действия, включая обязательственные. Трибунал отверг доводы Air Canada о том, что чат-бот представляет собой «отдельную сущность», и сослался в том числе на американский прецедент — дело *State Farm v. Bockhorst*⁵⁴⁵.
1280. В США нет специальных условий для признания действительными договоров, заключённых электронными агентами. К таким договорам применяются общие требования, относящиеся к договорам в целом или к конкретному виду договора.
1281. В отношении такого условия заключённости договора как «волеизъявления» конкретного лица есть положения Комментария 1 к UETA § 14: «когда участвуют машины, необходимое намерение исходит из программирования и использования машины»⁵⁴⁶.
1282. В § 10 UETA предусмотрен «эффект изменения или ошибки» (effect of change or error) при заключении договора исключительно электронными агентами. Так, если ошибка произошла при осуществлении транзакции между сторонами, и одна из сторон следовала согласованной процедуре безопасности (например, требование подтверждения транзакции человеком — human-in-the-loop), а другая не следовала, то первая сторона может избежать последствий ошибки, заявив об этом.
1283. По той же норме (UETA § 10(2)), если договор заключён человеком, с одной стороны, и электронным агентом, с другой, и человек по неосторожности допустил ошибку, а электронный агент «не предоставил возможности её исправить», человек может отменить транзакцию при соблюдении следующих условий:
- незамедлительно уведомить другую сторону об ошибке и о том, что он/она не намерены быть связанными таким договором;
 - предпринять разумные шаги, включая шаги, соответствующие разумным указаниям другой стороны, для возврата другой стороне полученного исполнения по сделке или, по указанию другой стороны, для его уничтожения, если такое исполнение было получено в результате ошибочной транзакции;
 - не использовать полученное от другой стороны исполнение и не извлекать из него какой-либо выгоды или ценности, если такое исполнение было получено.

⁵⁴⁴ *State Farm Mutual Automobile Insurance Company, A corporation v. Alfred E. Bockhorst et al.* 453 F.2d 533 (10th Cir. 1972). [URL](#)

⁵⁴⁵ Lifshitz, L. R., Hung, R. (2024). BC Tribunal confirms companies remain liable for information provided by AI chatbot. American Bar Association.

⁵⁴⁶ См. официальный текст UETA с комментариями, размещённый на сайте Uniform Law Commission): Uniform Law Commission. Electronic Transactions Act. [URL](#)

1284. При этом норма UETA § 10(2) не может быть изменена договором, то есть провайдер не вправе посредством оговорок в договоре (например, в публичной оферте (Terms of Services)) лишить пользователя права отменить сделку при отсутствии механизма исправления ошибок.
1285. Предисловие к UETA⁵⁴⁷ подчёркивает, что «действия машин («электронных агентов»), запрограммированных и используемых людьми, будут обязательны для пользователя машины, независимо от того, проводилась ли проверка конкретной транзакции человеком». Таким образом, права и обязанности по договору, заключённому электронным агентом, возникают у лица, использующего этого электронного агента. Восприятие ИИ-агента как инструмента пользователя – основное направление в доктрине⁵⁴⁸.
1286. Закон штата Юта, Utah Artificial Intelligence Policy Act (UAIP)⁵⁴⁹, впервые в США установил режим раскрытия использования генеративного ИИ в отношениях с потребителями. При этом UAIP прямо запрещает ссылаться на ИИ как оправдание нарушения: «факт того, что ИИ сделал нарушающее заявление, совершил нарушающее действие или использовался для нарушения, не имеет значения и не может использоваться как правовая защита» (ст. 13-2-12 (2)).
1287. Следует отметить, что за действия ИИ-систем также может наступать ответственность провайдеров таких ИИ-систем (а не пользователей). Так, в деле *Mobley v. Workday, Inc.*⁵⁵⁰ суд применил конструкцию, в которой ИИ-провайдер выступает «агентом» работодателя в смысле антидискриминационного законодательства. В этом деле истцу (Mobley) было отказано в приёме на работу компанией, использовавшей систему Workday для предварительной автоматической оценки резюме кандидатов. Несмотря на то, что само дело не является гражданско-правовым спором по договору, заключённому с помощью ИИ-систем, на наш взгляд, аналогичная позиция может возникнуть и в договорной практике.

4. Великобритания

1288. В 2021 году Правовая Комиссия выпустила исследование о возможности применения действующих норм права Англии и Уэльса к смарт-контрактам⁵⁵¹. По результатам исследования Комиссия пришла к выводу, что существующее общее договорное право (common law) достаточно гибко, чтобы регулировать договоры, заключённые в автоматическом режиме (смарт-контракты).
1289. В то же время в самом указанном исследовании авторы отмечают, что более автономные системы могут ставить дополнительные вопросы о наличии «намерения заключить

⁵⁴⁷ См. там же.

⁵⁴⁸ См.: Stern, D., Greenwood, D. (2025). From fine print to machine code: How AI agents are rewriting the rules of engagement: Part 1 of 3. [URL](#); Ayres, I., Balkin, J. M. (2024). The law of AI is the law of risky agents without intentions. The University of Chicago Law Review Online. [URL](#)

⁵⁴⁹ S.B. 149 Artificial Intelligence Amendments. [URL](#)

⁵⁵⁰ *Mobley v. Workday, Inc.*, No. 4:23-cv-04970 (N.D. Cal. July 12, 2024). [URL](#)

⁵⁵¹ UK Law Commission. (2021). Smart contracts [Project page] [URL](#); 1 UK Law Commission. (2021). Smart legal contracts: Advice to Government (Law Com No. 401, CP 563). [URL](#)

договор» между сторонами, если сравнивать их действия с действиями алгоритмических программ, полностью запрограммированных заранее⁵⁵².

1290. В доктрине активно обсуждается вопрос о действиях автономных ИИ-систем (агентов), в том числе о возможности оспаривания заключённых ими договоров по причине «ошибки» какой-либо стороны⁵⁵³. Ключевой вопрос состоит в том, насколько в конкретных обстоятельствах автономность ИИ-систем (в том числе, например, явное искажение ИИ-агентом каких-либо обстоятельств) влияет на заключённость и действительность договора, оспариваемого одной из сторон.
1291. Устойчивой позиции по этим вопросам пока не сформировано.
1292. Управление по конкуренции и рынкам (Competition & Markets Authority) в своих рекомендациях по соблюдению требований законодательства о защите прав потребителей при использовании ИИ-агентов (опубликованы 9 марта 2026 года)⁵⁵⁴ упоминает, что за действия ИИ-агента отвечает использующая его компания «в той же мере, как и за действия своего работника».

5. Сингапур

1293. В Сингапуре краеугольным судебным прецедентом, рассматривающим вопрос договоров, заключаемых программными алгоритмами без участия человека, является дело *B2C2 Ltd v. Quoine Pte Ltd*⁵⁵⁵ и его апелляционное подтверждение *Quoine Pte Ltd v. B2C2 Ltd*⁵⁵⁶.
1294. В этом деле истец оспаривал договор, заключённый автоматизированной системой торговли криптовалютой, в том числе ссылаясь на «ошибку» системы. В деле речь шла о полностью детерминированной программе, поэтому суд постановил, что «намерение заключить договор» следует оценивать, исходя из намерений людей, программировавших систему (см. пп. 15, 39, 98 решения).
1295. В ситуации с ИИ-системами, являющимися в определённой мере автономными и недетерминированными, выводы суда ставятся исследователями под вопрос⁵⁵⁷. Так, если сделки заключаются ИИ-агентами, не выполняющими строго заложенную в них программу, а самостоятельно определяющими способы достижения цели, необходимо иначе подходить к вопросу о том, в чём именно заключалась воля оператора такого ИИ-агента и насколько можно говорить об «ошибке» ИИ-агента в конкретной ситуации.
1296. В Сингапуре был опубликован документ Model AI Governance Framework for Agentic AI⁵⁵⁸, который содержит ссылку на то, что за действия ИИ-агента отвечает лицо, развернувшее или использующее такого агента. В остальном какого-либо специального регулирования или судебных дел нет.

⁵⁵² Там же, см. п. 5.62 исследования.

⁵⁵³ См., например, Holder, C., McDonald, B. (2026). What is the impact of agentic AI on English contract law? Brown Jacobson. [URL](#)

⁵⁵⁴ Competition and Markets Authority. (2026). Complying with consumer law when using AI agents. GOV.UK. [URL](#)

⁵⁵⁵ *Quoine Pte Ltd v B2C2 Ltd*, [2020] SGCA(I) 03552. [URL](#)

⁵⁵⁶ *Quoine Pte Ltd v B2C2 Ltd* [2020] SGCA(I) 02556. [URL](#)

⁵⁵⁷ См., например: Kin, L.C., Chen A. S-A., Seah, C. (2026). AI, machine learning & big data laws and regulations 2026 – Singapore. Global Legal Insights. [URL](#)

⁵⁵⁸ Infocomm Media Development Authority. (2026). Model AI governance framework for agentic AI (Version 1.5). [URL](#)

6. Канада

1297. Большинство провинций Канады приняли законы об электронной коммерции по модели Единообразного Закона об электронной коммерции (Uniform Electronic Commerce Act (UECA))⁵⁵⁹, разработанного на основе Модельного закона ЮНСИТРАЛ об электронной коммерции.
1298. UECA вводит термин «электронный агент», а также устанавливает регулирование заключения договоров электронными агентами, которое схоже с описанным выше регулированием в США.
1299. Упомянутое выше дело *Moffatt v. Air Canada*⁵⁶⁰ подтвердило, что применяющий технологии ИИ чат-бот признаётся действиями использующей его компании: «Компания Air Canada утверждает, что не может нести ответственность за информацию, предоставленную одним из своих агентов, сотрудников или представителей, включая чат-бота. Она не объясняет своего мнения. По сути, Air Canada предполагает, что чат-бот является отдельным юридическим лицом, ответственным за свои собственные действия. Это примечательное утверждение. Хотя чат-бот имеет интерактивный компонент, он всё же является лишь частью веб-сайта Air Canada. Для Air Canada должно быть очевидно, что она несёт ответственность за всю информацию на своём веб-сайте. Не имеет значения, поступает ли информация со статической страницы или от чат-бота» (пункт 27 решения).
1300. На текущий момент основополагающим подходом в доктрине считается то, что ответственность за действия ИИ-систем ложится на компании, их использующие (см. дело Air Canada выше). Иные подходы обсуждаются, но лишь в рамках научных дискуссий: например, предлагается предоставить ИИ особый правовой статус и определённую долю правосубъектности по аналогии с юридическими лицами (но только лишь когда будет достигнут уровень сильного ИИ (AGI))⁵⁶¹.

7. Австралия

1301. В Австралии действует Закон об электронных транзакциях 1999 года (Electronic Transactions Act)⁵⁶², положения которого относительно «автоматизированных систем сообщений» схожи с описанными выше понятиями «электронных агентов» в США и Канаде. Положения этого закона основаны на Модельном законе ЮНСИТРАЛ об электронной коммерции 1996 года и Конвенции ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах 2005 года.
1302. В опубликованном в декабре 2025 года исследовании Комиссия по продуктивности (Productivity Commission) Правительства Австралии пришла к выводу, что текущего отраслевого регулирования (например, в области персональных данных, защиты прав потребителей) вполне достаточно для обеспечения надлежащего использования ИИ-систем; предлагается максимально основываться на принципе технологической

⁵⁵⁹ Uniform Law Conference of Canada. (2003). Uniform Electronic Commerce Act. [URL](#)

⁵⁶⁰ *Moffatt v. Air Canada*, 2024 BCCRT 149 (CanLII). [URL](#)

⁵⁶¹ См., например: Mortimer, C. (2025). "No takesies backsies": How Canadian commercial law will situate artificial intelligence systems and their ability to contract. University of Toronto Faculty of Law Review, 83(1), 85. [URL](#)

⁵⁶² Electronic Transactions Act 1999 No. 162. [URL](#)

нейтральности законодательства и вводить специфическое регулирование для ИИ лишь в случаях, когда ИИ существенно увеличивает существующие риски или создаёт новые⁵⁶³.

1303. Исследователи также ссылаются на судебную практику Канады и Сингапура как ориентир для правоприменения⁵⁶⁴.
1304. Казначейство (Australian Treasury) при Правительстве Австралии в исследовании, опубликованном в октябре 2025 года, пришло к выводу, что существующего регулирования вполне достаточно для защиты прав и интересов потребителей при взаимодействии с ИИ-системами, которые могут использовать производители и продавцы⁵⁶⁵:
- фундаментальные основы (принципы) законодательства о защите потребителей уже сейчас охватывают отношения, связанные с использованием ИИ-технологий;
 - существующие средства правовой защиты потребителей и меры ответственности производителей и продавцов (исполнителей) остаются применимыми и в контексте использования ИИ;
 - аналогичным образом полномочия регуляторов достаточны для контроля товаров и услуг, оказываемых с использованием ИИ.
1305. Но отдельно отмечено, что по мере развития ИИ-агентов данный вывод может быть пересмотрен (см. стр. 25 Отчёта).

8. Франция

1306. В отсутствие специального регулирования исследователи предлагают различные варианты использования действующих гражданско-правовых норм Франции к действиям ИИ-систем⁵⁶⁶.
1307. В качестве одного из «проблемных» существующих положений при этом отмечают статью 1127-2 ФГК, по которой «договор считается действительным только в том случае, если сторона, которой адресовано предложение, имела возможность проверить детали своего заказа и его общую стоимость, а также исправить любые возможные ошибки до подтверждения заказа с целью выражения своего окончательного принятия».
1308. В доктрине эту статью называют процедурой «двойного клика» (double clic) и рассматривают как возможную проблему для придания обязательной силы договорам, заключаемым автономными или полуавтономными ИИ-системами⁵⁶⁷.

9. Германия

1309. В отсутствие специального регулирования подлежат применению действующие гражданско-правовые нормы Германии. Так, например, при заключении договоров с

⁵⁶³ Productivity Commission. (2025). Harnessing data and digital technology (Inquiry report No. 111). [URL](#)

⁵⁶⁴ Low, A., Waters, P. (2025). Agentic commerce: Can the law of contract adapt? Gilbert Tobin. [URL](#)

⁵⁶⁵ Australian Government Treasury. (2025). Review of AI and the Australian Consumer Law: Final report. [URL](#)

⁵⁶⁶ См., например: Haas Avocats. (2026). *IA agentique et contrats : ce que votre direction juridique doit anticiper*. [URL](#); Anne-Sophie. (2026). *Agents IA en 2026 : ce que le droit dit de l'algorithme qui agit*. Celestial Guardian. [URL](#)

⁵⁶⁷ Bigle, P., Mouton, D. (2024). Les contrats "digitaux". De Maeter. [URL](#)

использованием компьютерных систем применяется концепция «компьютерного волеизъявления», то есть действия, совершённые с использованием компьютерной системы, рассматриваются просто как технический способ передачи волеизъявления оператора⁵⁶⁸.

1310. Исследователи также отмечают, что содержание оферты или акцепта, отправленных через автоматизированную систему бронирования/заказа, оценивается не тем, как сама система интерпретирует данные, а по правилам объективного толкования с позиции получателя (§§ 133, 157 ГГУ). Иными словами, применяются требования о необходимости поиска истинного «намерения» стороны договора, а не буквального толкования условий оферты/акцепта, а также требования исходить из принципа добросовестности каждой из сторон⁵⁶⁹.

10. Индия

1311. Специальное регулирование по вопросам ИИ в этой сфере отсутствует, однако действуют положения Закона об информационных технологиях (Information Technology Act, ITA) 2000 года⁵⁷⁰.
1312. Так, согласно статьям 10А, 11 ITA юридическая сила признаётся за договорами, заключёнными исключительно в электронной форме, в том числе с использованием автоматизированных информационных систем.
1313. Статья 11 ITA предусматривает, что электронная запись (electronic record)⁵⁷¹ возлагает обязательства на её автора (originator), если она была направлена другой стороне:
- самим автором;
 - лицом, уполномоченным действовать от имени автора в отношении направления этой записи;
 - информационной системой, запрограммированной автором или уполномоченной от его имени действовать в автоматическом режиме.
1314. В судебной практике отсутствуют случаи применения этой статьи к действиям ИИ-систем, в том числе действующим автономно ИИ-агентам, но исходя из её формулировок, скорее всего, именно она будет применяться в отсутствие нового, более точечного, регулирования.
1315. Министерство электроники и информационных технологий (Ministry of Electronics and Information Technology) в ноябре 2025 года опубликовало Руководство Индии по управлению ИИ⁵⁷², в котором описываются направления работы Правительства Индии в области ИИ на ближайшие годы. Одним из таких направлений является более чёткое

⁵⁶⁸ Spindler, G., Schuster, F., Kaesling, C. (2026). Recht der elektronischen Medien (5th ed.). Verlag C.H. Beck. Vorbemerkung zu §§116 ff. [URL](#)

⁵⁶⁹ Lukas, A. J. F. (2021). Willenserklärungen und Vertragsschluss selbststeuernder Systeme in der Industrie 4.0: Problematik und Handlungsempfehlungen für die betriebliche Praxis. LR. [URL](#)

⁵⁷⁰ Information Technology Act 2000 (No. 21 of 2000). [URL](#)

⁵⁷¹ Данным термином в ITA обозначаются сообщения в электронной форме, которые могут включать в себя оферту, акцепт и иные действия в рамках заключения и исполнения договора.

⁵⁷² India AI Mission. (2025). India AI governance guidelines: Enabling safe and trusted AI innovation. Ministry of Electronics and Information Technology. [URL](#)

распределение ответственности между разработчиками, эксплуатантами (deployers) и пользователями (end-users) ИИ-систем по сравнению с текущими нормами ИТА. Учитывая, что ИТА регулирует в том числе вопросы заключения договоров, можно предположить, что и эти вопросы могут быть затронуты будущим регулированием.

11. Китай

1316. Ключевая норма, применимая к ИИ-системам в рассматриваемом вопросе содержится в статье 48 Закона об электронной коммерции Китая⁵⁷³: «Действия участников электронной коммерции по заключению или исполнению договора посредством автоматической информационной системы имеют юридическую силу в отношении сторон, использующих такую систему».
1317. В иных вопросах применяются общие положения ГК КНР и Закона об электронной коммерции.
1318. В декабре 2025 года интернет-суд Ханчжоу рассмотрел дело, в котором ИИ-система в ответ на запросы пользователя сначала сообщила недостоверную информацию, а затем пообещала 100 тысяч юаней, если её ответ неверен. Пользователь подал иск к провайдеру ИИ-системы⁵⁷⁴.
1319. Один из вопросов, обозначенных судом, был сформулирован следующим образом: «является ли информация о «обязательствах», сгенерированная генеративным ИИ, самостоятельным и автономным выражением ИИ, и можно ли рассматривать её как выражение воли ответчика». По результатам рассмотрения дела суд сформулировал следующие положения по этому вопросу:
- «ИИ не обладает квалификацией субъекта гражданского права и не может выражать свой смысл. В действующем законодательстве КНР существуют только три типа субъектов гражданского права, обладающих гражданскими правами и способных выражать свой смысл: физические лица, юридические лица и неюридические организации. Модель ИИ не является ни лицом в биологическом смысле, ни субъектом гражданского права в соответствии с действующим законодательством КНР. Она не может выражать свою волю самостоятельно и автономно».
 - «В данном случае контент, сгенерированный генеративным ИИ, не может рассматриваться как выражение воли ответчика. 1. ИИ не обладает квалификацией субъекта гражданского права и не может использоваться в качестве коммуникатора, агента или представителя. 2. Ответчик не использовал модель ИИ в качестве процессуального инструмента для определения или выражения своей воли. 3. С точки зрения разумного доверия, которое может возникнуть из общих социальных концепций, торговых привычек и т. д., у истца отсутствуют разумные основания для доверия к действиям ИИ в конкретных обстоятельствах данного дела. Конечно, в иных ситуациях, при наличии обстоятельств, способных вызвать разумное доверие, например при использовании ИИ в обслуживании клиентов, сгенерированный контент действительно может рассматриваться как воля соответствующего поставщика услуг, тем самым порождая для него обязательства. 4. С юридической точки зрения, в данном случае нет доказательств того, что ответчик выразил волю быть связанным контентом, сгенерированным ИИ».

⁵⁷³ Electronic Commerce Law of the People's Republic of China (2018). [URL](#)

⁵⁷⁴ Информация о решении взята из официального аккаунта интернет-суда Ханчжоу в WeChat. [URL](#)

- «Следовательно, в конкретных обстоятельствах дела «обещание», сгенерированное генеративным ИИ, не может быть установлено как выражение воли ИИ или его поставщика услуг и не имеет правовой силы волеизъявления».
1320. Данное решение на текущий момент является единственным известным судебным толкованием в Китае по вопросу о признании возникновения обязательства у провайдера ИИ-системы в результате действий, которые могут рассматриваться как выражение воли на заключение договора.

12. Япония

1321. В Японии отсутствуют специальные нормы гражданского права по вопросам заключения договоров с использованием ИИ-систем.
1322. Министерство экономики, торговли и промышленности (Ministry of Economy, Trade and Industry, METI) выпустило несколько разъяснений, которые могут иметь значение в вопросах заключения договоров с использованием автономных или полуавтономных ИИ-систем:
- Руководящие указания для бизнеса по ИИ (AI Guidelines for Business Ver. 1.1) METI/MIC (28 марта 2025 года)⁵⁷⁵;
 - Руководство по контрактам в области использования ИИ и данных METI (Contract Guidance on Utilization of AI and Data, Ver. 1.1, декабрь 2019 года)⁵⁷⁶;
 - Руководство по толкованию и применению норм гражданской ответственности при использовании ИИ (METI, версия 1.0, апрель 2026 года)⁵⁷⁷.
1323. Разъяснения METI в основном касаются вопросов внедоговорной (tort) гражданско-правовой ответственности провайдеров ИИ. В отношении договорной ответственности указывается, что её распределение должно определяться соглашением сторон договора.
1324. Однако, если стороны не договорились о распределении ответственности по договору, разъяснения METI могут применяться по аналогии.
1325. «Руководство по толкованию и применению норм гражданской ответственности при использовании ИИ» (METI, версия 1.0, апрель 2026 года)⁵⁷⁸ указывает на два вида ИИ-систем:
- ИИ-системы поддержки/помощи: эти системы предназначены для помощи человеку в принятии решений. Пользователь ИИ остаётся ответственным за окончательное решение и должен проверять результаты работы ИИ, а разработчик/поставщик, как правило, не несёт ответственности, если он предоставил адекватные инструкции, а пользователь не проверил ошибку, которую мог обнаружить.
 - ИИ-системы на замену/замещение: эти системы заменяют человеческие функции. Обязанность пользователя ИИ состоит в том, чтобы «надлежащим образом выстроить и управлять в дальнейшем бизнес-процессом» с использованием ИИ. Если эта

⁵⁷⁵ Ministry of Internal Affairs and Communications, & Ministry of Economy, Trade and Industry. (2025, March 28). *AI事業者ガイドライン (第1.1版)* [AI guidelines for business (Version 1.1)]. [URL](#)

⁵⁷⁶ Ministry of Economy, Trade and Industry. (2019). Contract Guidelines on Utilization of AI and Data (Ver. 1.1). [URL](#)

⁵⁷⁷ Ministry of Economy, Trade and Industry. (2026, April 9). *AI活用における民事責任の解釈適用に関する手引き* [Guide to the interpretation and application of civil liability in the use of AI] (Version 1.0). [URL](#)

⁵⁷⁸ Ibid.

обязанность выполнена, от пользователя не ожидается проверки каждого отдельного результата. При этом к разработчику или поставщику предъявляются более высокие требования в части безопасного проектирования системы и подробного раскрытия пределов производительности.

13. Бразилия

1326. Специальное регулирование по вопросам ИИ в этой сфере отсутствует, однако, проект нового ГК Бразилии предусматривает его введение⁵⁷⁹. Выделяются в том числе следующие блоки регулирования⁵⁸⁰:

- отдельное регулирование автоматизированных договоров и обязательств, порождённых ИИ-системами;
- раскрытие информации об использовании ИИ в договорных отношениях;
- уточнение режима гражданской ответственности применительно к ИИ.

1327. По этим поправкам в первоначальной редакции (ст. 2.027 законопроекта)⁵⁸¹ предлагалось:

- признать «цифровые юридические ситуации (факты)» (*situações jurídicas digitais*) как взаимодействия в цифровой среде, которые приводят к возникновению прав и обязанностей между физическими лицами, юридическими лицами и «цифровыми субъектами, такими как роботы, виртуальные помощники, ИИ, автоматизированные системы и другие». Цифровая ситуация возникает, когда существует волеизъявление обеих сторон, выраженное явно или неявно, включая физическое взаимодействие человека с роботом / цифровым оборудованием. Кроме того, цифровой договор считается заключённым, когда стороны чётко выражают намерение заключить договор посредством кликов, выбора опций в цифровых интерфейсах или другими способами, демонстрирующими согласие с предложенными условиями;
- установить право на информацию: физические лица, взаимодействующие с системами ИИ, имеют право быть информированными об этих взаимодействиях и критериях, используемых для автоматизированных решений, которые существенно затрагивают их права или экономические интересы;
- предусмотреть, что интерфейсы должны обеспечивать свободный и осознанный выбор и не могут быть разработаны или функционировать таким образом, чтобы манипулировать людьми, нарушая объективные принципы добросовестности;
- для смарт-контрактов (в которых обязательства автоматически исполняются компьютерными программами) поставщик должен обеспечить наличие механизма безопасного прекращения и прерывания для остановки непрерывных транзакций, особенно для предотвращения случайных исполнений в будущем.

1328. В первоначальном тексте также предлагалось, что:

⁵⁷⁹ Сроки обсуждения законопроекта смещены на конец 2026-2027 года.

⁵⁸⁰ Rodrigues, R., Fernandes, D. (2025). Artificial intelligence and digital civil law: Brazil's Civil Code reform. RWA Law. [URL](#); Direito, C. G., Brissant, O. S. (2024). *A inteligência artificial no anteprojeto do Código Civil/24*. Colégio Notarial do Brasil – Seção São Paulo. [URL](#)

⁵⁸¹ Projeto de Lei nº 4, de 2025. [URL](#)

- поставщики и пользователи в цифровой среде несут строгую ответственность (responsabilidade objetiva) за ущерб, причинённый их действиями и деятельностью, то есть она не требует доказательства вины;
- распределение гражданской ответственности осуществляется на основе принципа полного возмещения ущерба (reparação integral);
- каждая сторона несёт ответственность за действия подчинённой ей технологии;
- поставщики смарт-контрактов должны предусматривать внутренние функции для перезапуска, остановки или прерывания работы контракта;
- договоры, заключённые через интерфейсы, которые манипулируют человеком с нарушением принципов добросовестности, могут быть оспорены.

1329. Вместе с тем по состоянию на момент написания настоящего исследования проект не получил широкой поддержки общественности⁵⁸².

1330. Согласно судебному решению, которое может быть применимо к ИИ-системам⁵⁸³, потребитель приобрёл онлайн-авиабилет компании KLM по крайне низкой цене. Компания отменила транзакцию, и суд встал на её сторону, указав, что компания вправе отказаться от исполнения договора, если:

- имела место явная (visible at first sight) ошибка ценообразования;
- поставщик оперативно уведомил потребителя;
- списания средств не произошло (или они возвращены).

14. Казахстан

1331. В 2026 году в Казахстане приняты специальные акты в области ИИ. Они не регулируют рассматриваемые гражданско-правовые вопросы в сфере договорного права, но некоторые их нормы могут иметь значение:

- Закон РК от 17 ноября 2025 года № 230-VIII «Об ИИ» (вступил в силу 18.01.2026)⁵⁸⁴;
- Цифровой кодекс РК от 9 января 2026 года № 255-VIII (вводится в действие с 11.07.2026)⁵⁸⁵.

1332. Согласно пункту 3 статьи 1 Закона РК «Об ИИ», ИИ определяется как «функциональная способность к имитации когнитивных функций, характерных для человека, обеспечивающая результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их». ИИ не признаётся субъектом права, и за его действия будут нести ответственность стороны, которые его используют⁵⁸⁶.

1333. Статья 67 Цифрового кодекса РК вводит отдельную норму о смарт-контрактах, под которым понимается договор, предусматривающий автоматическое исполнение заранее согласованных сторонами условий при наступлении определённых обстоятельств

⁵⁸² PROJETO DE LEI nº 4 de 2025 (PL 4/2025). Consulta Pública. [URL](#)

⁵⁸³ REsp 1.794.991-SE (STJ, 2020). [URL](#)

⁵⁸⁴ Закон Казахстана об ИИ. [URL](#)

⁵⁸⁵ Цифровой кодекс Казахстана. [URL](#)

⁵⁸⁶ См. ответ депутата Мажилиса Екатерины Смышляевой: Ислямова, К. (2026). Искусственный интеллект под контролем: Казахстан задаёт стандарты региона. Zan Media. [URL](#)

посредством применения цифровых технологий. По соглашению сторон все или часть условий смарт-контракта могут быть выражены в виде программного кода, если такой код позволяет однозначно определить содержание прав и обязанностей сторон и обеспечивает возможность воспроизведения условий в форме, доступной для восприятия человеком.

1334. По общему правилу, за действия ИИ-системы будет нести ответственность сторона, её использующая.

15. Кыргызстан

1335. В 2025 году в Кыргызстане был принят Цифровой кодекс⁵⁸⁷. Он не регулирует рассматриваемые гражданско-правовые вопросы в сфере договорного права напрямую, но некоторые его нормы могут иметь значение.
1336. В пункте 1 статьи 1 Цифрового кодекса КР содержится понятие «автоматического решения»: решение, принятое на основе цифровых данных таким образом, чтобы результаты обработки цифровых данных формировались и использовались для возникновения, изменения или прекращения правоотношений без участия человека. Данный термин может иметь значение для регулирования договоров, заключаемых ИИ-системами в автономном или полуавтономном режиме.
1337. Действительность договоров, заключаемых ИИ-системами, может вытекать из положений статьи 67 Цифрового кодекса КР, в соответствии с которой «субъекты правоотношений в цифровой среде вправе автоматизировать принятие решений на основе цифровых данных таким образом, чтобы результаты обработки цифровых данных формировались и использовались для возникновения, изменения, прекращения правоотношений без участия человека (автоматические решения)».
1338. При этом та же статья 67 Цифрового кодекса КР даёт право принципалам данных⁵⁸⁸, интересы которых затрагиваются автоматическими решениями, порождающими правовые последствия для принципала или схожим образом существенно влияющими на него, потребовать от субъекта, использующего автоматические решения:
- прекратить принятие автоматических решений в отношении данного принципала данных;
 - пересмотреть с участием человека автоматические решения, принятые ранее в отношении этого принципала данных.
1339. Также Цифровой кодекс КР вводит понятие смарт-контракта, рассматривая его не как отдельный вид договора, а как форму выражения всего или части договора через программный самоисполняемый код: «субъекты правоотношений в цифровой среде вправе на основании договора изложить все или часть условий этого договора на специальном языке программирования в виде кода, который впоследствии будет исполнен без участия сторон при наступлении определённых условий, согласованных сторонами, подтверждённых соответствующими цифровыми данными (смарт-контракт), что влечёт возникновение, изменение или прекращение отношений между сторонами» (п. 1 ст. 58).

⁵⁸⁷ Цифровой кодекс Кыргызстана. [URL](#)

⁵⁸⁸ Принципал данных – субъект правоотношений в цифровой среде, к которому относятся цифровые данные (п. 50 ст. 1 Цифрового кодекса Кыргызстана).

1340. По общему правилу, за действия ИИ-системы будет нести ответственность сторона, её использующая.

16. Объединённые Арабские Эмираты

1341. В ОАЭ прямо признана действительность договоров, заключённых полностью автоматизированными электронными системами без участия человека. Этот принцип закреплён в Федеральном законе № 46 от 2021 года об электронных транзакциях и доверительных услугах (Federal Decree by Law No. (46) of 2021 on Electronic Transactions and Trust Services, ETTS)⁵⁸⁹, а также в статье 19 Закона особой экономической зоны Международного финансового центра Дубая (Dubai International Financial Centre, DIFC) (DIFC Electronic Transactions Law (DIFC Law No. 2 of 2017))⁵⁹⁰ и статье 11 Закона особой экономической зоны Глобального рынка Абу-Даби (Abu Dhabi Global Market, ADGM) (ADGM Electronic Transactions Regulations 2021)⁵⁹¹.
1342. Хотя ETTS прямо не упоминает ИИ-системы, его положения об «автоматизированных электронных агентах» (Automated Electronic Medium) могут быть распространены на ИИ-системы/агентов.
1343. В целом, можно отметить, что положения ETTS основываются на соответствующих документах ЮНСИТРАЛ, рассмотренных выше.
1344. В соответствии со статьёй 11 ETTS договор может быть заключён между автоматизированными электронными средствами, включающими одну или несколько электронных информационных систем, которые были подготовлены и запрограммированы заранее для этой цели. Такой договор будет действительным, подлежащим исполнению и юридически обоснованным даже при отсутствии личного или прямого вмешательства какого-либо физического лица в процесс заключения договора в этих системах.
1345. Ещё одно положение той же статьи вводит обязательное требование раскрыть информацию о заключении договора с помощью автоматизированной системы тогда, когда предполагается, что другая сторона не знает об этом (supposed to know): «договор может быть заключён между автоматизированной электронной информационной системой, находящейся во владении определённого лица, и другим лицом, если последнее знает или предполагает, что такая система будет автоматически заключать или исполнять договор» (п. 2 ст. 11 ETTS)⁵⁹².
1346. Положения ETTS в части распределения ответственности сторон, использующих автоматизированные электронные системы при заключении, исполнении или прекращении договоров, отражают рассмотренный выше подход ЮНСИТРАЛ. Так, по статье 12 ETTS⁵⁹³ в отношениях между отправителем и получателем электронный документ считается выпущенным отправителем, если он отправлен:
- лицом, уполномоченным действовать от имени отправителя;

⁵⁸⁹ UAE Federal Decree-Law No. 46 of 2021 on Electronic Transactions and Trust Services. [URL](#)

⁵⁹⁰ DIFC Legal Database. [URL](#)

⁵⁹¹ ADGM Electronic Transactions Regulations 2021. [URL](#)

⁵⁹² UAE Federal Decree-Law No. 46 of 2021 on Electronic Transactions and Trust Services. [URL](#)

⁵⁹³ Ibid.

- электронным средством, автоматизированным и запрограммированным для автоматической работы отправителем или от его имени;

1347. Последнее положение может распространяться на действия ИИ-систем.

Приложение 1. Таблица регулирования ИИ⁵⁹⁴

	Определения системы ИИ	Цели регулирования	Принципы регулирования	Роли
Принципы ОЭСР в области ИИ	Система ИИ — это система, основанная на машинном обучении, которая, для достижения явных или неявных целей, делает выводы о том, как на основе получаемых входных данных генерировать выходные данные, такие как прогнозы, контент и т. д. Рекомендации или решения могут влиять на физическую или виртуальную среду. Системы ИИ различаются по уровню автономности и адаптивности после развёртывания.	Национальная политика и международное сотрудничество в следующих областях: • инвестиции в исследования в области ИИ и развития; • содействие созданию инклюзивной экосистемы, способствующей развитию ИИ; • формирование благоприятных условий; • интероперабельная среда управления и политики для ИИ; • наращивание человеческого потенциала и • подготовка к трансформации рынка труда; • международное сотрудничество в области надёжного ИИ.	• Инклюзивный рост, устойчивое развитие и благополучие; • уважение к верховенству права, правам человека и демократическим принципам; • ценности, включая справедливость и неприкосновенность частной жизни; • прозрачность и объяснимость; • устойчивость, • безопасность и защита; • подотчётность.	К участникам ИИ относятся те, кто играет активную роль в жизненном цикле системы ИИ, включая организации и отдельные лица, которые внедряют или используют ИИ.
Китай — Временные меры по управлению	Технология генеративного ИИ относится к моделям и	Использование технологий генеративного ИИ для предоставления услуг по генерации	• Придерживаться основных социалистических ценностей и не	Поставщики услуг генеративного ИИ: организации и частные

⁵⁹⁴ Приложение 1 содержит информацию относительно регулирования ИИ, принятого на данном этапе.

сервисами генеративного ИИ	связанным с ними технологиям, способным генерировать текст, изображения, аудио, видео и другой контент.	текста, изображений, аудио-, видео- и другого контента для общественности на территории Китайской Народной Республики.	совершать различных антигосударственных и антисоциалистических действий; • принимать эффективные меры для предотвращения дискриминации по признаку этнической принадлежности, убеждений, страны, региона, пола, возраста, рода занятий, состояния здоровья и т. д.; • уважать права интеллектуальной собственности, деловую этику, хранить коммерческую тайну и не использовать преимущества алгоритмов, данных, платформ и т. д. для осуществления монополии и недобросовестной конкуренции; • уважать законные права и интересы других, не подвергать опасности физическое и психическое здоровье других и не нарушать права других на портрет, репутацию, честь, неприкосновенность частной жизни и личную информацию; • принять эффективные меры для повышения прозрачности услуг генеративного ИИ и повышения	лица, которые используют технологии генеративного ИИ для предоставления услуг в этой области (включая предоставление услуг генеративного ИИ путём предоставления программируемых интерфейсов и т. д.). Пользователи сервисов генеративного ИИ: организации и частные лица, которые используют сервисы генеративного ИИ для создания контента.
--	--	---	--	--

			точности и надёжности генерируемого контента.	
Япония – Базовый акт о содействии развитию ответственного ИИ	«Технологии, связанные с ИИ» — это технологии и входная информация, необходимые для реализации функций, заменяющих интеллектуальные способности, связанные с человеческим познанием, рассуждением и суждением, с помощью искусственных методов. «Процесс с использованием соответствующих технологий» относится к технологиям, связанным с системами обработки информации, которые реализуют функцию вывода результатов.	Содействие исследованиям, разработке и использованию технологий, связанных с ИИ.	- Регулирование должно способствовать повышению эффективности и совершенствованию административных дел и деятельности частного бизнеса, а также созданию новых отраслей промышленности за счёт надлежащего и эффективного применения этих технологий; - усилия заинтересованных сторон на каждом этапе развития ИИ тесно взаимосвязаны и должны осуществляться с целью всестороннего и систематического их продвижения; - прозрачность; - международное сотрудничество должно способствовать миру и развитию Японии и международного сообщества, а также поощрять исследования, разработку и использование Японией технологий, связанных с ИИ.	Научно-исследовательские корпорации и другие учреждения, занимающиеся исследованиями и разработками в области технологий, связанных с ИИ (далее именуемые «научно-исследовательские учреждения»). Лицо, намеревающееся разрабатывать или предоставлять продукты или услуги, использующие технологии, связанные с ИИ, или другое лицо, намеревающееся использовать технологии, связанные с ИИ, в своей коммерческой деятельности (далее именуемое «использующий бизнес-оператор»).

Республика Корея — Рамочный закон об искусственном интеллекте	«ИИ» — это электронная реализация человеческих интеллектуальных способностей, таких как обучение, рассуждение, восприятие, суждение и понимание языка. «Система ИИ» — это система, основанная на ИИ, которая выводит результаты, такие как прогнозы, рекомендации и решения, влияющие на реальную и виртуальную среду для достижения заданных целей, с различной степенью автономности и адаптивности. «Технологии ИИ» — это аппаратные и программные технологии, а также технологии их использования, необходимые для внедрения ИИ.	Технологии ИИ и индустрия ИИ должны развиваться в направлении, повышающем безопасность и надёжность, тем самым улучшая качество жизни людей.	• Защищать права, интересы и достоинство народа; • повышать качество жизни народа и укреплять национальную конкурентоспособность путём определения основных вопросов, необходимых для устойчивого развития ИИ и создания основы для доверия; • заинтересованное лицо вправе получить, насколько это технически и разумно возможно, ясное и содержательное объяснение ключевых критериев и принципов, использованных при получении окончательного результата применения ИИ; • национальные и местные органы власти должны уважать творческую автономию операторов бизнеса ИИ и стремиться к созданию безопасной среды для его применения.	«Бизнес-оператор» означает корпорацию, организацию, физическое лицо или национальное учреждение, занимающееся индустрией ИИ, в том числе: разработчик ИИ: организация, которая разрабатывает и предоставляет решения в области ИИ; использующий ИИ бизнес-оператор: организация, предоставляющая продукты или услуги на основе ИИ с использованием ИИ, разработанного разработчиком ИИ в соответствии с пунктом а. «Пользователь» означает любое лицо, получающее продукты или услуги на основе ИИ. «Затронутое лицо» означает человека, чья жизнь, физическая безопасность или основные права в значительной степени затрагиваются продуктами
--	---	---	---	--

				или услугами на основе ИИ.
США — Закон штата Колорадо об ИИ	«Система ИИ» означает любую машинную систему, которая для достижения любой явной или неявной цели на основе получаемых входных данных делает вывод о том, как генерировать выходные данные, включая контент, решения, прогнозы или рекомендации, которые могут влиять на физическую или виртуальную среду. «Система ИИ высокого риска» означает любую систему ИИ, которая при использовании принимает или является существенным фактором при принятии важного решения.	—	Защита прав потребителей.	«Развёртыватель» означает лицо, ведущее бизнес в этом штате, которое развёртывает систему ИИ высокого риска. «Разработчик» означает лицо, ведущее бизнес в этом штате, которое разрабатывает или намеренно и существенно модифицирует систему ИИ.

США — Рамочная программа управления рисками NIST	В рамках модели AI RMF система ИИ определяется как инженерная или машинная система, которая может, при заданном наборе целей, генерировать такие результаты, как прогнозы, рекомендации и т. д. или решения, влияющие на реальную или виртуальную среду. Системы ИИ разрабатываются так, чтобы работать с различной степенью автономности⁵⁹⁵.	Управление рисками, связанными с ИИ, предлагает способ: • минимизации потенциальных негативных последствий использования систем ИИ, например, угрозы гражданским свободам и правам, а также • предоставление возможности для максимального использования потенциала положительных последствий; • выявление, документирование и управление рисками и потенциальными негативными последствиями использования ИИ.	Данная программа описывает следующие характеристики надёжного ИИ: • достоверность и надёжность; • безопасность; • защищённость и устойчивость; • подотчётность и прозрачность; • объяснимость и возможность интерпретации; • защита конфиденциальности; • недискриминация; • управляемость. Создание заслуживающего доверия ИИ требует баланса между этими характеристиками в контексте использования системы ИИ.	Задачи акторов ИИ: ИИ-дизайн Разработка ИИ Внедрение ИИ Эксплуатация и мониторинг Тестирование, оценка, верификация и валидация (TEVV) Управление и надзор Сторонние организации Конечные пользователи Затронутые лица/сообщества
Казахстан — Закон об ИИ	ИИ — функциональная способность к имитации когнитивных функций, характерных для человека, обеспечивающих	• Определение законов и конституционных основ регулирования прав отношений в сфере ИИ;	• Законность; • справедливость и равенство; • прозрачность и понятность;	Собственники и владельцы систем ИИ. Пользователь системы ИИ. Оператор национальной платформы ИИ – юридическое

⁵⁹⁵ Адаптировано из: Рекомендации ОЭСР) по ИИ:2019; ИСО/МЭК 22989:2022.

	конечные результаты интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их; Система ИИ – объект информатизации, функционирующий на основе одной или нескольких моделей ИИ.	• обеспечение прозрачности и безопасности при использовании систем ИИ, а также результатов деятельности систем ИИ; • создание благоприятных условий для привлечения инвестиций в сферу развития ИИ; • государственная поддержка исследований и инноваций в сфере ИИ.	• ответственность и подконтрольность; • приоритет поведения человека, свобода воли в своих решениях; • защита данных и конфиденциальность; • безопасность и защищённость.	лицо, которое отвечает за обеспечение развития и сохранения национальной платформы ИИ; Библиотеки данных производителя – лицо, организовавшее сборку, обработку и структурирование данных, пригодных для обучения моделей ИИ.
Кыргызстан – Цифровой кодекс	Система ИИ – цифровая технологическая система, которая, на основе цифровых данных и заданных человеком целей, способна с изменением степени автономности формировать прогнозы, рекомендации или принимать решения, оказывающие влияние на состояние субъектов или объектов внешней среды.	Обязательные требования и любые ограничения в отношении систем ИИ, повышенной опасности, предусматриваются в настоящем Кодексе исключительно в целях минимизации риска, причиняющего вред следующим благам (охраняемым благам): • жизнь и здоровье людей; • права и свободы человека и гражданина; • окружающая среда; • обороноспособность государства; • национальная безопасность государства; • общественный порядок.	• Регулирование, разработка и использование систем ИИ с учётом необходимости снижения риска, причиняющего вред охраняемым объектам (принцип снижения риска); • обеспечение понятности и доступности характеристик системы ИИ, наличие технической документации на нее (принцип открытости); • обеспечение понятности оснований для решений или систем ИИ, возможности перепроверки таких оснований (принцип объяснимости); • эффективный контроль человеком, применение систем ИИ (принцип подконтрольности);	Владельцы систем ИИ – субъекты правоотношений в цифровой среде, которые самостоятельно или совместно с другими лицами создали такие цифровые ресурс, технологическую систему или экосистему или получили на основании закона или договора право разрешать или ограничивать доступ к цифровым ресурсу; технологической системе или экосистеме. Пользователи – субъект правоотношений в цифровой среде, запрашивающий или осуществляющий доступ к

			• достоверность результатов применения систем ИИ, соответствующая органам их применения (принцип точности); • сопротивление систем ИИ случайным сбоям и неполадкам на основе принятия мер по предотвращению перебоев в работе системы и сохранности её основных функций при боях или внеплановых внешних воздействиях (принцип надёжности); • защищённость систем ИИ от несанкционированного внешнего воздействия (принцип безопасности).	цифровым записям, цифровым ресурсам, цифровым сервисам или технологическим системам. Потребители – физические лица, пользующееся цифровой технологической системой или цифровым сервисом в личных целях, не связанных с извлечением прибыли. Поставщики сервисов – субъекты правоотношений в цифровой среде, самостоятельно или совместно с другими лицами предоставляющие цифровой сервис пользователям.
EU AI Act	Под «системой ИИ» понимается машинная система, предназначенная для работы с различным уровнем автономности и способная к адаптации после развёртывания, а также система, которая, для достижения явных или неявных целей, на основе получаемых	Целью акта является улучшение функционирования внутреннего рынка и содействие внедрению человекоцентричного и заслуживающего доверия ИИ. При этом обеспечивается высокий уровень защиты здоровья, безопасности, основных прав, закреплённых в Хартии, включая демократию, верховенство права и охрану окружающей среды, от вредного воздействия систем ИИ в Союзе; поддерживается инновация.	В 2019 году независимая экспертная группа по вопросам ИИ (HLEG), назначенная Комиссией, разработала этические принципы для ИИ, которые не имеют обязательной юридической силы. Эти семь принципов включают в себя: • человеческий надзор; • техническую надёжность и безопасность;	«Поставщик» означает физическое или юридическое лицо, государственный орган, агентство или иной орган, который разрабатывает систему ИИ или универсальную модель ИИ, или который заказывает разработку системы ИИ или универсальной модели ИИ и выводит её на рынок, или вводит систему ИИ в

	входных данных определяет, как генерировать выходные данные, такие как прогнозы, контент, рекомендации или решения, которые могут влиять на физическую или виртуальную среду.		• конфиденциальность и управление данными; • прозрачность; • многообразие, недискриминацию и справедливость; • благополучие общества и окружающей среды, а также подотчётность.	эксплуатацию под своим именем или товарным знаком, за плату или бесплатно. «Развёртыватель» означает физическое или юридическое лицо, государственный орган, агентство или другой орган, использующий систему ИИ под своим руководством, за исключением случаев, когда система ИИ используется в ходе личной непрофессиональной деятельности. «Уполномоченный представитель» означает физическое или юридическое лицо, находящееся или зарегистрированное в Союзе, которое получило и приняло письменное поручение от поставщика системы ИИ или модели ИИ общего назначения на выполнение от его имени обязательств и процедур, установленных настоящим Регламентом.
--	--	--	--	---

				«Импортёр» означает физическое или юридическое лицо, расположенное или зарегистрированное в Европейском союзе, которое выводит на рынок систему ИИ, имеющую название или товарный знак физического или юридического лица, зарегистрированного в третьей стране; «Дистрибьютор» означает физическое или юридическое лицо в цепочке поставок, отличное от поставщика или импортера, которое предоставляет систему ИИ на рынке Европейского союза. «Оператор» означает поставщика, производителя продукции, лицо, осуществляющее развёртывание, уполномоченного представителя, импортера или дистрибьютора.
--	--	--	--	--

Приложение 2. Список использованной литературы

1. Губенко, А. (2025). *Кто считается автором текстов, видео, фото, музыки и графики, созданных с участием ИИ*. *Zakon.kz*. [URL](#)
2. Гюльбасарова, Е. В. (2024). Обеспечение охраны интеллектуальных прав в условиях развития передовых технологий. *Актуальные проблемы российского права*, 19(10)
3. Драгунова, Т. В. (2020). Конкуренция договорных и деликтных требований в сфере предпринимательских отношений. *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*, (12).
4. Емельянцева, М. (2026). В Китае появились «ИИ-вдовы»: они остались без виртуальных партнеров из-за сбоев в нейросетях. *Men Today*. [URL](#)
5. Ижбулатов, Д. (2025). *Интеллектуальная собственность произведений, созданных ИИ*. PRG. [URL](#)
6. Ислямова, К. (2026). Искусственный интеллект под контролем: Казахстан задаёт стандарты региона. *Zan Media*. [URL](#)
7. Мищенко, Н. (2026). Судебная практика по вопросам искусственного интеллекта – 2025. *Группа «ДЕЛОВОЙ ПРОФИЛЬ»*. [URL](#)
8. Новоселова, Л. А. (декабрь 2025). Конфликт интересов авторов и разработчиков ИИ: где выход? *Журнал Суда по интеллектуальным правам*, 4(50)
9. Abbas A. (2026). Can AI train on digital news content? Court reserves verdict in ANI vs OpenAI case. *India Today*. [URL](#)
10. Armitage, M., Cooper, R., Hyde, R., Kramer, P., Todd, S. M., Morton, P. (2022). *Charlesworth & Percy on negligence (15th ed.)*. Sweet & Maxwell.
11. Australian Government Treasury. (2025). *Review of AI and the Australian Consumer Law: Final report*. [URL](#)
12. Ayres, I., Balkin, J. M. (2024). The law of AI is the law of risky agents without intentions. *The University of Chicago Law Review Online*. [URL](#)
13. Boudette, N. E. (2022). Tesla Autopilot investigation is escalated by regulators. *The New York Times*. [URL](#)
14. Bracken, L. J., II, Niczky, J. T. (2026). Court allows discovery into insurers' use of AI to deny claims. *Hunton Insurance Recovery Blog*. [URL](#)
15. Brown, B., Rogers, L. (2026). The use of AI in employment litigation. *Clyde & Co*. [URL](#)
16. Chaturvedi, A., Kalra, A., Vengattil, M. (2025). Exclusive: OpenAI tells India court ChatGPT data removal will breach US legal obligations. *Reuters* [URL](#)
17. Chevalier, P. (2023). Le droit de la responsabilité civile à l'épreuve des nouvelles technologies – Volet 2. *Aston Legal*. [URL](#)
18. Civil Society Alliances for Digital Empowerment (2026). *Chinese court rules AI developer not automatically liable for hallucination errors*. [URL](#)
19. CMS. (2025). France – SNE, SNAC & SGDL v. Meta Platforms Inc., 6 March 2025. *CMS*. [URL](#)
20. CNIL. (2022). *Facial recognition: 20 million euros penalty against CLEARVIEW AI*. [URL](#)

21. Competition and Markets Authority. (2026). Complying with consumer law when using AI agents. *GOV.UK*. [URL](#)
22. Crouch, D. (2025). *USPTO's "Don't Ask, Don't Tell" policy: The quiet death of Thaler and the legal fiction of human inventorship*. *Patently-O*. [URL](#)
23. Damle, S., Dukanovic, I., Lovejoy, B., Stillman, A. (2024). The ELVIS Act: Tennessee Shakes Up Its Right of Publicity Law and Takes On Generative AI. *Latham & Watkins LLP*. [URL](#)
24. Dang F. (2025). Shanghai Court Issues First Instance Judgment on AI Model Infringement. *MMLC Group*. [URL](#)
25. Department for Promotion of Industry and Internal Trade. (2025). *Working paper on generative AI and copyright: Part I*. [URL](#)
26. Department for Science, Innovation and Technology, Department for Culture, Media and Sport, & Intellectual Property Office. (2026). *Report on Copyright and Artificial Intelligence* [URL](#)
27. Deutscher Bundestag. (2018). *Künstliche Intelligenz und Machine Learning. Eine urheberrechtliche Betrachtung*. [URL](#)
28. Digital Rights Asia. (2025). Дания вводит персональное право на собственный голос и облик в цифровую эпоху. *Digital Rights Asia*. [URL](#)
29. Digital Rights Asia. (2025). Полностью созданные ИИ произведения не будут признаны объектами авторского права в РК. *Digital Rights Asia*. [URL](#)
30. Dornis, T. W., Stober, S. (2024). *Urheberrecht und Training generativer KI-Modelle: Technologische und juristische Grundlagen*. Nomos. [URL](#)
31. Dreier, T., Schulze, G. (2018). *Urheberrechtsgesetz: Kommentar* (6. Aufl.). C. H. Beck. [URL](#)
32. Dubai Future Foundation. (2025). *Icons for Human–Machine Collaboration (HMC): Visual Standards for Research and Publications*. [URL](#)
33. Duffy, C. (2026). Character.AI and Google agree to settle lawsuits over teen mental health harms and suicides. *CNN Business*.
34. Dunne, J., Omar, R. (2025). *The human touch, monkey business, and a piece of American cheese: Human input and copyright in AI-generated images*. *Hadef & Partners*. [URL](#)
35. European Commission. (2025). *The General-Purpose AI Code of Practice. Digital Strategy*. [URL](#)
36. European Commission. (2026). *Shaping Europe's digital future. Digital Strategy*. [URL](#)
37. European Data Protection Supervisor. (2023). *TechDispatch: Explainable artificial intelligence*. [URL](#)
38. European Law Institute. (2022). *ELI Innovation Paper: Guiding Principles for Automated Decision-Making in the EU*. [URL](#)
39. European Law Institute. (2025). *ELI Model Contractual Terms on Automated Contracting and Digital Assistants in Business and Consumer Transactions (B2C and B2B), in collaboration with UNCITRAL*. [URL](#)
40. European Law Institute. (2025). *Guiding Principles and Model Rules on Digital Assistants for Consumer Contracts*. [URL](#)
41. European Parliament. (2026). *Digital Fairness Act. Legislative Train Schedule*. [URL](#)

42. European Parliament. (2026). *Protect copyrighted work used by generative AI, say Legal Affairs MEPs*. [URL](#)
43. European Patent Office. (2026). *Guidelines for Examination in the European Patent Office: G-II-3.3.1 Artificial intelligence and machine learning*.
44. Flagstad, Ø. (2026). Copyright Laws and Regulations Norway 2026. *International Comparative Legal Guides (ICLG)*. [URL](#)
45. Germain, I. (2026). *Article 1242 du code civil : la responsabilité du fait des choses. Cours de droit*. [URL](#)
46. Germain, I. (2026). *La notion de gardien de la chose dans la responsabilité du fait des choses. Cours de droit*. [URL](#)
47. Gillan, I. P., Knuth, R. D. (2025). Benavides v. Tesla: A defense-side perspective on Florida's landmark Autopilot verdict. *WSHB Law*. [URL](#)
48. Goudkamp, J., Nolan, D. (2020). *Winfield and Jolowicz on tort (20th ed.)*. Sweet & Maxwell.
49. GovData. (2025). *Datenlizenzen*. [URL](#)
50. Greco, A. R., Seusing, C. J. (2026). Algorithmic harm and generative AI: Tort exposure at the edge of emerging technology. *WSHB Law*. [URL](#)
51. Greenberg, D. S., Heilman, K., Schlaferman, H. Z. (2026). Federal court orders broad discovery against UHC in AI coverage denial lawsuit. *ArentFox Schiff*. [URL](#)
52. Hackbarth, C., Hess, C., Lober, A., Klein, S., Komninos, J., Kriebel, L., Müller, P., Müller-Machwirth, G., Münchbach, B., & Ropel, W. (2024). The law of artificial intelligence in the EU and Germany. *ADVANT Beiten*.
53. Hae-Rin, L. (2025). Broadcasters sue Naver for copyright violations. *Korea Times*. [URL](#)
54. Hagens Berman. (2026). *Lawsuit filed against OpenAI following murder-suicide in Connecticut*. [URL](#)
55. Hagens Berman. (2026). *OpenAI ChatGPT wrongful death claim*. [URL](#)
56. Haugo, M. (2024). *Generative Artificial Intelligence vs. Copyright*. Norwegian Industrial Property Office.
57. Hervieu, M. (2019). Méfaits de la chose. *Dalloz Étudiant*. [URL](#)
58. Holder, C., McDonald, B. (2026). *What is the impact of agentic AI on English contract law? Brown Jacobson*. [URL](#)
59. Htin, N. M. (2026). Redefining the standard of human oversight for AI negligence. *Harvard Journal of Law & Technology Digest*. [URL](#)
60. Hugenholtz, P. B., Quintais, J. P. (2021). Copyright and artificial creation: Does EU copyright law protect AI-assisted output? *IIC*, 52, 1190–1216. [URL](#)
61. Humanoid Liability Law. (2025). *UnitedHealth nH Predict AI denial class action: Estate of Lokken v. UnitedHealth Group*. [URL](#)
62. Infocomm Media Development Authority & Personal Data Protection Commission (2020). *Model Artificial Intelligence Governance Framework (2nd ed.)* [URL](#)

63. Infocomm Media Development Authority. (2026). *Discussion paper on legal responsibility for AI agents*.
64. Jansen, N. (2021). *The Structure of Tort Law*. Oxford University Press.
65. Jhanvi Deleep, J., & Team A. (n.d.). Copyright in an Artificial Intelligence (AI) World: Who Owns Creativity When It Is Automated? *Alketbi Law*. [URL](#)
66. Jones, M. A., Dugdale, A. M., Simpson, M. (2018). *Clerk and Lindsell on torts (22nd ed.)*. Sweet & Maxwell.
67. Kalhor-Witzel, R (2025). Machine-readable opt-outs and AI training: Hamburg Court clarifies copyright exceptions. *Inside Tech Law*. [URL](#)
68. Karttunen, S. (2026). The Danish approach to copyright and deepfakes: A model for the EU? (EPRS At a glance, PE 782.611). *European Parliamentary Research Service*. [URL](#)
69. Kin, L.C., Chen A. S-A., Seah, C. (2026). AI, machine learning & big data laws and regulations 2026 – Singapore. *Global Legal Insights*. [URL](#)
70. Kociok, C. A., Seifert, R., Müller, J. (2026). New German product liability regime: Broader scope, potentially higher exposure. *Greenberg Traurig*. [URL](#)
71. Kolodny, L. (2026). Tesla loses bid to toss \$243 million verdict in fatal Autopilot crash suit. *CNBC*. [URL](#)
72. Kotz, C. G. (2019). Verletzung des Rechts am eigenen Bild – Erkennbarkeit der abgebildeten Person. *Kanzlei Kotz*. [URL](#)
73. Kretschmer, M., Margoni, T., Oruç, P. (2024). Copyright law and the lifecycle of machine learning models. *IIC*, 55, 110–138. [URL](#)
74. Lee, P. (2026). Korea's Terrestrial Broadcasters Sue OpenAI Over Alleged Copyright Infringement. *AlphaBiz*. [URL](#)
75. Lemann, A. (2025). Jury awards \$242 million in first verdict against Tesla. *Marquette University Law School Faculty Blog*. [URL](#)
76. Liang, I. (2026). Hangzhou “AI hallucination” case: Key takeaways on duty of care for generative AI providers operating in China. *Gowling WLG*. [URL](#)
77. Lior, A. (2024). Holding AI accountable: Addressing AI-related harms through existing tort doctrines. *The University of Chicago Law Review Online*. [URL](#)
78. Lukas, A. J. F. (2021). Willenserklärungen und Vertragsschluss selbststeuernder Systeme in der Industrie 4.0: Problematik und Handlungsempfehlungen für die betriebliche Praxis. *LR*. [URL](#)
79. Mangematin, C. (2022). À la recherche des conditions de la responsabilité du fait des choses. Lexbase. *Le Quotidien*. [URL](#)
80. Mangematin, C. (2022). Droit de la responsabilité civile et l'intelligence artificielle. In A. Mendoza-Caminade (Ed.), *L'entreprise et l'intelligence artificielle – Les réponses du droit*. Presses de l'Université Toulouse Capitole. [URL](#)
81. Margoni, T., Kretschmer, M. (2022). A deeper look into the EU text and data mining exceptions: Harmonisation, data ownership, and the future of technology. *GRUR International*, 71(8), 685–701. [URL](#)
82. McBride, N. J., Bagshaw, R. (2024). *Tort law (7th ed.)*. Pearson.

83. Ministry of Culture, Sports and Tourism of the Republic of Korea & Korea Copyright Commission. (2023). *Guide on Generative AI and Copyright*.
84. Ministry of Culture, Sports and Tourism of the Republic of Korea & Korea Copyright Commission. (2025). *Guide to Copyright Registration for Generative AI-Assisted Works*.
85. Mishra, B. (2025). Indian Copyright Act won't apply in dispute with ANI: OpenAI to Delhi HC. *Business Standard*. [URL](#)
86. MMLC Group. (2026). *China releases rules for AI "human-like" emotional interaction services*. [URL](#)
87. Mortimer, C. (2025). "No takesies backsies": How Canadian commercial law will situate artificial intelligence systems and their ability to contract. *University of Toronto Faculty of Law Review*, 83(1), 85. [URL](#)
88. Mysoor, P. (2020). When the infringer is a contractual licensee. *European Intellectual Property Review*. [URL](#)
89. National Highway Traffic Safety Administration. (2024). ODI resume: Investigation EA22002 – Autopilot system driver controls. U.S. Department of Transportation. [URL](#)
90. Neubauer, A., Wynn, M., Bown, R. (2026). AI, authorship, copyright, and human originality. *Encyclopedia*, 6(1), Article 9. [URL](#)
91. Neumann, S. (2025). ChatGPT drove paranoid man to murder mother, complaint alleges. *People*. [URL](#)
92. Neuraking (2025). *Copyright Plan for AI in India: Legal and Technical Challenges*. [URL](#)
93. Neuro.ee (2026). Сенат США приблизил проверку возраста для ИИ-чатботов: дети могут потерять доступ, взрослые – анонимность. *Neuro.ee* [URL](#)
94. Novelli, C., Casolari, F., Hacker, P., Spedicato, G., Floridi, L. (2024). Generative AI in EU law: Liability, privacy, intellectual property, and cybersecurity. *Computer Law & Security Review*, 55, Article 106066. [URL](#)
95. Obuno, Y. (2022). What happened to the Japanese man who "married" virtual character Hatsune Miku? *The Mainichi*. [URL](#)
96. Oprysk, L., Ducato, R. (2024). Input on the consultation on the proposed changes to the Norwegian Copyright Act (Implementation of Directive (EU) 2019/790 and Directive 2019/789), implementing the text and data mining (TDM) exceptions. *SSRN Electronic Journal*.
97. Ortutay, B. (2025). OpenAI faces 7 lawsuits claiming ChatGPT drove people to suicide, delusions. *AP News*. [URL](#)
98. Patishman, H. (2025) *Global Legal Actions Against AI Deepfakes: Five Laws of 2025*. [URL](#)
99. Rodrigues, R., Fernandes, D. (2025). Artificial intelligence and digital civil law: Brazil's Civil Code reform. *RWA Law*. [URL](#)
100. Ryan, K. E., Vance, G., & Boley, T. B. (2025). 2025 State AI Laws Expand Liability, Raise Insurance Risks. *Law360*.
101. Ryan, K. E., Vance, G., Boley, T. B. (2026). How Justices' GEO ruling resets gov't contractor litigation. *Wiley*. [URL](#)
102. Sardain, F. (2025). La responsabilité civile du fait de l'intelligence artificielle. *Option Finance*. [URL](#)

103. Sathyanathan M. (2025). AI, Copyright, and Moral Rights: Legal Challenges for Authors in the Digital Era. *International Journal for Legal Research and Analysis*, 2(7), 5-18.
104. Sayidali, R. (2025). What the Megan Garcia case tells us about AI liability in the U.S. RAILS Blog. [URL](#)
105. Schmoeckel, M., Rückert, J., Zimmermann, R. (Eds.). (2013). Historisch-kritischer Kommentar zum BGB (Vol. 3: Schuldrecht. Besonderer Teil). *Mohr Siebeck*.
106. Schuster, F., Grützmacher, M. (Eds.). (2020). IT-Recht Kommentar: EU-Recht, nationales Recht, besondere Vertragsbedingungen. *Verlag Dr. Otto Schmidt*.
107. Sharkey, C. M. (2024). Products liability for artificial intelligence. *Lawfare*. [URL](#)
108. Singh, A. P. (2026). Artificial intelligence and legal liability: Challenges and the way forward in Indian law. *Record of Law*.
109. Smith, G., Stanley, K. D., Marcinek, K., Cormarie, P., Gunashekar, S. (2024). Liability for harms from AI systems: The application of U.S. tort law and liability to harms from artificial intelligence systems. *RAND Corporation*.
110. Spindler, G., Schuster, F., Kaesling, C. (2026). Recht der elektronischen Medien (5th ed.). *Verlag C.H. Beck*. [URL](#)
111. Spirit Legal. (2025). *Press release: Class actions filed against TikTok and X in Germany: A test for the DSA, GDPR, and AI Act*. [URL](#)
112. State of Israel Ministry of Justice, Legislation and Legal Counsel (Civil Law). (2022). *Opinion: Uses of copyrighted materials for machine learning*.
113. Stern, D., Greenwood, D. (2025). *From fine print to machine code: How AI agents are rewriting the rules of engagement: Part 1 of 3*. [URL](#)
114. Supreme Court of Singapore. (2024). *Guide on the use of generative artificial intelligence tools by court users*. *Singapore Judiciary*. [URL](#)
115. Syndicat national de l'édition. (2025). *Unis, auteurs et éditeurs assignent Meta pour imposer le respect du droit d'auteur aux développeurs d'outils d'intelligence artificielle générative*. [URL](#)
116. Tan, D. (2023) Generative AI and Authorship in Copyright Law. *Centre for Technology, Robotics, Artificial Intelligence & the Law (TRAIL), National University of Singapore*. [URL](#)
117. The White House. (2025). *America's AI Action Plan*. [URL](#)
118. U.S. Copyright Office. (1998). *Summary of the Digital Millennium Copyright Act of 1998*. [URL](#)
119. U.S. Copyright Office. (2023). *Zarya of the Dawn (Registration Decision)*. *Library of Congress*. [URL](#)
120. U.S. Copyright Office. (2025). Copyright and Artificial Intelligence, Part 2: Copyrightability. *Library of Congress*. [URL](#)
121. U.S. *Final Report of The National Commission on New Technological Uses of Copyrighted Works 3, 4* (1978), p. 45. [URL](#)
122. UK Jurisdiction Taskforce (2026). *Consultation on the Legal Statement on Liability for AI Harms under the private law of England and Wales*.
123. United States Patent and Trademark Office. (2025). *AI Strategy*. [URL](#)

124. Vial, J.-P. (2013). Responsabilité du fait des choses. Le club conserve la garde du palet. *Institut ISBL*. [URL](#)
125. von Bar, C. (1998). The common European law of torts (Vol. 1). *Clarendon Press*.
126. Wininger, A. (2025). China's Supreme People's Court designates generative AI case as typical. *China IP Law Update*. [URL](#)
127. Wininger, A. (2025). Early jurisprudence from Beijing on the intersection of artificial intelligence, copyright and personality rights. *China IP Law Update*.
128. Yates, D., Fawcett, A., Alexander, N., Al Zadjali, F., Qudah, B. (2025). United Arab Emirates: Artificial intelligence. In Legal 500 Country Comparative Guides. *Legal 500*. [URL](#)
129. Yunting, Y. (2025). How Will NVIDIA's Purchase of Pirated Content to Train AI Be Characterized Under Chinese Law? *China IP Law*. [URL](#)
130. Zirpoli, C. T. (2024). Artificial Intelligence Prompts Renewed Consideration of a Federal Right of Publicity. *Congressional Research Service*. [URL](#)
131. מידע אבטחת סיכונים לניהול עקרונות (Privacy Protection Authority). (2024). פתוח בקוד בשימוש [Principles for Managing Information Security Risks in the Use of Open Source Code].
132. 국가인공지능전략위원회 (Presidential Committee on National AI Strategy). (2025). 대한민국 인공지능행동계획(안) 주요 내용 소개 및 각계각층 의견 수렴 착수 [Introduction to Key Contents of the Republic of Korea's Artificial Intelligence Action Plan (Draft) and Launch of Opinion Collection from All Sectors].
133. 吴广强 (Wu G.). (2026, April 9). AI“数据训练”背景下著作权合理使用认定之规则重塑 [Reshaping the rules for determining fair use of copyright in the context of AI data training]. *163.com*. [URL](#)
134. 吴汉东 (Wu H.). (2024). 数据信息分析合理性认定的版权规则 [Copyright rules for determining the reasonableness of data information analysis]. *中国版权*, (3), 5-19 [URL](#)
135. 开源软件著作权人维权问题研究 – 基于罗盒风灵案的分析 and 展开 (Research on the protection of copyright owners of open source software – based on the analysis and development of the Luobao Fengling case). (n.d.). *ciplawyer.cn*. [URL](#)
136. 张韬略 (Zhang T.). (2025). 使用开源代码训练大模型的著作权法评价 [Copyright evaluation of using open source code to train large models]. *知识产权*, (3). [URL](#)
137. 徐小奔 (Xu X.). (2024). 技术中立视角下人工智能模型训练的著作权合理使用 [Copyright fair use of AI model training from the perspective of technological neutrality]. *法学评论*, 42(4), 86-99. [URL](#)
138. 杭州互联网法院. (2025, December 29). 生成式人工智能“幻觉”侵权纠纷案一审生效 [Generative AI "hallucination" infringement case becomes effective after first instance]. *WeChat Public Platform*. [URL](#)

Приложение 3. Список использованных нормативных актов и их проектов

1. Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений, 9 сентября 1886 года.
2. Германское гражданское уложение.
3. Гражданский кодекс Казахстана.
4. Гражданский кодекс Кыргызстана.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации.
6. Директива (ЕС) 2024/2831 Европейского парламента и Совета от 23 октября 2024 г. об улучшении условий труда в сфере платформенной занятости. [URL](#)
7. Директива (ЕС) 2024/2853 Европейского парламента и Совета от 23 октября 2024 г. об ответственности за дефектную продукцию. [URL](#)
8. Закон КР от 27 января 2006 года № 13 «О расчетном показателе».
9. Закон Кыргызской Республики от 14 января 1998 года № 6 «Об авторском праве и смежных правах». [URL](#)
10. Закон об ИИ Казахстана.
11. Закон Республики Казахстан от 10 июня 1996 года № 6-І «Об авторском праве и смежных правах» (Закон РК об АП и СП). [URL](#)
12. Законопроект Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий ИИ в Российской Федерации». [URL](#)
13. Кодекс КР от 28 октября 2021 года № 127 «Уголовный кодекс Кыргызской Республики».
14. Кодекс Кыргызской Республики о правонарушениях от 28 октября 2021 года № 128.
15. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 года № 235-V.
16. Парижская конвенция по охране промышленной собственности, 20 марта 1883 года.
17. Регламент (ЕС) 2016/679 Европейского парламента и Совета от 27 апреля 2016 г. [URL](#)
18. Регламент (ЕС) 2022/2065 Европейского парламента и Совета от 19 октября 2022 г. о едином рынке цифровых услуг. [URL](#)
19. Французский гражданский кодекс.
20. Цифровой кодекс Казахстана.
21. Цифровой Кодекс Кыргызской Республики от 31 июля 2025 года № 178. [URL](#)
22. ЮНСИТРАЛ. (2025). *Типовой закон ЮНСИТРАЛ об автоматизированном заключении договоров и руководство по его принятию*. [URL](#)
23. Arzneimittelgesetz vom 12. Dezember 2005.
24. Atomgesetz vom 15. Juli 1985.

25. Basic Act on the Development of Artificial Intelligence and the Establishment of a Foundation for Trustworthiness. [URL](#)
26. California Assembly Bill 2602. Contracts against public policy: personal or professional services: digital replicas. [URL](#)
27. California Civil Code. [URL](#)
28. Code de la propriété intellectuelle. [URL](#)
29. Consumer Protection (Consumer Goods Safety Requirements) Regulations.
30. Consumer Rights Act 2015 (United Kingdom).
31. Convention on the Grant of European Patents (European Patent Convention), 1973.
32. Copyright Act 2021. [URL](#)
33. Copyright Act, 2199-2007. [URL](#)
34. Copyright Law of the People's Republic of China. [URL](#)
35. Copyright Law of the United States (Title 17) and Related Laws Contained in Title 17 of the United States Code. [URL](#)
36. Copyright, Designs and Patents Act 1988. [URL](#)
37. Deutscher Bundestag Künstliche Intelligenz und Machine Learning. Eine urheberrechtliche Betrachtung 2018. [URL](#)
38. DIRECTIVE (EU) 2019/790 OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL of 17 April 2019 on copyright and related rights in the Digital Single Market and amending Directives 96/9/EC and 2001/29/EC.
39. DIRECTIVE 2001/29/EC OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL of 22 May 2001 on the harmonisation of certain aspects of copyright and related rights in the information society.
40. DIRECTIVE 2004/48/EC OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL of 29 April 2004 on the enforcement of intellectual property rights.
41. DIRECTIVE 2006/116/EC OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL of 12 December 2006 on the term of protection of copyright and certain related rights.
42. DIRECTIVE 2009/24/EC OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL of 23 April 2009 on the legal protection of computer programs.
43. DIRECTIVE 96/9/EC OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL of 11 March 1996 on the legal protection of databases.
44. Draft guide to enactment of the Model Law on Automated Contracting: Note by the Secretariat, UN Doc. A/CN.9/WG.IV/WP.185 (2024). [URL](#)
45. Electronic Commerce Law of the People's Republic of China (2018). [URL](#)
46. Ensuring Likeness Voice and Image Security (ELVIS) Act. [URL](#)
47. Entwurf eines Gesetzes zur Durchführung der Verordnung (EU) 2024/1689 des Europäischen Parlaments und des Rates vom 13. Juni 2024 zur Festlegung harmonisierter Vorschriften für künstliche Intelligenz und zur Änderung der Verordnungen (EG) Nr. 300/2008. [URL](#)

48. European Commission. (2022). Proposal for a Directive of the European Parliament and of the Council on adapting non-contractual civil liability rules to artificial intelligence (AI Liability Directive) (COM/2022/496 final).
49. European Parliament resolution of 20 October 2020 on intellectual property rights for the development of artificial intelligence technologies (2020/2015(INI)). [URL](#)
50. Federal Decree-Law No. (38) of 2021 on Copyright and Neighboring Rights. [URL](#)
51. Federal Law No. (11) of 2021 on the Regulation and Protection of Industrial Property Rights. [URL](#)
52. Federal Law No. (5) of 1985 concerning the issuance of the civil transactions law of the United Arab Emirates. [URL](#)
53. Information Technology Act 2000 (No. 21 of 2000). [URL](#)
54. KUU Almdel Bilag 232 Lovforslag. [URL](#)
55. LEI N° 10.406, DE 10 DE JANEIRO DE 2002. [URL](#)
56. Loi n° 2024-120 du 19 février 2024 visant à garantir le respect du droit à l'image des enfants. [URL](#)
57. Lov om avslutning av avtaler, om fuldmagt og om ugyldige viljeserklæringer [avtaleloven]. [URL](#)
58. Lov om opphavsrett til åndsverk mv. (åndsverkloven). [URL](#)
59. N.Y. Civil Rights Law. [URL](#)
60. No AI FRAUD Act. [URL](#)
61. NO FAKES Act. [URL](#)
62. Norwegian Digitalisation Agency. (2023). Norwegian Licence for Open Government Data (NLOD) 2.0. [URL](#)
63. Patent Law, 5727-1967. [URL](#)
64. Patents Act 1977. [URL](#)
65. Performers' and Broadcasters' Rights Law, 5744-1984. [URL](#)
66. Produkthaftungsgesetz vom 15. Dezember 1989.
67. Projeto de Lei n° 3592, de 2023 [URL](#)
68. Projeto de Lei n° 4, de 2025. [URL](#)
69. PROJETO DE LEI n° 4 de 2025 (PL 4/2025). Consulta Pública. [URL](#)
70. Regulation (EU) 2022/868 of the European Parliament and of the Council of 30 May 2022 on European data governance and amending Regulation (EU) 2018/1724 (Data Governance Act). [URL](#)
71. Regulation (EU) 2023/988 of the European Parliament and of the Council of 10 May 2023 on general product safety
72. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence.

73. Senate Bill S7676B. [URL](#)
74. Senate Bill S8391. [URL](#)
75. The Copyright Act, 1957. [URL](#)
76. The Copyright and Rights in Databases Regulations 1997. [URL](#)
77. The Indian Contract Act, 1872. [URL](#)
78. The Information Technology Act, 2000. [URL](#)
79. *The Model Artificial Intelligence Law (MAIL) v.2.0 – Multilingual Version*. 16 April 2024. [URL](#)
80. UAE Federal Decree-Law No. 46 of 2021 on Electronic Transactions and Trust Services. [URL](#)
81. UNCITRAL Model Law on Automated Contracting, UN Doc. A/79/17, annex IV (2024). [URL](#)
82. Unfair Contract Terms Act 1977 (United Kingdom).
83. Uniform Law Commission. Electronic Transactions Act. [URL](#)
84. Urheberrechtsgesetz vom 9. September 1965 (BGBl. I S. 1273), das zuletzt durch Artikel 28 des Gesetzes vom 23. Oktober 2024 (BGBl. 2024 I Nr. 323) geändert worden ist.
85. 부정경쟁방지 및 영업비밀보호에 관한 법률 [URL](#)
86. 저작권법 [URL](#)
87. 国家互联网信息办公室. (2026). 国家互联网信息办公室关于《数字虚拟人信息服务管理办法（征求意见稿）》公开征求意见的通知. 浙江举报平台 [URL](#)
88. 生成式人工智能服务管理暂行办法 [URL](#)

Приложение 4. Список использованной судебной практики и решений административных органов

1. *Andersen v. Stability AI Ltd.* District Court, N.D. California. [URL](#)
2. *Anns v Merton London Borough Council* [1978] AC 728 (Anns).
3. *Anthony Malcolm Cork & Anor v Mark Smith* [2026] EWHC 1199. (Ch)
4. *Arabyads Holding Ltd. v. Gulrez Alam Marghoob Alam* [2025] ADGMCFI 0032. [URL](#)
5. *Asia Pacific Publishing Pte Ltd v Pioneers & Leaders (Publishers) Pte Ltd* [2011] SGCA 37. [URL](#)
6. *Bartz et al v. Anthropic PBC*, ORDER ON 122 FAIR USE. Signed by Judge Alsup. Filed on 6/23/2025. [URL](#)
7. Bayerisches Oberstes Landesgericht, Beschluss vom 12.06.2026. [URL](#)
8. *Beijing Film Law Firm v. Beijing Baidu Netcom Science & Technology Co Ltd* (Beijing Internet Court (2018) Jing 0491 Min Chu No. 239). [URL](#)
9. BGH NJW 2000, 2195 – «Marlene Dietrich». [URL](#)
10. BGH, 20.12.2018, I ZR 104/17 – Museumsfotos. [URL](#)
11. Bombay High Court - Arijit Singh vs Codible Ventures Llp on 26 July, 2024. [URL](#)
12. Cass. 2e civ., 5 janvier 1956, Oxygène liquide. [URL](#)
13. Cass. ass. plén., 25 février 2000, Costedoat. [URL](#)
14. Cass. ch. réun., 13 février 1930, Jand'heur. [URL](#)
15. Cass. ch. réun., 2 décembre 1941, Franck.
16. Cass. civ. 1re, 13 novembre 2008, 06-19.021. [URL](#)
17. Cass. civ. 1re, 27 février 2007, 06-10.393. [URL](#)
18. Cass. civ., 16 juin 1896, Teffaine. [URL](#)
19. Cass. civ. 1re, 26 septembre 2019, 17-19.997 17-21.233, Inédit. [URL](#)
20. Création et IA : de la prédation au partage de la valeur Rapport d'information n° 842 (2024–2025), déposé le 9 juillet 2025. [URL](#)
21. Décision n° 24-D-03 du 15 mars 2024 relative au respect des engagements figurant dans la décision de l'Autorité de la concurrence n° 22-D-13 du 21 juin 2022 relative à des pratiques mises en œuvre par Google dans le secteur de la presse. [URL](#)
22. Delhi High Court - *Orders Anil Kapoor vs Simply Life India & Ors* on 20 September, 2023. [URL](#)
23. Delhi High Court - *Titan Industries Ltd. vs M/S Ramkumar Jewellers* on 26 April, 2012. [URL](#)
24. *Donoghue v Stevenson* [1932] A.C. 562.
25. *Douglas v Hello! Ltd; OBG Ltd v Allan; Mainstream Properties Ltd v Young* [2007] UKHL 21. [URL](#)
26. *Eastern Book Company & Ors. v. D.B. Modak & Anr.* on 12 December, 2007. [URL](#)
27. *Feist Publications, Inc. v. Rural Tel. Serv. Co.*, 499 U.S. 340 (1991).

28. *Fenty v Arcadia Group Brands Ltd* (t/a Topshop) [2013] EWHC 2310 (Ch).
29. *Getty Images (US) Inc & Ors v. Stability AI Ltd* [2025] EWHC 2863 (Ch). [URL](#)
30. *Global Yellow Pages Ltd v. Promedia Directories Pte Ltd* [2017] SGCA 28. [URL](#)
31. *Grant v Australian Knitting Mills* [1936] A.C. 85.
32. *JACOBSEN V KATZER*, No. 09-1221 (Fed. Cir. 2009). [URL](#)
33. Japan JP012-j 2009 (Ju) 2056, Minshu Vol.66, No.2. [URL](#)
34. Judgment of the Court (Fourth Chamber) of 16 July 2009. *Infopaq International A/S v Danske Dagblades Forening*. Case C-5/08. [URL](#)
35. Judgment of the Court (Third Chamber) of 1 December 2011. *Eva-Maria Painer v Standard VerlagsGmbH and Others*. Case C-145/10. [URL](#)
36. Judgment of the Court (Third Chamber) of 11 April 2024, *GP v juris GmbH*, C-741/21, EU:C:2024:304.
37. Judgment of the Court (Third Chamber), 1 March 2012. *Football Dataco Ltd and Others v Yahoo! UK Ltd and Others*. Case C-604/10. [URL](#)
38. Judgment of the Court of 25 April 2002, *Commission v France*, C-52/00, EU:C:2002:252. [URL](#)
39. *Kadrey et al v. Meta Platforms, Inc.*, No. 3:2023cv03417 - Document 598 (N.D. Cal. 2025). [URL](#)
40. *Ko v Li* [2025] ONSC 2766.
41. *Lee, H. Y., & Kim, R. H.* (2024). High Court Reaffirms Artificial Intelligence (AI) Cannot Be an Inventor in Korea. Kim & Chang. [URL](#)
42. *Lehrman v. Lovo, Inc.*, 790 F. Supp. 3d 348 (S.D.N.Y. 2025).
43. LG Berlin II, Urteil vom 20.08.2025 – 2 O 202/24. [URL](#)
44. LG München I, Endurteil v. 11.11.2025 – 42 O 14139/24.
45. *Li v. Liu* (Beijing Internet Court (2023) Jing 0491 Min Chu No. 11279). [URL](#)
46. *MADEY v. DUKE UNIVERSITY*, N° 01-1567. (Fed. Cir. 2002). [URL](#)
47. *Midler v. Ford Motor Co.*, 849 F.2d 460 (9th Cir. 1988). [URL](#)
48. *Mobley v. Workday, Inc.*, No. 4:23-cv-04970 (N.D. Cal. July 12, 2024). [URL](#)
49. *Monsanto Co v. Stauffer Chemical Co* [1985] RPC 515.
50. *Quoine Pte Ltd v. B2C2 Ltd*, [2020] SGCA(I) 03552. [URL](#)
51. *R (Ayinde) v London Borough of Haringey and Al-Haroun v Qatar National Bank* [2025] EWHC 1383.
52. *Raphael Folarin v The Immigration Services Commissioner* [2026] UKFTT 135 (GRC).
53. REsp 1.794.991-SE (STJ, 2020). [URL](#)
54. *Shenzhen Tencent Computer System Co Ltd v. Shanghai Yingxun Technology Co Ltd* (Nanshan District People's Court) (2019) Case No. Y0305MC No. 14010. [URL](#)
55. *Sid & Marty Krofft Television v. McDonald's Corp.*, 562 F. 2d 1157. [URL](#)

56. *Spandek Engineering (S) Pte Ltd v Defence Science & Technology Agency* [2007] 4 SLR (R) 100.
57. *State Farm Mutual Automobile Insurance Company, A corporation v. Alfred E. Bockhorst et al.* 453 F.2d 533 (10th Cir. 1972). [URL](#)
58. Tel Aviv-Jaffa District Court. Miscellaneous Appeal – Civil 33353-05-23 *Thaler v. Registrar of Patents, Designs and Trademarks*. [URL](#)
59. *Thaler v. Comptroller-General of Patents, Designs and Trade Marks* [2023] UKSC 49. [URL](#)
60. *Thaler v. Perlmutter*, No. 23-5233 (D.C. Cir. 2025). [URL](#)
61. *Thaler v. Vidal*. 43 F.4th 1207, 1210 (Fed. Cir. 2022). [URL](#)
62. *Thomson Reuters Enterprise Centre GmbH et al v. ROSS Intelligence Inc.*, No. 1:2020cv00613 - Document 547 (D. Del. 2023). [URL](#)
63. *Tom Waits v. Frito-lay, Inc.; Tracy-locke, Inc.*, 978 F.2d 1093 (9th Cir. 1992). [URL](#)
64. *Tremblay v. OpenAI, Inc* District Court, S.D. New York. [URL](#)
65. Tribunal administratif d'Orléans, jugement n° 2506461, 29 décembre 2025. [URL](#)
66. Tribunal administratif de Grenoble, jugement n° 2509827, 3 décembre 2025. [URL](#)
67. Tribunal de grande instance de Paris, 19 mai 1982 (Arrêt Maria Callas). [URL](#)
68. *Warner-Jenkinson Co. v. Hilton Davis Chemical Co.*, 520 U.S. 17 (1997). [URL](#)
69. *White v. Samsung Electronics America, Inc.*, 971 F.2d 1395 (9th Cir. 1992). [URL](#)
70. *Xiao-I Robot v. Apple* (2012–2026). [URL](#)
71. *Yin v. Beijing AI Technology Company et al.*, (2023) Jing 0491 Min Chu No. 12142, Beijing Internet Court, April 23, 2024. [URL](#)
72. *Zacchini v. Scripps-Howard Broadcasting Co.*, 433 U.S. 562 (1977). [URL](#)
73. Информационный бюллетень судебной практики № 606 от 02.08.2017 [REsp 1.630.851/SP]. [URL](#)

Центр международных и сравнительно-правовых исследований
119017 Россия, г. Москва, Кадашёвская набережная, д. 14, к. 3
info@iclr.ru; www.iclr.ru

ISBN 978-5-6030122-3-0

